Валентин Александрович Рунов
Дуэль Верховных Главнокомандующих. Сталин против Гитлера

«Дуэль Верховных Главнокомандующих. Сталин против Гитлера»: Яуза; 2013
ISBN 978-5-457-12540-7

Аннотация

Их принято считать «военными неучами» и «бездарными главнокомандующими», виновными в «упущенных победах», разгромах и потерях своих армий. Им отказывают в стратегическом даре и звании военачальников, обвиняя в непростительных ошибках, вопиющих просчетах и военных преступлениях.Заслуживают ли Сталин и Гитлер столь уничижительных оценок? Одержал бы Вермахт свои громкие победы без авантюрной смелости, неординарных решений, бешеного везения и стратегических прозрений Гитлера? Выстояла бы Красная Армия без железной воли, феноменального чутья и самоотверженности Сталина, умевшего быть беспощадным не только к другим, но и к самому себе? Правда ли, что СССР выиграл войну вопреки Верховному – или все же благодаря ему?Эта сенсационная книга впервые анализирует деятельность обоих главкомов объективно и беспристрастно, без оглядки на цензуру, идеологических шор и дежурных проклятий. Сталин против Гитлера! Советский Вождь против нацистского фюрера! Русская стойкость против германской доблести! Беспощадная дуэль Верховных Главнокомандующих!

Валентин Александрович Рунов
Дуэль верховных главнокомандующих. Сталин против Гитлера

Введение

Каждое столетие человеческой истории выдвигает своих лидеров, имена которых становятся известными во всем мире. В историю XVIII века вошли имена Петра Великого, Фридриха II, Робеспьера, Марата, Екатерины II. XIX век остался в истории как век Наполеона Бонапарта. А. Гитлер и И.В. Сталин определены как две самые одиозные фигуры XX столетия. О каждом из них написано много книг, сняты многочисленные художественные и документальные фильмы. Каждый из этих людей «заклеймен» конкретными преступлениями при том, что отмечены их исключительно высокие организаторские способности и достижения.

Человечество развивается по спирали, каждый виток которой означает новую ступень развития. Но движение по этой спирали не равнозначное: от изобретения колеса до создания на базе этого колеса паровой машины прошли тысячелетия, от первой паровой машины до двигателя внутреннего сгорания – немногим более ста лет. Десятилетия потребовались для проникновения в тайны атомной энергии, создания летающих космических аппаратов и всеобщей компьютеризации человечества. При такой скорости прогресса о том, что произойдет в следующем десятилетии и даже в следующем году, предположить очень трудно. Но человечество хранит в своей памяти имена Д. Уиттома, Т. Ньюкомена и И. И. Ползунова, которые стали создателями первой паровой машины…

XX век стал очень богатым на исторические события. Именно в это столетие человек подчинил себе термоядерную энергию, полетел в космос, максимально приблизился к созданию радиоэлектронного разума. Но этот век также стал памятен и двумя мировыми войнами, из которых Вторая мировая война (1939–1945 гг.) стала самой масштабной и самой разрушительной за всю историю человечества. События этой войны подняли на гребень истории многие имена, но наиболее громко прозвучали имена Адольфа Гитлера и Иосифа Виссарионовича Сталина.

За последние десятилетия о Гитлере и Сталине написано очень много, и, казалось бы, уже известно все, и трудно добавить что-то принципиально новое. Лучшее, на что может рассчитывать любой исследователь, это то, что в процессе его работы могут всплыть только какие-то новые незначительные эпизоды, неизвестные ранее. И по большому счету с этим нельзя не согласиться.

В то же время остаются неизученными ряд больших проблем, связанных не столько с этими двумя личностями, сколько с тем временем, которое они представляли. Кто даст исчерпывающие ответы на такие вопросы:

1. В чем истинные причины войны между Германией и СССР? Почему Германия, имевшая горький опыт Первой мировой войны на два фронта, в 1941 году снова решилась на такой же шаг?

2. Почему Советский Союз, располагавший мощной зарубежной агентурой, имевший сведения о развертывании немецких войск у границы СССР, оказался совершенно неготовым к отражению вражеской агрессии?

Отвечать на эти вопросы брались многие историки, подходили к ним с различных направлений, и ответы многих звучали достаточно убедительно. Договорились даже до того, что А. Гитлер был ненормальным в психическом отношении человеком, а И.В. Сталин сознательно делал все, чтобы навредить своему народу. Думаю, это совершенно не соответствует действительности, и дело только в том, что над обычными исторической логикой и математическими расчетами господствовало нечто высшее – экономика и

политика, границы которых значительно выходили за пределы Советского Союза и Германии.

* * *

Я родился в семье офицера-фронтовика, который Великую Отечественную войну встретил на Западной Украине под Тернополем в составе штаба Киевского Особого военного округа. Затем он с боями в составе своего подразделения отступал до Киева, оборонял этот город, в числе немногих вырвался из страшного киевского котла, поглотившего около 600 тысяч его товарищей. Более того, его взвод связи случайно оказался на небольшой станции Сенча под Лохвицей, в районе которой сомкнулось вражеское кольцо, и двое суток героически удерживал коридор для выхода своих войск. (После войны этому факту была посвящена специальная экспозиция сенченского школьного музея, которую в 90-е годы разобрали «ввиду неактуальности».) Позже он испытал все ужасы боев под Харьковом и под Сталинградом, несколько раз был ранен и в строю встретил победный 1945 год.

Затем детские и юношеские годы я провел на Украине. Я постоянно общался с участниками не так давно закончившейся Великой Отечественной войны, неоднократно бывал на местах боев, видел осыпавшиеся от времени окопы, находил тронутое ржавчиной оружие и боеприпасы, принимал участие в перезахоронении останков советских воинов, открытии обелисков над их могилами. Перед нами часто выступали участники боев Великой Отечественной войны, труженики тыла. Мне хорошо запомнились их рассказы, грамотно построенные в духе коммунистической идеологии, хорошо отрепетированные многократными повторениями. Мы, дети, слушали их с огромным вниманием и, играя в войну, категорически отказывались выполнять роль «немцев».

Но еще больше мне запомнились другие рассказы или даже обычные разговоры, которые часто вели израненные войной люди. В 50-е и даже 60-е годы на улицах моего родного города встречалось очень много калек, инвалидов без рук или ног, людей с глубокими шрамами на теле. Тихими летними вечерами они обычно собирались где-нибудь во дворе, стучали домино и вели неторопливые разговоры о войне. Меня поражало то, что эти люди спокойно говорили о гибели товарищей, о своих ранах, о тяжелом отступлении, о других невзгодах и лишениях, выпавших на их долю, и никогда не винили в этом И. В. Сталина, а имя А. Гитлера вспоминали очень редко. Это были рабочие войны, которые к своему нелегкому делу относились с большим пониманием и даже с любовью и, как это ни казалось в то время странным, – с уважением к противнику.

Тема трагедии 1941 года обсуждалась крайне редко. Факт внезапного нападения и численного превосходства Германии над Советским Союзом не оспаривался. Но помню, как однажды я вместе с отцом и несколькими его товарищами-фронтовиками выехал на рыбалку на Южный Буг. Рыбачили в той местности, где до войны был построен укрепленный район, опиравшийся на эту реку как на естественную преграду. И тогда я впервые услышал от фронтовиков, видимо, давно мучивший их вопрос: «Как могло случиться так, что менее чем за месяц фашисты дошли до Киева, преодолев две линии укрепленных районов, и почему практически на произвол судьбы были брошены лучшие армии Юго-Западного фронта?» И тогда я услышал очень поразивший меня ответ: «Военачальники в немецкой армии были лучше, чем в РККА, а солдаты более образованные и дисциплинированные». Это было первое для меня откровение, которое заставило посмотреть на прошедшую войну как на противоборство специалистов, хотя и после этого мое отношение к фашистам оставалось прежним.

В начале 70-х годов я учился в Киевском общевойсковом командном училище. Для проведения занятий по тактике нас часто вывозили за город, в места, где до войны располагался Киевский укрепленный район. В то время еще хорошо сохранились многие железобетонные долговременные огневые сооружения, которые мы с интересом рассматривали. Мы, курсанты, поражались толщине стен этих дотов и тому, что ни на одном

из них не находили следов боевых повреждений. Наконец и преподаватель, уже пожилой подполковник – участник Великой Отечественной войны, обратил на это внимание и в сердцах бросил тогда совсем непонятную для нас фразу: «Не на то силы и средства тратили!»

Став офицером, я служил в Прикарпатском военном округе и много раз участвовал в учениях, проходивших в районе Львова, Ровно, Луцка. В июне 1941 года в тех местах оборонялись войска 5-й и 6-й армий Юго-Западного фронта, и еще были живы многие люди – свидетели приграничных сражений. Затем моя служба проходила в Хмельницком (бывший Проскуров). По делам службы я не раз бывал в Могилев-Подольском, Староконстантинове, Летичеве, Виннице, Тульчине, Жмеринке, Казатине, Бердичеве и других городах, названия которых неоднократно упоминались в боевых документах штаба Юго-Западного фронта. Я много раз выезжал на линии укрепленных районов по старой (до 1939 года) и новой границе Советского Союза, в каждом городе я видел следы войны и встречал людей, свидетелей событий огненного лета 1941 года. Рассказы многих из них поражали меня своим откровением, которое зачастую не вписывалось в официальную историю Великой Отечественной войны.

Позже, уже став профессиональным военным историком, я, конечно же, не мог не изучить имевшиеся документы, связанные с трагедией лета 1941 года и другими периодами Великой Отечественной войны. К тому времени в русле «нового мышления» уже начали меняться некоторые оценки исторических событий, и на прилавках книжных магазинов неожиданно появилось много критических трудов и откровенно заказных работ. Советский период истории, все, связанное с именем И.В. Сталина, начали подаваться исключительно в черном цвете. Подрастающая молодежь окончательно запуталась в противоречивых оценках и… перестала интересоваться отечественной историей. На первый план пришли другие жизненные ценности.

Я преподавал историю военного искусства в Военной академии имени М. В. Фрунзе. В коллективе нашей кафедры трудилось еще много офицеров-ученых, которые постоянно работали в архивах и больше верили документам, чем словам некоторых политиков. Личности И.В. Сталина и А. Гитлера ими чаще всего рассматривались через призму конкретных дел и оценивались по их результатам. Но должен признать, что ни один из этих лидеров особым авторитетом не пользовался.

В конце 80-х работать на нашу кафедру пришел полковник Е.Я. Джугашвили – внук И.В. Сталина по сыну Якову. Мне довелось проработать с ним в одном коллективе около пяти лет. Вполне понятно, что с приходом этого человека, которого, кстати, нельзя было назвать ярым сталинистом, интерес научно-педагогического коллектива к личности И.В. Сталина заметно вырос.

По роду деятельности мы занимались изучением и анализом конкретных операций и боев, преимущественно периода Великой Отечественной войны, которые затем преподавались слушателям. И всякий раз, изучая в архиве конкретные оперативные документы, мы должны были уяснить, в какой общей стратегической обстановке они создавались, какие цели преследовали и что было сделано руководством страны и РККА для их успешного выполнения. Поэтому военная работа И.В. Сталина, Политбюро, Верховного главного командования постоянно получала довольно объективные оценки.

В начале 90-х годов по инициативе бывшего начальника Института военной истории Министерства обороны теперь уже Российской Федерации Д.А. Волкогонова была поднята новая волна критики И.В. Сталина. Началась ревизия причин, хода и результатов Великой Отечественной войны. Нашей кафедре было поручено принять участие в этой работе. Впервые были рассекречены хранящиеся в Подольске военные архивы вермахта, на книжных полках появились новые литературные «труды» и новые «исторические исследования». Поднялась новая волна демагогии, грозящая захлестнуть проверенные документами факты отечественной истории и истории Великой Отечественной войны. Вскоре эта волна достигла и стен Военной академии, начала проникать и в слушательские

аудитории. Работать в таких условиях стало очень трудно.

Параллельно с неконтролируемым разгулом различной непроверенной информации самой сомнительной направленности на кафедре началась кадровая текучка. В приказном порядке увольнялись ученые-преподаватели с 15– 20-летним стажем. На смену им приходили молодые офицеры, которые, едва освоив основы военно-научной и преподавательской работы, увольнялись по организационно-штатным мероприятиям или добровольно уходили в бизнес. На смену им приходили новые люди, уже не прошедшие должной школы. В связи с этим научный и педагогический потенциал одного из основных военно-исторических коллективов страны начал неудержимо падать. В такой обстановке довелось отметить 60-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Годовщина 65-летия Великой Победы для отечественных военных историков была отмечена несколькими «знаменательными» событиями. Были ликвидированы три основных военно-исторических центра в стране: Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации, кафедры истории военного искусства Военной академии Генерального штаба и Общевойсковой академии (бывшей Военной академии имени М.В. Фрунзе). И хотя задачи по разработке новых военно-исторических трудов на основе архивных документов и объективного анализа исторических событий были оставлены в силе, правомерно встает вопрос: кто будет выполнять эту работу и каким будет ее качество?

В данной книге я не берусь открыть какие-то новые тайные страницы истории Великой Отечественной войны, биографий А. Гитлера и И.В. Сталина, точно так же как и ввести в оборот совершенно неизвестные ранее документы. Также меня мало интересует политическая деятельность указанных вождей, истинные корни которой надежно спрятаны в секретных архивах ряда министерств иностранных дел или даже уничтожены. Меня интересует военная составляющая той большой и многоплановой работы, которая была проделана лидерами основных воюющих стран – СССР и Германии – во имя достижения победы в самой крупной войне в истории человечества и которая так или иначе нашла свое выражение в конкретных операциях, акциях, фактах и цифрах. И еще – я хочу поделиться своими личными впечатлениями от того, что довелось узнать в процессе жизни и службы по указанной теме.

Борьба за власть

Власть не приходит сама по себе. Власть – это плод тяжелой и длительной борьбы в политической, экономической, духовной сферах. Не каждому человеку дано ввязаться в такую борьбу и, тем более, выиграть ее. На это требуются длительное время, силы и средства. Борьба за власть чаще всего ведется в жестких формах, когда стороны не брезгуют ничем ради победы. В ход идут ложь, шантаж, подкуп и даже физическая расправа. И это касается не только противников. Нередко это безжалостное оружие обращается и против соратников, которые в какой-то момент борьбы становятся опасными как носители компрометирующей информации.

Но бывают моменты, когда власть приходит к человеку только потому, что в нужное время он оказался в нужном месте. Чаще всего это бывает во времена революции, когда на смену одним лидерам приходят другие. Тогда происходит смена всей «команды», и образовавшиеся вакансии быстро заполняются людьми, в то время оказавшимися рядом с лидером. Чаще всего такие назначения носят временный характер, так как борьба за власть разгорается уже в окружении нового лидера и «революция пожирает своих детей».

Но в истории имеют место случаи, когда человек, сделав борьбу за власть смыслом своей жизни, достигал в этом больших успехов. Это в полной мере касалось И.В. Сталина и А. Гитлера.

Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили) родился 9 (21) декабря 1879 года в грузинском городе Гори в семье кустаря-сапожника. В 15 лет он окончил Горийское духовное училище и поступил в Тифлисскую духовную семинарию. Позже в его биографии

было записано, что Иосиф Джугашвили был исключен за революционную деятельность в 1899 году. Исследователи разных времен об этой революционной деятельности писали немало, от положительных умозаключений до прямых обвинений в терроризме и сотрудничестве с полицией. Прямых доказательств ни те, ни другие не предъявили, поэтому я не стану развивать эту тему. Тем более что она не имеет прямого отношения к избранной теме.

Остановлюсь на сухих фактах. Активный участник революционных событий 1905–1907 годов в Закавказье, Иосиф Сталин, находясь с 1908 года в ссылке, в январе 1912 года по предложению В.И. Ленина на IV (Пражской) конференции РСДРП был заочно введен в члены ЦК и Русское бюро ЦК РСДРП. Данный факт говорит о том, что В.И. Ленину была хорошо известна партийная деятельность И.В. Сталина.

Сам Иосиф только через месяц узнал о своем избрании в высшие органы руководства большевистской партии от специально приехавшего в Вологду Орджоникидзе и сразу же совершает побег. Он приезжает в Петербург, но через неделю – новый арест и ссылка в Нарымский край. И снова побег, возвращение в столицу, жизнь нелегала, поездки к Ленину в Прагу, посещение Вены, где встретился с Н.И. Бухариным и Л.Д. Троцким. В Вене он написал статью «Марксизм и национальный вопрос», которая вышла в свет отдельной брошюрой в 1914 году и приобрела широкую известность среди марксистов.

В начале февраля 1913 года Сталин после очередной встречи с Лениным в Кракове вернулся в Петербург, где снова был арестован и приговорен к ссылке в Туруханский край сроком на четыре года. В декабре 1916 года местными властями было принято решение о мобилизации Иосифа в армию, и по этапу он был отправлен в Красноярск на призывную комиссию, но та забраковала его по состоянию здоровья. В Красноярске И.В. Сталин узнал об отречении императора и произошедшей в России буржуазной революции, подарившей ему свободу.

И.В. Сталин сразу же воспользовался предоставленной возможностью и 12 марта 1917 года вместе с Каменевым прибыл в Петроград, где они сразу же взяли в свои руки руководство Русским бюро и газетой «Правда». В результате этого И.В. Сталин фактически стал во главе большевиков Петрограда.

3 апреля в Петроград прибыл В.И. Ленин. На апрельской конференции РСДРП(б) И.В. Сталин вновь был избран в состав ЦК как специалист по национальному вопросу. После бегства В.И. Ленина в Финляндию он фактически остался во главе партии. 7 октября В.И. Ленин вновь вернулся в Петроград, где полным ходом шла подготовка к вооруженному восстанию. Через три дня после этого И.В. Сталин был введен в состав Политбюро ЦК, а 16 октября возглавил Военно-революционный центр, который, однако, существенной роли во время октябрьского переворота не сыграл, в отличие от Военно-революционного комитета во главе с Л.Д. Троцким. Позже это стало одним из камней преткновения между этими людьми.

В первом советском правительстве И.В. Сталин занял пост наркома по делам национальностей, через год возглавил Наркомат государственного контроля. Но проявить себя в этом деле он не успел, так как в связи с Гражданской войной был введен в состав Реввоенсовета Республики, реввоенсоветов ряда фронтов. В очередной раз схлестнулся с Л.Д. Троцким при обороне Царицына, где впервые близко сошелся с К.Е. Ворошиловым. Но в годы Гражданской войны проявить себя особо И.С. Сталин не смог.

Болезнь В.И. Ленина положила начало новому этапу борьбы за власть среди советского руководства. Сталин активно включился в этот процесс, правильно сделав ставку на роль партийного лидера. С апреля 1922 года он – секретарь ЦК партии большевиков. В последующие месяцы секретариат ЦК начинает стремительно набирать политическую силу. На основе борьбы за власть усилились трения между И.В. Сталиным и Л.Д. Троцким. Троцкий проиграл. В январе 1924 года на XIII конференции Сталин, Каменев и Зиновьев добились принятия резолюции, однозначно осуждавшей деятельность Льва Давидовича и лишавшей его последней надежды на лидерство. А вскоре после окончания работы конференции в Горках умер В.И. Ленин. Власть перешла к Политбюро ЦК, а на деле к

триумвирату Зиновьев – Каменев – Сталин.

Борьба за власть продолжалась теперь уже на уровне триумвирата. В январе 1925 года Зиновьев и Каменев потребовали исключить Л. Д. Троцкого из РКП(б) и освободить его от должности наркомвоенмора и председателя РВСР, назначив на эту должность И. В. Сталина. На практике это означало постепенное отстранение Иосифа Виссарионовича от партийного руководства. Но И.В. Сталин вовремя разгадал этот план, место Л.Д. Троцкого занял М. В. Фрунзе.

Вскоре после январского пленума триумвират раскололся. Сталин отошел от бывших своих союзников и сблизился с Н. И. Бухариным. На свою беду, Зиновьев и Каменев выступили против новой экономической политики (НЭП). Но ободренный НЭПом крестьянин в 1925 году работал так, что смог на 12 % превысить уровень валового объема сельхозпродуции 1913 года. Этот спор продолжился в декабре того же года на XIV съезде партии, на котором Зиновьев и Каменев потерпели сокрушительное поражение. И.В. Сталин добился включения в Политбюро В. М. Молотова, К.Е. Ворошилова и М.И. Калинина, обеспечив себе подавляющее число голосов в этом высшем органе партийной власти. Важно также было и то, что незадолго до этого К.Е. Ворошилов занял место наркома по военным и морским делам вместо умершего М.В. Фрунзе.

Однако и после этого положение И.В. Сталина не было столь прочным, как это могло показаться. К началу 1926 года внутри партийного и советского руководства, внешне лояльного к секретарю ЦК, сложился заговор с целью отстранить И. В. Сталина с этого поста и передать его Ф.Э. Дзержинскому. Во главе группы заговорщиков стояли А.И. Рыков и М.П. Томский.

Но этим планам не суждено было сбыться. 20 июля 1926 года внезапно умер Ф. Э. Дзержинский. В 1929 году из СССР был изгнан Л.Д. Троцкий. Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и М.П. Томский в конце 20-х годов выступили против свертывания НЭПа и форсирования индустриализации и коллективизации, что было объявлено «правым уклоном». На апрельском пленуме ЦК 1929 года они были подвергнуты резкой критике и «разгромлены», а в 1930 году выведены из состава Политбюро. На олимпе власти в СССР оказался И. В. Сталин, который был плотно окружен группой своих сторонников.

Адольф Гитлер родился 20 апреля 1889 года, на десять лет позже, чем И. В. Сталин, в австрийском городе Брауман-ам-Инн, расположенном на границе с Баварией. Он был третьим сыном от третьего брака мелкого австрийского чиновника, который носил фамилию своей матери Шикльгрубер. Но бабушка по матери и дед по отцу носили фамилию Гитлер, и отец будущего фюрера с 1876 года писался именно под этой фамилией.

В юности А. Гитлер не смог получить среднее образование. Он хотел стать художником, и в 1906 году, когда ему исполнилось семнадцать лет, решил поступать в Венскую академию изящных искусств, но не смог сдать вступительных экзаменов. Тем не менее Гитлер остался в Вене. Определенной рабочей профессии Адольф также не имел. И несколько лет перебивался случайными заработками: убирал снег, выбивал ковры, служил носильщиком на вокзале, работал на стройке. Позже в книге «Майн кампф» он писал: «Голод в те годы был со мной неразлучен, словно преданный охранник, ни на минуту не оставляя меня и поглощая все, что у меня было… Жизнь представляла собой вечную борьбу с этим безжалостным другом». Но в отличие от окружавших его отчаявшихся молодых людей Гитлер не был подвержен порокам юности. Он не курил и не употреблял спиртного, до безумия не увлекался женщинами. Он много читал и проводил за чтением основную часть свободного времени. Он не участвовал в политической жизни Австрии, но уже тогда начал совершенствовать свое ораторское искусство, выступая в ночлежках, при благотворительных кухнях и в других общественных местах.

Весной 1913 года Гитлер покинул Вену, переехал в Германию и поселился в Мюнхене. Тогда ему было 24 года. Он не имел ни хорошего образования, ни профессии, ни друзей, ни денег. Не следует исключать, что он покинул Австрию, чтобы избежать военной службы

(австрийские власти его разыскивали с целью призыва уже в течение трех лет). Но когда началась Первая мировая война, уже 3 августа 1914 года Адольф подал прошение о вступлении добровольцем в полк, сформированный в Баварии.

Он был хорошим солдатом, воевал на Западном фронте, дослужился до ефрейтора, был дважды награжден за храбрость: в декабре 1914 года Железным крестом второй степени, а в августе 1918 года – Железным крестом первой степени. Последняя награда солдатам имперской армии вручалась очень редко. Этот крест Гитлер с гордостью носил до конца жизни. Ноябрь 1918 года, когда кайзер Вильгельм отрекся от престола и война была проиграна Германией, А. Гитлер встретил в госпитале, где он находился на излечении от последствий газовой атаки, предпринятой англичанами под Ипром месяц назад. Именно тогда, по собственному признанию, А. Гитлер решил заняться политикой.

В конце ноября 1918 года Адольф вернулся в Мюнхен, который к тому времени сильно переменился. В связи с провозглашением Баварской республики город бурлил от различных партий и сомнительных личностей. 1 мая 1919 года войска регулярной армии из Берлина вместе с баварскими добровольцами убили несколько сот человек и свергли коммунистическое правительство.

Гитлер был противником коммунистических идей. Разброд и шатание власти, демократизация армии его возмутили до такой степени, что он добровольно отправился в лагерь для военнопленных, где провел зиму. Там он вел работу среди солдат и информировал власти об их настроениях, попутно окончив курсы «политического инструктажа». Он стал членом рабочей партии Германии, где впервые познакомился с капитаном Эрнстом Ремом и журналистом Дитрихом Экартом, которые мечтали создать в Германии национал-социалистическую партию. Вскоре они стали не только соратниками, но и друзьями.

24 февраля 1920 года в известном пивном заведении «Хофбройхаус», имевшем две тысячи посадочных мест, А. Гитлер организовал митинг, на котором выступил с речью и огласил программу рабочей партии Германии. С 1 апреля того же года она стала официальной программой теперь уже национал-социалистической партии Германии, которая была понятна и разделялась низами германского общества. В первом пункте программы содержалось требование об объединении всех немцев в великую Германию. Во втором было предложено отменить Версальский и Сен-Жерменский мирные договоры, ущемлявшие интересы Германии. Также были обнародованы антисемитские положения программы. Предлагалось евреев не принимать на государственную службу, не допускать в прессу, отказывать в получении гражданства, а всех, приехавших в рейх после 2 августа 1914 года, – выселить из страны. Но в основе программы были демократические лозунги: отмена нетрудовых доходов, национализация трестов, дележ прибыли крупнейших промышленных предприятий с государством, ликвидация земельной ренты и запрет спекуляции землей. В восемнадцатом пункте программы содержалось требование карать смертью изменников, ростовщиков и спекулянтов. Последний, двадцать третий пункт программы предусматривал создание сильной централизованной государственной власти. Эти положения так же, как и пункты, требующие объединения немцев в рейхе, были включены в программы партии по настоянию Гитлера и свидетельствуют о том, что даже тогда, когда партия была едва известна за пределами Мюнхена, Гитлер смотрел далеко вперед.

Вскоре после того, как была образована Национал-социалистическая рабочая партия Германии (СНДАП), Гитлер сколотил из отъявленных головорезов и ветеранов войны «группы порядка», которые возглавил в прошлом судимый часовщик Эмиль Морис. В октябре 1921 года эти «группы порядка» были переименованы в штурмовые отряды. Штурмовики были одеты в коричневую форму, а эмблемой партии, по предложению Гитлера, была избрана свастика.

С Мюнхена началось восхождение Гитлера на политический олимп. В июле 1921 года он провозгласил «принцип вождя», и СНДАП обрела фюрера. Затем в партию начали поступать средства. Была учреждена партийная газета, которая вначале выходила два раза в

неделю, а с начала 1923 года – ежедневно. В то время ближайшими соратниками Гитлера стали Рудольф Гесс, Альфред Розенберг, Герман Геринг.

Германия переживала глубокий кризис. Разорялись предприятия, стремительно падал курс немецкой марки. Рабочие и другие трудящие Германии ежедневно беднели, сознавая безысходность этого процесса. И чем хуже становилось положение дел в стране, тем увереннее звучал голос лидера СНДАП Адольфа Гитлера. В одном из своих выступлений перед огромной рабочей аудиторией он говорил: «Правительство преспокойно продолжает печатать жалкие денежные знаки, поскольку прекращение этого процесса означало бы конец правительства… Поверьте мне, наши страдания и нищета только усугубляются. А негодяи выйдут сухими из воды. Причина простая: само государство стало крупным мошенником и проходимцем. Государство грабителей! Когда потрясенный народ узнает, что ему придется голодать, имея миллиарды, он неминуемо сделает следующий вывод: мы не станем больше подчиняться государству, которое зиждется на обманной идее большинства. Нам нужна диктатура…»

Осенью 1923 года в Германской республике и в земле Бавария сложилась кризисная ситуация. 26 сентября канцлер Г. Штреземан объявил о возобновлении выплат Германией репараций. Бавария отказалась подчиняться этому решению. Гитлер был в первых рядах баварских смутьянов. Берлин предупредил, что подавит непокорных силой. Но штурмовики настаивали на том, чтобы Гитлер не сдавался, и он решил действовать без промедления.

8 ноября 1923 года, когда около трех тысяч баварских бюргеров собрались в пивной, ее окружили штурмовики, в зал вошел Гитлер и пробился к трибуне. Оттуда он объявил, что правительство Баварии низложено, а воинские подразделения и отряды полиции уже вступают в город под знаменами со свастикой. Подталкиваемые штурмовиками три высших лица правительства Баварии, к удивлению толпы, подчинились Гитлеру. Тут же было начато формирование нового правительство, которое было поручено возглавить генералу Людендорфу.

Беспорядки продолжались. Около одиннадцати часов утра 9 ноября Гитлер, Геринг и Людендорф повели трехтысячную колонну штурмовиков в центр Мюнхена. За первыми рядами демонстрантов двигались грузовики с пулеметчиками, на плечах у штурмовиков висели карабины. К полудню колонна достигла здания министерства обороны, охраняемого полицией. Началась перестрелка. Геринг получил рану в бедро. Гитлер скрылся. Людендорфа арестовали на месте. Рем сдался в здании министерства обороны. Нацистский путч потерпел фиаско. Партию распустили.

24 февраля 1924 года в Мюнхене был начат судебный процесс. Его освещали десятки журналистов. Гитлер выступил на этом процессе, превратив поражение нацистов в свой триумф. Он в очередной раз провозгласил свою программу действий, и ее услышала через газеты вся Германия. В своей заключительной речи он, обращаясь к судьям, сказал:

– Вам предстоит вынести нам приговор. Этот вердикт вынесет вечный суд истории. Приговор, который вынесете вы, мне известен. Однако тот, другой суд не будет задавать нам вопросов: совершали вы государственную измену или нет? Тот суд будет судить нас, генерал-квартирмейстера старой армии (Людендорфа), его офицеров и солдат как немцев, которые желали только блага своему народу и отечеству, хотели сражаться и умереть. Вы вправе признать нас тысячу раз виновными, однако богиня вечного суда истории лишь улыбнется и в клочья разорвет постановление государственного прокурора и решение вашего суда. Она оправдает нас.

Людендорфа оправдали. Гитлера приговорили к пяти годам заключения. Решение суда было вынесено 1 апреля 1924 года, и уже 20 декабря 1924 года Гитлера выпустили из тюрьмы, и он смог продолжить свою политическую деятельность. Благодаря «пивному путчу» и суду он обрел общенациональную известность, а нацистская пропаганда вскоре заговорила о путче как о великом этапе развития нацистского движения.

Именно в заключении в старой крепости Ландсберг, в которой с Гитлером обходились как с почетным гостем (гости, постоянные подарки, отдельные прекрасные апартаменты), он

начал диктовать Гессу главы свой будущей книги «Майн кампф». Первый том книги был издан осенью 1925 года. Он сразу же стал бестселлером. В первый год было продано 9 тысяч экземпляров, в 1926 году – 7 тысяч, в 1927 году – 5,6 тысячи. В последующие годы книга также переиздавалась и продавалась.

Выйдя на свободу, Гитлер продолжил свою политическую деятельность. В то время фашисты в Германии особой популярностью не пользовались. На выборах 1928 года за них голосовали только 810 тысяч немцев, и они получили менее десяти мест в парламенте. Сама партия насчитывала 108 тысяч членов. Но ровно через год в партии было уже 178 тысяч членов.

Желая иметь в своем распоряжении надежную силу, Гитлер создал СС, одев их в черную форму. Он учредил еще одну газету, главным редактором которой стал Пауль Йозеф Геббельс.

В конце 1929 года разразился экономический кризис. Гитлер использовал ситуацию в своих интересах и интересах фашистской партии. Народ Германии поддержал его на выборах 1930 года. За фашистов проголосовали 6,4 миллиона человек, и они получили 107 мандатов. Но и коммунисты имели 77 своих представителей в рейхстаге. Веймарская республика оказалась под угрозой ликвидации.

«Будущее принадлежит не партиям разрушения, а партиям, несущим в себе силу народа, которые готовы и желают связать себя с армией, чтобы помочь ей, когда придет время, защитить интересы народа, – позже писал Гитлер. – А между тем в нашей армии еще есть офицеры, мучающиеся вопросом: как далеко они могут пойти с социал-демократами? Но, уважаемые господа, неужели вы действительно думаете, что у вас есть общее с идеологией, которая ставит условием ликвидацию всего того, что составляет основу существования армии?»

Армия услышала эти строки и с пониманием отнеслась к их автору. В 1927 году армейское командование запрещало вербовку нацистов в рейхсвер, но в армейской среде идеи националистов встретили одобрение, особенно среди молодых офицеров. Дошло до того, что министр обороны Германии генерал Грёнер был вынужден 22 января 1930 года издать специальный приказ, запрещающий солдатам и офицерам участвовать в политической борьбе партий. Но офицеры были иного мнения.

Весной того же года трое молодых лейтенантов из Ульмского гарнизона были арестованы за попытку вовлечь сослуживцев в сговор: не стрелять в мятежников в случае вооруженного нацистского восстания. Эти действия квалифицировались как государственная измена, и министр обороны, стремясь не придавать дело огласке, приказал судить офицеров за нарушение воинской дисциплины. Но так как это дело стало достоянием журналистов, задумка генерала не удалась, и осенью лейтенанты предстали перед трибуналом по обвинению в государственной измене.

А. Гитлер был вызван в суд в качестве свидетеля и превратил его в трибуну для пропаганды своей партии, доказательства ее заботы об интересах немецкого государства и армии. В частности, он говорил: «Наше движение не нуждается в насилии. Придет время, и немецкая нация узнает наши идеи, и тогда меня поддержат тридцать пять миллионов немцев… Когда мы получим конституционное право, мы сформируем такое государство, каким оно, по моему мнению, должно быть…»

Сентябрь 1930 года стал поворотным в жизни немцев. Неожиданный успех нацистской партии на общегерманских выборах убедил не только миллионы рядовых граждан, но и многих ведущих представителей делового мира и руководителей армии в том, что появилась сила, которую невозможно одолеть и с которой нужно считаться. Позже, на Нюрнбергском процессе, А. Йодль признался, что до 1930 года старшие офицеры к Гитлеру относились с опаской, считая, что он намерен разложить армию, но после сентября 1930 года их мнение о нацистском лидере радикально поменялось.

К началу 1931 года вокруг А. Гитлера сплотилась группа единомышленников, в которой ведущие места занимали Г. Штрассмер, Рем, Геринг, Геббельс и Фрик. Партия

продолжала вести наступательную жесткую политику. На президентских выборах 1932 года А. Гитлер набрал 38,8 % голосов. У Гинденбурга было 53 % голосов, у Э. Тельмана – 10,2 %.

Началась кампания очередных выборов в рейхстаг. Для А. Гитлера она складывалась не совсем удачно. Нацисты потеряли два миллиона голосов и 34 места в рейхстаге, сохранив за собой 196 мест. За коммунистов проголосовало на три четверти миллиона больше, чем на предыдущих выборах, в результате чего они получили 100 мест. Впервые огромный прилив нацизма пошел на убыль. Но Курт фон Шлейхер, избранный канцлером, поддержкой в стране и правительстве не пользовался.

К началу февраля 1933 года трагедия Веймарской республики, длившаяся четырнадцать тягостных лет и состоявшая из неуклюжих попыток немцев заставить демократию действовать, приблизилась к концу. Будучи лишенной политической силы в лице среднего сословия, Германская республика не имела запаса прочности.

30 января 1933 года президент Гинденбург, не видя другого выхода из создавшегося положения и действуя в рамках конституции, вверил пост канцлера Германии нацисту Адольфу Гитлеру. Так человек с усиками Чарли Чаплина, едва сводивший в юности концы с концами, никому не известный солдат Первой мировой войны, всеми покинутый в Мюнхене в суровые послевоенные дни, чудаковатый главарь «пивного путча», оратор, владеющий аудиторией, австриец, а не немец по происхождению, которому исполнилось лишь сорок три года, был приведен к присяге в должности рейхсканцлера Германии. В ту ночь штурмовые отряды нацистов исступленно маршировали с факелами, празднуя победу. Четко разбившись на колонны, они прошествовали под Триумфальной аркой Бранденбургских ворот. Духовые оркестры громко играли военные марши. Под оглушительный гром барабанов нацисты пели новый гимн «Хорст Вессель» и старинные воинственные немецкие песни, вызывая восторженные крики собравшейся на тротуаре толпы. Немцы радовались, что на пост канцлера назначен человек, способный пробудить в народе национальные чувства. И лишь немногие смотрели на это факельное шествие с сомнением и тревогой…

Виновник этого праздника, радостный и возбужденный Адольф Гитлер стоял у открытого окна рейхсканцелярии, наблюдая за парадом своих сторонников, периодически выбрасывая руку в нацистском приветствии. За его спиной и рядом толпились соратники. Позже Геббельс, усталый и счастливый, вернувшийся домой в три часа ночи, записал в своем дневнике: «Похоже на сон… на сказку… рождение нового рейха. Четырнадцать лет работы увенчались победой. Немецкая революция началась!»

* * *

Таким образом, путь к власти как у И. В. Сталина, так и у А. Гитлера был нелегким, достаточно тернистым, но имел целый ряд схожих моментов.

Формально И. В. Сталина привел к власти В. И. Ленин, А. Гитлера – президент Гинденбург. Но их борьба за власть кардинально отличалась одним очень важным моментом – И. В. Сталин к власти пришел на волне Октябрьской революции и разразившейся после нее Гражданской войны, А. Гитлер – в рамках демократии, которая существовала в Веймарской республике.

И. В. Сталин, пользуясь обстановкой Гражданской войны, пришел к власти за считаные годы, а боролся за ее укрепление еще около восьми лет, главным образом с соратниками В. И. Ленина. А. Гитлеру для этого понадобилось 14 лет непрекращающейся, активной и разноплановой работы.

После избрания И. В. Сталина на видный партийный пост он приложил основные усилия для того, чтобы сделать этот пост ведущим в партии, параллельно начав жесткую борьбу с соперниками. А. Гитлер шел к власти шаг за шагом, последовательно решая одну задачу за другой, постоянно ведя поиски новых соратников и новые формы борьбы.

В то же время нужно признать, что и И.В. Сталин, и А. Гитлер пришли к власти на базе одних лозунгов, не имея за спиной конкретных дел. Оба они воспользовались тем, что в

связи с политическими и экономическими трудностями, которые переживали их страны и народы, эти лозунги упали в благоприятную почву и были услышаны миллионами. Разница в лозунгах была только в том, что И. В. Сталин обещал всемирную победу коммунизма и великие блага для всех трудящихся, а А. Гитлер обещал блага немцам и играл на национальных чувствах своего народа.

И.В. Сталин вел свою борьбу в условиях однопартийной системы, в условиях, когда единственная правящая в стране Коммунистическая партия решала судьбу советского государства. Поэтому в его руках вскоре оказались не только огромные человеческие ресурсы, но и большие партийные деньги с опорой на экономику всей великой страны. А. Гитлер шел к власти в рамках многопартийной Веймарской республики, одновременно борясь за голоса выборцев и добывая средства на партийные нужды. В этом отношении он находился в более сложном положении, чем И. В. Сталин, и вынужден был решать многие задачи только опираясь на личные возможности и рассчитывая на собственные силы.

Несмотря на различие и схожесть процесса борьбы за власть И. В. Сталина и А. Гитлера, для обоих он завершился успешно. В процессе этой борьбы оба лидера укрепили свои позиции в правящей партии и завоевали доверие народа. В результате успешного завершения борьбы они получили власть в самых стремительно развивающихся государствах Европы, которые были намерены вывести в самые передовые, не считаясь ни с какими жертвами и затратами. Это был путь к диктатуре, которая стала целью и И. В. Сталина, и А. Гитлера и утверждению которой они посвятили следующие годы своей жизни.

Путь к диктатуре

Ничто не характеризует и не испытывает человека так, как власть. Испытание властью прошли все известные правители, но только те, кто смог его выдержать, оставили заметный след в истории. При этом одни грубо употребляли власть в своих целях, другие умело прикрывались заботой о благе государства и народа. И лишь очень немногие смогли сочетать личное и общественное до такой степени, что последующие историки, попытавшиеся разделить эти понятия, оказались перед очень сложной проблемой. Руководимые ими страны в короткие сроки сделали большой шаг в сторону прогресса, а сами правители, пользуясь практически неограниченной властью и распоряжаясь огромными богатствами, никаким образом не замарали себя в стяжательстве и роскоши.

Это в полной мере касается И. В. Сталина и А. Гитлера, личное бескорыстие которых в сочетании с общим развитием государства у многих современников и более поздних исследователей создало иллюзию заботы о благе государства или народа. На самом же деле это были средства борьбы за укрепление личной власти, за установление диктатуры, которая была направлена на благо государства в том плане, в котором понимали это Гитлер и Сталин.

К началу 30-х годов власть И. В. Сталина в СССР практически была абсолютной. Успешно выполнялся первый пятилетний план, в ходе которого главные усилия были направлены на индустриализацию страны, в частности на развитие тяжелой промышленности. В начале 1933 года было объявлено, что первый пятилетний план выполнен на 9 месяцев раньше намеченного срока, а тяжелая промышленность добилась исключительных результатов, увеличив объем выпуска продукции на 273 %.

В деревне была начата сплошная коллективизация. К концу первой пятилетки официальная статистика насчитывает 210 тысяч колхозов (70 % обрабатываемых земель), 4300 совхозов (10 % обрабатываемых земель) и 2400 машинно-тракторных станций.

На объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшемся в январе 1933 года, было отмечено, что за период первой пятилетки в СССР удалось создать собственную индустриальную базу реконструкции промышленности, транспорта и сельского хозяйства. В результате этого Советский Союз выдвинулся в ряды наиболее развитых в технико-экономическом отношении стран. За это время выросли такие гиганты черной и

цветной металлургии, химии и энергетики, как Магнитогорский, Кузнецкий, Уральский медные комбинаты, Риддеровский полиметаллический комбинат, Волховский алюминиевый комбинат, Чернореченский и Березниковский азотные заводы, Днепрострой, Зуевская, Челябинская и Штеровская электростанции, мощные шахты в Донбассе, Кузбассе и другие предприятия. Были построены такие гиганты машиностроения, как Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, завершалось строительство Челябинского тракторного завода. Вошли в строй Ростсельмаш и Саратовский комбайновые заводы, заводы «Коммунар» в Запорожье, «Серп и молот» в Харькове. Автомобильные заводы были построены: имени Сталина в Москве, имени Молотова в Горьком, завод тяжелых грузовиков в Ярославле. Паровозы и вагоны производились на Луганском и Коломенском заводах; турбины и генераторы для электростанций – на заводе имени Сталина в Ленинграде и «Турбострой» в Харькове. Оборудование для черной металлургии производилось на заводах, построенных в Краматорске, в Свердловске («Уралмаш») и Ижорске, Днепропетровске. Строительство самолетов и авиамоторостроение были налажены в Москве, Горьком, Воронеже, Сибири.

Было отмечено, что все машиностроение в целом выросло в сравнении с 1928 годом в 4,5 раза, а по сравнению с 1913 годом – в 10 раз. Построена новая угольно-металлургическая база Урал – Донбасс. И это при том, что в связи с кризисом промышленное производство ведущих капиталистических стран по сравнению с 1928 годом упало: в США – на 44 %, в Германии – на 45 %, во Франции – на 25 %, в Англии – на 20 %.

Сельское хозяйство за этот период получило более 120 тысяч новых тракторов и большое количество других сельскохозяйственных машин, в связи с чем машинная вооруженность этой отрасли народного хозяйства по сравнению с 1928 годом выросла в два раза, а посевные площади были увеличены на 21 млн гектаров. Это позволило вдвое увеличить объем сдачи хлеба государству (с 700 до 1400 млн пудов), более чем в два раза увеличить поголовье крупного рогатого скота (7,6 млн голов), в 2,4 раза овец и коз (3,6 млн голов).

В последующие годы экономический рост в СССР продолжался. В марте 1939 года состоялся очередной XVIII съезд ВКП(б), с отчетным докладом на котором выступил И. В. Сталин. Подводя итоги второго пятилетнего плана (1933–1937 гг.), он отметил, что в стране построен социализм, а главная и решающая задача – завершение технической реконструкции народного хозяйства СССР – в основном выполнена. По сравнению с первым пятилетним планом производство промышленной продукции выросло на 120,6 %, производительность труда в промышленности – на 82 %. Было намечено увеличить в третьей пятилетке, к 1942 году, производство продукции машиностроения и металлообработки – на 229 %, паровозов – на 148 %, автомобилей – на 200 %, каменного угля – на 190 %, электро-энергии – на 206 %, нефти – на 177 %, чугуна – на 152 %, стали – на 158 %. В сельском хозяйстве обеспечить сбор 8 миллиардов пудов зерна, 282 миллионов пудов сахарной свеклы, 32,9 миллиона центнеров хлопка-сырца. Поголовье крупного рогатого скота увеличить на 40 %, лошадей – на 35 %, свиней – на 100 %, овец и коз – на 110 %.

Параллельно с решением народно-хозяйственных задач уже в 30-е годы усиливается борьба И. В. Сталина за установление личной диктатуры в стране. Он начинает понимать, что насильственное создание колхозов наносит вред и подрывает авторитет советской власти, а значит, и его – И. В. Сталина. 2 марта 1930 года появляется в «Правде» статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», в которой он возлагает вину за катастрофические последствия коллективизации на местные органы власти и сдерживает принудительную запись в колхозы. И, как следствие, уже 14 марта выходит в свет постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». Доля коллективизированных крестьянских хозяйств тут же падает с 55 % в марте до 24 % в июне. Статья в очередной раз играет на пользу авторитета И. В. Сталина, отделяя его от неугодных народу чиновников.

Эти мероприятия предшествовали XVI съезду партии, который открылся в Москве 26 июля 1930 года. Этот съезд закрепляет победу коммунистов (значит, и И. В. Сталина) над

«правой оппозицией» и подтверждает взятый курс на ускоренный переход к социализму. Вскоре после окончания работы съезда объявляется о раскрытии контрреволюционной организации «Трудовая крестьянская партия», под вывеской «борьбы с вредительством» начинается борьба с интеллигенцией и процесс «Промпартии». На посту председателя Совета Народных Комиссаров неугодного А.И. Рыкова сменяют соратником И. В. Сталина В. М. Молотовым.

Весна 1931 года была отмечена новым громким политическим процессом – разоблачением «Союзного бюро меньшевиков». Для ужесточения управления на селе ликвидируется Союз союзов сельскохозяйственной кооперации СССР. Все руководство сельским хозяйством возлагается на Наркомзем и Наркомснаб, которые жестко контролируются высшей партийной властью.

В этом же году начинает выстраиваться новый виток советско-германских отношений. В апреле подписывается германо-советское торговое соглашение. Германия предоставляет СССР кредит на один миллиард марок для закупки машин и оборудования в обмен на советское золото и сельхозпродукцию. Затем на три года продлевается договор о дружбе и нейтралитете с Германией 1926 года (Берлинский договор). Протокол к нему будет ратифицирован 5 мая 1933 года, несколько месяцев спустя после прихода к власти А. Гитлера.

В конце января 1932 года на XVII партийной конференции вырабатываются директивы 2-го пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1933–1937 годы. И. В. Сталин требует ставить реальные задачи, предупреждая ретивых чиновников от их чрезмерного завышения. Приоритет по-прежнему отдается развитию энергетики, черной металлургии, машиностроению и транспорту. Но при этом Иосиф Виссарионович также требует улучшить ситуацию с выпуском потребительских товаров.

В феврале наносится последний удар по авторитету Л. Д. Троцкого, который лишается советского гражданства. И. В. Сталин не терпит рядом с собой никакого иномыслия, его авторитет все больше обретает очертания неприкрытого культа личности.

В то же время Сталин заботится о том, чтобы производить на широкую общественность впечатление заботливого и справедливого правителя. 25 июня по его инициативе принимается постановление ЦИК и СНК СССР «О революционной законности», которое осуждает раскулачивание, требует повысить роль суда и прокуратуры, вести классовую борьбу в рамках социалистической законности.

Это не совсем удается. В конце лета М. Н. Рютин и А.Н. Слепков распространяют так называемую «платформу Рютина», экономическая часть которой близка к идеям «правой оппозиции». Авторы «платформы» призывают вернуться к демократическим нормам партийной жизни и отстранить от руководства И. В. Сталина как «злого гения революции». И. В. Сталин резко выступил против М. Н. Рютина, осудив его «платформу», и даже потребовал смертного приговора для автора «за террористическую деятельность». Но большинство членов Политбюро с этим не согласилось, в числе которых был и С. М. Киров. Тем не менее в октябре 1932 года М. Н. Рютин коллегией ОГПУ был приговорен к десяти годам лишения свободы, а в январе 1937 года расстрелян. А.Н. Слепков вместе с М. Н. Рютиным был приговорен к пяти годам заключения и расстрелян в мае 1937 года.

Борьба И. В. Сталина с его политическими противниками набирала обороты. В октябре последовало исключение из рядов ВКП(б) «сообщников Рютина», в том числе Л. Б. Каменева и Г. М. Зиновьева, отправленных в ссылку. А в ночь с 8 на 9 ноября покончила с собой жена Иосифа Виссарионовича – Надежда Аллилуева, после чего он окончательно замкнулся в себе, а его деятельность обрела исключительно жесткие формы.

12 января 1933 года принимается решение ЦК о проведении чистки в партии. По различным причинам из ее рядов за два года «вычищается» порядка 800 тысяч человек. Атмосфера всеобщего доносительства проникает в различные коллективы, все новые и новые люди лишаются партийных билетов за различные, порой надуманные проступки и высказывания.

В конце декабря того года на заседании ЦК В. М. Молотов и М. М. Литвинов впервые в своих выступлениях заявляют, что гитлеровская Германия представляет угрозу безопасности СССР.

В январе 1934 года в Москве проходит XVII съезд ВКП(б). Для И. В. Сталина этот съезд становится памятным тем, что около 300 делегатов проголосовали против его вхождения в новый состав Секретариата ЦК, предпочтя ему С. М. Кирова. Последний был убит 1 декабря в здании Ленинградского обкома партии при невыясненных обстоятельствах. А полмесяца спустя были арестованы Л. Б. Каменев и Г. М. Зиновьев, которые вскоре предстали перед судом по делу о так называемом «Московском центре», получив соответственно 5 и 10 лет заключения.

24 января 1935 года поступает сообщение о скоропостижной смерти от сердечного приступа председателя Госплана СССР В. В. Куйбышева. 7 июня решением Пленума ЦК ВКП(б) за «бытовое разложение» из состава ЦК выводится А.С. Енукидзе. Н. И. Ежов в своем докладе обвиняет его в подготовке заговора на И. В. Сталина.

С начала 1936 года началась очередная чистка партии, приуроченная к обмену партийных билетов. 27 июня появляется закрытое письмо ЦК ВКП(б), объявляющее всех сторонников Л. Д. Троцкого и Г. М. Зиновьева врагами советской власти и заявляющее о необходимости их выявления и уничтожения. В конце августа в Москве проходит первый открытый «процесс шестнадцати». В их числе Г. М. Зиновьев, Л. Б. Каменев и другие. Они обвиняются в создании «террористического троцкистско-зиновьевского центра». Все подсудимые признаются в том, что поддерживали связь с Л. Д. Троцким, были соучастниками убийства С. М. Кирова и готовили заговор против И. В. Сталина и других руководителей государства. Также они дают показания против Н. И. Бухарина, А.И. Рыкова и М. П. Томского. Несмотря на это, все 16 приговорены к смертной казни и расстреляны. Председатель ВЦСПС М. П. Томский, не дожидаясь ареста, 22 августа покончил жизнь самоубийством.

27 августа СССР в числе других европейских государств подписывает соглашение о невмешательстве в гражданскую войну в Испании. В последующем Германия и СССР самым грубым образом нарушили это соглашение. В октябре советский посол в Лондоне И. Майский выражает протест против помощи, которую Германия и Италия оказывают правительству Франко, и заявляет, что в подобных обстоятельствах СССР не считает себя связанным договором о невмешательстве. Начинается отправка в Испанию советской военной техники и советников.

Внутри Советского Союза продолжается ликвидация неугодных И. В. Сталину людей. 23 сентября был арестован еще один соратник В. И. Ленина К. Б. Радек (Собельсон). На следствии он дал согласие выступить с любыми разоблачениями и дать показания против кого угодно. Стал центральной фигурой по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра», назвав при этом в числе заговорщиков огромное количество имен. В «благодарность» за сотрудничество К. Б. Радек был приговорен всего к 10 годам лишения свободы. В последнем своем слове он сказал: «Я борюсь не за свою честь, я ее потерял, я борюсь за признание правдой тех показаний, которые я дал». Это не спасло Радека, в лагере в мае 1939 года он был убит уголовниками.

25 ноября Германия и Япония подписывают Антикоминтерновский пакт, включающий секретные протоколы, направленные против СССР. А 5 декабря VIII Чрезвычайный съезд Советов принимает новую «Сталинскую» Конституцию СССР.

В конце января 1937 года в Москве проходит второй открытый процесс («процесс 17-ти» по «Антисоветскому троцкистскому центру»). В числе обвиняемых Г. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Л. П. Серебряков, Г. Я. Сокольников (Бриллиант) и другие. 13 человек приговорены к смертной казни, в их числе Г. Л. Пятаков и Г. Я. Сокольников, остальные к длительным срокам заключения.

В 20-е годы основу командных кадров Красной Армии составляли люди, пришедшие к управлению войсками на волне революции в годы Гражданской войны, беззаветно

преданные идее, но не имевшие должного военного образования. Так, в 1932 году германская разведка считала, что сила Красной Армии к тому времени «поднялась до такой степени, что она в состоянии вести оборонительную войну против любого противника… При своем численном превосходстве Красная Армия в состоянии вести победоносную наступательную войну против своих непосредственных соседей на Западе (Польша, Румыния)…»

Дальше в докладной отмечалось: «…настало время по созданию инициативного и волевого командира всех степеней. Однако… налицо опасность, что это не удастся своевременно провести… До сих пор армия страдает тем, что, начиная от командира взвода и кончая командиром полка, командир не является еще полноценным. В своей массе они способны лишь решать задачи унтер-офицера. Несмотря на все мероприятия, проблема о командире Красной Армии еще не разрешена».

Несколько выше в этом документе была оценка старшего командного состава РККА. По докладу германской разведки, все командующие округами, корпусами и подавляющее число командиров дивизий имели опыт командования частями и соединениями в годы Гражданской войны, которая «не может быть показательной в моральных вопросах, но дала много хороших примеров действий больших масс войск на пространственных просторах, сочетания действий пехоты, кавалерии и артиллерии».

После завершения Гражданской войны большинство советских военачальников прошли обучение на различных курсах и в военных академиях, получили большой практический опыт на учениях. Именно поэтому при подготовке к будущей войне основные усилия разведок многих стран, и прежде всего Германии, были нацелены на ослабление корпуса высшего командного состава Красной Армии.

О репрессиях в Красной Армии периода 1937–1938 годов написано очень много литературы. Большинство из авторов этих трудов сознательно сгущают краски и односторонне трактуют исторические события. Я не хочу ни повторять их труды, ни оспаривать достоверность того или иного положения. Я признаю, что репрессии в Красной Армии в этот период были, но для меня более важно то, как повлияли они на боеспособность РККА в последние предвоенные годы.

Нужно признать, что после процесса над Тухачевским и другими военачальниками 1937 года никто в СССР в наличии военно-троцкистского фашистского заговора в РККА уже не сомневался. Все политические процессы того периода проходили под этим знаменем и обрели огромный размах. В результате этих процессов расстрелянными и в лагерях оказались сотни крупных советских руководителей, десятки тысяч руководителей более низкого звена, миллионы простых граждан. Это быстро ослабляло Советскую страну во всех сферах ее деятельности, но прежде всего нанесло ущерб военной науке, военно-промышленному комплексу и непосредственно высшему звену управления РККА.

Также необходимо отметить, что репрессии 1937–1939 годов нанесли большой ущерб международному престижу СССР в глазах его союзников. Так, чехословацкая сторона, от которой поступили документы по обвинению Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского, уже во второй половине 1937 года высказала большую озабоченность по поводу ослабления Красной Армии. По этому поводу произошло крупное столкновение на конференции представителей чехословацкой и советской военных разведок, проходившей в Праге в декабре 1937 года. Вскоре после этого чехословацкий генеральный штаб настолько охладел к союзу с СССР, что отказался создавать комиссию по согласованию планов обороны обоих государств, опасаясь, что эти планы, при наличии в СССР такого количества шпионов среди высших военачальников, тут же станут известны противнику.

Дело Тухачевского внесло во французскую политику глубокое беспокойство, привело к тяжелому кризису в отношениях между Францией и СССР.

Отрицательных взглядов по отношению к репрессиям в СССР придерживался официальный Лондон. В начале мая 1938 года английский министр иностранных дел Галифакс пытался убедить чехословацкого посланника в Лондоне Яна Масарика в том, что

чистки снизили боеспособность Красной Армии настолько, что существенный вклад Москвы в будущую войну с Германией становится очень проблематичным. Такого же мнения придерживались и в Вашингтоне.

Информация о раскрытии военного заговора и репрессии против представителей высшего командного состава РККА сильно обеспокоили правительство Франции и привели к замораживанию франко-советских отношений. Уже через два дня после казни Тухачевского и его товарищей французский посол Кулондор посетил наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова с тем, чтобы разъяснить ему «плачевное впечатление», которое возникло в странах, дружественно настроенных к СССР, вследствие произошедшего процесса и жестокой расправы. Конечно, судьба Тухачевского и других француза волновала меньше всего. Его волновал другой вопрос – как следует расценивать выдвинутые против генералов обвинения в шпионаже? Максим Максимович не смог ответить ничего конкретного, кроме заключения, что ликвидация германофильской группы в руководстве Красной Армии должна пойти на пользу франко-советским отношениям.

Французский дипломат не унимался. Через две недели он задает вопрос первому заместителю наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкину: «В какой степени казненные офицеры замешаны в заговоре с Германией?» Потемкин только ответил, что Тухачевский и его сообщники хотели организовать государственный переворот и пойти на союз с Германией. Французское правительство под впечатлением от событий, произошедших в СССР, решило максимально осторожно вести контакты с Советским Союзом по военной линии. Уже на осенние маневры французских войск, проводившиеся в 1937 году, советская делегация приглашена не была.

Реакция западных стран по отношению к СССР сразу же стала известна Германии. Германский посол в Москве граф Шуленбург неоднократно отмечал это в своих письмах. Германский посол в Париже Бройер 14 апреля 1938 года писал в Берлин министру иностранных дел Германии: «В течение последнего года… (появились. – *Авт* .) большие сомнения в прочности советского режима, в мощи Красной Армии и в доброй воле советского правительства. Расстрел генералов, которые во французском генеральном штабе считались высококвалифицированными офицерами… показал сомнительность режима, видные деятели которого, по его собственным утверждениям, в течение многих лет занимались саботажем и предательством».

Таким образом, в 30-е годы И. В. Сталин сделал все возможное для установления и укрепления своей личной диктатуры в Советском Союзе. Эта работа проводилась одновременно по нескольким направлениям. Физически и морально уничтожались люди, которые имели большой авторитет в партии и которые могли составить конкуренцию И. В. Сталину. Во-вторых, на место выбывших назначались новые люди на основе личной преданности вождю. В-третьих, проводя внутреннюю политику, И.В. Сталин порой действовал методом «кнута и пряника», то повышая, то ослабляя требования к народу. При этом создавалась иллюзия борьбы генерального секретаря с чиновниками на местах. В результате этого И. В. Сталину удалось к концу 30-х годов довести личную власть в стране до абсолютной стадии, а страну вывести в ряд самых динамично развивающихся стран Европы.

Адольф Гитлер также всеми силами стремился к личной диктатуре. В 1933 году президент Гинденбург, стремясь найти выход из создавшегося тяжелого положения, опираясь на армию и консерваторов, назначил его канцлером Германии. Казалось бы, мечта лидера нацистов сбылась, но он смотрел намного дальше. Как ни велика была его политическая власть, она оставалась неполной. Ее приходилось делить с теми тремя силами, которые поставили его во главе правительства и которые, не будучи участниками нацистского движения, относились к нему с определенной долей недоверия. Следовательно, первостепенной задачей нового канцлера было отстранить эти силы от кормила власти.

Вечером 30 января 1933 года, через пять часов после вступления в должность, А.

Гитлер созвал первое заседание кабинета и предложил распустить рейхстаг и назначить новые выборы. Его доводы оказались убедительными, новые выборы были назначены на 5 марта 1933 года. Но итоги этих выборов в условиях, когда нацисты располагали всеми рычагами давления на власть и народ, были предрешены заранее. «Теперь будет легко вести борьбу, – писал в своем дневнике Геббельс 3 февраля, – ибо мы сможем мобилизовать все государственные средства. В нашем распоряжении радио, печать. Мы развернем отличную пропаганду. И денег у нас теперь будет предостаточно…».

Своими основными политическими противниками нацисты считали коммунистов. 27 февраля был организован поджог рейхстага. Истинная правда об этом пожаре так и осталась неизвестной, практически все, кто что-то знал, погибли или были уничтожены. Исследователи этой проблемы пишут, что он был устроен группой штурмовиков, которые по подземному туннелю, соединявшему здание рейхстага с дворцом Геринга, проникли в здание немецкого парламента, где и устроили диверсию. Но веских доказательств этого акта до сих пор нет, хотя его политическое значение неоспоримо.

28 февраля, на следующий день после пожара, А. Гитлер представил на подпись президенту Гинденбургу проект декрета «Об охране народа и государства», приостанавливавшего действие семи статей конституции, которые гарантировали свободу личности и права граждан. Декрет предоставлял также правительству рейха право пользоваться полнотой власти в землях, когда это вызывалось необходимостью, и ввести смертную казнь за ряд преступлений, в числе которых было и «серьезное нарушение спокойствия» со стороны вооруженных лиц. Он требовал ограничить свободу личности и свободу мнений, включая свободу печати, свободу собраний и союзов, предоставлять власти право вторгаться в переписку и телефонные переговоры граждан, устраивать домашние обыски, конфисковывать имущество. Гинденбург пошел на подписание этого декрета, а Гитлер с помощью одного акта практически получил неограниченную власть в стране.

И он в полной мере воспользовался этой властью. По улицам немецких городов с ревом носились грузовики, полные штурмовиков. Они вламывались в дома, устраивали облавы, обыски и сгоняли свои жертвы в казармы. Там людей беспощадно избивали и подвергали пыткам. Печать и собрания, прежде всего коммунистов, были запрещены, а при нарушении запрета – разгонялись силой. Беспрепятственно вести избирательную кампанию могли только нацисты и их союзники.

Выборы, как и планировались, состоялись 5 марта 1933 года. На них нацисты набрали 17,3 миллиона голосов (44 %), опередив другие партии. Этого было достаточно для успешной работы нацистской партии в правительстве, но далеко не достаточно для того, чтобы А. Гитлер достиг своей главной цели – установление личной диктатуры.

31 марта А. Гитлер обнародовал закон о роспуске парламентов во всех землях, кроме Пруссии, приказав переформировать их состав в соответствии с распределением голосов на последних выборах в рейхстаг. Места коммунистов заняли нацисты.

7 апреля А. Гитлер издал декрет об учреждении во всех землях новой должности – губернатора рейха, которому предоставлялось право формировать и смещать местное правительство, распускать парламент, назначать и увольнять чиновников и судей. Безусловно, губернаторы рейха назначались правящей нацистской партией, а точнее – А. Гитлером.

Так всего через месяц после «демократических» выборов А. Гитлер практически узурпировал власть в стране. 30 января 1934 года он завершил эту работу, приняв декрет о реорганизации рейха. Народные ассамблеи в землях были упразднены, суверенные права земель переданы рейху, все их правительства подчинены центру, а губернаторы – непосредственно рейхминистру внутренних дел.

На повестку дня встали следующие главные проблемы:

1. Как наладить отношения между СА и армией?

2. Как вытянуть из трясины экономику страны и обеспечить работой шесть миллионов человек?

3. Как организовать тайное перевооружение армии, несмотря на запреты Женевской конференции?

4. Кто будет президентом страны, когда умрет или отойдет от дел Гинденбург?

Рем, отряды которого насчитывали около двух миллионов человек (в 20 раз больше, чем солдат регулярной армии), прямо заявил, что готов силой заставить армию выполнять решения нацистов. Но А. Гитлер был более осторожным. Влияние в армии крупных промышленников, аристократов, юнкеров-землевладельцев и старых прусских генералов было слишком сильным, чтобы действовать нахрапом. Он старался поладить с генералитетом и требовал, чтобы штурмовики только прокладывали путь политической силе, но не хотел подменять ими армию. Это привело к недовольству среди штурмовиков, которые считали себя хозяевами положения. Рем рассчитывал стать министром обороны, подчинив себе кроме штурмовиков и армию, но кадровые военные были противниками этого. Позже Браухич признался: «перевооружение армии было слишком серьезным и сложным делом, чтобы допускать к нему казнокрадов, пьяниц и гомосексуалистов».

Внутри самой нацистской партии также продолжалась борьба за власть. Против Рема объединились два сильных противника – Геринг и Гиммлер. Геринг назначил Гиммлера шефом прусского гестапо, после чего тот немедленно приступил к созданию тайной полиции империи. Сам Геринг, которого Гинденбург произвел в генералы от инфантерии, сменил коричневую форму СА на мундир военного ведомства.

В ночь на 30 июня 1934 года А. Гитлер, прихватив с собой Геббельса, вылетел в Мюнхен. Рем и его люди мирно спали в своих кроватях. Той ночью по обвинению в заговоре ряд нацистских главарей во главе с Ремом были арестованы. Некоторые были тут же расстреляны.

В номер Рема Гитлер вошел один. Он бросил Рему одежду и приказал вставать. Потом Рема отвезли в Мюнхен и поместили в тюрьму. Рему «милостиво» было предложено застрелиться, но он отказался. После этого в камеру вошли двое эсэсовцев и в упор расстреляли арестованного.

В Берлине в это время действовали Геринг и Гиммлер. Было арестовано около 150 руководителей СА, которых расстреляли у стен казарм кадетского училища в Лихтерфельде. Одновременно специальные отряды полиции прикончили и некоторых политических деятелей, в верности которых А. Гитлер сомневался. Сколько всего погибло людей в «ночь длинных ножей», до сих пор неизвестно. Выступая 13 июня в рейхстаге, А. Гитлер заявил, что расстрелян 61 человек, в том числе 12 высших руководителей СА, еще 31 погибли «при сопротивлении аресту» и трое «покончили с собой» – всего 92 человек. Но «Белая книга о чистке», изданная эмигрантами в Париже, говорит о том, что был убит 401 человек. На Мюнхенском процессе 1957 года прозвучала цифра – более чем 1000 человек.

2 августа 1934 года скончался президент Гинденбург. Сразу же после его смерти Геббельс официально заявил, что никакого завещания фельдмаршал не оставил. Было решено провести референдум. 19 августа 90 процентов немцев проголосовали за А. Гитлера. Его власть в Германии стала неограниченной.

Началось создание Третьего рейха в рамках реализации предложенной нацистами программы. Не стану расписывать все экономические преобразования в Германии в то время, но отмечу, что за период с 1932 по 1937 год национальное промышленное производство страны выросло на 102 процента. Была ликвидирована безработица за счет резкого увеличения фронта общественных работ. Были значительно снижены налоги для тех компаний, которые расширили капитальные вложения и обеспечили рост занятости населения.

Было начато перевооружение промышленности, на которое нацистский режим не жалел средств. Профсоюзы были распущены и заменены так называемым «рабочим фронтом», главная задача которого сводилась не к защите прав рабочих, а к «созданию истинно социального и производительного сообщества всех немцев». Рабочие Германии оказались крепко привязанными к своему рабочему месту, их труд стал интенсивнее, а

заработок меньше.

Особое внимание А. Гитлера было приковано к армии, строительство которой было начато вопреки Версальскому договору. 16 марта 1935 года А. Гитлер подписал закон о всеобщей воинской повинности. Англия и Франция молча проглотили эту пилюлю. Более того, Англия подписала документ, по которому Германии было разрешено строить надводные корабли и подводные лодки большого тоннажа. Геринг активно занялся строительством военной авиации. Создавались танковые войска, артиллерия, инженерные войска. Для качественной подготовки этих войск требовались полигоны.

2 мая 1936 года итальянские войска захватили столицу Абиссинии Аддис-Абебу, а 4 июля Лига Наций капитулировала, отменив санкции против Италии. Через две недели после этого Франко поднял военный мятеж в Испании – началась гражданская война. 22 июля А. Гитлер принял решение помочь испанским мятежникам. В Испанию были направлены техника и люди, которые получили возможность на практике совершенствовать свое боевое мастерство.

30 января 1937 года в своем выступлении в рейхстаге А. Гитлер торжественно заявил, что «Германия убирает свою подпись с Версальского договора». Это был откровенный вызов мировому сообществу, но Запад сделал вид, что не заметил этого. Казалось, что ни правительства Франции и Великобритании, ни их народы, ни сами немцы в начале 1937 года еще не понимали, что А. Гитлер готовился к большой войне и делал все возможное для ее приближения.

24 июня 1937 года военный министр фельдмаршал фон Блюмберг издал секретную директиву командующим видами вооруженных сил. В ней он писал: «Общая политическая обстановка дает право предполагать, что Германии не приходится ожидать нападения с какой-либо стороны. Несмотря на эти факты, неустойчивое политическое равновесие в мире, не исключающее неожиданных инцидентов, требует постоянной готовности вооруженных сил Германии к войне… чтобы быть в состоянии использовать военным путем политически благоприятные условия, если таковые возникнут». Безусловно, данная директива была согласована с А. Гитлером.

А. Гитлер продолжал вести работу по укреплению единоличной власти. В январе 1938 года он подстроил отставку военного министра и главнокомандующего генерал-фельдмаршала фон Бломберга, обвинив его в том, что тот женился на проститутке. Затем в отставку был отправлен главнокомандующий сухопутными войсками генерал-полковник барон Вернер фон Фрич, который был первым претендентом на освободившийся пост военного министра и главнокомандующего. В качестве главнокомандующего сухопутными войсками А. Гитлер после некоторых колебаний утвердил Вальтера фон Браухича. Эта работа была успешно завершена к началу февраля 1938 года.

В том году А. Гитлер решил заняться Австрией, в которой уже два года царили спровоцированные нацистами беспорядки. Он действовал под предлогом защиты интересов немцев в этой стране. Правительству Австрии практически был предъявлен ультиматум. В марте Австрия пала. Англия и Франция и на этот раз «осмотрительно» промолчали. В полдень 12 марта Геббельс прочитал по Германскому и Австрийскому радио обращение Гитлера. В нем фюрер оправдывал агрессию и обещал, что народ Австрии выберет свое будущее путем настоящего плебисцита. Сам же Гитлер отправился на свою малую родину, где его встречали с восторгом народные массы. Плебисцит состоялся 10 апреля 1938 года. Нацисты и подготовленные ими известные политики Австрии предлагали народу проголосовать за аншлюс. Когда подсчет голосов закончился, было объявлено, что «за» проголосовали 99,75 % австрийцев.

После присоединения Австрии Гитлер всеми силами приступил к подготовке операции против Чехословакии, важнейшим компонентом которой была политическая составляющая. В то же время эта операция под кодовым названием «Грюн» тщательно разрабатывалась и с военной стороны. В директиве, подписанной А. Гитлером 30 мая, значилось: «Моим

непоколебимым решением является разбить Чехословакию в ближайшем будущем путем проведения военной кампании». И далее указывалось, что «исполнение директивы необходимо обеспечить не позднее чем 1 октября 1938 года».

Это было решение фюрера. Но, как ни странно, в оппозицию ему стали многие высшие военные чины Германии. В эти дни генерал Йодль сделал следующую запись: «Выявляются достаточно резкие противоречия между интуицией фюрера, подсказывающей, что мы должны это сделать в текущем году, и армией, которая считает, что мы не в состоянии этого сделать, так как западные державы наверняка вмешаются, а мы еще не можем с ними равняться». Так проницательный штабной офицер вермахта подметил трещину в отношениях между Гитлером и некоторыми генералами самого высокого ранга.

Оппозицию грандиозным агрессивным планам фюрера против Чехословакии возглавлял начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Людвиг Бек. Это был именно тот человек, который еще в 1930 году, будучи командиром полка, всячески поддерживал национал-социалистов, а затем поддерживал приход к власти Гитлера. Теперь же, достаточное время поработав в высшем органе управления сухопутными войсками Германии и хорошо разобравшись в обстановке, он стал намного сдержаннее и осторожнее. В частности, он считал, что только нехватка стратегического сырья не позволит Германии выиграть большую войну, в которой противниками Германии могут выступить Англия, Франция, Соединенные Штаты и Советский Союз.

Об этом Бек откровенно написал в своей докладной записке, которую тут же вручил главнокомандующему сухопутными войсками и непосредственному начальнику генералу В. фон Браухичу. При этом он предупредил, что ряд генералов в случае игнорирования этой записки фюрером готовы подать в отставку.

Браухич передал меморандум Бека Гитлеру. Но фюрер на него отреагировал очень просто. Вместо того чтобы выслушать возражения мятежных генералов, он 10 августа пригласил в свою резиденцию в Бергхоф их заместителей и выступил перед ними с пламенной речью. Но и во время этой встречи Гитлера поддержали далеко не все генералы. Это было последнее совещание, на котором фюрер позволил военным задавать вопросы и вести обсуждение его решений. Отныне всю власть в армии Гитлер твердо брал в свои железные руки.

Одним из первых «сломался» Браухич, который как раз в то время разводился со своей первой женой и добивался разрешения жениться на некой Шарлотте Шмидт. Понимая, что его личная жизнь зависит от поддержки фюрера, он не нашел другого решения, как завить Гитлеру: «Я – солдат. Мой долг – повиноваться». Так же поступили и многие другие генералы.

Бек понял, что он побежден из-за беспринципности своих соратников, и 18 августа 1938 года подал в отставку. Гитлер принял ее, но сделал все возможное для того, чтобы причина отставки не стала известной за рубежом. Сам Бек также не проявлял особой активности. В результате факт смены начальников генерального штаба сухопутных войск Германии удалось сохранить в тайне от мировой общественности вплоть до октября 1938 года. Преемником Бека на посту начальника генерального штаба сухопутных войск стал пятидесятичетырехлетний генерал Франц Гальдер.

Надежды Бека в 1938 году имели свое основание. Ф. Гальдер разделял убеждения своего шефа и всячески помогал ему. И, став начальником генерального штаба, Ф. Гальдер не перестал критически относиться к тому, что предлагал фюрер. Из своих источников Гитлер знал об этом, но он был вынужден смириться с присутствием Ф. Гальдера исключительно ввиду его высокого профессионализма, которое так нужно было фюреру для реализации его агрессивных замыслов.

Оппозиция Гитлеру, толкавшему Германию к войне, начала складываться уже в 1936 году. Одним из первых, кто начал сопротивляться фюреру, был бургомистр Лейпцига Карл Гёрделлер, который решил порвать с нацизмом из-за его антисемитизма и политики лихорадочного вооружения. Затем к нему присоединились прусский министр финансов

Иоганнес Попиц и президент рейхсбанка доктор Шахт. В последующем к оппозиции примкнули и другие влиятельные в Германии лица.

В 1938 году в ряды оппозиции вступили и некоторые генералы. Кроме Ф. Гальдера, в нее вошли командующий третьим военным округом, включавшим Берлин и прилегающие территории, генерал Эрвин фон Вицлебен, начальник Потсдамского гарнизона генерал Эрих фон Брокдоф-Алефельд и командир танковой дивизии, расположенной в Тюрингии, генерал Эрих Гёпнер. Заговорщики дошли до того, что даже составили план отстранения Гитлера от власти сразу же после того, как он отдаст приказ о нападении на Чехословакию. Но уступничество Гитлеру со стороны Англии и Франции помешало реализации этого плана.

Вынашивая антигитлеровские планы, в то же время Ф. Гальдер как начальник генерального штаба продолжал работать над планированием военной операции по вторжению в Чехословакию и, по мере того как приближался день «Х», все более увлекался этой работой. Подстегивал и постоянный контроль со стороны фюрера.

9 сентября 1938 года Гитлер вызвал Кейтеля, Браухича и Гальдера в Нюрнберг на совещание, которое началось в 10 часов вечера, а закончилось в 4 часа утра. Это совещание проходило очень бурно. Ф. Гальдер оказался в очень щекотливом положении. Ему, главному заговорщику против Гитлера, приходилось в деталях докладывать фюреру план нападения на Чехословакию. При этом Гитлер постоянно упрекал Гальдера и Браухича в трусости и неспособности руководить подготовкой операции.

Но и после посещения Нюрнберга Гальдер продолжал работу, направленную против агрессивных планов Гитлера. С целью более глубокого изучения обстановки он поручил сотруднику абвера полковнику Остеру постоянно информировать его о политических шагах фюрера и через надежных людей предупредил руководителей Англии и Франции о подготовке вторжения в Чехословакию. Затем он встретился с Шахтом и еще раз детально уточнил план выступления против Гитлера.

Переворот был назначен на 13 сентября 1938 года, сразу же после того, как Гитлер вернется в Берлин с партийного съезда, проходившего в Нюрнберге. Но фюрер, словно почуяв опасность, в Берлин не вернулся, а поехал сначала в Мюнхен, а затем в Берхтенсгаден, где должен был встретиться с британским премьером.

Затем дата путча была перенесена на 28 сентября. Позже в своих показаниях на Нюрнбергском процессе Ф. Гальдер по этому вопросу сообщил следующее: «В полдень 26 сентября ко мне в кабинет зашел Вицлебен. Мы обсуждали положение дел. Он хотел, чтобы я отдал приказ действовать. Мы обсудили, сколько ему понадобится времени и т. д. Во время нашего разговора пришло известие о том, что британский премьер-министр и французский премьер согласились приехать к Гитлеру для дальнейших переговоров. Тогда я отменил приказ, так как полученные новости лишали наш план всякого смысла…»

Таким образом, политическая победа Гитлера в отношении Чехословакии не только спасла его от свержения генералами, но и сильно повысила авторитет фюрера в глазах германского народа и вермахта. Была выбита идеологическая почва из-под ног Браухича, Гальдера и других заговорщиков, а сторонники Гитлера получили новые козырные карты в свои руки. В эти дни генерал Йодль в своем дневнике записал: «Фюрер с его гением и целеустремленностью, которую не поколебала даже опасность возникновения мировой войны, опять одержал победу без применения силы. Остается верить, что те, кто не верил в его гений, теперь побеждены навечно».

В 6 часов утра 15 марта немецкие войска вошли на территорию Богемии и Моравии. Им не было оказано сопротивления. К вечеру того же дня А. Гитлер с триумфом прибыл в Прагу. Чехословакия перестала существовать как самостоятельное государство.

Следующей была Польша. В конце ноября 1938 года А. Гитлер потребовал от командующих всех видов вооруженных сил Германии представить ему план вторжения в Польшу к 10 января 1939 года. В отличие от оккупации Чехословакии, для нападения на Польшу Гитлер выдвинул более веские причины – возврат Германии земель, незаконно отнятых у нее по Версальскому договору в 1918 году. Эта идея была поддержана

большинством населения Германии, а также в армии.

Началась подготовка операции, получившей кодовое название «Вайс». Свои планы операции главнокомандующие видами вооруженных сил должны были представить фюреру к 1 мая 1939 года. Но разработка замысла войсковой операции против Польши была поручена небольшой группе офицеров ОКВ, а не генеральному штабу сухопутных войск Германии, так как Гитлер считал, что «иначе не стоит говорить о его полной секретности».

Только после утверждения этого замысла началась работа в штабах видов вооруженных сил. На этот раз Ф. Гальдер и его помощники добросовестно трудились над этим документом. Начальника генерального штаба явно привлекала идея быть причастным к столь масштабным и значимым историческим делам, где он мог полностью проявить свой военный талант.

22 июня 1939 года был создан Совет обороны рейха под председательством Г. Геринга. Ф. Гальдер вошел в его состав и в числе тридцати пяти высших чинов Германии присутствовал на его первом заседании. Теперь он уже не решался перечить фюреру или высказывать какие-либо свои сомнения. Огромная военная машина Германии уже набрала большие обороты, и было бессмысленно оказывать сопротивление этому механизму.

На рассвете 1 сентября 1939 года немецкая армия перешла границу Польши и двинулась в направлении Варшавы. Началась Вторая мировая война, и началась реализация плана войсковой операции, разработанной Ф. Гальдером.

4 сентября сражение закончилось соединением 4-й армии генерала фон Клюге, наступавшей из Померании, с войсками 3-й армии под командованием генерала фон Клюхнера, наступавшей из Восточной Пруссии в западном направлении. Именно в этом сражении впервые отличилась танковая группа генерала Г. Гудериана.

На следующий день у Гальдера состоялась беседа с генералами Браухичем и командующим группы армий «Север» фон Боком, в ходе которой все они пришли к единому выводу – противник разбит. Но на практике боевые действия между германскими и польскими войсками продолжались еще более двух недель, а закончились они победой вермахта и вводом советских войск в районы Западной Белоруссии и Западной Украины.

Во время польской кампании Ф. Гальдер уже в полной мере проникся воинственным духом и от всей души болел за результаты действий германской армии. В это время он практически отказывается от своих прежних антигитлеровских убеждений и начинает добросовестно работать на результат. Политические уступки Советскому Союзу со стороны берлинского руководства он расценивает как позор, но соглашается на передачу «нашими войсками всех важных объектов русским войскам». По результатам этой кампании сам Гальдер был награжден Железным крестом 1-го класса, а вскоре после этого получил Рыцарский крест.

25 сентября 1939 года в узком кругу высших офицеров А. Гитлер раскрыл свой замысел в отношении войны против Франции. Через два дня после этого на совещании у фюрера был произведен общий разбор обстановки, сложившейся в Европе после поражения Польши, и были определены новые задачи. Ф. Гальдер, присутствовавший на этом совещании, в своем дневнике записал: «Если учитывать только требования разума, то продолжать войну не следует. Аргументы – за это. Опасно заранее считать эту надежду действительностью. Диктует не разум, а интересы страны, вопросы престижа. Их трудно оценить. Привыкнуть к мысли, что война продолжается».

После этого совещания Ф. Гальдер детально уяснил предстоящую задачу, возможности вермахта, определил перспективы дальнейшего развития вооруженных сил Германии и начал детальную подготовку к очередной агрессии – против Франции. Но так как эта страна со стороны Германии была прикрыта линией укрепленных районов «Мажино», то было решено наступать в обход этой линии через Бельгию и Голландию.

14 октября Браухич и Гальдер встретились, чтобы обсудить создавшееся положение и выработать единую линию поведения. Агрессия против Бельгии и Голландии очень настораживала Гальдера, который считал, что Германия не готова к большой войне на

западе. Он даже в очередной раз поднял вопрос о необходимости устранения фюрера. Но слабовольный Браухич запротестовал, считая, что данная мера сильно ослабит Германию. Он предлагал только более подробно объяснить фюреру всю сложность обстановки и предупредить его о возможных последствиях. Но Гитлер не желал слушать своего генерала, повторяя, что англичане уступят только после ощутимых ударов на западе.

В очередной раз встал вопрос о заговоре. Но на этот раз в распоряжении заговорщиков не было ни одной надежной воинской части. Кроме того, все они искренне боялись, что устранение Гитлера вызовет беспорядки в Германии, которые западные страны сумеют использовать в своих интересах. Поэтому они решили временно ограничиться более тесным сотрудничеством с англичанами и не предпринимать более решительных шагов против Гитлера. И Гальдер и Браухич в этой ситуации проявили явную организаторскую слабость, граничившую с трусостью.

8 ноября вечером в мюнхенской пивной, где Гитлер произносил свою традиционную речь в ознаменование «пивного путча», взорвалась бомба, заложенная в колонну за трибуной. Но взрыв прогремел тогда, когда фюрер и другие важные нацистские лидеры уже покинули пивную. До сих пор остается неясным, было ли это покушение на жизнь вождя германского народа или хорошо спланированная акция гитлеровских спецслужб. 21 ноября Гиммлер публично заявил, что имел место заговор с целью убийства Гитлера в мюнхенской пивной, а взрыв был подготовлен по наущению английской секретной службы. Таким образом, подозрение к этому делу генеральской оппозиции было официально снято.

Избежав смерти от покушения (или имитации его) с целью подавления сопротивления оппозиции генералов, А. Гитлер собрал высших чинов вермахта в своей канцелярии 23 ноября.

Ф. Гальдер присутствовал на этом совещании. Идя на встречу с Гитлером, он опасался, что будет обвинен в противодействии замыслам фюрера. Но этого не случилось. Гитлер сознательно уклонялся от этой темы, понимая, что для него важнее опыт генералов, чем борьба с ними. Гальдер и Браухич уже не возражали и только просили о переносе сроков наступления на несколько дней для лучшей подготовки операции. В своем дневнике он записал: «Главком и я «проникнуты духом Цоссена». (Критический день!) Сроки наступления необходимо перенести по возможности на три дня».

23 ноября, в шесть часов вечера, А. Гитлер вновь пригласил к себе Браухича и Гальдера. Главнокомандующему он прочитал мораль, а начальника генерального штаба сухопутных войск около получаса продержал в приемной, как провинившегося мальчишку. Главное командование сухопутных войск фюрер обвинил в пораженческих настроениях, а Гальдера в том, что он «проявляет упрямство, которое мешает ему присоединиться в фюреру и поддержать его». Униженный Браухич, согласно его показаниям, данным позднее в Нюрнберге, предложил свою отставку, но Гитлер не принял ее.

День 23 ноября 1939 года во многих отношениях стал вехой в развитии событий. Он ознаменовал собой решительную победу А. Гитлера над армией, которая в Первую мировую войну свергла императора Вильгельма II и взяла на себя высшую политическую и военную власть в Германии. В частности, он предупредил Гальдера, что уничтожит любого, кто встанет на его пути, и подавит любую оппозицию со стороны генерального штаба «со всей жестокостью».

В период с 9 апреля по 5 мая 1940 года была проведена операция «Везерюбунг» (Учения на Везере) по захвату Дании и Голландии. Немцы потеряли в ходе этой операции 1317 человек убитыми, 16 064 ранеными и 2375 пропавшими без вести. Потери норвежцев, французов и англичан составили менее 5 тысяч человек.

В ходе этой операции особенно активно действовал германский флот. Сухопутные войска привлекались лишь отчасти. Естественно, что вся слава досталась морякам, и Гальдер в душе был ущемлен, считая это недоверием со стороны фюрера. В нем постоянно боролись два человека – генштабист и заговорщик, и когда вопросы касались профессиональных знаний, первый всегда побеждал второго.

Ф. Гальдер попытался проявить себя во время операции против Франции, разработкой которой генеральный штаб сухопутных войск Германии занимался с конца 1939 года. Эта операция получила кодовое название «Гельб». В ее основу был положен план Шлиффена (удар на правом фланге через Бельгию и Северную Францию), и, по сути дела, ничего нового изобретать не пришлось. Но союзникам каким-то образом стал известен этот план.

Начальник штаба группы армий «А» под командованием Рунштедта генерал Эрих Манштейн предложил радикально изменить первоначальный план и нанести главный удар в центре, через Арденны, массированными бронетанковыми силами. Гальдер был взбешен вмешательством в оперативный план Манштейна и добился назначения его командиром корпуса. Но Манштейн не отказался от своей идеи и при первой же возможности изложил ее Гальдеру. Он доказывал, что главный удар через Арденны пришелся бы по тому месту, где союзники его меньше всего ожидают, считая эту сильно пересеченную, покрытую лесами местность непригодной для массированного использования танков.

Ф. Гальдер, считавший вначале эту идею сумасбродной, вскоре начал привыкать к ней и работать над ее реализацией. 24 февраля уточненный вариант плана был одобрен.

Но вначале Гитлер решил осуществить оккупацию Голландии. Был разработан план, который начал осуществляться 10 мая 1940 года. Германские вооруженные силы по сигналу «Данциг» устремились через бельгийскую границу.

Но Ф. Гальдер снова оказался в стороне от пьедестала победы. Дело было в том, что Г. Геринг в решающий момент предложил фюреру уничтожить окруженную группировку одними только силами люфтваффе, и Гитлер согласился с этим. Но 26 июня фюрер внезапно отдал приказ войскам остановиться и позволил англичанам начать эвакуацию своих частей из Дюнкерка в Англию. 27 мая они вывезли 7,7 тысячи человек, 28 мая – 17,8 тысячи, 29 мая – 47,3 тысячи, 30 мая – 53,8 тысячи человек.

5 июня 1940 года немцы предприняли массированную атаку на Сомме против французов. Вскоре они уже наступали по всему 450-километровому фронту, растянувшемуся от Абвиля до Верхнего Рейна. Французы были обречены. 143 немецким дивизиям, в том числе десяти танковым, они смогли противопоставить только 65 дивизий, в большинстве своем второсортных, ибо лучшие соединения и бронетанковые силы были разгромлены в Бельгии. Немногое сохранилось и от маломощных французских ВВС. Англичане могли помочь своим союзникам только одной пехотной дивизией и частью танковой дивизии.

10 июня французское правительство покинуло Париж. 11 июня в войну на стороне Германии вступила Италия. 14 июня германские войска торжественно вступили в Париж. Вскоре Франция капитулировала. 22 июня в Компьене был подписан документ о капитуляции Франции.

Началась подготовка операции «Морской лев», направленной против Англии. Замысел этой операции разрабатывался ближайшим окружением А. Гитлера, и Ф. Гальдер только получал соответствующие задачи. Но на практике с проведением этой операции происходили затяжки. 3 июня в своем дневнике Ф. Гальдер впервые говорит о необходимости «удара против России, чтобы принудить ее признать господствующую роль Германии в Европе».

* * *

Таким образом, и И.В. Сталин, и А. Гитлер, используя возможности власти, довольно быстро пришли к единоличной диктатуре, подчинив себе все институты власти СССР и Германии, попутно расправившись с бывшими союзниками, ставшими опасными на пути к абсолютной власти.

В то же время на пути к диктатуре оба лидера делали все возможное для стремительного развития и укрепления своего государства. Экономический взлет СССР и Германии в 30-е годы не имел аналога в новейшей истории человечества. Примечательно, что он одновременно происходил по многим направлениям и осуществлялся в рамках

единого государственного плана.

И Германия и СССР не были противниками расширения территории и решения других задач военным путем. Но А. Гитлер в отличие от И. В. Сталина откровенно говорил о своих агрессивных планах и готовил к агрессии вооруженные силы. Советский Союз на словах вел миролюбивую политику, не отказываясь на деле от применения военной силы.

На острие меча Зигфрида

Германия, еще на уровне разрозненных княжеств, готовилась к большой захватнической войне с целью завоевания себе ведущего места в Европе. Теория «тотальной» (полной, всеобъемлющей) войны уже начала разрабатываться в начале XIX века немецким военным теоретиком К. Клаузевицем (1780–1871). Затем этой проблемой занимался Э. Людендорф (1865–1937). Основным содержанием данной теории была подготовка и ведение агрессивной войны, предусматривающей подчинение ее интересам всех сфер материальной и духовной жизни общества, а также ведение военных действий с применением любых, самых жестких средств борьбы в целях массового уничтожения агрессором как вооруженных сил, так и мирного населения стран, подвергшихся нападению. А. Гитлер уже в самом начале своей политической карьеры прочно опирался на теорию «тотальной» войны.

В начале XX появилась теория «молниеносной» войны А. фон Шлиффена (1833–1913). Содержанием этой теории было достижение полного разгрома вооруженных сил противника одним внезапным ударом без объявления войны, в течение одной быстротечной кампании, до того как противник сумеет отмобилизовать и развернуть свои вооруженные силы. А. Гитлер эту теорию также быстро взял на вооружение, заявив однажды на сборище своих сторонников: «Перед немецким народом сама история поставила большие задачи: раздвинуть границы государства и доказать преимущество немецкой нации над другими. С этой целью нам предстоит выкопать разящий меч Зигфрида и внезапно нанести удар по врагам, там и тогда, где они его меньше всего ждут. При этом я вижу, что сама судьба указывает нам путь на восток».

Косвенно Германия начала подготовку к войне против СССР практически сразу же после прихода к власти А. Гитлера в 1933 году со стремительного увеличения военного производства и укрепления армии. Фюрер лично контролировал этот процесс.

Непосредственно планирование военных действий германских войск против СССР началось летом 1940 года. Известно, что 25 июня 1940 года в ставке А. Гитлера велось обсуждение варианта плана последующих военных действий «Ударная сила на восток». Эта же идея нашла свое отражение и при обсуждении новых задач 28 июня. А 21 июля главнокомандующий сухопутными войсками Германии генерал-фельдмаршал В. Браухич получил устный приказ А. Гитлера о разработке плана войны на востоке, более того, А. Гитлер впервые приказал «заняться русской проблемой», тем самым точно определив объект будущей агрессии.

К выполнению этой задачи немедленно приступила небольшая группа военных специалистов. В последующем обсуждение данного вопроса в ставке Гитлера велось постоянно, и он приобретал все более четкие очертания. Ставка делалась на успех молниеносной войны.

Разработка замысла операции была завершена тем, что вечером 18 декабря 1940 года А. Гитлер подписал директиву верховного командования вермахта № 21, более известную как план «Барбаросса». Она являлась настолько секретной, что была изготовлена всего в девяти экземплярах, из которых три были вручены главнокомандующим сухопутных войск, военно-воздушных сил и военно-морского флота, а шесть заперты в сейфе главного штаба верховного командования. В основу замысла были заложены все самые передовые на то время принципы ведения войны, проверенные германским командованием на опыте ведения военных действий на Западе.

Для А. Гитлера было очень важно знать, что советское правительство ничего не подозревает об агрессивных планах Германии. Поэтому на следующий день, 19 декабря, в 12 часов дня А. Гитлер устроил официальный прием советскому послу в Германии В. Г. Деканозову по случаю вступления его в эту должность, хотя посол уже около месяца находился в Берлине и ожидал приема для вручения верительных грамот. Прием продолжался 35 минут. Гитлер был любезен с советским послом, не скупился на комплименты. Он даже извинился, что по условиям военного времени не смог принять В. Г. Деканозова раньше. Гитлер, искусно разыгрывая сцену взаимного доверия и понимания между Германией и СССР, заверил посла, что его страна не имеет никаких претензий к Советскому Союзу. В то время, когда В. Г. Деканозов мирно беседовал с Гитлером, тут же, в имперской канцелярии, а также в министерстве И. Риббентропа и в штабе В. Кейтеля уже началась напряженная тайная работа по подготовке планов войны против СССР.

Параллельно с разработкой стратегического замысла операции постоянно усиливалась разведка Советского Союза и его Вооруженных Сил. В самом начале января 1941 года начальник Отдела иностранных армий Востока генерального штаба сухопутных войск вермахта подполковник Э. Кинцель представил своему начальству доклад о политико-моральной устойчивости Советского Союза и боевой мощи Красной Армии. В нем он указывает, что после окончания войны с Финляндией была начата качественная перестройка РККА. По его мнению, «все эти меры должны обеспечить постепенное совершенствование Красной Армии во всех областях службы». При этом автор делает вывод о том, что работы по реформированию Красной Армии идут достаточно медленно и что «в России плоды новых методов станут ощутимыми лишь через несколько лет, если не десятилетий. В ближайшее время повсеместно возникнут серьезные различия в качестве войск. Части, находящиеся под наблюдением энергичных военачальников высокого ранга, уже вскоре достигнут сдвигов в знаниях и боеспособности. Но крупные провинциальные контингенты армии будут совершенствоваться лишь медленными темпами. Не изменится русский природный характер, тяжеловесность, схематизм, страх перед принятием самостоятельных решений, перед ответственностью.

Командиры всех степеней в ближайшее время не будут еще в состоянии оперативно командовать крупными современными соединениями и их элементами. И ныне, и в ближайшем будущем в крупных наступательных операциях они едва ли смогут использовать благоприятную обстановку для стремительных ударов, проявлять инициативу в рамках общей поставленной командованием задачи».

А. Гитлер решил максимально использовать фактор времени и совершить агрессию против СССР раньше, чем будут закончены все мероприятия по реорганизации Красной Армии. 31 января 1941 года им была подписана директива по стратегическому развертыванию войск по плану «Барбаросса». В ней формулировались цели этой акции, освещалось положение советских войск в европейской части СССР, раскрывался замысел предстоящей операции, ставились задачи группам армий, авиации и военно-морскому флоту. На выполнение мероприятий стратегического развертывания отводилось четыре месяца. Директива была разослана всем командующим группами армий, танковыми группами и командующим армиями.

Важнейшей особенностью стратегического развертывания было то, что мобилизация в прямом ее понимании не проводилась. Наращивание группировки осуществлялось последовательно в ходе военных действий Второй мировой войны и под ее прикрытием. Так, если в мае 1940 года численность вооруженных сил Германии составляла 5,45 миллиона человек, то к июню 1941 года она возросла до 7,25 миллиона человек. Количество дивизий возросло с 156 до 210, на восток выдвигались дивизии, получившие боевой опыт на западе, а на запад направлялись преимущественно вновь сформированные дивизии, предназначенные для несения оккупационной службы и боевого слаживания.

А. Гитлер постоянно напоминал своим генералам, что успех предстоящей операции будет во многом зависеть от внезапности ее начала. С целью сокрытия проводимых

мероприятий 15 февраля штаб верховного командования Германии издал специальную «Директиву по дезинформации». В соответствии с этой директивой на первом этапе (до апреля 1941 года) сосредоточение и развертывание германских войск по плану «Барбаросса» должно было объясняться как обмен силами между Западной и Восточной Германией и подтягивание эшелонов для проведения операции «Мирита» по вторжению в Югославию. На втором этапе (с апреля до вторжения на территорию СССР) стратегическое развертывание изображалось величайшим дезинформационным маневром, который якобы проводился с целью отвлечения внимания от приготовлений для вторжения в Англию. Вполне понятно, что такая дезинформационная операция могла иметь успех только при условии полного паралича работы советской разведки на территории Германии, и, видимо, основания для этого были.

Зимой и весной 1941 года подготовка к нападению на СССР принимала все более широкий размах и охватывала все новые звенья военного аппарата управления. У В. Браухича и Ф. Гальдера происходили непрерывные совещания, на которые то и дело вызывались главнокомандующие группами войск и их штабные начальники. Один за другим прибывали представители финской, румынской и венгерской армий. В штабах групп армий в феврале – марте проводились военные игры, на которых по этапам проигрывались действия войск и порядок организации их снабжения. Большая военная игра с участием начальника генерального штаба Ф. Гальдера, командующих и начальников штабов армий была проведена в штабе группы армий «А» («Юг») в Сен-Жермене (около Парижа). Отдельно проигрывались действия танковой группы Гудериана. Только после столь тщательной проверки и доработки планы групп армий и отдельных армий 17 марта 1941 года были доложены Гитлеру.

В 11 часов 30 марта 1941 года состоялось большое совещание у А. Гитлера, записи о котором содержатся в дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера, имеются тезисные пометки о сильных и слабых сторонах Красной Армии. На этом совещании Гитлер показал неплохие знания предстоящего противника. По его мнению, советские танки «заслуживают уважения». Гитлер заметил, что РККА имеет «неплохие тяжелые танки», но их немного, а остальные в своей массе – устаревшие типы. Далее он указал, что по численности танков русские сильнее всех в мире, «однако они имеют лишь небольшое количество новых гигантских танков с длинноствольной 105-мм пушкой (танки-колоссы весом 42–45 тонн). Русская авиация велика по количеству, но многие ее самолеты – устаревших типов, и лишь незначительное число – современные машины».

Далее фюрер перешел к обсуждению вопросов военного искусства. Он отметил, что основные проблемы связаны с размерами территории Советского Союза, и сказал, что «бескрайние просторы делают необходимой концентрацию сил на решающих участках, массированное использование авиации и танков на решающих направлениях. Авиация не может одновременно обработать этот гигантский район. В начале войны она должна установить господство лишь на отдельных участках этого колоссального фронта. Поэтому использовать ее нужно в тесной связи с операциями сухопутных войск. Русские не выдержат массированных ударов танков и авиации».

Во второй половине того же дня состоялось очередное совещание у А. Гитлера, на котором в числе других также обсуждалась и операция «Барбаросса». На этот раз свои замыслы докладывали командующие группами армий, а также генерал Гудериан. Гитлер внимательно выслушал все доклады и задал ряд уточняющих вопросов. Позже присутствовавшие на совещании генералы отмечали, что для многих из них была неожиданной та глубина, которую проявил фюрер в ряде чисто специфических военных вопросов.

7 апреля по требованию А. Гитлера была направлена директива командующему германскими оккупационными войсками в Норвегии о задачах германских и финских войск в войне против СССР. В ней ставились задачи по обороне области Петсамо, где находились

залежи полезных ископаемых, а также по овладению рядом советских территорий, прежде всего портом Мурманск и полуостровом Ханко.

«Мы должны полностью обеспечить себе безопасность на Севере и отрезать Россию от портов, через которые она сможет общаться с внешним миром, – сказал фюрер. – Финны уже доказали свою способность сковывать значительные силы Красной Армии умелой обороной. Я не рассчитываю на них особенно при решении наступательных задач. Пусть хотя бы прикроют фланги наших дивизий».

26 апреля генерал Ф. Гальдер докладывал А. Гитлеру, что с начала месяца отмечено усиление группировки советских войск на западе Советского Союза на десять дивизий. При этом он отметил, что «увеличение количества войск на западе России за счет прибытия новых десяти дивизий наиболее заметно в районах Белостока и Львова. В тылу фронта, подтянувшегося к самой границе, расположены четыре танковые группы разной численности. Они находятся в Бессарабии, в районе Житомира и западнее, а также под Вильнюсом и Псковом».

А. Гитлер внимательно выслушал доклад, не отрывая взгляда от карты, после чего заметил: «Этими действиями русские сами загоняют свои силы в места, где мы сможем их разгромить несколькими встречными ударами. Мы не будем штурмовать сильную оборону в начале войны, а постараемся найти в ней слабое место для того, чтобы быстрее проникнуть в глубину. Я предлагаю увеличить концентрацию сил на избранных направлениях, прежде всего танковых дивизий».

В следующий раз вопрос ведения военных действий по плану «Барбаросса» рассматривался в генеральном штабе сухопутных войск Германии в присутствии А. Гитлера 30 апреля. Тогда было произведено уточнение соотношения сил и средств сторон, а также составлен прогноз предстоящих приграничных сражений, особенно в полосе армий «Юг». В завершение совещания фюрер сказал: «Россия несколько раз недружелюбно поступала с нами, поэтому мы должны обеспечить себя от всяких неожиданностей с ее стороны. В то же время предлагаю ускорить наши приготовления. Считаю, что ориентировочно наступление можно будет начать 23 мая».

Но затем на совещании у начальника Отдела обороны страны штаба верховного главнокомандования вермахта от 1 мая 1941 года А. Гитлер перенес дату начала войны против СССР на 22 июня. При этом, оценивая реализацию плана «Барбаросса», главнокомандующий сухопутными войсками Германии генерал В. Браухич высказал предположение, что ожесточенные приграничные сражения продлятся до четырех недель. «В дальнейшем же ходе операций можно рассчитывать только на более слабое сопротивление», – сделал он вывод.

А. Гитлер прилагал все усилия для того, чтобы объяснить предстоящую войну Германии с Советским Союзом как жизненно важную необходимость. Так, 2 мая 1941 года в приложении к приказу в связи с предстоящими боевыми действиями на Востоке командующий 4-й танковой группой генерал Э. Гепнер писал: «Война против России является важнейшей частью борьбы за существование немецкого народа… Эта борьба должна преследовать цель превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью. Каждый бой должен быть организован и проводиться с железной волей, направленной на безжалостное и полное уничтожение противника…»

В тот же день А. Гитлер собрал совещание членов экономического штаба «Восток» при правительстве Германии, на котором обсуждались вопросы использования в будущем оккупированных областей СССР. Намерения А. Гитлера и его окружения были очень жесткими. В решениях этого совещания, в частности, было записано:

«Продолжать войну можно будет лишь в том случае, если все вооруженные силы Германии на третьем году войны (вторая половина 1941 года. – *Авт.*) будут снабжаться продовольствием за счет России. При этом несомненно: если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, то десятки миллионов людей будут обречены на голод…»

31 мая 1941 года. А. Гитлер санкционировал полеты самолетов немецкой

разведывательной авиации вдоль восточной границы с целью доразведки группировки советских войск и получения других разведывательных данных.

7 июня 1941 года. А. Гитлером в очередной раз оговариваются сроки и порядок вступления в войну против СССР Финляндии, а также уточняются основные направления ударов финских войск.

10 июня 1941 года. В ставке Гитлера заслушивается отчет о подготовке разведки (абвер) к операции по плану «Барбаросса». Адмирал Канарис доложил то, что в этом плане уже сделано и что его ведомство намерено предпринять после начала военных действий. А. Гитлер, выслушав доклад, отметил:

«Предельная глубина советской территории должна постоянно контролироваться нашими людьми. Используйте все возможности. Думаю, что человеческого материала вам будет предостаточно. Необходимо немедленно использовать все в наших целях».

13 июня 1941 года. В ставке Гитлера обсуждается вопрос, как объяснить войскам необходимость нападения на Советский Союз, а также время начала военных действий (в 3 часа 30 минут или на рассвете). Кроме того, фюрером заслушиваются доклады об инспекторских поездках представителей генерального штаба сухопутных войск в соединения, предназначенные для участия в плане «Барбаросса».

14 июня 1941 года. У А. Гитлера проходит большое совещание, на котором командующие группами армий, армиями и танковыми группами докладывают фюреру о готовности к предстоящим действиям по плану «Барбаросса». На этом совещании возникли разногласия в отношении того, какие трудности возникнут перед германским командованием в ходе окружения советских войск в районе Белостока. В результате произошло уточнение ряда оперативных вопросов, а также решили начать наступление в три часа утра.

17-19 июня 1941 года. По приказу А. Гитлера состоялась поездка генерала Ф. Гальдера в Румынию для согласования некоторых деталей операции с началом войны против СССР.

20 июня 1941 года. Вечером в генеральный штаб поступило воззвание А. Гитлера к войскам по поводу начала войны против СССР.

21 июня 1941 года. Ф. Гальдер докладывает А. Гитлеру о соотношении сил и средств сторон перед началом войны против СССР. По этому докладу против 213 советских соединений дивизионного состава Германия имеет 141 соединение. Генерал отмечает, что Германия почти в два раза превосходит Советский Союз по числу танковых дивизий, но уступает почти в три раза по числу механизированных бригад и абсолютно по числу кавалерийских дивизий.

– Это нормально, – резюмирует фюрер. – Время кавалерии давно прошло, сейчас – время танков. При виде наших танков русская пехота разбежится. Главное – напор и скорость. Авиация Геринга расчистит вам дорогу. Ваше дело – оперативно использовать результаты ее ударов, и успех обеспечен.

Но самое главное в другом. Решение принято, машина запущена, и нет необходимости в последнее время менять что-либо. Наша задача сделать все возможное, чтобы принятые решения были выполнены. О том, как это происходит, мы поговорим уже завтра.

Итак, подготовка к началу войны Германии с Советским Союзом к 21 июня 1941 года была завершена успешно. В относительно короткие сроки с соблюдением мер маскировки удалось у восточной границы развернуть мощную группировку войск, разработать оперативные планы ее действий, обеспечить всем необходимым. Кроме того, были решены вопросы с союзниками и пополнения войск резервами. Оставалось только дать последнюю команду для того, чтобы эта огромная военная машина пришла в движение и начала выполнять поставленные перед ней задачи.

Безусловно, роль А. Гитлера в подготовке и выполнении этой работы была огромной. Он был одним из главных инициаторов войны Германии против Советского Союза, активно участвовал в разработке плана «Барбаросса». В последующем фюрер внимательно и детально отслеживал проведение этого плана в жизнь. Было бы неправильным сказать, что Гитлер лично осуществлял разработку плана войсковой операции – это не является

обязанностью главы государства. Но он знал все основные принципиальные его моменты и понимал стратегическую взаимосвязь между ними, что позволяло увязать действия разнородных и разобщенных сил и средств в одно целое.

Если завтра война…

Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения, что в 30-е годы Советский Союз, а значит, и И.В. Сталин готовились к войне. Это было видно по всему – от создания мощного военно-промышленного комплекса страны до военизированной подготовки допризывной молодежи. В то же время в целом о подготовке к войне как о единственном главном направлении советской государственной политики того периода говорить нельзя.

С 1938 года в СССР активно ведется работа по выполнению третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства страны. Выполнение этого плана было главной заботой И. В. Сталина и его ближайшего окружения. Результаты этой работы были более чем впечатляющими. К концу 30-х годов Советский Союз обладал огромной собственной экономической базой, не зависимой от экономики других стран.

В последние предвоенные годы постоянно происходил прирост производства промышленной продукции. Если в стране в 1939 году было выплавлено 17, 6 миллиона тонн стали и добыто 30,3 миллиона тонн нефти, то в 1940 году было выплавлено 18,3 миллиона тонн стали и добыто 31,1 миллиона тонн нефти. Кроме того, за последний предвоенный год в СССР было добыто 165,9 миллиона тонн угля, произведено 14,9 миллиона тонн чугуна, 48,3 миллиарда киловатт электроэнергии, выпущено 145,5 тысячи автомашин (136 тыс. грузовых). В целом производство валовой продукции всей промышленности страны к тому времени по сравнению с 1913 годом увеличилось в 8,5 раза.

В то же время на производство средств потребления и удовлетворение насущных потребностей советского народа выделялось минимальное количество произведенных средств. Над страной постоянно витал дух войны, и вопросам обороны отдавалось приоритетное значение. Подготовка СССР к будущей войне происходила одновременно с решением страной многих других задач, а осуществлялась по нескольким конкретным направлениям. В качестве главных из них можно назвать: перевооружение РККА, развитие видов Вооруженных Сил и родов войск, изменение организационно-штатной структуры основных воинских формирований, оборудование театра предстоящих военных действий, проведение кадровой политики в армии и на флоте.

В то же время нужно признать, что в третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства Советского Союза вопросы строительства Красной Армии были прописаны особой строкой. План строительства Красной Армии всякий раз рассматривался и принимался на уровне Центрального Комитета партии и Советского правительства, поэтому к его подготовке относились очень серьезно. В этой работе принимали участие все управления Генерального штаба, затем документ поступал в Наркомат обороны, где так же тщательно отрабатывался. М. В. Захаров пишет: «Все важнейшие планирующие документы Генштаба после утверждения в Политбюро ЦК и СНК всегда подписывались несколькими ответственными лицами. И. В. Сталин строго придерживался установленного порядка, и подобные документы единолично им не подписывались. И на этот раз на титульном листе третьего пятилетнего плана строительства Красной Армии стояли подписи красным цветом «за» – И. Сталина, К. Ворошилова и других».

План развития РККА предусматривал, прежде всего, наращивание выпуска оборонной продукции. На основе больших экономических достижений СССР в конце 30-х годов значительное развитие получила оборонная промышленность. Если на протяжении 1938–1940 годов ежегодный прирост производства всей продукции народного хозяйства СССР составлял в среднем 13 %, то продукции оборонного значения – 32 %. Благодаря этому в Советском Союзе было произведено в 1939 году 2,9 тысячи танков и 10,3 тысячи самолетов, в 1940 году – 2,7 тысячи танков и 10,6 тысячи самолетов, до 1 июня 1941 года –

1,5 тысячи танков и 5 тысяч самолетов. В целом же количество основных образцов вооружения РККА с 1939 по 1941 год увеличилось: артиллерийских орудий – с 34,2 до 91,4 тысячи, танков – с 10 до 20,6 тысячи, самолетов – с 5,5 до 20,6 тысячи единиц.

Параллельно с перевооружением Красной Армии происходили существенные организационно-штатные мероприятия с целью повышения боевых возможностей войск.

Вся территория СССР была разделена на военные округа, на базе которых в случае войны предусматривалось развертывание фронтов. В составе каждого округа могло находиться от трех до пяти общевойсковых армий, а также соединения (части) непосредственного подчинения командующему округом. Непосредственно на западной границе располагались войска Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого и Одесского округов.

Первым оперативным объединением Красной Армии были армии. В состав каждой армии входило по одному-два стрелковых корпуса, отдельные стрелковые и кавалерийские дивизии и, как правило, один механизированный корпус. Кроме того, для поддержки действий наземных войск командующему армией могло придаваться по одной-две авиационной дивизии, артиллерийские части РГК и укрепленные районы, находящиеся в полосе их действий.

Командование РККА хорошо понимало, что даже самое совершенное оружие не сможет решить задачи в будущей войне без участия человека. Это выразилось прежде всего в повышении численности РККА. К началу 1938 года численность Вооруженных Сил СССР была доведена до 1 миллиона 433 тысяч человек. 1 сентября 1939 года в стране принимается Закон о всеобщей воинской обязанности. К началу 1941 года численность Красной Армии и Военно-морского флота достигла 4,2 миллиона человек. На 22 июня под ружьем в составе Вооруженных Сил СССР находилось уже 5 миллионов человек. Из этого количества Сухопутные войска составляли 80,6 %, Военно-воздушные силы – 8,6 %, Военно-морской флот – 7,3 %, войска противовоздушной обороны – 3,3 %. Кроме того, были подготовлены многочисленные резервы. В то время уровень специализации резервистов был не очень высок. Исходили из того, что только в колхозах трудится более 1,4 миллиона трактористов и водителей автомобилей, которых быстро можно было при необходимости пересадить на боевые машины. По всей стране в системе Осоавиахима готовили пилотов, радистов, парашютистов, пехотинцев-стрелков.

Таким образом, не вызывает никаких сомнений тот факт, что в конце 30-х – начале 40-х годов экономика и военно-промышленный комплекс Советского Союза были нацелены на неизбежность скорой большой войны. Это объясняет стремительное развитие военно-промышленного комплекса страны, разработку многочисленных новых образцов вооружения и военной техники, их массовое производство и внедрение в войска. Правда, последние нередко не успевали качественно освоить новые образцы. Также не успевали создавать ремонтную базу для этих новых образцов. В агрессивных замыслах фашистской Германии и ее союзников сомневаться уже не приходилось. Советский Союз готовился к войне с могучим противником и в материальном отношении был готов к этой схватке.

Важнейшей составной частью подготовки СССР к будущей войне на Западе было предварительное оборудование театра военных действий.

В конце 30-х годов Б. М. Шапошников, назначенный на должность начальника Генерального штаба после ареста Маршала Советского Союза А. Е. Егорова, продолжил дело своего предшественника по оборудованию линии укрепленных районов по западной границе СССР, которая отделяла Советский Союз от зависимой от Румынии Бессарабии, Польши, Литвы, Эстонии и Финляндии. Работы по строительству этих укрепленных районов, с одобрения И. В. Сталина и Политбюро, велись с конца 20-х годов, и к концу 1939 года сделано было немало.

Всего на старой границе СССР в 1928–1937 гг. было построено 12 укрепленных районов: Карельский, Кингисеппский, Псковский, Полоцкий, Минский, Мозырский, Коростеньский, Новоград-Волынский, Летичевский, Могилев-Ямпольский, Рыбницкий,

Тираспольский. Еще один – Киевский УР – был возведен в 250 км от границы для прикрытия столицы Украины.

По решению советского правительства в 1938 и 1939 гг. начался второй этап строительства укрепленных районов. Пытаясь увеличить плотность укрепленных районов на западной границе, советское правительство в 1938–1939 гг. начало строительство еще 8 укрепленных районов: Каменец-Подольского, Изяславского, Островского, Остропольского, Себежского, Слуцкого, Староконстантиновского, Шепетовского. Одновременно продолжалось совершенствование уже построенных укрепленных районов. Росло число огневых сооружений различного типа, усиливались препятствия, росло число минных полей. Для усиления противотанковой обороны в дотах устанавливали артиллерийские орудия, усиливали защитные свойства долговременных сооружений. В них был проведен большой объем работ – забетонировано 1028 сооружений.

Освободительные походы отодвинули границу СССР на запад, и к концу 1939 года дальнейшее строительство укрепленных районов на прежнем рубеже стало нецелесообразным. Возникла новая проблема – укрепление новых государственных границ Советского Союза. Одновременно необходимо было максимально эффективно использовать наработки в этом вопросе, что делать с только что построенными, но уже не «нужными» долговременными укреплениями, как применять обученный личный состав для строительства укрепленных районов, как осуществлять формирование их гарнизонов?

Изменившиеся внешнеполитические условия заставили руководство страны пересмотреть приоритеты и вынудили перенести усилия на возведение новых укреплений с другой конфигурацией границы. Результатом стал третий этап строительства укреплений – возведение (дооборудование) в 1940–1941 годах двадцати укрепленных районов на новой государственной границе СССР – Мурманского, Сортавальского, Кексгольмского, Выборгского, Ханко, Титовского, Шяуляйского, Каунасского, Алитусского, Гродненского, Осовецкого, Замбровского, Брестского, Владимир-Волынского, Струмиловского, Рава-Русского, Перемышльского, Ковельского, Верхне-Прутского и Нижне-Прутского. Одновременно началась подготовка к строительству еще трех укрепленных районов: Дунайского, Одесского и Черновицкого.

Укрепленные районы, возводившиеся на новой границе, отличались от тех, что остались в глубине страны. Они представляли собой участок местности, оборудованный системой долговременных и полевых фортификационных сооружений, которые готовились для длительной обороны гарнизонами УРов во взаимодействии с общевойсковыми частями и соединениями полевого наполнения. Главным отличием были сами долговременные сооружения. При этом укрепленные районы имели конкретные полосы и глубину обороны.

В то же время советское руководство не отказывалось и от использования укрепленных районов, расположенных по старой границе СССР. Так, начальник Главного военно-инженерного управления РККА в «Соображениях по использованию укрепленных районов по старой западной и северо-западной границе» отмечал, что «существующие укрепрайоны должны быть подготовлены в качестве второй укрепленной зоны, занимаемой полевыми войсками для обороны на широком фронте». Это требовало не только оставления в укрепленных районах на старой государственной границе определенного количества войск и специального оборудования, но и их содержания и обслуживания.

Как показала практика, начатое в 1940 году строительство долговременных железобетонных сооружений к началу войны прикрывало не более 30 процентов от всей протяженности новых западных границ СССР. Их глубина была 3–4 км. Довольно большие участки местности оставались открытыми или прикрывались легкими полевыми укреплениями, которые не могли полностью обеспечить устойчивость обороны, особенно в противотанковом отношении, что создавало предпосылки к их прорыву.

16 июня ЦК ВКП(б) и СНК СССР вынесли специальное постановление «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов». Партийное руководство и правительство страны стремились ускорить установку артиллерии и оборудования

укрепленных районов. Но, как показала практика, одних постановлений было мало. На 22 июня 1942 года план строительства долговременных фортификационных сооружений в укрепленных районах был выполнен не более чем на 25 процентов. К тому моменту удалось построить около 2500 железобетонных сооружений (дотов), но из них лишь около 1000 получили артиллерию. В остальных устанавливались пулеметы.

Таким образом, есть полное основание утверждать, что оборудование возможного театра военных действий вдоль западной границы СССР в предвоенные годы в основном основывалось на строительстве линий укрепленных районов.

При этом нужно отметить, что с учетом всей протяженности линии государственной границы средняя плотность сооружений была низкой. Например, на 1 июня 1941 года в Гродненском УРе, имевшем протяженность 80 км, было построено 165 сооружений, в Брестском протяженностью 180 км – забетонировано только 168. В 82-м укрепленном районе Одесского военного округа на 1 км фронта приходилось 0,8 сооружения, а по переднему краю, проходившему по рубежу Днестра, плотность их составляла 0,4 на 1 км фронта. Существовали участки шириной до 8 км, на которых вообще не было долговременных сооружений, и между многими из них отсутствовала огневая связь. Поэтому расчеты на упорную оборону укрепленных районов в то время, когда они еще не были созданы или находились в стадии оборудования и имели низкие огневые возможности, были не обоснованы.

В то же время нужно понимать, что укрепленные районы располагались на наиболее опасных направлениях и сами по себе не должны были решать всех задач обороны границы страны. Они только должны были служить основой для полевой обороны армий прикрытия государственной границы, которые должны были строить свою систему оборонительных полос, рубежей и районов.

В 1937–1939 годах на смену репрессированным пришли молодые военачальники, не имевшие надлежащего опыта управления крупными войсковыми формированиями. Эта стало очевидным в годы военных конфликтов конца 30-х годов и в годы Великой Отечественной войны. Таким образом, в канун Великой Оте-чественной войны начал формироваться новый кадровый корпус высшего командования РККА. Главным моментом этого процесса было Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 января 1941 года «О начальнике Генштаба и командующих военными округами». В соответствии с этим постановлением начальником Генерального штаба и заместителем наркома обороны назначался генерал армии Г. К. Жуков, командующим войсками Киевского Особого военного округа генерал-лейтенант М. П. Кирпонос, командующим войсками Ленинградского военного округа генерал-лейтенант М. Попов, командующим войсками 1-й армии – генерал-лейтенант А. И. Еременко. Произошли и другие назначения.

Базу высших кадров РККА к началу Великой Отечественной войны составляли три группы военачальников. Первая – «старая гвардия», активные участники Гражданской войны. В основном это были военные деятели – соратники И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова и С.М. Буденного, особенно по 1-й Конной армии: С.К. Тимошенко, Г.И. Кулик, О.И. Городовиков, И.Р. Апанасенко, И.В. Тюленев, К.А. Мерецков, Е.А. Щаденко, А.В. Хрулев, Я.Т. Черевиченко и другие.

Во вторую группу входили многие хорошо зарекомендовавшие себя командиры по опыту боев в Испании, Китае, на реке Халхин-Гол, в советско-финляндской войне. Среди них были Н.Г. Кузнецов, Д.Г. Павлов, Г.К. Жуков, Ф.И. Кузнецов, М.П. Кирпонос, В.И. Чуйков и другие.

К третьей группе советской военной элиты этого времени правомерно отнести сравнительно молодых по возрасту военных деятелей, в недавнем прошлом выпускников Военной академии имени М.В. Фрунзе, Академии Генерального штаба или Высших академических курсов: И.С. Конева, Р.Я. Малиновского, А.И. Антонова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского, И.Х. Баграмяна, М.В. Захарова, Л.А. Говорова, П.А. Курочкина, В.В. Курасова, Г.К. Маландина, Л.М. Сандалова, В.Д. Соколовского и других.

Большим было различие в качестве подготовки командного состава советской и германской армий. В германской армии свыше 85 % военачальников высших рангов имели академическое образование, 90 % офицеров в звене рота – полк были выпускниками военных училищ. Кроме того, почти 100 % офицеров и генералов германской армии получили боевой опыт в 1939 и 1940 годах. В РККА на 1 января 1941 года списочная численность командно-начальствующего состава армии и флота составляла 579,6 тысячи человек. Из этого количества лиц начальствующего состава 7,1 % имели высшее образование, 55,9 % – среднее, 24,6 % – ускоренное, 12,4 % – не имели военного образования. Боевой опыт Гражданской войны, локальных войн конца 30-х годов, операций по освобождению Западной Белоруссии и Западной Украины, советско-финляндской войны имели в Сухопутных войсках около половины, а в целом по РККА – только 26 % командно-начальствующего состава.

Командующие войсками западных военных округов имели боевой опыт, полученный в различное время, 89 % из них имели высшее военное образование. Однако стаж руководства войсками округа у лиц этой категории был небольшой и колебался от одного года (Западный Особый военный округ) до нескольких месяцев (Прибалтийский и Киевский Особый военные округа).

Все командующие армиями также имели боевой опыт, 71 % из них имели высшее военное образование. Из командиров армейских корпусов высшее военное образование имели только 52 %, из командиров дивизий – 40 %. Каждый второй командир дивизии был назначен на должность за 2–3 месяца до начала войны.

Летом 1940 года на сборах командиров полков Красной Армии выяснилось, что из 225 человек этой категории ни один не имел академического образования, 25 человек окончили военные училища и 200 человек – курсы младших лейтенантов. К 22 июня 1941 года уже 15 % командиров полков имели высшее военное образование, 60 % – среднее, а остальные – только ускоренную подготовку по программе курсов младших лейтенантов.

Военные события 1939 и 1940 годов обусловили быстрый карьерный рост ряда советских военачальников. 7 мая 1940 года наркомом обороны был назначен С.К. Тимошенко, в тот же день получивший звание Маршала Советского Союза. Тогда же высшего воинского звания были удостоены начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников и начальник Главного артиллерийского управления Г.И. Кулик. Указом Президиума Верховного Совета СССР для начальствующего состава вводятся генеральские и адмиральские звания. Для общевойсковых командиров это были звания: генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал-полковник, генерал армии. Закреплялось и установленное ранее звание Маршал Советского Союза. Для командиров родов войск и служб тоже вводились генеральские звания: генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал-полковник, но с соответствующим добавлением в конце – артиллерии, авиации, танковых войск, войск связи, инженерных войск, технических войск, интендантской службы. 4 июня постановлением Совета Народных Комиссаров СССР новые звания были присвоены 966 генералам и 74 адмиралам. Звания генерала армии первыми были удостоены Г.К. Жуков, К.А. Мерецков, И.В. Тюленев, генерал-полковника – И.Р. Апанасенко, О.И. Городовиков, А.Д. Локтионов, Г.М. Штерн, генерал-полковника танковых войск – Д.Г. Павлов, генерал-полковника артиллерии – Н.Н. Воронов и В.Д. Грендаль, адмирала – Л.М. Галлер, И.С. Исаков и Н.Г. Кузнецов. В числе генерал-лейтенантов были названы 81 общевойсковой командир, 6 командиров войск НКВД, 33 генерал-лейтенанта родов войск, генерал-майоров – 479 общевойсковых командиров и 375 командиров родов войск.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что репрессии 1937–1938 гг. нанесли стране большой вред в то время, когда нужна была консолидация всех ее сил для будущей войны. Конечно, трудно сказать уверенно, как бы повели себя расстрелянные маршалы, командармы, комиссары и флагманы флота при встрече с сильным врагом? Но выдвинутые на смену им люди не выдержали проверки боем: командующий Белорусским Особым военным округом Г. Д. Павлов и его заместители за военные неудачи были расстреляны,

командующий Киевским Особым военным округом М. П. Кирпонос погиб в окружении, погубив вверенные ему войска, командующий Одесским военным округом Я. Т. Черевиченко закончил войну командиром стрелкового корпуса. Командующий войсками Северо-Западного фронта (Прибалтийского военного округа) Ф.И. Кузнецов утром 22 июня 1941 года потерял практически всю свою авиацию, которая была сожжена на аэродромах. Он отдал приказ об отходе разгромленных войск и в тот же день был отстранен Сталиным от командования. В последующем его имя не звучало в победных реляциях Красной Армии. Не оправдали себя и прославленные сталинские маршалы К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, Г.И. Кулик, многие командармы, командиры корпусов и дивизий.

Но также не следует забывать, что накануне Великой Отечественной войны потребность в кадрах возрастала в связи с техническим переоснащением, организационным совершенствованием и стратегическим развертыванием армии и флота. Только в 1940 году в СССР было сформировано семь военных округов и армий, шесть стрелковых корпусов, 22 стрелковые дивизии, 120 бригад и полков. На 1941 год планировалось иметь 16 управлений военных округов, одно фронтовое управление, 20 управлений полевых армий, 62 управления стрелковых корпусов, 29 управлений механизированных корпусов, около 300 управлений дивизий сухопутных войск. Для комплектования командных и штабных кадров этих объединений и соединений требовались тысячи генералов и офицеров, имеющих необходимые знания и стаж командования войсками.

Таким образом, подготовка СССР к будущей войне в 30-е годы шла полным ходом одновременно по многим направлениям. Безусловно, ходом этой работы руководили Наркомат обороны и Генеральный штаб РККА, но за ее результатами зорко следили члены Политбюро и лично сам И. В. Сталин. Он практиковал периодическое заслушивание лиц, отвечавших за состояние армии и Военно-морского флота, бывал на демонстрации новых образцов вооружения и боевой техники, на парадах войск. Он лично вникал во многие кадровые вопросы и участвовал в обсуждении кандидатов на высшие командные должности. Все это дает полное основание утверждать, что военная работа была одним из главных направлений деятельности И. В. Сталина и что он добился больших результатов в выполнении этой работы. Благодаря ему в вопросах обороноспособности Советский Союз за сравнительно короткий срок сделал невиданный рывок вперед, превратившись в военном отношении в одну из самых мощных стран не только Европы, но и всего мира.

«Превентивный» удар Красной Армии

Некоторые читатели и даже историки могут заметить, что неготовность СССР к отражению германской агрессии в июне 1941 года была вызвана не плохим качеством отработки планирующих документов, а тем, что Советский Союз не готовился к оборонительной войне, а сам готовил агрессию против Германии. Об этом впервые написал в начале 90-х «историк» Виктор Суворов (Резун). Об этом же говорит и другой историк Марк Солонин в своей книге «25 июня: Глупость или агрессия». Он, ссылаясь на архивные документы, пишет, что в «прямом соответствии с майскими «соображениями» Н.Ф. Ватутиным была разработана и представлена 13 июня 1941 года справка «О развертывании Вооруженных Сил СССР на случай войны на Западе» и что ударные группировки Красной Армии у западной границы к 22 июня были развернуты в строгом соответствии с замыслом на наступление. На этом основании он делает вывод о том, что это «является самым важным и неопровержимым доказательством того, что планы эти вовсе не были предметом «кабинетных изысканий», а последовательно и твердо претворялись в жизнь».

Далее, развивая эту мысль, Солонин в качестве доказательства приводит ряд фактов. Он пишет, что на заседании Комитета Обороны 12 апреля 1941 года были рассмотрены вопросы «О денежном довольствии личного состава Красной Армии, Военно-морского флота и войск НКВД на военное время» и «О создании комиссии по представлению отсрочек от призыва по мобилизации и во время войны». Также указывает, что 10 мая 1941 года в

Комитете Обороны был утвержден перечень вопросов, подлежащих рассмотрению на совещании, в числе которых был вопрос «О дополнительных сметах расходов на период мобилизации и первый месяц войны», а 12 мая 1941 года в перечне вопросов в ЦК ВКП(б) был включен пункт «О работе ГВФ (Гражданский Воздушный флот) в военное время». Наконец Солонин говорит о том, что 4 июня 1941 года нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов направил заместителю Председателя СНК Н. А. Вознесенскому докладную записку следующего содержания: «Представляю при этом ведомость потребности Наркомата ВМФ по минно-торпедному вооружению на военное время с 1.07.41 по 1.01.43».

Безусловно, все эти документы косвенно подтверждают подготовку СССР к войне, но специалисты хорошо знают, что все они могли разрабатываться и в мирное время на случай войны. Следовательно, прямым доказательством подготовки Советского Союза к войне против Германии летом 1941 года являться не могут.

Крупный исследователь начального периода войны за Западном стратегическом направлении ведущий сотрудник Института военной истории Вооруженных Сил России В. В. Абатуров в книге «На западном направлении» пишет, что в «Стратегической разработке оперативного отдела верховного командования вермахта по подготовке и ведению кампании против СССР» от 15 сентября 1940 года немецким военно-политическим руководством прогнозировалось три варианта возможных действий Красной Армии в начале войны. В числе первых рассматривался вариант нанесения Советским Союзом упреждающего удара по развертывающимся немецким войскам. Но, по мнению разработчиков плана, этот вариант отпадал из-за неспособности командования и войск Красной Армии нанести мощный удар по Восточной Пруссии и Северной Польше.

Никаких других документов, подтверждающих наличие планов Советского Союза первыми нападать на Германию, ни у кого в настоящее время нет. Поэтому и я не буду категоричным при ответе на этот вопрос, но хочу предложить читателю некоторые документы, оперативно-тактические выкладки и собственные рассуждения, сделанные на этой основе.

Военное искусство предопределяет решение задач вооруженной борьбы двумя видами военных действий – наступлением или обороной. Оборона считается пассивным видом боевых действий и применяется в том случае, если нет сил для наступления или если одна из сторон хочет ослабить другую для последующего наступления. Наступление считается видом военных действий, который приводит к победе. Поэтому и Советский Союз, зная о приготовлениях Германии в войне в 1941 году, должен был готовиться либо к обороне, либо к нанесению по противнику упреждающего удара.

В начале 1940 года осторожный Б. М. Шапошников на посту начальника Генерального штаба РККА был сменен участником войны в Испании и советско-финляндской войны К. А. Мерецковым. Но и Мерецков оказался осторожным человеком. Набив «шишки» в войне с финнами, особенно при штурме линии Маннергейма, он правильно оценил низкие наступательные возможности Красной Армии и также стал в позицию оборонца. Как результат, он поддержал решение Б. М. Шапошникова о строительстве линии укрепленных районов на новой границе СССР и начал разработку оперативных планов прикрытия государственной границы. К концу 1940 года эти планы на уровне Генеральный штаб – военный округ практически были готовы.

Однако эти оборонческие настроения не разделялись С. К. Тимошенко, который также был участником советско-финляндской войны, а в мае 1940 года был назначен наркомом обороны СССР. Выходец из 1-й Конной армии, он считал, что бить врага нужно наступлением и на его территории.

Для подведения итогов 1940 года в конце декабря в Москве состоялось совещание высшего командного и политического состава РККА. На нем присутствовали руководящий состав Наркомата обороны и Генерального штаба, начальники центральных управлений, командующие, члены военных советов и начальники штабов военных округов, армий, начальники военных академий, генерал-инспекторы родов войск, командиры некоторых

корпусов, дивизий – всего более 270 человек.

На совещании с докладом выступил начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии К. А. Мерецков. В начале своего выступления он напомнил о недостатках, выявленных при подведении итогов советско-финляндской войны. Рассмотрев ряд вопросов тактического характера, Кирилл Афанасьевич перешел к проблемам оперативного значения. В частности, он отметил, что опыт последних войн, учений и полевых поездок показал недостаточную оперативную подготовленность и военную культуру высшего командного состава, войсковых, армейских, фронтовых и особенно авиационных штабов. Из доклада начальника Генерального штаба следовало, что на конец 1940 года вопросы применения объединений и крупных соединений Сухопутных войск и ВВС, несмотря на имевшийся опыт освободительных походов советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию, горькие уроки советско-финляндской войны, оставались нерешенными.

Доклад К. А. Мерецкова не понравился многим, особенно тем, кто мало интересовался развитием военного дела в Германии и слепо верил в несокрушимую мощь Красной Армии. Так, известно, что уже в конце первого дня совещания маршалы С. М. Буденный и Г. И. Кулик встречались с И. В. Сталиным и высказали ему свое недовольство атмосферой совещания.

Положение начало исправляться после того, как на следующий день с большим докладом по теме «Характер современной наступательной операции» выступил командующий войсками Киевского Особого военного округа Г. К. Жуков. В начале своего доклада Г. К. Жуков подчеркнул значение наступления как вида военных действий войск и указал на факторы, от которых зависит его успех. Он ратовал за проведение наступления с решительными целями и неудачи испанского руководства в гражданской войне объяснял исключительно неумением его готовить и вести наступление.

Затем Георгий Константинович подробно остановился на характере боевых действий в военном конфликте на реке Халхин-Гол. Он заявил: «Генеральная наступательная операция… является современной операцией, достаточно поучительной как с точки зрения ее организации, материального обеспечения, так и ее проведения». Затем он достаточно глубоко и всесторонне описал эту операцию, уделив особое внимание вопросу достижения внезапности. Г. К. Жуков отметил, что усилия советского командования «сводились к тому, чтобы создать у противника впечатление, что мы не готовимся наступать, а готовимся обороняться».

Далее в своем докладе Г. К. Жуков подверг острой критике первые наступательные операции Красной Армии в советско-финляндской войне, отметив, что они были сорваны по причине «совершенно неудовлетворительной подготовки», и пассивность обороны польских войск в сентябре 1939 года. При этом он дал высокую оценку наступательным операциям германских войск.

Присутствующие на совещании военачальники доклад Г. К. Жукова слушали с большим вниманием. Вскоре после этого доклада состоялась известная оперативно-стратегическая игра на картах, в ходе которой Г. К. Жуков, внезапно перейдя в наступление, переиграл генерала Д. Г. Павлова. Результаты этой оперативно-стратегической игры тут же были доложены И. В. Сталину с соответствующими сопутствующими комментариями. Поэтому неудивительно, что спустя несколько дней после этого Георгий Константинович был назначен на должность начальника Генерального штаба вместо осторожного и рассудительного генерала К. А. Мерецкова.

С приходом Г. К. Жукова Генеральный штаб начал разработку плана нанесения превентивного удара, а точнее – плана войны СССР против Германии. Историкам хорошо известен такой документ, как «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза», представленный Георгием Константиновичем на рассмотрение Политбюро 15 мая 1941 года. В нем, в частности, говорится: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный

удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, **упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие войск** (выделено мной. – *Авт.*)».

Известно, что этот документ не был подписан ни Г. К. Жуковым, ни С. К. Тимошенко и, тем более, не утвержден И. В. Сталиным, а значит, и не имел никакой силы и мог рассматриваться только как предложения по одному из вариантов действий советских войск на случай войны на Западном театре военных действий.

В то же время я не исключаю, что предложения Г. К. Жукова по нанесению превентивного удара были согласованы с наркомом обороны С. К. Тимошенко и обсуждались на самом высоком уровне. Но если они не получили своего развития, значит, И.В. Сталин и члены Политбюро усомнились в возможности реализации такого варианта. Возможно, тому помешали выводы специальной комиссии, которая весной 1941 года, проинспектировав многие соединения РККА, сделала вывод об их низких боевых возможностях. В результате Г. К. Жуков потерпел фиаско со своим планом нанесения превентивного удара и был вынужден дать ход плану обороны, разработанному К. А. Мерецковым.

В то же время наличие «Соображений» Г. К. Жукова от 15 мая 1941 года многим позволяет рассуждать о том, что было бы, если бы Советский Союз первым нанес удар по войскам вермахта, сосредоточенным у его границ, и перешел в решительное наступление на избранных направлениях. Некоторые считают, что это не только бы сорвало агрессию Германии, но и привело бы совсем к другим итогам Второй мировой войны. Другие, а их также немало, уверены, что ничего хорошего для Советского Союза из этого бы не получилось, так как Красная Армия в то время по разным причинам была неспособной вести стратегические наступательные операции. При этом в качестве главной причины называется человеческий фактор.

Я не стану вдаваться в полемику ни с теми, ни с другими. Проработав четверть века на преподавательской работе в ведущей военной академии, я твердо знаю, что нанесение превентивного удара требует очень тщательной предварительной подготовки и далеко не каждое успешно начатое наступление достигает поставленных целей. Также я не отрицаю значимость человеческого фактора в военном деле при том, что решения на уровне от полка и выше принимаются коллегиально. Я предлагаю рассмотреть этот вопрос без излишних субъективных эмоций с опорой только на фактический материал и математические расчеты.

Напомню, что к концу 30-х годов советской военной теорией была разработана и отработана на практике в ходе учений глубокая наступательная операция. Согласно этой теории армия, имея в своем составе два стрелковых, один механизированный корпус и одну-две авиационные дивизии, была в состоянии, наступая в полосе 50–80 километров, прорвать подготовленную оборону противника на участке 20–30 километров стрелковыми соединениями и, введя в бой механизированный корпус (две танковых и одна механизированная дивизии, всего по штату 1031 танк), за 7-10 суток продвинуться на глубину до 100 километров. Об этом пишет такой известный теоретик, как Н. Варфоломеев, в труде «Ударная армия».

Также мы знаем, что к лету 1941 года для наращивания усилий в распоряжении командующих фронтами было еще по нескольку механизированных корпусов и стрелковых дивизий, которые при успехе первых оборонительных операций могли бы, нарастив усилия войск, начать наступление на территорию противника.

Теперь перейдем от теории к фактам. К июню 1941 года конфигурация советско-германской границы создавала два выступа в западном направлении, один в районе Белостока (Западный Особый военный округ), второй в районе Львова (Киевский Особый военный округ). В Белостокском выступе находились 3-я и 10-я армии, в Львовском – 6-я и 26-я армии. В составе 3-й и 10-й армий было 7 стрелковых, 2 кавалерийские, 6 танковых, 2

моторизованные дивизии, в составе которых насчитывалось более 170 тысяч личного состава, почти 1000 танков, свыше 2000 орудий и минометов, около 300 самолетов. В составе 6-й и 26-й армий имелось 6 стрелковых, 1 кавалерийская, четыре танковых, две механизированные дивизии, в составе которых насчитывалось более 200 тысяч личного состава, 2232 танка, около 2500 орудий и минометов, свыше 500 самолетов.

Также нужно учитывать, что между белостокской и львовской группировками находились 4-я и 5-я армии достаточно мощного состава. В составе 4-й армии находился 14-й механизированный корпус, а в составе 5-й армии – 22-й механизированный корпус, танковые соединения которых при необходимости можно было быстро перебросить в полосы наступления ударных армий. Кроме того, в резерве у командующего Западным Особым военным округом еще имелись 7-й, 13-й, 17-й, 20-й, 23-й и 25-й механизированные корпуса, а у командующего Киевским Особым военным округом – 9-й, 15-й, 16-й, 19-й и 24-й механизированные корпуса. С учетом этих сил и средств в Западном Особом военном округе было 2900 танков, 14 249 орудий и минометов, 1785 боевых самолетов. В Киевском Особом военном округе – 5465 танков, 14 756 орудий и минометов, 2059 боевых самолетов.

В военном деле принято подсчитывать плотности сил и средств по всей полосе наступления и на направлении главного удара. Если предположить, что в случае начала войны со стороны СССР каждая ударная армия будет наступать в полосе 80 километров, то плотности сил и средств в полосе 3-й и 10-й армий Западного Особого военного округа, с учетом использования фронтовых резервов, могли составить менее 20 километров на стрелковую (кавалерийскую) дивизию и на каждый километр фронта наступления до 14 танков, до 100 орудий и минометов, до 13 боевых самолетов. В полосе действий ударной группы Киевского Особого военного округа стрелковая (кавалерийская) дивизия могла наступать на фронте до 15 километров, а на каждом километре могли действовать до 34 танков, около 95 орудий и минометов, 13 боевых самолетов. Но в связи с требованием решительного массирования сил и средств на направлении главных ударов эти плотности могли быть значительно выше.

Теперь оценим противника. Против белостокского выступа располагались войска 9-й полевой армии и 3-й танковой группы из состава группы армий «Центр». Против львовского выступа находились 17-я полевая армия и 1-я танковая группа из состава группы армий «Юг». Полевые армии состояли исключительно из пехотных дивизий, в составе которых не было ни одного танка, но имелось 212 орудий и минометов, 75 противотанковых пушек и 96 противотанковых ружей. 3-я танковая группа (командующий генерал Г. Гот) состояла из четырех танковых и трех механизированных дивизий. 1-я танковая группа (командующий генерал Э. Клейст) состояла из пяти танковых и трех механизированных дивизий. В 1941 году танковая дивизия вермахта состояла из двух моторизованных, артиллерийского и одного танкового полка. В этом полку насчитывалось 209 танков. В моторизованной дивизии также ни одного танка не было. Следовательно, против белостокского выступа противник имел 827 танков, против львовского – немногим более одной тысячи.

Несколько южнее белостокского выступа находилась 2-я танковая группа (командующий генерал Г. Гудериан), в составе которой было пять танковых и четыре механизированных дивизий. Если предположить, что при необходимости эта группа могла быть выведена в резерв главного командования и переброшена на направления главных ударов противника, то это еще 1045 танков. Таким образом, к началу операции соотношение в танках против белостокского выступа, с учетом использования 2-й танковой группы в полном составе, могло быть 1: 1,5 в пользу советских войск, против львовского – 1: 5,4 в пользу советских войск.

Теперь по авиации. В полосе группы армий «Центр» противник имел 1677 боевых самолетов, в том числе 530 истребителей и 980 бомбардировщиков. В составе войск Западного Особого военного округа имелось 1150 боевых самолетов, в том числе 408 бомбардировщиков. В полосе группы армий «Юг» у немцев было 2010 самолетов, а войска Киевского Особого военного округа располагали примерно таким же количеством

самолетов, из которых 466 были бомбардировщиками. Некоторое превосходство, казалось бы, на стороне противника. Но в случае достижения внезапности начала военных действий и неожиданного нанесения ударов по вражеским аэродромам это соотношение за короткое время может резко измениться. Достаточно вспомнить те многие сотни самолетов, которые потеряли советские войска на земле 22 июня 1941 года.

Рассмотрим вопрос инженерного оборудования театра военных действий немецкими войсками. Как известно, в отличие от Советского Союза немецкое командование в 1941 году не тратило силы на возведение на своей территории укрепленных районов. Полевая оборона также практически не готовилась. Поэтому в случае перехода в наступление советские войска не должны были встретить упорного сопротивления непосредственно по рубежу государственной границы, а контрудары танковых дивизий вермахта также не смогли бы существенно повлиять на общую оперативную обстановку.

Исходя из наличия сил и средств, характера обороны противника, можно спрогнозировать соотношение потерь сторон в операции. При наступлении на неподготовленную оборону советские войска тем не менее должны были понести вдвое больше потерь, чем обороняющиеся немецкие войска. При отражении не подготовленных заранее контрударов немецких танковых дивизий потери сторон могли быть примерно равными. Но уже с началом отхода немецких войск их потери должны были значительно превысить потери соединений Красной Армии, ведущих фронтальное преследование. При переходе к преследованию на параллельных маршрутах с учетом фланговых ударов потери обороняющейся стороны по отношению к наступающей могли составить 3:1. Но если учесть, что такое преследование нередко завершается окружением противника, то можно вести разговор о полном разгроме противостоящей вражеской группировки при сравнительно небольших потерях среди наступавших войск.

Таким образом, в теоретическом плане реализация плана превентивного удара, предложенного Генеральным штабом РККА в середине мая 1941 года членам Политбюро и лично И. В. Сталину, была вполне возможной. Но почему же И. В. Сталин отказался от этой идеи?

Видимо, определенную роль сыграл фактор времени. От утвержденного замысла стратегической наступательной операции до отдачи непосредственного боевого приказа войскам, как свидетельствует практика, требуется не менее полугода. Столько времени германскому командованию потребовалось для подготовки к реализации плана «Барбаросса» в 1941 году. Столько же времени потребовалось и советскому командованию на подготовку Маньчжурской стратегической наступательной операции в 1945 году. 15 мая 1941 года план нанесения превентивного удара, предложенный Генеральным штабом РККА, подписан и утвержден не был. Это значит, что не было контрольной точки отсчета начала его реализации и не было самой реализации, сопровождающейся лавиной директив, приказов и других боевых документов. По крайней мере, противнику, разгромившему штабы Юго-Западного фронта, нескольких армий, десятка корпусов и многих десятков дивизий, не удалось получить ни одного такого документа, а о его наличии Геббельс не стал бы молчать. Это говорит о том, что таких документов не было, и о том, что Советский Союз в 1941 году не готовился к нападению на Германию и не готовил стратегической наступательной операции.

Второй момент – И. В. Сталин, видимо, сомневался в успешном исходе такой операции. Вопрос этот очень непростой и требует рассуждений параллельно по нескольким направлениям.

Во-первых, И. В. Сталин понимал, что нельзя было скрыть от противника многомесячную подготовку столь масштабной операции. Он был уверен, что, узнав об этом, германское командование предприняло бы соответствующие ответные меры, прежде всего в плане создания глубокоэшелонированной обороны, хорошо развитой в инженерном отношении, насыщенной противотанковыми средствами. На легкий и быстрый прорыв такой обороны рассчитывать уже не приходилось.

Во-вторых, Иосифу Виссарионовичу было хорошо известно, что вермахт значительно превосходил РККА по количеству и качеству средств управления, что являлось одним из определяющих факторов, прежде всего в наступлении, когда практически невозможно было полагаться на проводные линии связи. Фашисты широко и достаточно умело использовали радиосвязь в звене от генерального штаба до отдельного танкового экипажа. Советские войска же испытывали острый недостаток в радиостанциях, а командующие, командиры и штабы не были обучены работать с помощью этих средств управления. Существовала своеобразная радиобоязнь в одних, другие же грешили передачей боевых распоряжений и донесений открытым текстом. В первом случае управление войсками нарушалось до прокладки проводной линии связи, во втором передаваемая информация нередко становилась достоянием врага. Это в полной мере проявилось в июне 1941 года и неоднократно давало о себе знать и в последующем.

В-третьих, немаловажную роль играл и человеческий фактор. Многие генералы вермахта к июню 1941 года имели не только хорошее военное образование, большую практику управления войсками, но и опыт наступления, полученный во время польской кампании и на западе в 1939–1940 годах. Например, начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер работал в этом высшем органе оперативного управления около 25 лет, все командующие группами армий, полевыми армиями и танковыми группами имели за спиной академическое образование и прослужили в этих должностях от 5 до 10 лет.

И. В. Сталин знал, что состояние офицерского корпуса РККА на начало 1941 года было далеко не лучшим. Безусловно, сказались репрессии 1937–1938 годов. По неполным данным, в это время были репрессированы три Маршала Советского Союза, 14 командармов 1-го и 2-го ранга, 60 комкоров, 136 комдивов. Также нужно было учитывать, что в последние предвоенные годы резко возросла численность РККА: если в 1935 году в ее рядах насчитывалось 930 тысяч человек, то на 1 января 1941 года под ружьем уже стояло 4,2 миллиона человек. За счет массового призыва были развернуты новые объединения, соединения и части, командовать которыми практически было некому.

Для покрытия нехватки в командных кадрах высшего звена летом 1940 года по ходатайству наркома обороны С. К. Тимошенко и указанию И. В. Сталина были пересмотрены дела более 300 репрессированных военачальников. В итоге почти 250 командиров было возвращено в строй. В их числе были К. К. Рокоссовский, А. В. Горбатов, А. И. Тодорский, А. В. Голубев и другие. К 1 января 1941 года на военную службу возвратилось более 12 тысяч командиров и политработников, в основном из числа тех, кто не был арестован в 1937–1938 году, но находился под наблюдением НКВД.

В то же время И. В. Сталин хорошо знал, что профессиональный уровень подготовки высшего начальствующего состава РККА был невысок. Так, нарком обороны СССР Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков военное образование имели на уровне академических курсов. Командующий Западным Особым военным округом генерал армии Д. Г. Павлов на должность был назначен в июне 1940 года, имея за спиной опыт командования танковой бригадой. Командующий войсками Киевского Особого военного округа генерал-полковник М. П. Кирпонос на должность был назначен в феврале 1941 года. До этого он с 1934 по 1939 год был начальником Казанского пехотного училища, во время советско-финляндской войны полгода покомандовал дивизией, в 1940 году два месяца прокомандовал стрелковым корпусом, после чего был назначен сразу командующим Ленинградским военным округом, а еще через полгода переводится командующим в самый крупный Киевский Особый военный округ. Столь же стремительными были карьерные взлеты и большинства командующих армиями, очень многих командиров корпусов и дивизий. При этом надо отметить, что, получив высокие должности, они не имели опыта в подготовке и проведении фронтовых и армейских наступательных операций, наступательных боев стрелковых и, прежде всего, механизированных (танковых) соединений.

Не лучшим было состояние командных кадров и на уровне полков, батальонов и рот. Почти 70 процентов командно-начальствующего состава имели опыт работы в занимаемой должности от одного до шести месяцев. До 50 процентов командиров батальонов, почти 68 процентов командиров рот и взводов имели лишь шестимесячную подготовку на курсах.

Крайне низкой была военная подготовка офицеров запаса. Из этой категории лиц, которые в случае войны должны были занять ответственные должности, только 0,2 процента имели высшее военное образование, 10 процентов закончили военные училища, а остальные почти 90 процентов – краткосрочные курсы офицеров запаса.

Если учесть все эти отрицательные моменты, то вполне понятными станут сомнения И. В. Сталина в том, что РККА в 1941 году сможет подготовить и провести стратегическую наступательную операцию с целью разгрома противостоящей группировки немецких войск.

И еще один очень важный момент. Советское руководство, которое на начало 1941 года имело только «Договор о дружбе и границах с Германией» от 28 сентября 1939 года, но не имело подобных договоров ни с Польшей, ни с Великобританией, ни с Францией, ни с другими европейскими странами, ни с США, хорошо понимало, в какой международной изоляции окажется СССР в случае нанесения превентивного удара по немецким войскам, расположенным на территории Польши.

Ведь когда осенью 1939 года войска Белорусского и Украинского фронтов вступили в Польшу, правительство и главное командование этой страны, оценивая реальные события, были вынуждены констатировать, что Польша не находится в состоянии войны с Советским Союзом, и правительство этой страны эмигрировало не в СССР, а в Англию, с которой у Польши был соответствующий союзный договор. И если бы советские войска нанесли удар по германским войскам, находящимся на территории Польши, СССР автоматически был бы объявлен агрессором и оказался бы в состоянии войны с Польшей и Англией. При переходе советских войск в наступление на территорию оккупированной немцами Чехословакии СССР автоматически становился противником чехословацкого эмигрантского правительства и Франции.

И, наконец, И. В. Сталин не забывал о той позиции, которую в то время занимали правительства Англии и США, являвшиеся самыми активными сторонниками передела мира с целью получения новых источников сырья, дешевой рабочей силы и самых обширных рынков сбыта своей продукции. Для решения этих проблем требовалось, прежде всего, максимально ослабить Германию и Россию, которые в то время были самыми быстро развивающимися странами Европы. Затяжная война между этими странами была лучшим выходом в решении этой проблемы. Оставалось только найти достойный повод для начала такой войны. Нападение СССР на германские войска, расположенные на территории Польши и Венгрии, сразу же решало бы эту проблему. Более того, после объявления СССР агрессором США и другие страны развязывали себе руки в плане оказания поддержки и помощи пострадавшей стороне, а Англия и Франция получали возможность самого свободного политического маневра в последующем.

Таким образом, нет никаких оснований говорить о подготовке Советским Союзом превентивного удара по Германии летом 1941 года и связывать этот миф с личностью И. В. Сталина. Генеральный штаб разрабатывал такой план, но он, видимо, остался только на бумаге. При этом неоспоримым является факт, что 22 июня 1941 года именно германские войска всеми силами вторглись в пределы Советского Союза, нанесли сокрушительный удар не только по армиям прикрытия государственной границы, но и по мирному населению, и развили стремительное наступление на большую глубину в соответствии с реально существовавшим планом «Барбаросса». В связи с этим агрессия Германии против СССР стала фактом, оспорить который никто и никогда уже не сможет.

«Внезапное» нападение

Вто же время не выдерживает критики и миф о том, что нападение Германии на СССР

было полной неожиданностью для советского руководства.

О внезапном нападении фашистской Германии на СССР 22 июня 1941 года написано во всех советских энциклопедиях и учебниках, в это почти полвека свято верил каждый советский человек. В конце 80-х и начале 90-х годов в печатных органах начали появляться публикации различных авторов о том, что агрессия Германии вовсе не была внезапной для Советского Союза, а стала частью антинародной политики сталинского режима. Только немногие исследователи рассматривали события 22 июня 1941 года не как преступную деятельность или головотяпство советского руководства, а как результат сложной военно-политической игры между А. Гитлером и И. В. Сталиным. Еще позже появились работы, в которых внезапность (неожиданность) рассматривается с позиций военного искусства, как следствие конкретно проводившейся работы на уровне генеральных штабов, командующих, командиров, их штабов и войск.

В 2001 году вышла в свет книга доктора военных наук генерала армии В. Н. Лобова «Военная хитрость», в которой достижение внезапности рассматривается как высшее проявление военной хитрости и действенное средство достижения победы над врагом. В предисловии, ссылаясь на высказывание древних полководцев, он, в частности, пишет: «Хитрость в войне всегда расценивалась как рациональный и необходимый вид деятельности, так как она выступала как коэффициент силы, т. е. увеличивала силу или мощь удачливого хитреца. Отказ от использования хитрости в войне подрывал собственную силу. Поэтому, когда все остальные элементы силы в войне были равны, хитрость позволяла экономичнее использовать свои возможности, достигая более быстрой победы с наименьшими затратами и жертвами. В случае неравенства соперников хитрость помогала более слабой стороне компенсировать количественное или другое отставание…

Выдающиеся полководцы (как и государственные деятели. – *Авт* .) побеждали, потому что при прочих равных условиях превосходили противника в гибкости ума и твердости воли, творчески использовали принципы военного искусства, умножая их эффективность в данной конкретной обстановке. По мере возможности они заставляли работать на себя даже неблагоприятные факторы, навязывали врагу свой план действий, наносили по нему внезапные удары с самой неожиданной и наиболее чувствительной для него стороны. Они не считали решающим фактором успеха одну только силу – сама по себе она еще не определяет характера и исхода борьбы. Ведь навязать свою волю, достичь победы меньшими силами над превосходящим противником возможно лишь тогда, когда творчески и умело используются достижения военного искусства, когда новые средства и приемы вооруженной борьбы надежно скрыты от противника и он введен в заблуждение относительно замыслов, наличия сил и готовности их к действиям».

Таким образом, ставка на военную хитрость, одной из целей которой было достижение внезапности, всегда рассматривалась как составная часть военного искусства. Времена «рыцарского» двоеборства на равных условиях давно прошли. Каждый старался упредить противника в действиях или же разгадать планы действий другой стороны заранее для того, чтобы своевременно подготовить врагу ловушку. И в том и в другом случае ставка делалась на дезинформацию и внезапность, и в выборе средств для их достижения уже не считались. А преуспевала в этом деле Германия и, естественно, ее лидер Адольф Гитлер.

В штабах и войсках вермахта, где службу проходило большое количество офицеров и генералов еще старой кайзеровской армии, получивших хорошее академическое образование и имевших большой боевой и служебный опыт, вопросам военной хитрости традиционно уделялось большое внимание. Внезапность, как одно из проявлений военной хитрости, всегда была на первом месте. Свое отношение к военной хитрости они постарались привить и А. Гитлеру, который к концу 30-х годов был уже большим специалистом в области хитрости политической.

Первой большой неожиданностью для многих стран Европы было быстрое создание вооруженных сил Германии. Эта огромная работа была проделана под носом мировой общественности и успешно завершилась к 1939 году. В результате этой работы А. Гитлер

получил мощные вооруженные силы, уже «натасканные» на боевых действиях в Испании, оккупации Чехословакии.

Крупным шагом по дезинформации будущего противника были кампании с использованием визитов иностранных экспертов, которые затем у себя дома распространяли сказки о мощи и неуязвимости Германии. Нередко это делалось по незнанию истинного положения вещей, нередко – с определенным умыслом, с целью устрашения.

В августе 1938 года, когда чехословацкий кризис еще только подогревался, Г. Геринг по приказу А. Гитлера пригласил руководителей французских ВВС с инспекционным визитом. Начальник французского штаба авиации генерал Жозеф Вюллеме дал согласие и взял с собой несколько человек. Французам показали прекрасно оборудованные казармы личного состава люфтваффе, современные аэродромы с рядами новейших по тому времени самолетов, практические занятия летчиков. Затем Вюллеме и его сотрудников провели по ультрасовременному авиационному заводу в Ориенбурге. Они увидели десятки средних бомбардировщиков на линии сборки, безупречные бомбоубежища, зарытые глубоко в землю, в которых все было в полной боевой готовности. Они увидели, как в полете Хе-111 работает на одном двигателе. Затем французов пригласили посмотреть на авиационный завод с борта самолета Хе-111. Когда этот самолет снизил скорость до максимума, рядом по заранее обговоренному плану со свистом пронесся самолет Хе-100. Когда оба самолета приземлились, немцы повели ошеломленных визитеров к Хе-100 и объяснили, что этот самолет только недавно закончил заводские испытания и уже принят на вооружение.

– А сколько времени потребуется для того, чтобы запустить его в серийное производство? – спросил Вюллеме.

Ему ответили:

– Вторая линия уже готова, а третья войдет в строй через две недели.

Это не соответствовало действительности, но хитрость удалась, и французы были практически в шоке. Позже Вюллеме признался, что был потрясен тем, что увидел в люфтваффе, и мрачно предсказал, что «начнись война, как вы предполагаете, в конце сентября, то за две недели не останется ни одного французского самолета».

Одновременно Германия целеустремленно и не без успеха влияла на мировое общественное мнение через американцев. В качестве информатора выступал полковник Чарлз А. Линдберг, который начиная с 1936 года посещал Германию по заданию американской военной разведки именно с целью изучения истинного положения дел в люфтваффе. Неизвестно на каком основании, но этот разведчик дал информацию о том, что ВВС Германии являются одними из самых мощных в мире.

Во время своего второго визита в рейх в октябре 1937 года Линдберг сообщил, что люфтваффе имеет в своем распоряжении воздушный флот в количестве 10 тысяч самолетов, из которых 5 тысяч бомбардировщиков, и ежемесячно получает от 500 до 800 новых машин. На этом основании он сделал заключение, что люфтваффе «сильнее, чем все военно-воздушные силы других европейских стран, вместе взятых».

Полученная таким образом информация была изучена в Великобритании и США на самом высоком уровне. Вскоре после этого, в сентябре 1938 года, на встрече в Мюнхене Франция и Великобритания отдали Германии пограничный район Чехословакии. А еще несколько дней спустя Линдберг получил из рук Геринга в знак благодарности Крест германского орла. В Соединенных Штатах он также был отмечен высокой наградой.

В 4.45 утра 1 сентября 1939 года вермахт **внезапно** вторгся на территорию Польши. Несмотря на существование англо-французских договорных обязательств перед Польшей, А. Гитлер знал, что обе эти страны останутся «безучастными» к судьбе Польши. Причиной этого в том числе стала и дезинформация. В своей речи, произнесенной в 10 часов утра 1 сентября в рейхстаге, которая одновременно передавалась по радио для всего мира, А. Гитлер заявил: «Больше 6 лет я был занят строительством вооруженных сил Германии. Во время этого периода более 90 млрд рейхсмарок было израсходовано на строительство сегодняшнего вермахта. Наши вооруженные силы являются самыми оснащенными

вооруженными силами в мире, и они превосходят немецкую армию 1914 года. Моя уверенность в них никогда не будет поколебима».

Заявление А. Гитлера о 90 млрд рейхсмарок было сильным преувеличением, преднамеренной ложью, для того чтобы воодушевить немцев и внушить страх своим противникам. И, тем не менее, ему поверили. Один немецкий экономист послевоенного периода, занимавшийся изучением этого вопроса, отметил: «Общественные взгляды на размеры вооружения были сильно преувеличены. Немецкое правительство в то время ничего не делало, чтобы опровергнуть эти взгляды; напротив, они являлись необходимой пропагандой, создавая иллюзию военной мощи, которой в действительности не могло быть в таком масштабе».

Хитрость Гитлера закончилась вторжением в Польшу в сентябре 1939 года, когда поляки решили сопротивляться, а после двух дней демонстрации «нерешительности» Великобритания и Франция формально вступили в войну. Но могущественные франко-британские силы в то время ограничились только незначительными действиями, словно думали, что еще могут договориться с Гитлером. Последовал шестимесячный период, позже названный «странной войной», во время которого вермахт получил возможность усилить свою мощь.

Затем последовали внезапные атаки германских войск на Данию, Бельгию, Норвегию и, наконец, на Францию. Для Нидерландов война закончилась через пять дней. За этот же короткий период времени фактически была решена судьба Бельгии, Франции и английских экспедиционных сил. Для немцев все шло по плану, и не только по плану, а в соответствии со стратегическими и тактическими замыслами. Их успех превзошел даже самые смелые мечты А. Гитлера. Немецкие генералы были поражены молниеносной быстротой и размахом собственных побед. Авторитет А. Гитлера в стране и армии креп не по дням, а по часам.

В плане военного искусства показательной была операция немецких войск, проведенная против Бельгии и англо-французских войск в Арденнах. В конце четвертого дня немецкого наступления их танковые части, введенные в прорыв вслед за пехотой, захватили четыре моста через реку Маас. На следующий день, 14 мая, лавина прорвалась. Немецкая танковая группировка, невиданная в истории войн по численности, концентрации боевой техники, мобильности и ударной мощи, поддерживаемая большой массой бомбардировочной и штурмовой авиации, прорвалась через 9-ю и 2-ю французские армии и устремилась к Ла-Маншу. У каждой танковой дивизии имелась своя самоходная артиллерия и по одной бригаде мотопехоты, вслед за танковыми дивизиями шла мотопехота в готовности добить отсеченного (окруженного) противник и закрепиться на достигнутых рубежах. Это было наступление, организованное по самой передовой теории военного искусства того периода, о котором только можно было мечтать. В результате этой операции 27 мая король Бельгии пошел на безоговорочную капитуляцию, а англо-французские войска оказались прижатыми к морю в районе Дюнкерка.

5 июня немцы **неожиданно** предприняли массированную атаку против французов на Сомме, перейдя в наступление на фронте около 400 километров. И снова в наступление после мощных авиационных ударов вслед за пехотой рванулись танковые дивизии вермахта. Французы не смогли организовать сопротивление. 14 июня немцы без боя вошли в Париж. 17 июня Петен взмолился о перемирии.

На повестке дня был Советский Союз, решение о нападении на который было принято в Берлине в начале 1940 года. К тому времени советская разведка уже много лет внимательно следила за военными приготовлениями Германии. Уже в 20-е и первой половине 30-х годов на основании беззаветно преданных делу революции кадров и по линии Коминтерна была создана довольно густая и активная сеть агентуры, работавшая в сопредельных государствах в интересах СССР. Большой вклад в становление и развитие советской военной разведки внес Ян Карлович Берзин, который возглавлял Разведывательное управление с 1924 по 1935 год. В этот период начали работать такие видные советские разведчики, как Р. Зорге, Л. Маневич, С. И. Мрочковский.

Безусловно, репрессии 1937–1939 годов опустошительной волной прошлись по кадрам советской военной разведки. Тогда только в центральном аппарате, по некоторым данным, было репрессировано около 300 человек. В этой «мясорубке» пострадали: начальники Разведывательного управления комкор Семен Петрович Урицкий (апрель 1935 – июнь 1937) и армейский комиссар 2-го ранга Ян Карлович Берзин (июнь – август 1937), Александр Григорьевич Орлов (сентябрь 1937–1939); заместители начальника Разведывательного управления корпусной комиссар Артур Христофорович Артузов (май 1934 – январь 1937), старший майор госбезопасности Михаил Константинович Александров (январь – август 1937), комдив Александр Матвеевич Никонов (январь 1935 – август 1937); начальники 1-го (Западного) отдела корпусной комиссар Отто Оттович Штейнбрюк (январь 1935 – апрель 1937), комдив Оскар Ансович Стигга (апрель – ноябрь 1937), полковник Александр Иванович Старутин (ноябрь 1937 – май 1939). Такая же кадровая чехарда происходила и в других отделах. Коснулись репрессии и начальников разведывательных отделов западных военных округов.

После ареста А. Г. Орлова в апреле 1939 года начальником Разведывательного управления РККА был назначен комдив (в последующем генерал-лейтенант) И. И. Проскуров, который не имел никакого опыта в организации разведывательной работы. В июне 1940 года на этом посту его сменил генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, также очень далекий от разведки.

Безусловно, кадровая текучка в руководстве разведкой нанесла огромный вред делу, при том что на местах продолжали эффективно работать грамотные и преданные люди.

В Польше в период с 1933 по 1939 год действовали советские разведчики во главе с немецким журналистом Рудольфом Горрнштадтом. Членами созданной ими группы были советник германского посольства Рудольф фон Шелиа, служащий того же посольства и корреспондент Герхард Кегель, немецкая журналистка Ильзе Штёбе. После захвата немцами Польши Горрнштадт выехал в Москву, а остальные устроились на работу в Министерство иностранных дел в Берлине. В 1942 году Штёбе и Шелиа были арестованы и казнены, Кегель работал успешно до конца войны, а затем занимал руководящие посты в ГДР.

Нелегальным резидентом в Польше с 1936 года был болгарский коммунист Никола Василев Попов. Он эмигрировал из Болгарии в СССР в 1923 году, получил хорошее военное образование, имел большой опыт работы в системе Разведывательного управления, с 1926 года периодически выезжал для работы за рубеж. Получив задание работать в Польше под псевдонимом «Черный», он создал в этой стране хорошую агентурную сеть, которая по своим возможностям выходила далеко за пределы этой страны. Но после нападения фашистской Германии на СССР связь Попова с Центром практически прервалась. В январе 1943 года он был арестован и расстрелян.

В Венгрии советским военным атташе и резидентом разведки в июне 1940 года был назначен полковник Николай Григорьевич Ляхтеров, который с 1939 года занимал пост заместителя начальника агентурного отдела Разведывательного управления РККА. Позже в Будапешт была направлена группа сотрудников этого отдела. Этой группе удалось добыть и направить в СССР много важной информации, касающейся не только Венгрии, но и других стран.

Легальным резидентом в Чехословакии в 1939–1941 гг. был Леонид Андреевич Михайлов («Рудольф»), который под именем Леонида Ивановича Мохова заведовал канцелярией Генерального консульства СССР в Праге. Ему удалось создать в этой стране развитую агентурную сеть, но непосредственно перед нападением Германии на СССР он был разоблачен и был вынужден вернуться в СССР. Позже начальник пражского гестапо докладывал своему шефу Р. Гейдриху, что летом 1941 года была раскрыта в Чехословакии сеть советской разведки, в связи с чем было арестовано около 200 человек.

В Болгарии в 30-е годы существовала одна из самых мощных сетей советской разведки, которой руководил В.Т. Сухоруков (1935–1937). Однако в марте 1937 года его отозвали в Москву и арестовали. В мае в Болгарию прибыл новый советский военный атташе и

резидент полковник Александр Иванович Бенедиктов («Хикс»), который до этого успешно работал в Персии и Афганистане. Новому резиденту удалось осуществить вербовку идейного сторонника СССР Стояна Засимова, генерал-майора болгарской армии, члена Военного союза офицеров, недовольных политикой существовавшего в стране режима. Эта организация добывала ценные сведения. Но в марте 1942 года «красный генерал» и многие его товарищи были арестованы и расстреляны гестапо.

Кроме данной, в Болгарии в пользу СССР работало много других групп разведчиков и отдельные агенты. Ценная разведывательная информация из этой страны поступала в Москву практически регулярно вплоть до конца Великой Отечественной войны.

Об агрессивных планах германского правительства в отношении СССР советская разведка докладывала уже в марте 1935 года. «Германское правительство и партия установили единый взгляд на миссию Германии на Востоке. Конкретные цели состоят в следующем: предрешено вооруженное столкновение с СССР».

Вполне понятно, что с этого времени германская агентура на территории Советского Союза действовала постоянно, но особенно она активизировалась после присоединения к СССР осенью 1939 года территорий Западной Белоруссии и Западной Украины, ранее принадлежавших Польше. Тогда в составе капитулировавшей польской армии находилось много белорусов и украинцев, семьи которых оказались на территориях, занятых Красной Армией. Германское командование и спецслужбы, проведя предварительную работу с этими людьми, заявило о готовности передать военнопленных советской стороне. В связи с этим 16 октября 1939 года народный комиссар внутренних дел СССР Л. П. Берия направил директиву № 807 опергруппе НКВД на Белорусском фронте «Об организации приема от германского командования и проверки военнопленных белорусов и украинцев, имеющих семьи на советской территории». Этой директивой предписывалось штабу Белорусского фронта принять от германского командования 20 тысяч человек военнопленных, обеспечить их питание и бесплатный проезд по железной дороге к местам жительства.

Сразу следует оговорить, что первоначально никаких репрессивных мер по отношению к этим лицам не предусматривалось, за исключением указания в процессе приемки обеспечить выявление офицеров, разведчиков и подозрительных лиц. О том, как проводилась эта работа, сколько было выявлено германских агентов и сколько их оказалось на советской территории, не сообщается.

В это же время наблюдается и массовый переход на территорию Германии людей, оказавшихся на землях занятых Красной Армией (Западная Украина и Западная Белоруссия). Так, на конец октября 1939 года было задержано 465 человек, а в лагерях беженцев скопилось до нескольких десятков тысяч человек. Советское командование рассматривало вопрос обмена беженцами, не упуская при этом, конечно, возможности внедрить в их среду своих агентов.

Таким образом, обмен военнопленными и беженцами между СССР и Германией осенью 1939 года создал условия обеим сторонам для засылки своей агентуры на сопредельные стороны. Конечно, качество основной массы этих агентов было низким. Но среди них могли находиться и специалисты высокого класса, способные правильно оценивать обстановку и передавать важные донесения. Другое дело – как стороны воспользовались этой возможностью?

Большую помощь разведкам Германии и СССР оказали документы и агентурная сеть бывшей польской специальной службы (пляцувка), захваченные в результате осенних войсковых операций 1939 года. На основании этих документов наряду с разгромом агентурной сети поляков на своей территории и Германия и СССР приложили все усилия, чтобы использовать польских агентов в своих интересах.

Также германское командование (нередко через румын или венгров) получило возможность добывать разведывательные сведения с территории СССР через отряды антисоветской повстанческой организации, деятельность которой в западных областях Украины началась уже в конце осени 1939 года.

Разведывательная информация о подготовке Германии к нападению на СССР из различных источников начала поступать в феврале 1940 года. Тогда от различных источников начала поступать информация о переброске германских войск на территорию Польши к границам СССР. Первое такое донесение поступило от управления пограничных войск НКВД Украинского пограничного округа 16 февраля 1940 года. В нем говорится о переброске двух дивизий, пехотного полка и танковой части, проведении подготовительных мероприятий для приема других частей. Правда, в конце донесения делается заключение: «Причины переброски войск не установлены, однако не исключается, что это связано с распоряжением немецкого командования о производстве с марта 1940 года призыва в армию… поляков».

26 мая 1940 года в НКВД УССР поступило сообщение от пограничных войск НКВД УССР «О разведывательных полетах германских самолетов в погранполосе» в период с 24 по 26 мая 1940 года.

19 июня 1940 года была представлена сводка 5-го (разведывательного) управления РККА о положении в Германии, Румынии и Латвии. В ней, в частности, указывалось об усилении германских войск на границе с Литвой 16 и 17 июня. На советско-румынской границе происходило сосредоточение двух горнострелковых бригад.

Эта информация прежде всего шла по линии НКВД СССР. В 1995 году под эгидой Федеральной службы контрразведки Российской Федерации Академией Федеральной службы контрразведки был издан многотомный труд «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», представленный как сборник документов. В первом томе этого труда, предлагающем документы периода ноябрь 1938 – декабрь 1940 года, содержится (документ № 94) докладная записка 1-го управления ГУПВ НКВД СССР № 19/47112 в НКВ СССР «О приготовлении Германии к войне с СССР» от 28 июня 1940 года. Это были отрывочные сведения, полученные от случайных источников – чинов эстонского и литовского пароходства, которые не так давно побывали на территории Германии. В частности, в этом документе говорится: «… 24 июня 1940 г. второй штурман литовского парохода «Шяуляй»… говоря об успехах Германии, сказал, что после разгрома Англии и Франции Германия обратит свои силы против СССР. Ему якобы известно, что в Германии в настоящее время обучаются парашютизму и русскому языку десятки тысяч мужчин в возрасте от 16 до 20 лет, которые предназначены для парашютных десантов на время войны с СССР.

В самом конце декабря 1940 года начальнику разведывательного управления Красной Армии от военного атташе из Берлина поступило телеграфное донесение, в котором тот сообщил, что от высокоинформированных военных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР, а война будет объявлена в марте 1941 года. Но чья-либо резолюция на данном документе, хранящемся в архиве, отсутствует.

Уже 12 января 1914 года в разведывательной сводке № 2 Управления пограничных войск НКВД УССР сообщалось, что 9 декабря район города Санок посетил главнокомандующий германской сухопутной армией генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич, который произвел смотр войск и укреплений в данном районе. В этой же сводке сообщалось о прибытии в приграничную полосу новых германских частей, строительстве там казарм для личного состава, бетонированных огневых точек, погрузочно-разгрузочных площадок на железной дороге и аэродромов.

Вслед за этим отмечаются частые случаи нарушения германской стороной государственной границы СССР. Так, начальник пограничных войск НКВД БССР 24 января 1941 года в своем докладе также сообщает о развертывании в Варшаве штаба армии, а на территории пограничных уездов – штаба армейского корпуса, восьми штабов пехотных и одной кавалерийской дивизий, 28 пехотных, семи артиллерийских, трех кавалерийских и одного танкового полков, двух авиационных школ.

Ниже сообщалось: «С момента заключения Конвенции по 1 января 1941 года всего на границе с Германией возникло 187 различных конфликтов и инцидентов… За отчетный

период зафиксировано 87 случаев нарушения границы германскими самолетами…»

В связи с необходимостью максимального улучшения агентурно-оперативной работы органов государственной безопасности и возросшим объемом этой работы Политбюро ЦК ВКП(б) 3 февраля 1941 года принимает специальное постановление о разделе Наркомата внутренних дел СССР на два наркомата: Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) и Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ). На НКГБ возлагаются задачи по ведению разведывательной работы за границей и борьбе с подрывной, шпионской, диверсионной, террористической деятельностью иностранных разведок внутри СССР. Ему также поручается вести оперативную разработку и ликвидацию остатков всяких антисоветских партий и контрреволюционных формирований среди различных слоев населения СССР, в системе промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства и пр., а также осуществлять охрану руководителей партии и правительства. Этим же постановлением было предписано осуществить организацию республиканских, краевых, областных и районных органов НКГБ и НКВД.

8 февраля 1941 года принимается следующее Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о передаче особого отдела из НКВД СССР в ведение Наркомата обороны СССР и Наркомата ВМФ СССР. «Возложить на особые отделы НКО и НКВМФ (Третьи управления) задачи: по борьбе с контрреволюцией, шпионажем, диверсиями, вредительством и всякого рода антисоветскими проявлениями в Красной Армии и Военно-Морском Флоте; выявление и информирование соответственно народного комиссара обороны и народного комиссара Военно-Морского Флота о всех недочетах и состоянии частей армии и флота и о всех имеющихся компрометирующих материалах и сведениях на военнослужащих армии и флота».

Этим же документом определялось, что «все назначения оперативного состава третьих управлений НКО и НКВМФ, начиная с оперуполномоченного полка и соответствующей ему единицы во флоте, производятся приказами народных комиссаров обороны и Военно-Морского Флота». Так в структуре Красной Армии и Военно-морского флота возникли мощные карательные органы, обладающие огромными полномочиями и неподотчетные командующим и командирам тех формирований, при которых они действовали. Было определено, что начальник 3-го отдела корпуса подчиняется начальнику 3-го отдела округа (фронта) и командующему войсками округа (фронта), а начальник 3-го отдела дивизии – начальнику 3-го отдела корпуса и командиру корпуса.

7 февраля 1941 года 2-е управление НКГБ СССР сообщило о распространяющихся слухах среди дипломатического корпуса в Москве о готовящемся нападении Германии на СССР. При этом было указано, что целью нападения Германии являются южные районы СССР, богатые хлебом, углем и нефтью. А 8 февраля эту же информацию подтвердил агент берлинской резидентуры НКГБ СССР Корсиканец.

9 марта 1941 года из Белграда поступило телеграфное донесение от военного атташе в адрес начальника Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии. В нем сообщалось, что «германский генштаб отказался от атаки английских островов, ближайшей задачей поставлено – захват Украины и Баку, которая должна осуществляться в апреле – мае текущего года, к этому сейчас подготавливаются Венгрия, Румыния и Болгария».

В марте 1941 года из Берлина поступило еще два секретных сообщения от агента по кличке Корсиканец. В первом сообщалось о подготовке ВВС Германии к военным действиям против СССР. В нем, в частности, говорилось: «Среди офицеров штаба авиации существует мнение, что военное наступление против СССР якобы приурочено на конец апреля или начало мая. Эти сроки связывают с намерением немцев сохранить для себя урожай, рассчитывая, что советские войска при отступлении не смогут пожечь еще зеленый хлеб». Во втором в очередной раз подтверждалось о планах Германии в отношении войны против СССР. При этом указывалось, что основной целью агрессора могут стать хлебная Украина и нефтяные районы Баку. Также приводились высказывания начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Ф. Гальдера о низкой боеспособности Красной Армии.

Оба эти сообщения были доложены И. В. Сталину, В. М. Молотову и Л. П. Берии.

24 марта 1941 года поступило сообщение берлинской резидентуры НКГБ СССР о подготовке генерального штаба авиации к военным действиям против СССР. И в этом документе подчеркивается, что «в штаб авиации регулярно поступают фотоснимки советских городов и других объектов, в частности г. Киева».

31 марта 1941 года начальник внешней разведки НКГБ СССР сообщал народному комиссару обороны СССР о продвижении германских войск к границе Советского Союза. Говорилось о переброске конкретных соединений и частей германской армии. В частности, он докладывал, что в приграничных пунктах генерал-губернаторства против Брестской области германскими властями предложено освободить все школы и дополнительно подготовить помещения для прибытия ожидаемых воинских частей немецкой армии.

В начале апреля 1941 года начальник внешней разведки НКГБ СССР сообщил вышестоящему начальству о том, что по его заданию в Берлине агент по кличке Старшина встретился с другим агентом по кличке Корсиканец. При этом Старшина, ссылаясь на другие источники, сообщил о полной подготовке и разработке плана нападения Германии на Советский Союз. По имевшимся сведениям, «оперативный план армии состоит в молниеносном внезапном ударе на Украину и продвижении на восток. Из Восточной Пруссии одновременно наносится удар на север. Немецкие войска, продвигающиеся в северном направлении, должны соединиться с армией, идущей с юга, этим они отрезают советские войска, находящиеся между этими линиями, замыкая их фланги. Центры остаются без внимания по примеру польской и французской кампаний.

5 апреля 1941 года Управление пограничных войск НКВД УССР сообщает о строительстве немцами аэродромов и посадочных площадок в приграничных с СССР полосах. Всего с лета 1940 года по май 1941 года на территории Польши было построено и восстановлено 100 аэродромов и 50 посадочных площадок. Непосредственно на территории самой Германии за это время было сооружено 250 аэродромов и 150 посадочных площадок.

10 апреля начальник внешней разведки НКГБ СССР сообщает в Разведывательное управление РККА конкретные данные о концентрации немецких войск на советской границе и переброске туда новых соединений и частей. В это же время о планах германской агрессии против СССР сообщает агент берлинской резидентуры Юна.

21 апреля 1941 года в ЦК ВКП(б) и НКО СССР поступило очередное сообщение НКВД СССР за подписью народного комиссара внутренних дел СССР Л. П. Берии о получении пограничными отрядами НКВД новых разведывательных данных о концентрации немецких войск на советско-германской границе.

В конце апреля 1941 года в Москву из Берлина поступило очередное сообщение от агента, работавшего в Германии под именем Старшина, следующего содержания:

«Источник, работающий в штабе германской армии, сообщает: по сведениям, полученным от офицера связи между германским министерством иностранных дел и штабом германской авиации Грегора, вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решен окончательно, и начало его следует ожидать со дня на день. Риббентроп, который до сих пор не являлся сторонником выступления против СССР, зная твердую решимость Гитлера в этом вопросе, занял позицию сторонников нападения на СССР». В приписке к этому сообщению указано, что оно было доложено И. В. Сталину, В. М. Молотову и Л. П. Берии начальником 1-го управления НКГБ СССР Фитиным 30 апреля 1941 года, но резолюций ни одного из названных лиц на документе не содержится.

В этот же день, 30 апреля 1941 года, поступило тревожное сообщение из Варшавы. В нем указывалось: «По агентурным данным, полученным от разных источников, за последние дни установлено, что военные приготовления в Варшаве и на территории генерал-губернаторства проводятся открыто, и о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом немецкие офицеры и солдаты говорят совершенно откровенно, как о деле уже решенном. Война якобы должна начаться после окончания весенних полевых работ…

С 10 по 20 апреля германские войска двигались через Варшаву на восток беспрерывно,

как в течение ночи, так и днем… По железным дорогам в восточном направлении идут составы, груженные главным образом тяжелой артиллерией, грузовыми машинами и частями самолетов. С середины апреля на улицах Варшавы появились в большом количестве грузовики и машины Красного Креста. Немецкими властями в Варшаве отдано распоряжение привести срочно в порядок все бомбоубежища, затемнить все окна, создать в каждом доме санитарные дружины Красного Креста. Мобилизованы и отобраны для армии все автомашины частных лиц и гражданских учреждений, в том числе и немецких. С начала апреля закрыты все школы и курсы, и помещения их заняты под военные госпитали».

Об этом также было доложено И. В. Сталину, В. М. Молотову и Л. П. Берии.

6 мая 1941 года начальник Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии Ф. И. Голиков сделал специальное сообщение «О группировке немецких войск на востоке и юго-востоке на 5 мая 1941 года». В этом сообщении прямо указывалось по многим пунктам о подготовке Германии к войне против СССР. В выводах говорилось: «За два месяца количество немецких дивизий в приграничной зоне против СССР увеличилось на 37 дивизий (с 70 до 107). Из них число танковых дивизий возросло с 6 до 12 дивизий. С румынской и венгерской армиями это составит около 130 дивизий».

30 мая 1941 года начальнику Разведывательного управления Генштаба Красной Армии поступило телеграфное донесение из Токио. В нем сообщалось:

«Берлин информирует Отта, что немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня». Под сообщением стояла подпись «Рамзай (Зорге)». Но и на этом сообщении резолюция кого-либо из руководителей Советского государства отсутствует.

31 мая 1941 года на стол начальника Генерального штаба РККА Г. К. Жукова легло спецсообщение Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии № 660569 о группировке немецких войск, развернутых у границы с СССР. На данном документе значится: «Читал Жуков 11.6.41».

2 июня о концентрации крупных формирований германской и румынской армий на границе с СССР в ЦК ВКП(б) поступают справки от заместителя наркома внутренних дел Украины и уполномоченного ЦК ВКП(б) и СНК СССР в Молдавии. Затем справки заместителя наркома внутренних дел Украины о военных мероприятиях Германии на границе с СССР поступают практически каждый день. 11 июня о готовящемся в ближайшее время нападении Германии на СССР сообщает агент берлинской резидентуры НКГБ СССР, действующий под именем Старшина. В ЦК ВКП(б) 12 июня по линии НКВД СССР поступает сообщение об усилении германской стороной разведывательной деятельности на границе с СССР и в приграничных районах. В соответствии с этим сообщением с 1 января по 10 июня 1941 года со стороны Германии было задержано 2080 нарушителей границы.

16 июня от агентов НКГБ, работающих в Берлине под кличками Старик, Старшина и Корсиканец, приходят сообщения о сроках нападения Германии на Советский Союз в ближайшие дни. В это же время структурные подразделения НКГБ и НКВД СССР, параллельно с докладами о положении дел на границе, продолжают заниматься рутинным бумаготворчеством.

19 июня НКГБ Белоруссии направляет в НКГБ СССР специальное сообщение о военно-мобилизационных приготовлениях фашистской Германии к войне против СССР. В этом сообщении содержатся обширные сведения о передислокации и дислокации германских войск к советской границе. Говорится о сосредоточении в приграничных районах большого количества соединений, частей, боевых самолетов, артиллерийских орудий, лодок и автомашин.

В этот день резидент НКГБ Тит, работавший в Риме, сообщает, что военные действия Германии против СССР начнутся между 20 и 25 июня 1941 года.

20 июня 1941 года пришло телеграфное донесение начальнику Разведывательного управления Красной Армии из Софии. В нем говорилось буквально следующее: «Источник сказал сегодня, что военное столкновение ожидается 21 или 22 июня». На данном сообщении резолюция также отсутствует.

В тот же день (20 июня 1941 года) приходит также телеграфное донесение начальнику Разведывательного управления РККА из Токио от Зорге. В нем разведчик пишет, что война между Германией и СССР неизбежна. Данное донесение было получено 9-м отделением в 17 часов 21 июня 1941 года, но резолюция и на нем также отсутствует.

Вечером 20 июня составляется очередная разведывательная сводка НКГБ СССР № 1510 о военных приготовлениях Германии к нападению на Советский Союз. В ней констатируется сосредоточение германских войск у границы с СССР и подготовка фашистских войск к военным действиям. В частности, говорится, что в некоторых домах Клайпеды установлены пулеметы и зенитные орудия, что в районе Костомолоты заготовлен лес для наводки мостов через реку Западный Буг, что в Радомском уезде из 100 населенных пунктов население выселено в тыл, что германская разведка направляет свою агентуру в СССР на короткие сроки – три-четыре дня. Данные мероприятия нельзя расценивать иначе, как непосредственную подготовку к агрессии, которая должна произойти в ближайшие дни. (Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне.)

В результате анализа всех этих документов можно сделать выводы, что советская разведка на территории Германии и ее союзников работала достаточно успешно. Сведения о решении Гитлера напасть на СССР и начале подготовки этой акции начали поступать в Советский Союз более чем за год до начала агрессии.

Одновременно с разведкой по линии МИД и ГРУ вели разведку и западные военные округа, которые постоянно и довольно подробно докладывали о подготовке Германии и ее союзников к войне против СССР. Причем по мере приближения к роковой дате эти донесения становились все более частыми и более конкретными. Из их содержания в намерениях Германии не приходилось сомневаться. Мероприятия, которые проводились по другую сторону границы, уже не имели обратного хода, а неизбежно должны были вылиться в войсковую операцию стратегического масштаба. Это касалось отселения местного населения с приграничной полосы, насыщения этой полосы войсками, расчистки приграничной полосы от минных и других инженерных заграждений, мобилизации транспортных средств, развертывания полевых госпиталей, складирования большого количества артиллерийских снарядов на грунт и многого другого.

Высшее советское руководство и командование РККА имели сведения о составе и дислокации войск приграничных военных округов Советского Союза, которые были получены и обобщены уже в начале февраля 1941 года, почти за 5 месяцев до начала агрессии, и практически соответствовали действительности.

Однако тот факт, что на многих разведывательных донесениях отсутствуют подписи высших руководителей государства и высших чинов военного руководства страны, говорит о том, что они либо не доводились до этих лиц, либо игнорировались этими лицами. Первое фактически исключается практикой работы советской чиновничьей машины того времени. Второе возможно в двух случаях: во-первых, недоверия к источникам информации; во-вторых, упрямым нежеланием высшего руководства страны отказываться от выработанного им видения предстоящего хода событий.

Как известно, из Генерального штаба в войска в последние мирные месяцы поступали распоряжения только общего характера. Никакой конкретной реакции советского правительства и руководства Наркомата обороны на обстановку, складывающуюся у границ СССР, обозначено не было. Более того, советское руководство и Генеральный штаб постоянно предупреждали местное командование «не поддаваться на провокации», что отрицательно влияло на боевую готовность войск прикрытия государственной границы. Видимо, плохо были налажены взаимодействие и взаимоинформация между органами НКГБ, НКВД и штабами Красной Армии.

Хотя следует признать, что мероприятия по линии НКВД, направленные на усиление охраны границы, проводились. Так, начальник пограничных войск НКВД Белорусского округа в целях усиления охраны государственной границы 20 июня 1941 года издал специальный приказ. В соответствии с этим приказом предписывалось «расчет людей для

несения службы строить так, чтобы с 23.00 до 5.00 службу несли на границе все люди, за исключением возвращающихся из нарядов. На отдельных, наиболее уязвимых фланговых направлениях выставить на десять дней посты под командой помощника начальника заставы».

Таким образом, создается мнение, что советское руководство умышленно игнорировало обильно поступавшую из различных источников разведывательную информацию о подготовке Германии к войне против СССР. Отдельные исследователи говорят о том, что это была особая линия поведения высшего советского руководства, всячески стремившегося оттянуть начало войны с целью подготовки страны и Красной Армии. Другие утверждают, что в 1940-м – начале 1941 года советское руководство больше занимали внутренние проблемы, возникавшие на новых территориях, присоединенных к СССР в 1939–1940 годах, чем вопросы внешней угрозы. В последние годы находятся и такие авторы, которые пишут о том, что поведение советского правительства накануне войны, и в частности позиция И.В. Сталина, было проявлением ненависти вождя к своему народу.

Безусловно, все это только субъективные выводы различных исследователей. А что говорят факты? Передо мной выписка из инструкции Второго бюро генерального штаба французской армии от 15 мая 1941 года. В ней записано:

«В настоящее время СССР – единственная европейская держава, которая, располагая мощными вооруженными силами, не втянута в мировой конфликт. Кроме того, объем советских экономических ресурсов настолько велик, что Европа перед лицом продолжающейся морской блокады может быть обеспечена сырьем и продовольствием из этого резерва.

Похоже, что до настоящего времени СССР, следуя тактике выживания, стремится использовать истощение сил обеих воюющих сторон для укрепления собственной позиции… Однако поворот событий в течение последних двух месяцев заставляет думать, что СССР не сможет осуществить свои планы в их первоначальной форме и, вероятно, будет втянут в войну ранее, чем полагает».

На основании всего вышеизложенного говорить о том, что агрессия Германии против СССР для высших эшелонов советской власти и лично для И.В. Сталина стала полной неожиданностью, не приходится. И. В. Сталин и его ближайшее окружение было достаточно хорошо осведомлено о том, что происходит в Берлине и у западной границы СССР, и события 22 июня 1941 года должны были стать только логическим завершением большой дипломатической игры, которую Кремль вел в последние годы.

В то же время напрашивается совершенно справедливый вопрос: что мешало советскому руководству своевременно ориентировать высшие штабы о реальном положении дел у западной границы СССР? На сегодняшний день однозначного ответа на этот вопрос не дано. Но совершенно очевидно, что такая ориентировка едва ли ускорила бы начало войны, но в то же время значительно ослабила бы первый удар противника.

Накануне

Вкниге Г. К. Жукова имеется полный текст директивы, которую нарком С. К. Тимошенко после одобрения ее И. В. Сталиным отдал войскам западных округов и народному комиссару Военно-морского флота около 23 часов 21 июня 1941 года:

«1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ПВО, ПрибВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на

государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городков и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить». (*Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. С. 244).

С этой директивой Н. Ф. Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тот же час передать ее в округа. Передача в округа была закончена в 00.30 минут 22 июня 1941 года.

Об этом же пишет в своих мемуарах и Г. К. Жуков. В частности, он отмечает, что сведения о подготовке Германией агрессии против СССР были известны Генеральному штабу, и тут же признается: «В период назревания опасной военной обстановки мы, военные, вероятно, не сделали всего, чтобы убедить И. В. Сталина в неизбежности войны с Германией в самое ближайшее время и доказать необходимость проведения в жизнь срочных мероприятий, предусмотренных оперативно-мобилизационным планом. Конечно, эти мероприятия не гарантировали бы полного успеха в отражении вражеского натиска, так как силы сторон были далеко не равными. Но наши войска могли бы вступить в бой более организованно и, следовательно, нанести противнику значительно большие потери. Это подтверждают успешные оборонительные действия частей и соединений в районах Владимир-Волынского, Равы-Русской, Перемышля и на участках Южного фронта».

Теперь вспомним, что мобилизационный план был разработан Генеральным штабом и утвержден только в феврале 1941 года. После этого в штабы военных округов были направлены только частные директивы, в которых указывались мобилизационные задания, календарные сроки основных мероприятий, в том числе и конечные сроки разработки окружных мобилизационных планов – 1 июня 1941 года, а в Западном Особом военном округе – 15 июня 1941 года.

Ниже Г. К. Жуков пишет: «Сейчас бытуют разные версии по поводу того, знали мы или нет конкретную дату начала войны.

Я не могу сказать точно, правдиво ли был информирован И. В. Сталин, может быть, получал лично, но мне не сообщал.

Правда, он однажды сказал мне:

– Нам один человек передает очень важные сведения о намерениях германского правительства, но у нас есть некоторые сомнения…

Возможно, речь шла о Р. Зорге, о котором я узнал после войны».

Могло ли военное руководство самостоятельно и своевременно вскрыть выход вражеских войск непосредственно в исходные районы, откуда началось их вторжение 22 июня? В тех условиях сделать это было крайне затруднительно.

К тому же, как стало известно из трофейных карт и документов, командование немецких войск произвело сосредоточение собственно на границах в самый последний момент, а его бронетанковые войска, находившиеся на значительном удалении, были переброшены в исходные районы только в ночь на 22 июня.

Ближайшим заместителем начальника Генерального штаба РККА был начальник Оперативного управления. Накануне войны эту должность занимал Николай Федорович Ватутин. Это был сравнительно молодой генерал (родился в 1901 году), который в 1929 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе и год проучился в Академии Генерального штаба, из которой был выпущен досрочно в 1937 году в связи с арестами многих военачальников.

Он занимал должность начальника штаба Киевского Особого военного округа во время

освободительного похода советских войск в Западную Украину, а с 1940 года возглавлял Оперативное управление Генерального штаба. По воспоминаниям многих современников, Н. Ф. Ватутин был грамотным и думающим человеком, способным решать объемные и сложные задачи. Он имел некоторый опыт планирования военных действий в рамках завершающихся операций советско-финляндской войны и действий войск военного округа во время освободительного похода. Но этого опыта было явно недостаточно для решения задач в масштабе начального периода Великой Отечественной войны.

К сожалению, даже из имевшихся сообщений не всегда делались правильные выводы, которые могли бы оперативно и авторитетно ориентировать высшее руководство. Вот в связи с этим некоторые документы из военного архива.

20 марта 1941 года начальник Разведывательного управления генерал Ф. И. Голиков представил руководству доклад, содержавший сведения исключительной важности. В этом документе излагались варианты возможных направлений ударов немецко-фашистских войск при нападении на Советский Союз. Как потом выяснилось, они последовательно отражали разработку гитлеровским командованием плана «Барбаросса», а в одном из вариантов, по существу, отражена была суть этого плана.

…По сообщению нашего военного атташе от 14 марта, указывалось далее в докладе, немецкий майор заявил: «Мы направляемся на восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть. Тогда мы будем непобедимыми и можем продолжать войну с Англией и Америкой».

Наконец, в этом документе со ссылкой на сообщение военного атташе из Берлина указывается, что «начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года».

Однако выводы из приведенных в докладе сведений, по существу, снимали все их значение. В конце своего доклада генерал Ф. И. Голиков писал:

«1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки».

Итак, Ф. И. Голиков занимал пост начальника Разведывательного управления и заместителя начальника Генерального штаба с июля 1940 года. Его доклад готовился для высшего руководства страны и шел под грифом «исключительной важности». Такие доклады готовятся обычно очень тщательно и не могут быть основанными на словах какого-то «немецкого майора». Они требуют сбора и анализа десятков, а то и сотен различных источников информации. И, как свидетельствуют другие военачальники, такая информация была, в том числе от военного атташе в Берлине, резидентов агентурной разведки в странах – союзниках Германии.

Теперь об агентуре самого Разведывательного управления Генерального штаба (ныне Главное разведывательное управление). Данный орган существует главным образом для того, чтобы вести военную разведку в интересах безопасности страны и тщательно изучать вероятного противника. Приход германских войск на территорию Польши создавал идеальные условия для организации разведывательной работы в этой стране. Чехословакия, оккупированная Германией, также была хорошим полем для деятельности советской военной разведки. Венгрия многие годы рассматривалась Российской империей и Советским Союзом в качестве вероятного противника, что требовало наличия там расширенной агентурной сети. Советский Союз только недавно завершил войну с Финляндией и не имел оснований доверять ее правительству. Румыния также была обижена отторжением Молдавии и Бессарабии и поэтому требовала постоянного пристального внимания. И не приходится сомневаться, что Разведывательное управление Генерального штаба имело свою агентуру в

этих странах и получало от нее соответствующую информацию. Приходится сомневаться в качестве этой агентуры, информации и правильности реакции на нее Ф. И. Голикова и Г. К. Жукова.

С 14 января 1941 года Г. К. Жуков уже работал в Генеральном штабе (постановление Политбюро № П25/85 от 14.1.41 о назначении начальника Генерального штаба и командующих военными округами), входил в курс дела, знакомился со своими заместителями, начальниками управлений и отделов. Дважды, 29 и 30 января, он вместе с наркомом обороны был на приеме у И. В. Сталина. Тревожную информацию с советско-германской границы он получал постоянно, знал о неготовности Красной Армии к войне с Германией и в начале февраля отдал указание начальнику Оперативного управления Генерального штаба генерал-лейтенанту Г. К. Маландину к 22 марта подготовить уточненный оперативный план на случай нападения Германии на Советский Союз. Затем 12 февраля вместе с наркомом обороны С. К. Тимошенко и начальником организационно-мобилизационного управления генерал-майором Четвериковым Г. К. Жуков представлял И. В. Сталину мобилизационной план, который был утвержден практически без поправок. Таким образом, выходит, что Генеральный штаб основательно готовился к отражению фашистской агрессии.

Совещание, на котором был сделан доклад начальником Разведывательного управления РККА, состоялось 20 марта 1941 года, когда Г. К. Жуков уже почти два месяца находился на посту начальника Генерального штаба и проделал определенную работу по повышению боеспособности Красной Армии. На этом же совещании, безусловно, находился и нарком обороны С. К. Тимошенко. Заместитель начальника Генерального штаба Ф. И. Голиков докладывает руководству страны выводы, в корне расходящиеся с выводами его прямых начальников, а С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков никак не реагируют на это. Допустить данную ситуацию, зная крутой характер Г. К. Жукова, совершенно невозможно.

Передо мной капитальный труд генерал-полковника в отставке Юрия Александровича Горькова «Кремль, Ставка, Генштаб», который разрабатывал его в течение семи лет, будучи консультантом историко-архивного и военно-мемориального центра Генерального штаба. В то время в этом центре работал мой хороший товарищ полковник В. Б. Маковский, который всячески помогал Горькову в сборе и анализе необходимых архивных документов и даже защитил кандидатскую диссертацию по начальному периоду Великой Отечественной войны. Не доверять этим людям у меня нет основания, и поэтому к труду Ю.А. Горькова я буду обращаться еще не раз.

Юрий Александрович в приложении к своей книге дает выписку из журналов посещения И. В. Сталина в его кремлевском кабинете начиная с 1935 года. Из этого журнала следует, что С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков, К.А. Мерецков и П.В. Рычагов (начальник Главного управления ВВС) были на приеме у И. В. Сталина 2 февраля и совещались в течение почти двух часов.

Следующий раз они, а также С.М. Буденный и Четвериков посетили этот высокий кабинет 12 февраля для утверждения мобилизационного плана.

22 февраля, на совещании у И. В. Сталина, кроме С.К. Тимошенко, Г.К. Жукова, С.М. Буденного, К.А. Мерецкова, П.В. Рычагова, присутствовали из военных Г.И. Кулик (начальник Главного управления артиллерии РККА) и прославленный летчик-испытатель генерал М.М. Громов (начальник Летно-исследовательского института), а также все Политбюро РКП(б). Это совещание проходило с 17.15 до 21.00.

25 февраля на прием к И. В. Сталину снова приглашаются С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков, К. А. Мерецков, П. В. Рычагов, а также заместитель начальника штаба Главного управления ВВС РККА генерал Ф. А. Астахов. Присутствие на совещании у главы государства двух ведущих военных летчиков говорит либо об особых задачах для этого вида Вооруженных Сил, либо о какой-то важной информации, поступившей от авиаразведки. Обсуждение этих вопросов заняло почти два часа.

1 марта на прием к И. В. Сталину вновь приглашаются С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков,

К. А. Мерецков, П. В. Рычагов, Г. И. Кулик, а также первый заместитель командующего ВВС РККА генерал П. Ф. Жигарев и член Хозяйственного совета по оборонной промышленности при СНК СССР П. Н. Горемыкин. Совещание занимает 2 часа 45 минут.

8 марта на совещание к И. В. Сталину в 20.05 прибыли С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков, С. М. Буденный, П. В. Рычагов и просовещались до 23 часов.

Следующее совещание с военными у И.В. Сталина состоялось 17 марта 1941 года, и на нем присутствовали С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков, К. А. Мерецков, П.В. Рычагов, П.Ф. Жигарев. Совещались с 15.15 до 23.10, но, видно, окончательно не договорились. Поэтому на следующий день к главе государства были приглашены С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков, П. В. Рычагов и Г. И. Кулик, которые находились в кабинете И. В. Сталина с 19.05 до 21.10, а в результате этой встречи было принято постановление Политбюро по мобилизационным сборам № 28/155, подготовленное еще 3 марта 1941 года.

И вот теперь мы читаем у Г. К. Жукова о докладе начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба руководству страны от 20 марта 1941 года. До этого С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков провели в кабинете И. В. Сталина на различных совещаниях в общей сложности более 30 часов каждый. Неужели этого времени было недостаточно, чтобы обсудить вопросы обороны страны и боевой готовности Красной Армии?

Итак, по воспоминаниям Г. К. Жукова, на совещании 20 марта на основании только доклада генерала Ф. И. Голикова угроза нападения фашистской Германии на СССР в 1941 году была рассеяна. Но дальше в этом же труде Георгий Константинович пишет: «6 мая 1941 года И. В. Сталину направил записку народный комиссар Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов: «Военно-морской атташе в Берлине капитан 1 ранга Воронцов доносит, что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах… Полагаю, – говорилось в записке, – что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы проверить, как на это будет реагировать СССР».

И снова возвращаемся к монографии Ю.А. Горькова. Согласно ее данным, С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков и другие высшие военачальники совещались у И. В. Сталина 5, 9, 10, 14, 20, 21, 23, 28, 29 апреля. На последнем совещании обсуждалась записка Народного комиссариата обороны по боевой готовности западных приграничных военных округов. И снова встает вполне закономерный вопрос: о чем говорили высшие военачальники с главой государства в течение многих часов, если не о нарастающей угрозе войны? Почему тогда, по записям Г. К. Жукова: «…Напряжение нарастало. И чем ближе надвигалась угроза войны, тем напряженнее работало руководство Наркомата обороны. Руководящий состав Наркомата и Генерального штаба, особенно маршал С. К. Тимошенко, в то время работали по 18–19 часов в сутки. Часто нарком оставался у себя в кабинете до утра».

Работа, судя по записям Ю. А. Горькова, и в самом деле велась напряженная. В мае 1941 года С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков совещаются у И. В. Сталина 10, 12, 14, 19, 23 числа. 24 мая на совещание к главе государства приглашаются, кроме наркома обороны и начальника Генерального штаба, командующие, члены Военного Совета и командующие ВВС Западного Особого, Киевского Особого, Прибалтийского, Одесского военных округов. Это совещание продолжается более трех часов.

В начале июня 1941 года 3, 6, 9 и 11 числа у И. В. Сталина на совещании были С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков, а также часто и начальник Оперативного управления Генерального штаба генерал Н. Ф. Ватутин. Присутствие последнего говорит о подготовке важнейших оперативных документов, вероятно, связанных с приведением войск в боевую готовность.

Но вот снова открываем мемуары Г. К. Жукова и читаем: «13 июня С. К. Тимошенко в моем присутствии позвонил И. В. Сталину и просил разрешения дать указание о приведении войск приграничных округов в боевую готовность и развертывании первых эшелонов по

планам прикрытия.

– Подумаем, – ответил И. В. Сталин.

На другой день мы вновь были у В. И. Сталина и доложили ему о тревожных настроениях в округах и необходимости приведения войск в полную боевую готовность.

– Вы предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы это оба или нет?!»

Если верить Г. К. Жукову, И. В. Сталин и 14 июня решительно отверг предложение наркома обороны и начальника Генерального штаба о приведении войск в боевую готовность.

Согласно данным Ю. А. Горькова, в период с 11 по 19 июня ни С. К. Тимошенко, ни Г. К. Жуков у главы государства не были. Но известно, что в конце первой половины июня 1941 года было начато выдвижение войсковых соединений, расположенных во внутренних районах западных приграничных военных округов, ближе к государственной границе. Часть этих соединений перебрасывалась по железной дороге, а значительное их количество выдвигались походным порядком ночными переходами.

Также еще в середине мая 1941 года началась постепенная переброска по железной дороге и частично движение походным порядком отдельных стрелковых корпусов и дивизий из внутренних военных округов: Уральского, Приволжского, Харьковского и Северо-Уральского на рубеж рек Западная Двина и Днепр. В первой половине июня началась переброска шести дивизий из Забайкальского военного округа на Правобережную Украину в районы Шепетовки, Проскурова и Бердичева.

Таким образом, готовясь к отражению фашистской агрессии, советское руководство развернуло на западной границе от Балтийского до Черного моря войска трех военных округов и часть сил Одесского военного округа, которые в случае начала войны должны были быть преобразованы во фронты и отдельную армию.

На основании данного соотношения сил и средств фашистское командование планировало, достигнув внезапности, имеющимися силами авиации подавить советскую авиацию на аэродромах и дезорганизовать управление танковыми соединениями в первый день войны и не допустить организованного занятия войсками своих районов. Затем, блокировав гарнизоны укрепленных районов, после мощного огневого поражения нанести сильные удары наземными войсками на избранных направлениях, быстро вклиниться в советскую оборону и осуществить разгром войск прикрытия государственной границы по частям. В случае проведения контрударов механизированными корпусами на второй-третий день войны нанести им поражение ударами авиации, огнем полевой и противотанковой артиллерии и соединений сухопутных войск. После этого фашистское командование намеревалось стремительно развивать наступление на восток, препятствуя организованному отводу войск прикрытия государственной границы на тыловые рубежи и громя выдвигающиеся фронтовые резервы.

Замысел противника опирался на новейшую для того времени теорию ведения наступления по принципу глубокой наступательной операции. Ставка делалась на авиацию, которая должна была расстроить управление и сковать оперативные резервы, а также на силу первоначального удара наземных войск на избранных направлениях и развитие наступления танковыми формированиями. Но все это должно было принести успех только в одном случае – достижения внезапности. И при этом огромное значение имели не то что день и час перед наступлением, но и каждая минута.

* * *

Днем 21 июня 1941 года А. Гитлер сел за свой рабочий стол в новой подземной ставке Вольфшанце, расположенной в мрачном лесу возле Растенбурга в Восточной Пруссии, и продиктовал длинное письмо Муссолини. Оно начиналось так:

«Дуче!

Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда месяцы тревожных размышлений и постоянного напряженного ожидания завершаются принятием мною самого трудного за всю мою жизнь решения.

Обстановка: Англия эту войну проиграла. Подобно утопающему, она хватается за любую соломинку. Тем не менее некоторые из ее надежд не лишены определенных оснований… Разгром Франции заставляет английских поджигателей войны обратить свои взгляды туда, откуда они пытаются начать войну: к Советскому Союзу.

Обе стороны – Советская Россия и Англия – в равной степени заинтересованы в Европе… обессиленной длительной войной. За этими двумя странами стоят Соединенные Штаты Америки, подстрекающие их…

…Все наличные силы русских находятся у нашей границы… Если обстоятельства заставят меня направить немецкие военно-воздушные силы против Англии, то существует опасность, что Россия в таком случае прибегнет к стратегии шантажа и я буду вынужден молча уступить из-за ее превосходства в воздухе… Англия еще меньше будет готова к заключению мира, ибо тогда появится возможность связать свои надежды с русским партнером… А за всем этим стоят массированные поставки военных материалов из Америки, которые они надеются получить в 1942 году…

Обстановка в самой Англии плохая; снабжение продовольствием и сырьем все больше затрудняется. Настроение продолжать войну сохраняется главным образом лишь в мечтах. Эти мечты основаны на двух предпосылках: Россия и Америка. У нас нет никаких шансов устранить Америку, но в нашей власти устранить Россию…

Учитывая эти обстоятельства, я решил положить конец лицемерной деятельности Кремля…

Что касается воздушной войны против Англии, то мы пока будем находиться в обороне.

Что касается войны на Востоке, дуче, то она наверняка будет трудной, но я ни на минуту не сомневаюсь в огромном успехе. Я, прежде всего, надеюсь, что мы сможем получить общую базу продовольственного снабжения на Украине, которая обеспечит нас такими дополнительными поставками, какие могут понадобиться в будущем…

Что бы ни случилось, дуче, наше положение не может ухудшиться в результате этого шага, оно может только улучшиться… Партнерство с Советским Союзом, несмотря на искренность наших желаний прийти к окончательному примирению, оказалось для меня тем не менее нетерпимым, ибо так или иначе оно неприемлемо для меня из-за моего происхождения, моих концепций и моих прошлых обязательств, и теперь я счастлив, избавившись от этих душевных мук».

И грянул гром…

Ивот наступило 22 июня 1941 года. В это напряженное время советское руководство фактически продолжало бездействовать. Тревожные разведывательные сводки, поступавшие в Кремль со всех концов, беззвучно оседали в столах кабинетных чиновников, только в искаженном виде и с большим опозданием достигая кабинета И. В. Сталина.

В трудах ряда авторов бытует утверждение о том, что известие о начале войны для И. В. Сталина было совершенно неожиданным и что он даже в первое время растерялся. Едва ли это соответствует действительности. В ту ночь И. В. Сталин ждал тревожных известий с западных границ, сам находился на своем рабочем месте, на рабочих местах находились все ответственные работники Министерства иностранных дел, Наркомата обороны, Генерального штаба, штабов военных округов и армий прикрытия государственной границы.

В 21 час 30 минут, за семь часов до начала немецкой агрессии против СССР, В. М. Молотов принял в своем кабинете в Кремле германского посла Шуленбурга для очередного объяснения. Позже, узнав об этой встрече, У. Черчилль назовет ее «последней глупостью».

– Имеется ряд признаков, – сказал Молотов, – что германское правительство

недовольно Советским правительством. Даже ходят слухи, что нависает угроза войны между Германией и Советским Союзом.

Советское правительство оказалось не в состоянии понять причины недовольства Германии. Я был бы признателен, если бы господин посол разъяснил мне, что привело к нынешнему состоянию германо-советских отношений?

– Я не могу ответить на ваши вопросы, господин министр, поскольку не располагаю соответствующей информацией, – ответил Шуленбург. – Но обещаю, что немедленно свяжусь с Берлином и доложу о вашей озабоченности…

Министр иностранных дел СССР и посол Германии в СССР в тот поздний вечер расстались, не договорившись ни до чего. Плохая информированность В. М. Молотова или Шуленбурга в отношении намерения Германии через несколько часов напасть на СССР логически исключается, но многие историки утверждают именно это. Оставим данный вопрос на их совести…

Вернувшись в посольство, Шуленбург получил поступившую из Берлина радиограмму от Риббентропа с пометкой «совершенно секретно, государственная тайна, послу лично». В ней указывалось: «С получением этой телеграммы все материалы по шифрованию должны быть уничтожены. Рацию необходимо вывести из строя. Немедленно информируйте господина Молотова, что вам необходимо сделать ему срочное сообщение. Затем сделайте ему следующее заявление…».

Далее следовал пространный текст, объясняющий причины нападения Германии на СССР. Говорилось о том, что в то время, когда Германия неукоснительно соблюдает условия советско-германского договора, Советский Союз неоднократно нарушал их, осуществляя «подрывную деятельность, терроризм и шпионаж». Он «боролся против усилий Германии установить стабильный порядок в Европе», вступил в сговор с Англией с тем, чтобы осуществить «нападение на германские войска в Румынии и Болгарии, сосредотачивая все наличные русские силы на протяженном фронте от Балтики до Черного моря и угрожая рейху». Далее в заявлении говорилось:

«Донесения, полученные за последние несколько дней, исключают любые сомнения относительно агрессивного характера такого сосредоточения русских войск… Кроме того, имеются донесения из Англии о переговорах посла Криппса по более тесному политическому и военному сотрудничеству между Англией и Советским Союзом.

Резюмируя вышесказанное, правительство рейха в связи с этим заявляет, что советское правительство вопреки принятым им обязательствам:

1) не только продолжало, но и усилило свои попытки подорвать Германию и Европу;

2) проводило все более и более антигерманскую внешнюю политику;

3) сосредоточило все свои силы в готовности на границе с Германией.

Тем самым советское правительство разорвало свои договоры с Германией и старается напасть на нее с тыла.

В связи с этим фюрер приказал германским вооруженным силам противодействовать этой угрозе всеми имеющимися в их распоряжении средствами».

В конце радиограммы Риббентроп предупреждал посла, чтобы тот не вступал ни в какие разъяснения по поводу этого заявления.

Безусловно, это был удар для Шуленбурга, который достаточно долго проработал в Москве, много сделал для налаживания советско-германских отношений и знал, что Советский Союз в данный момент не готовился к нападению на Германию. Но с чисто немецкой пунктуальностью он выполнил указания своего шефа. Приехав в Кремль перед самым рассветом, он встретился с В. М. Молотовым и ограничился прочтением текста заявления. В.М. Молотов молча выслушал посла до конца и затем сказал:

– Это война. Считаете ли вы, что мы это заслужили?

Шуленбург молча развел руками… Его дипломатическая деятельность как посла практически заканчивалась крахом. Государства, посредником между которыми он выступал, не договорились между собой, а война означала полный разрыв дипломатических

отношений. Вернувшись в Германию, Шуленбург подал в отставку и примкнул к оппозиции. После июльского заговора 1944 года против Гитлера он был арестован и вскоре казнен гестапо.

В тот же предрассветный час аналогичная сцена происходила на Вильгельмштрассе в Берлине. Всю вторую половину дня 21 июня советский посол в Германии Владимир Деканозов звонил в министерство иностранных дел, добиваясь приема у Риббентропа с тем, чтобы вручить ему протест по поводу продолжавшихся нарушений советской границы немецкими самолетами. Ему отвечали, что министра иностранных дел нет в городе. Наконец в 2 часа ночи 22 июня Деканозову сообщили, что Риббентроп примет его в 4 часа утра в министерстве иностранных дел.

Об этой исторической встрече остались воспоминания доктора Шмидта – помощника Риббентропа. В частности, он пишет:

«Я никогда не видел Риббентропа столь возбужденным, как за пять минут до прибытия Деканозова. Он нервно ходил туда и обратно по своему кабинету, подобно загнанному в клетку зверю…

Деканозова ввели в кабинет, и он, вероятно, ни о чем не догадываясь, некстати протянул Риббентропу руку. Мы сели…

Деканозов по поручению своего правительства начал излагать конкретные вопросы, требующие разъяснения. Однако едва он заговорил, как Риббентроп с окаменевшим лицом прервал его: «Теперь это неважно…»

После этого Риббентроп вручил послу копию меморандума, который Шуленбург примерно в это же самое время зачитал в Москве.

На смену утонченной дипломатии приходила грубая сила, и наступало время, когда должны были заговорить пушки.

Обратимся к воспоминаниям Г. К. Жукова: «Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик – немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня. Я тотчас же доложил наркому и И. В. Сталину то, что передал М. А. Пуркаев. И. В. Сталин сказал:

– Приезжайте с наркомом в Кремль.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И. В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

– А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? – спросил он.

– Нет, – ответил С. К. Тимошенко. – Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И. В. Сталина вошли члены Политбюро.

– Что будем делать? – спросил И. В. Сталин.

Ответа не последовало.

– Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех пограничных войск в полную боевую готовность, – сказал нарком.

– Читайте! – ответил И. В. Сталин.

Я прочитал проект директивы. И. В. Сталин заметил:

– Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска пограничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Не теряя времени, мы с Н. Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И. В. Сталин, прослушав проект директивы и сам еще раз ее прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи».

Обращаемся к исследованию Ю. А. Горькова. 21 июня в кабинете И. В. Сталина с 18.27 находился нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов, который и доложил о подготовке агрессии Германии. В 19.05 в этот кабинет вошли К. Е. Ворошилов, Л. П. Берия, Н. А. Вознесенский, Г. М. Маленков, Н. Г. Кузнецов, С. К. Тимошенко и пробыли там разное время. Первыми в 20.15 покинули кабинет Н. А. Вознесенский, Н. Г. Кузнецов и С. К. Тимошенко. В 20.5 °С. К. Тимошенко вернулся к И. В. Сталину вместе с Г. К. Жуковым и С. М. Буденным. В 21.55 в этот кабинет также был приглашен Л. З. Мехлис. Г. М. Маленков, С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков, С. М. Буденный и Л. З. Мехлис покинули кабинет вождя в 22.20, после подписания директивы № 1 западным пограничным округам. После их ухода у И. В. Сталина до 23.00 задержались В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. П. Берия. Никакого Н. Ф. Ватутина в тот вечер у И. В. Сталина не было, и, видимо, Г. К. Жуков лично отправился передавать директиву войскам после 22.20 21 июня 1941 года.

И еще один вопрос – время отправки директивы в войска.

Открываем 93-ю страницу книги А. М. Василевского (перед войной – заместитель начальника Оперативного управления Генерального штаба) «Дело всей жизни» и находим следующее:

«В июне 1941 года в Генеральный штаб от оперативных отделов западных приграничных округов и армий непрерывно шли донесения одно другого тревожнее. Сосредоточение немецких войск у наших границ закончено. Противник на ряде участков границы приступил к разборке поставленных им ранее проволочных заграждений и к разминированию полос на местности, явно готовя проходы для своих войск к нашим позициям. Крупные танковые группировки немцев выводятся в исходные районы. Ночами ясно слышен шум массы танковых двигателей.

Все работники нашего оперативного управления без каких-либо приказов сверху почти безотлучно находились в те дни на своих служебных местах.

В первом часу ночи на 22 июня нас обязали в срочном порядке передать поступившую от начальника Генерального штаба Г. К. Жукова подписанную наркомом обороны и им директиву в адрес командования Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого и Одесского военных округов.

…В 0 часов 30 минут 22 июня 1941 года директива была послана в округа».

А обстановка накалялась ежечасно и ежеминутно.

«Примерно в 12 часов ночи командующий Киевским округом, находившийся в своем командном пункте в Тернополе, доложил по ВЧ, что кроме перебежчика, о котором сообщил генерал М. А. Пуркаев, в наших частях появился еще один немецкий солдат – 222-го пехотного полка 74-й пехотной дивизии, – пишет Г. К. Жуков в своих воспоминаниях. – Он переплыл речку, явился к пограничникам и сообщил, что в 4 часа немецкие войска перейдут в наступление. М. П. Кирпоносу было приказано быстрее передавать директиву в войска о приведении их в боевую готовность».

От Кремля до здания Генерального штаба езды автомобилем 5-10 минут. Почему столь важный документ, как директива о приведении войск в боевую готовность, Генеральный штаб передавал в округа целых два часа – остается загадкой. По всей видимости, передавались не короткие заранее оговоренные сигналы, требовавшие немедленного вскрытия заранее заложенных пакетов и действий в соответствии с заранее отработанными планами (как это принято), а велись пространные разговоры, полные перестраховки, предупреждений и нуждавшиеся в большом времени.

Но что делал сам И. В. Сталин в это время? Начальник Института военной истории и советник Б. Н. Ельцина генерал-полковник Д. А. Волкогонов в своем труде «Триумф и трагедия» пишет: «В 3 часа ночи Сталин устало смотрел из окна своего бронированного автомобиля на безлюдные улицы. Он еще не знал, что немецкие самолеты уже летят бомбить советские города и аэродромы, что экипажи немецких танков выводят свои машины на

исходные позиции, что гитлеровские генералы все чаще смотрят на циферблаты своих часов. Их стрелки приближаются к роковой отметке. Но едва Сталин стал засыпать, разложив постель на диване в своем кабинете на даче, где он работал и отдыхал, в дверь осторожно постучали. Стук больно отозвался в сердце: Сталина никогда не будили. Должно быть, произошло самое худшее. Неужели он просчитался? Сталин вышел. Начальник охраны доложил:

– Генерал армии Жуков просит вас, товарищ Сталин, по неотложному делу к телефону!

Сталин подошел к аппарату.

– Слушаю…

Жуков коротко доложил о налетах вражеской авиации на Киев, Минск, Севастополь, Вильнюс, другие города. После доклада начальник Генерального штаба переспросил Сталина:

– Вы меня поняли, товарищ Сталин?

Сталин молчал. А из трубки вновь последовал вопрос:

– Товарищ Сталин, вы меня поняли?

Было четыре часа утра 22 июня 1941 года. Началась Великая Отечественная война».

Таким образом, выходит, что, ожидая нападения со стороны Германии, Советский Союз вел двойственную политику. Положительным моментом этой политики являлось то, что советское руководство всеми силами стремилось, отдвинув западную границу, создать между СССР и Германией своеобразный буфер, который должен был снизить силу первоначального удара противника и создать условия для отмобилизования и развертывания главных сил первого стратегического эшелона. Отрицательными – просчет в начале германской агрессии, плохая разведка противника, низкие темпы разработки своих документов на оборону и создание обороны по линии новой границы.

В то же время советское руководство готовилось к предстоящей войне, готовило к ней Наркомат обороны, Генеральный штаб, а через них и войска. В 1939-м – начале 1941 гг. у западной границы была проделана огромная работа по повышению обороноспособности страны. К сожалению, из-за нехватки времени и средств эта работа не была доведена до конца. Отсутствовала достоверная информация о подготовке агрессии со стороны Германии. Произошло большое опоздание и с разработкой основных военно-стратегических документов.

По официальным советским данным, против Советского Союза к началу войны было сосредоточено 190 дивизий, 5500 тысяч личного состава, 47 200 орудий и минометов, около 4300 танков и штурмовых орудий, почти 5000 боевых самолетов Германии, Финляндии, Румынии и Венгрии.

В истории Второй мировой войны записано, что к середине 1941 года в соответствии с планом обороны страны увеличивались Советская Армия и Военно-морской флот. В июне 1941 года численность вооруженных сил СССР достигала 5373 тысяч человек… На вооружении армии состояло свыше 67 тысяч полевых орудий и минометов, 1861 танк и свыше 2700 боевых самолетов новых типов. Кроме того, в войсках было большое количество устаревшей бронетанковой и авиационной техники.

Эти цифры требуют определенного уточнения. По состоянию на 21 июня 1941 года в списках РККА насчитывалось 4827 тысяч человек. В списках резервистов было 768 тысяч человек. Кроме того, 75 тысяч человек, приписанных к Наркомату обороны, проходили службу в других ведомствах. Значит, в случае начала войны сразу же под ружье можно было поставить 5670 тысяч человек. Таким образом, цифры численности личного состава советских Вооруженных Сил к началу войны, указанные в официальных советских изданиях, отличаются друг от друга на 300 тысяч человек.

К 22 июня 1941 года на вооружении РККА имелось 22, 6 тысячи танков, 112,8 тысячи орудий и минометов различных калибров. Численность самолетного парка Красной Армии различные исследователи указывают от 20 до 22 тысяч самолетов различных типов.

В результате, по данным Истории Второй мировой войны, получалось, что Германия

превосходила СССР более чем в два раза по количеству танков, почти в два раза по количеству авиации и в полтора раза уступала по количеству полевых орудий и минометов.

На западной границе СССР от Балтийского до Черного моря 22 июня 1941 года были развернуты войска Северо-Западного, Западного, Юго-Западного фронтов и одна из армий Одесского военного округа.

Северо-Западный фронт (командующий генерал-полковник Ф. И. Кузнецов) в составе 8-й (генерал-майор П. П. Собенников), 11-й (командующий генерал-лейтенант В. И. Морозов) и 27-й резервной (генерал-майор Н. Э. Берзарин) армий, а также 16-й и 67-й стрелковых дивизий, предназначенных для охраны побережья Балтийского моря. Итого в составе фронта было 25 дивизий, из них 19 стрелковых, 4 танковые и 2 мотострелковые.

Западный фронт (командующий генерал армии Д. Г. Павлов) в составе 3-й (командующий генерал-лейтенант В. Н. Кузнецов), 10-й (командующий генерал-майор К. Д. Голубев), 4-й (командующий генерал-майор А. А. Коробков) армий. В резерве фронта находились 13-я армия (командующий генерал-майор П. М. Филатов), 47-й стрелковый, 17-й и 20-й механизированный корпуса. Всего в составе фронта насчитывалось 44 дивизии, в том числе 24 стрелковых, 12 танковых, 6 мотострелковых и 2 кавалерийские.

Самым мощным по составу войск был Юго-Западный фронт, в составе которого также было четыре общевойсковые армии и войска фронтового подчинения. Непосредственно по линии государственной границы были развернуты 5-я (командующий генерал-майор танковых войск М. И. Потапов), 6-я (командующий генерал-лейтенант И. Н. Музыченко), 26-я (командующий генерал-лейтенант Ф. Н. Костенко) и 12-я (командующий генерал-майор П. Г. Понеделин) армии. В резерве фронта находились 31-й, 36-й, 37-й, 49-й стрелковые, 15-й, 9-й, 19-й, 24-й механизированные корпуса и 14-я кавалерийская дивизия. Всего в составе этого фронта насчитывалось 49 дивизий, в том числе 26 стрелковых, 14 танковых, 7 мотострелковых и 2 кавалерийские.

На юге непосредственное прикрытие государственной границы СССР с Румынией на случай войны возлагалось на 9-ю армию Одесского военного округа (командующий генерал-полковник Я. Т. Черевиченко). В составе этой армии было три стрелковых, один кавалерийский и один механизированный корпуса. Кроме того, на Крымском полуострове дислоцировался еще один отдельный стрелковый корпус, а в резерве Одесского военного округа было еще два стрелковых корпуса. Всего в случае развертывания Южного фронта в его составе могла насчитываться 31 дивизия, в том числе 19 стрелковых, 6 танковых, 3 мотострелковые и 3 кавалерийские.

Таким образом, в составе всех западных фронтов было 170 дивизий, в том числе 130 стрелковых, 40 танковых, 20 мотострелковых и 7 кавалерийских.

Советским командованием для непосредственного прикрытия государственной границы создавалось десять армейских объединений, в составе которых находилось 788,8 тысячи человек, 7,9 тысячи танков, более 5 тысяч орудий калибра 76-мм и выше, почти 8 тысяч минометов, 4,6 тысячи противотанковых орудий, 532 зенитных орудия. Для прикрытия наземной группировки с воздуха армиям было выделено 6,5 тысячи самолетов.

Противник, готовясь к началу агрессии, в войсках первого стратегического эшелона имел более двух миллионов человек, 2887 танков, 10,5 тысячи орудий калибра свыше 76-мм, 14,9 тысячи минометов, 8,9 тысячи противотанковых орудий, 2115 орудий зенитной артиллерии. Для прикрытия наземной группировки с воздуха выделялось немногим более четырех тысяч самолетов.

В результате противник превосходил советские войска по личному составу в 2,6 раза, по артиллерийским орудиям – в 2 раза, по минометам – в 1,8 раза, по зенитным орудиям – в 3,9 раза, но уступал по танкам в 2,7 раза. Кроме того, на рубеж рек Западная Двина и Днепр в мае – июне 1941 года осуществлялась переброска 19-й армии из Северо-Кавказского военного округа, 20-й армии – из Орловского военного округа, 21-й армии – из Приволжского военного округа, 22-й армии – из Уральского военного округа и 16-й армии – из Забайкальского военного округа, которые должны были составить Резерв Главного

Командования. В составе этих резервных армий были 81 дивизия, из них 57 стрелковых, 16 танковых и 8 моторизованных, а также части корпусного подчинения. Это сотни тысяч людей, тысячи артиллерийских орудий, танков, автомашин. Для переброски этих объединений по железной дороге требовались тысячи воинских эшелонов, которые шли на запад по тем же путям и через те же железнодорожные станции, что и гражданские составы. Для прибывающих войск в районах выгрузки нужны были большие площади, помещения для размещения личного состава и складов. Как грибы росли палаточные городки, тщательно охраняемые зоны. В ранее тихих городах и селах враз появились тысячи военных. Скрыть это было невозможно.

Всего для же действующей армии была готова 251 дивизия из 303 имевшихся в РККА к началу войны. Остальные 52 дивизии были оставлены в пунктах постоянной дислокации на случай прикрытия северных, южных и дальневосточных границ.

О подготовке гитлеровских войск к нападению на Советский Союз именно в 4 часа утра 22 июня 1941 года было известно многим начальникам пограничных отрядов. Затем начали поступать данные о том, что на сопредельной стороне слышен шум моторов, стук повозок, виден свет фар автомобилей. Эти данные начали поступать к начальникам пограничных войск Белорусского, Украинского и Молдавского пограничных округов. В 2 часа 22 июня они были доложены начальнику Главного управления пограничных войск, находившемуся в это время на участке 87-го пограничного отряда Белорусского пограничного округа, и его заместителю в Главное управление пограничных войск (Москва). Никто из них не отреагировал должным образом на эту информацию, не отдал приказ пограничным частям занять оборонительные сооружения. А отдать такой приказ они имели возможность, ибо запрета на занятие пограничниками оборонительных сооружений в то время не было. Не получили пограничные отряды такого распоряжения даже после того, как Генеральный штаб отдал приказ западным военным округам о вводе в действие плана прикрытия государственной границы.

Для каждого советского человека Великая Отечественная война, в зависимости от занимаемой должности, началась по-разному. Большинство трудов советского периода говорят о внезапном и коварном нападении фашистской Германии. Фальсификаторы истории новейшего времени утверждают, что своим наступ-лением А. Гитлер сорвал готовящееся наступление советских войск на территорию Германии и Румынии. И. В. Сталин и нарком обороны СССР Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко своих воспоминаний о 22 июня 1941 года не оставили. Поэтому открываем воспоминания начальника Генерального штаба РККА того времени генерала армии Г. К. Жукова:

«В 3 часа 17 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский и сообщил: «Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний».

– Ваше решение? – поинтересовался я.

– Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота, – ответил адмирал.

Переговорив с С. К. Тимошенко, я ответил Ф. С. Октябрьскому: «Действуйте и доложите своему наркому».

В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного округа генерал В. Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три начальник штаба Киевского округа генерал М. А. Пуркаев доложил о налете авиации на города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским округом генерал Ф. И. Кузнецов, который доложил о налетах вражеской авиации на Каунас и другие города.

Нарком приказал мне звонить И. В. Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос дежурного генерала управления охраны. Прошу его позвать к телефону И. В. Сталина.

Минуты через три к телефону подошел И. В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешение начать ответные боевые действия. И. В. Сталин молчит. Я слышу его дыхание.

– Вы меня поняли?

Опять молчание.

Наконец И. В. Сталин спросил:

– Где нарком?

– Говорит с Киевским округом по ВЧ.

– Приезжайте в Кремль с Тимошенко. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро».

Здесь имеется несколько серьезных неувязок.

Первая. В конце 1937 года был создан Народный комиссариат Военно-морского флота, во главе которого с апреля 1939 по февраль 1946 года стоял адмирал Н. Г. Кузнецов. Командующий Черноморским флотом в первую очередь должен был запрашивать свой штаб и действовать в соответствии с его указаниями, а уж затем информировать Генеральный штаб.

Вторая. У И. В. Сталина был свой секретариат, и около него постоянно находился дежурный генерал. В их прямую задачу входило оповещение членов Политбюро о вызове в Кремль.

Итак, в ранний предрассветный час 22 июня 1941 года ночные наряды и дозоры советских пограничников, которые охраняли западный государственный рубеж Советского Союза, неожиданно отметили странное небесное явление – над территорией сопредельной Польши, захваченной гитлеровцами, далеко на ее западном крае в уже начавшем светлеть небе вдруг появились новые, невиданные доселе звезды. Необычно яркие и разноцветные, они безостановочно плыли пестрой стаей на восток. Вскоре оттуда же с запада послышался рокот многих сотен авиационных моторов. Сотни германских самолетов с зажженными бортовыми огнями стремительно вторглись в воздушное пространство Советского Союза, неся свой смертоносный груз к заранее намеченным целям. И уже через несколько минут первые сброшенные вражеские бомбы начали рваться в районах пограничных застав и близлежащих военных городков. Ярко запылали кварталы приграничных городов.

По другим официальным данным, в 3 часа 30 минут 22 июня 1941 года первая волна немецких бомбардировщиков в составе 30 отборных экипажей, осуществлявших перелеты группами по 3 самолета, пересекла западную границу Советского Союза. Вторгшись на советскую территорию, бомбардировщики легли на курс к намеченным целям в тот момент, когда немецкая артиллерия подала сигнал о начале наступления наземных войск. 30 бомбардировщиков первой волны в утренних сумерках нанесли удар по десяти советским аэродромам. Этим ударом фашистское командование рассчитывало посеять панику на передовых советских авиабазах.

На восходе солнца основные силы немецких ВВС в составе 500 бомбардировщиков, 270 пикирующих бомбардировщиков, 480 истребителей нанесли удар по 66 аэродромам, на которых было сосредоточено почти 3/4 советской авиации.

Так с массированных авиационных ударов началась Великая Отечественная война. 22 июня и в последующие двое суток фашистская авиация непрерывно, волна за волной, с интервалом 5-25 минут, группами от 5–6 до 60 самолетов наносила удары по аэродромам. Основной удар был нанесен на глубину 150–200 километров, однако глубина действия фашистской авиации в эти дни достигала 400–500 километров от линии фронта.

Читаем дальше мемуары Г. К. Жукова:

«В 4 часа 30 минут утра все вызванные члены Политбюро были в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет.

И. В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку. Он сказал:

– Надо срочно позвонить в германское посольство.

В посольстве ответили, что граф Шуленбург просит принять его для срочного

сообщения.

Принять посла было поручено В. М. Молотову.

Тем временем первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н. Ф. Ватутин передал, что сухопутные войска немцев после сильного артиллерийского огня на ряде участков северо-западного и западного направлений перешли в наступление.

Через некоторое время в кабинет быстро вошел В. М. Молотов:

– Германское правительство объявило нам войну.

И. В. Сталин опустил голову и глубоко задумался.

Наступила длительная пауза.

Я рискнул нарушить затянувшееся молчание и предложил немедленно обрушиться всеми имеющимися в приграничных округах силами на прорвавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение.

– Не задержать, а уничтожить, – уточнил С. К. Тимошенко.

– Давайте директиву, – сказал И. В. Сталин.

В 7 часов 15 минут 22 июня директива наркома обороны № 2 была передана в округа…»

В который раз уместно поставить очень важный вопрос – как же началась Великая Отечественная война? Было ли нападение германских войск на СССР совершенно неожиданным? Для кого оно было неожиданным? По этому вопросу существует несколько версий.

Первая, официальная советская: нападение фашистской Германии было неожиданным и вероломным. Это значит, война началась без ее объявления, внезапность была достигнута на всех уровнях: стратегическом, оперативном, тактическом. Эта версия имеет слабые места, так как о подготовке Германии к войне против СССР советскому правительству неоднократно докладывали на базе разведывательных сведений из различных источников. Даже малоопытный политик знает, что такие сведения, если даже и не заслуживают абсолютного доверия, нуждаются в очень серьезном учете.

Вторая, на основании документов и проведенных исследований: советское правительство и высшее командование РККА знали о подготовке Германии к войне, но приняли только частные ответные меры. В результате этого не приходится говорить ни о стратегической и даже ни об оперативной внезапности. Остается только внезапность тактическая. А это не что другое, как неудовлетворительная информационная и организаторская работа Генерального штаба РККА, штабов западных военных округов и армий непосредственного прикрытия государственной границы.

Третья, В. Резуна и некоторых историков (Ю. Г. Фельштинского): вся юридическая процедура объявления войны Германией была выполнена, а сама агрессия стала вынужденной мерой германского правительства на действия правительства СССР. По его утверждению, «ровно в 4 утра имперский министр иностранных дел вручил заместителю народного комиссара иностранных дел, полномочному представителю СССР в Германии Владимиру Деканозову меморандум, в котором были изложены причины нападения Германии на СССР. Вручение этого меморандума и явилось актом объявления войны». Это так, но не следует забывать, что к тому времени война уже вовсю бушевала на всей советско-германской границе.

На мой взгляд, первая и вторая версии, слившись воедино, наиболее соответствуют действительности. Высшее советское руководство знало о подготовке германской агрессии, но считало, что война начнется значительно позже или ей будет предшествовать многодневный период от объявления войны до ее начала. Нарком обороны, начальник Генерального штаба, командующие военными округами и армиями, командиры корпусов больше думали не о безопасности страны, а о сохранении собственных кресел и голов. Командиры дивизий и полков, соединения и части которых находились на удалении 30–50 км от государственной границы, в большинстве своем о возможном начале войны не знали.

Версия В. Резуна об официальном объявлении Советскому Союзу войны Германией в 4 часа утра 22 июня не имеет никакого юридического значения и расценивается как констатация уже свершившегося факта.

Постараемся составить картину обстановки в высшем руководстве СССР в первый день Великой Отечественной войны на основании нескольких источников.

В 7 часов 15 минут (если верить мемуарам Г. К. Жукова) была передана в войска директива наркома обороны № 2, требовавшая уничтожить вклинившегося противника.

К 8 часам утра 22 июня Генеральным штабом было установлено, что бомбардировкам подверглись аэродромы всех приграничных округов, а стрелковые соединения армий прикрытия государственной границы подняты по тревоге. В это время «С. К. Тимошенко позвонил И. В. Сталину и попросил разрешения приехать в Кремль, чтобы доложить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации в стране и образовании Ставки Главного Командования, – пишет Г. К. Жуков. – В 9 часов мы с наркомом прибыли в Кремль. Через полчаса нас принял И. В. Сталин. Прочитав проект Указа о проведении мобилизации и частично сократив ее размеры, намеченные Генштабом, И. В. Сталин передал Указ А. Н. Поскребышеву для утверждения в Президиуме Верховного Совета».

12 часов. Выступление по радио В. М. Молотова. Он сказал: «С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря и в течение первой половины дня сдерживались ими. Со второй половины дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войск Красной Армии. После ожесточенных боев противник был отбит с большими потерями. Только в Гродненском и Кристынопольском направлениях противнику удалось достичь незначительных тактических успехов и занять местечки Кальвария, Стоянув и Цехановиец, первые два в 15 км и последнее в 10 км от границы.

Авиация противника атаковала ряд наших аэродромов, но повсюду встретила отпор наших истребителей и зенитной артиллерии, наносивших большие потери противнику. Нами сбито 65 самолетов противника».

13 часов. Г. К. Жуков пишет: «Приблизительно в 13 часов 22 июня мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

– Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск. Руководство решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования…»

С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков 22 июня 1941 года находились в кабинете И. В. Сталина с 5.45 до 8.30 и с 14.00 до 16.00.

«К исходу 22 июня, несмотря на предпринятые энергичные меры, Генштаб так и не смог получить от штабов фронтов, армий и ВВС точных данных о наших войсках и о противнике, – пишет Г. К. Жуков. – Сведения о глубине проникновения противника на нашу территорию довольно противоречивые. Отсутствуют точные данные о потерях в авиации и наземных войсках. Известно лишь, что авиация Западного фронта понесла очень большие потери. Генштаб и нарком не могут связаться с командующими фронтами генерал-полковником Ф. И. Кузнецовым и генералом армии Д. Г. Павловым, которые, не доложив наркому, уехали куда-то в войска. Штабы этих фронтов не знают, где в данный момент находятся их командующие.

По данным авиационной разведки, бои идут в районах наших укрепленных рубежей и частично в 15–20 километрах в глубине нашей территории. Попытка штабов фронта связаться непосредственно с войсками успеха не имела, так как с большинством армий и отдельных корпусов не было ни проводной, ни радиосвязи.

Затем генерал Н. Ф. Ватутин сказал, что И. В. Сталин одобрил проект директивы № 3 наркома и приказал поставить мою подпись.

– Что за директива? – спросил я.

– Директива предусматривает переход наших войск к контрнаступательным действиям

с задачей разгрома противника на главных направлениях, притом с выходом на территорию противника.

– Но мы еще точно не знаем, где и какими силами противник наносит свои удары, – возразил я. – Не лучше ли до утра разобраться в том, что происходит на фронте, а уж тогда принимать нужное решение.

– Я разделяю вашу точку зрения, но дело уже решенное.

– Хорошо, – сказал я, – ставьте мою подпись.

Эта директива поступила командующему Юго-Западным фронтом около 12 часов ночи».

В 22 часа 22 июня 1941 года С. К. Тимошенко, Г. К. Жуковым и членом Главного Военного Совета Г. М. Маленковым был подписан приказ народного комиссара обороны Военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов № 3. Им сообщалось, что противник, нанося главные удары из Сувалковского выступа в течение 22 июня, «понеся большие потери, достиг небольших успехов» на ряде направлений. «На остальных участках государственной границы атаки противника отбиты с большими для него потерями». В качестве ближайшей задачи на 23–24 июня ставилось: «концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки. Мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиацией Юго-Западного фронта и других войск 5-й и 6-й армий окружить и уничтожить группировку противника, наступающего в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24 июня овладеть районом Люблин».

Судя по этим выводам и решениям, создается впечатление, что советское руководство и высшее командование РККА уже в первый день Великой Отечественной войны контролировало ситуацию на фронтах и было способно принимать конкретные решения.

Смотрим «Воспоминания и размышления» Г. К. Жукова. Он пишет, что в 7 часов 15 минут в войска была передана директива № 2, которая предписывала «войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу». Но тут же предупреждала: «Впредь до особого распоряжения наземными войсками границу не переходить».

Дальше Г. К. Жуков пишет:

«Чуть позже нам стало известно, что перед рассветом 22 июня во всех западных пограничных округах была нарушена проводная связь с войсками и штабами округов и армий, которые не имели возможности быстро передавать свои распоряжения…

В штабы округов из различных источников начали поступать самые противоречивые сведения, зачастую провокационного характера.

Генеральный штаб, в свою очередь, не мог добиться от штабов округов и войск правдивых сведений, и, естественно, это не могло не поставить на какой-то момент Главное Командование и Генеральный штаб в затруднительное положение…

Приблизительно в 13 часов 22 июня мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

– Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлем маршала Шапошникова и маршала Кулика. Шапошникова и Кулика я вызвал к себе и дал им указания. Вам надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущевым выехать в штаб фронта в Тернополь.

Я спросил:

– А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

И. В. Сталин ответил:

– Оставьте за себя Ватутина.

Потом несколько раздраженно добавил:

– Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся».

Еще один важный свидетель – заместитель народного комиссара обороны СССР и бывший в недавнем начальник Генерального штаба К. А. Мерецков и его труд «На службе народу». На странице 196 этого труда написано:

«…днем 22 июня я включил радио (в то время он находился в пути в Ленинград. – *Авт.*) и услышал выступление народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова о злодейском нападении фашистской Германии на нашу страну.

Прибыв в Ленинград, я немедленно отправился в штаб округа. На месте были генерал-майор Д. Н. Никишев и корпусной комиссар Н. Н. Клементьев, вскоре назначенные соответственно в качестве начальника штаба и члена Военного совета этого округа… Командующий войсками округа М. М. Попов в момент начала войны инспектировал некоторые соединения округа…

Нельзя было терять ни минуты. Мы не знали планов врага и могли поэтому ожидать чего угодно…

К вечеру 22 июня положение в Прибалтике не улучшилось. Тем не менее округ наряду с другими округами и фронтами получил третью директиву наркома обороны. Сражавшимся соединениям предписывалось перейти к наступлению и разгромить агрессора…»

А. М. Василевский, который на начало войны являлся заместителем начальника Оперативного управления Генерального штаба РККА, в своих мемуарах «Дело всей жизни» от описания событий первых недель после начала Великой Отечественной войны вообще «дипломатично» уходит. Это при том, что именно это управление являлось главным рабочим органом по разработке планов стратегических операций и контролю за их выполнением, при том, что начальник управления генерал Н. Ф. Ватутин в 1944 году погиб, никаких воспоминаний не оставив, а свою книгу А. М. Василевский писал уже в 70-е годы.

Для того чтобы посмотреть на события начала Великой Отечественной войны с другой стороны советско-германского фронта, открываем военный дневник начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера от 22 июня 1941 года.

«Утренние сводки сообщают, что все армии, кроме 11-й (на правом фланге группы армий «Юг» в Румынии), перешли в наступление по плану. Наступление наших войск, по-видимому, явилось для противника на всем фронте полной тактической внезапностью.

Приграничные мосты через Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать…

Кинцель, Мицки:

а. Русская моторизованная псковская группа (оперативный резерв) обнаружена в 300 км южнее предполагавшегося ранее района ее сосредоточения. Она находится южнее Западной Двины! Это только выгодно для нас.

О подтверждении дислокации различных русских соединений.

Перехвачена русская радиограмма: «Штаб 3-й армии разбит. Пришлите истребители»…

Командование ВВС сообщило, что наши военно-воздушные силы уничтожили 800 самолетов противника (1-й воздушный флот – 100 самолетов, 2-й воздушный флот – 300 самолетов, 4-й воздушный флот – 400 самолетов). Нашей авиации удалось без потерь заминировать подходы к Ленинграду с моря. Немецкие потери составляют до сих пор 10 самолетов.

Командование группы армий «Юг» доложило, что наши патрули, не встретив сопротивления, переправились через Прут между Галацем и Хуши и между Хуши и Яссами. Мосты в наших руках.

Во второй половине дня поступило донесение об успешном продвижении наших войск,

в особенности севернее Бреста (группа Гота) и на фронте 4-й танковой группы (Гёпнер).

Общая картина первого дня наступления представляется следующая.

Наступление германских войск застало противника врасплох. Боевые порядки противника в тактическом отношении не были приспособлены к обороне. Его войска в приграничной полосе были разбросаны на обширной территории и привязаны к районам своего расквартирования. Охрана самой границы была в общем слабой.

Тактическая внезапность привела к тому, что сопротивление противника в пограничной зоне оказалось слабым и неорганизованным, в результате чего нам всюду легко удалось захватить мосты через водные преграды и прорвать приграничную полосу укреплений на всю глубину (укрепления полевого типа).

После первоначального «столбняка», вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям. Без сомнения, на стороне противника имели место случаи тактического отхода, хотя и беспорядочного. Признаков же оперативного отхода нет и следа. Вполне вероятно, что возможность организации такого отхода была просто исключена. Ряд командных инстанций противника, как, например, в Белостоке (штаб 10-й армии), полностью не знал обстановки, и поэтому на ряде участков фронта почти отсутствовало руководство действиями войск со стороны высших штабов.

Но даже независимо от этого, учитывая влияние «столбняка», едва ли можно ожидать, что русское командование уже в течение первого дня боев смогло составить себе настолько ясную картину обстановки, чтобы оказаться в состоянии принять радикальное решение.

Представляется, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению.

Наши наступающие дивизии всюду, где противник пытался оказать сопротивление, отбросили его и продвинулись с боем в среднем на 10–12 км! Таким образом, путь продвижения соединениям открыт».

Переводя на чисто военный язык воспоминания начальника Генерального штаба РККА Г. К. Жукова, можно говорить о том, что высший орган управления Вооруженными Силами СССР в первый день Великой Отечественной войны фронтами и армиями практически не управлял. Разосланная им в штабы фронтов директива № 2 была реакцией на уже сложившуюся обстановку и никаких конкретных указаний войскам не содержала, к тому же она по причине нарушения связи в своем продвижении ниже штабов фронтов начала буксовать. Отправка руководителей высших звеньев управления РККА на фронты была не столько вызвана необходимостью оперативного руководства действиями войск, сколько являлась актом отчаяния – последней попыткой разобраться в сложившейся обстановке.

Заместитель народного комиссара обороны СССР К. А. Мерецков косвенно также подтверждает тот факт, что управление войсками на территории Прибалтики было утеряно, а командующий Ленинградским военным округом в первый день войны находился в отъезде и не мог управлять войсками.

Заместитель начальника Оперативного управления Генерального штаба РККА А. М. Василевский от этой темы вообще уходит в сторону.

На основании этого есть все основания говорить о нарушении управления войсками западных военных округов (фронтов) в первые дни войны. Командующие и командиры были предоставлены сами себе и действовали на свой страх и риск в рамках довоенного Плана прикрытия государственной границы. При этом многие из них не понимали реального положения вещей или же делали вид, что не понимают. Об этом, в частности, свидетельствует записка командира 75-й стрелковой дивизии 4-й армии Западного фронта генерал-майора Недвигина от 28 июня 1941 года. Без купюр привожу его текст полностью.

«Тов. Генерал-майор!

Наконец-то имею возможность черкнуть пару слов о делах прошлых и настоящих.

Красный пакет опоздал – а отсюда и вся трагедия. Части попали под удар разрозненными группами. Лично с 22 по 27 вел бой с преобладающим по силе противником.

Отсутствие горючего и боеприпасов вынудило оставить все в болотах и привести для противника в негодность.

Сейчас с горсточкой людей занял и обороняю г. Пинск пока без нажима противника, что получится из этого, сказать трудно.

Сегодня получил приказание о подчинении меня 21-й армии. Пока никого не видел и не говорил, но жду представителей. Настроение бодрое и веселое. Сейчас занимаюсь приведением в порядок некоторых частей. За эти бои в штабе осталось 50–60 % работников, а остальные перебиты.

Желаю полного успеха в работе. Вашего представителя информировал подробно.

С командирским приветом.

Генерал-майор Недвигин.

P.S. Прошу передать привет тт. Шлыкову, Сандалову, Раискову и Дмитриеву».

Думаю, что всякие комментарии по поводу этого документа излишни.

Вставай, страна огромная!

Великая Отечественная война для советского народа началась внезапно. Для советского правительства и лично для И. В. Сталина она стала следствием изощренной дипломатической игры, которая велась между СССР и Германией в последние годы. После 22 июня для И. В. Сталина настало время пожинать плоды этой игры и выполнять конкретные мероприятия во имя победы. Прежде всего, нужно было поднять на борьбу с врагом всю страну и ее народ. На всю страну прозвучали призывы:

Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой темною!
С проклятою ордой!..

Но это только призывы. Их нужно было подкреплять конкретными делами. И. В. Сталин хорошо понимал это.

Листаем хронику первой недели Великой Отечественной войны:

23 июня (2-й день войны)

Словакия объявила войну СССР, с Советским Союзом разорвала дипломатические отношения Венгрия. Немецкая авиация совершила первый ночной налет на Ленинград, но ни один самолет не смог прорваться к городу. Советские войска оставили Гродно и отступили на 15 километров к востоку. Немецкие войска заняли Гродно и Беловеж.

Для руководства всей боевой деятельностью Вооруженных Сил СССР создается Ставка Главного Командования, в состав которой вошли нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко (председатель), заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотов, секретарь ЦК ВКП(б) и председатель Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталин, начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков, первый заместитель наркома обороны СССР Маршал Советского Союза С. М. Буденный, нарком Военно-морского флота адмирал Н. Г. Кузнецов.

В газете «Правда» рядом с большим портретом И. В. Сталина опубликовано заявление советского правительства, которое прочел В. М. Молотов по радио в 12 часов 22 июня.

24 июня (3-й день войны)

Советские войска начали отход. К середине дня немецкие войска заняли Вильнюс, Каунас. На фронте группы армий «Центр» кольцо окружения вокруг района восточнее Белостока уже значительно сузилось в районе Минска. На Львовском направлении немецкие

войска подошли к Мостиска, образовался разрыв в 50 километров на стыке между 5-й и 6-й армиями.

Й. Геббельс в своем дневнике в этот день записал: «Военные операции развиваются на востоке замечательно, сверх всяких ожиданий. Наше новое оружие действует уничтожающе. Русские дрожа вылезают из бункеров, и целый день их невозможно допрашивать. Мы продвигаемся двумя крупными фронтами. До сих пор уничтожено 1800 русских самолетов. Они падают, как мухи. У их истребителей меньше скорость, чем у наших Ю-88. Все идет по плану и даже сверх него».

В то же время обозначаются первые крупные политические успехи Советского Союза. Президент США и парламент Великобритании заявили, что будут поддерживать СССР. Посол Турции в СССР заявил о провозглашении его правительством нейтралитета в войне между Германией и СССР. Политику невмешательства решила занять Швеция, но дала разрешение на пропуск немецкой дивизии через свою территорию из Норвегии в Финляндию.

По распоряжению И. В. Сталина постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) создается Совет по эвакуации при Совнаркоме под председательством первого секретаря ВЦСПС Н. М. Шверника. Принимается решение при подходе врага эвакуировать все самое ценное, а при невозможности – уничтожать. Контроль эвакуации, кроме советских органов, возлагается на НКВД, которые также получают негласное распоряжение уничтожать заключенных в тюрьмах, прежде всего по политическим статьям.

Начинается поиск виновных за поражения Красной Армии в первые дни войны. Арестован заместитель наркома обороны генерал армии К. А. Мерецков по делу Г. М. Штерна и других, который накануне был назначен постоянным советником при Ставке Главного Командования. Арестован Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов, которому было поручено в июне 1941 года провести секретное инспектирование советско-германской границы. Всем гражданам приказано сдать наградное и охотничье оружие и радиоприемники.

В этот день по советскому радио впервые прозвучала песня «Священная война».

25 июня (4-й день войны)

Наступление немецких войск продолжается успешно. В то же время Ф. Гальдер докладывает своему руководству: «Оценка обстановки на утро в общем подтверждает вывод о том, что русские решили в пограничной полосе вести решающие бои и отходят лишь на отдельных участках фронта, где их вынуждает к этому сильный натиск наших наступающих войск».

На центральном участке Западного фронта танковая группа Гота овладела Волошином и, таким образом, вышла на высоты в районе Минска. На фронте группы армий «Юг» танковая группа Клейста после упорного боя заняла Дубно.

После совещания на высшем уровне по указанию И. В. Сталина Ставка Главного Командования приказала отвести войска 3-й и 1-й армий Западного фронта на линию Лида, Слоним, Пинск. Это был первый приказ об отходе, отданный Москвой и санкционированный И. В. Сталиным с начала войны.

26 июня (пятый день войны)

А. Гитлер вместе с высшим генералитетом перебирается из Берлина в Восточную Пруссию, где в лесу восточнее Растенбурга находится ставка фюрера «Вольфшанце» («Волчье логово»). Там фюреру докладывают, что группа армий «Север», окружая отдельные группы противника, продолжает планомерно продвигаться на север и в 14 часов после упорного боя заняла Двинск.

На фронте группы армий «Север» бои ведутся в районе Вильнюса.

На фронте группы армий «Центр» операция развивается успешно. В районе Слонима сопротивление противника сломлено, взят Слуцк. Танковая группа Гота, имея в первой

линии три танковые дивизии, успешно продвигается на Минск. На совещании у фюрера все приходят к выводу, что «проблема завершения полного окружения противника в районе Белостока начинает разрешаться».

Группа армий «Юг» также хотя и медленно, но продвигается вперед, увеличивая разрыв между 5-й и 6-й армией на Киевском направлении. Танковая группа Клейста после упорного боя заняла Дубно.

Достаточно удачно складывается для Германии и внешнеполитическая обстановка. В этот день советские военно-воздушные силы совершили налеты на финские военные объекты (десять портов и аэродромов), в результате чего Финляндия объявила, что считает себя в состоянии войны с СССР. Советская авиация также совершила налеты на ряд венгерских объектов в пограничной полосе. Правительство Венгрии, не идя на официальное объявление войны СССР, решило ответить воздушными налетами на территорию Советского Союза. Хорватия обратилась к Германии с просьбой разрешить ее военным силам принять участие в войне с Россией. Румынские войска предприняли атаку местного значения на территорию СССР и наводят мосты через северный рукав дельты Дуная.

И. В. Сталин, будучи не в состоянии параллельно контролировать все вопросы, приказал отозвать в Москву из штаба Юго-Западного фронта начальника Генерального штаба РККА Г. К. Жукова. В то же время по его решению на Западный фронт направляются К. Е. Ворошилов и Б. М. Шапошников.

Для ликвидации угрозы глубокого прорыва обороны Юго-Западного фронта и уничтожения главных сил 1-й танковой группы противника в районе Дубно начинается контрудар силами четырех механизированных корпусов. Но, подгоняемые Г. К. Жуковым и М. П. Кирпоносом, механизированные корпуса вступали в сражение после изнурительных 200-400-километровых маршей, в ходе которых они несли значительные потери от ударов вражеской авиации и вследствие технических поломок материальной части. Поэтому неудивительно, что фронтовой контрудар в районе Дубно вылился во встречные сражения четырех советских механизированных корпусов против главных сил 3-го и 48-го моторизованных, 55-го и 29-го армейских корпусов 1-й танковой группы противника. Контрудар Юго-Западного фронта в районе Дубно, в ходе которого лучшие механизированные корпуса потеряли большую часть танков, не достиг поставленной цели.

Позже Г. К. Жуков об этих событиях напишет следующее:

«Следует указать еще на одну ошибку, допущенную Главным Командованием и Генштабом… Речь идет о контрнаступлении согласно директиве № 03 от 22.6.41 года.

Ставя задачу на контрнаступление, Ставка Главного Командования не знала реальной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня. Не знало обстановки и командование фронтов… В сложившейся обстановке к исходу 22 июня единственно правильным могли быть контрудары мехкорпусов против клиньев бронетанковых группировок противника. Предпринятые контрудары в большинстве своем были организованы плохо, а потому не достигли цели.

Ввиду быстрого продвижения немецких войск в глубь советской территории И. В. Сталин приказал сформировать новый Резервный фронт и развернуть его на линии Сущево – Невель – Витебск – Могилев – Жлобин – Гомель – Чернигов – река Десна – река Днепр. Это была мера перестраховки. Командование фронтов, Ставка Главного Командования, Генеральный штаб в те дни все еще не имели полных сведений о войсках противника, развернувшихся против западных фронтов, а о танках, авиации и моторизованных частях неприятеля Генеральный штаб получал с фронтов явно преувеличенные сведения.

Нужно было, по мнению И. В. Сталина, «туже закручивать гайки». В этот день по его приказу Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». Была введена обязательная сверхурочная работа от 1 до 3 часов ежедневно, отменены очередные и дополнительные отпуска. Дети до 16 лет не должны были работать сверхурочно более 2 часов, от сверхурочной работы освобождались женщины, находившиеся на 6-м месяце беременности, а также кормящие грудью.

27 июня (шестой день войны)

В этот день Венгерское радио наконец-то объявило всему народу, что Венгрия находится в состоянии войны с Советским Союзом.

В полосе группы армий «Север» немецкие танки подошли к Двинску, а пехотные корпуса начали наступление на Ригу.

На фронте группы армий «Центр» наступление немецких войск ведется в районе Белостока, который к исходу дня был оставлен советскими войсками. 17-я танковая дивизия, наступающая на Минск, вышла в район Столбцов. В этот день Й. Геббельс в своем дневнике записал: «Минск в наших руках. Первый большой мешок начинает затягиваться. В нем будет много пленных и различного военного имущества. Русские несут колоссальные потери в танках и самолетах, но они еще хорошо дерутся и, начиная с воскресенья, многому научились… Мы все боимся лишь того, что русские своевременно отступят и избегнут битвы на уничтожение… При пленении многие стреляются от страха, от того, что им внушили ужас перед нашими солдатами».

В полосе группы армий «Юг» немецкому командованию удалось не только отбить все атаки советских войск на южный фланг танковой группы Клейста, но даже продвинуться правым флангом танковой группы в юго-восточном направлении. К исходу дня на правом фланге танковой группы Клейста 16-я танковая дивизия достигла Кременца.

Порадовали фюрера и известия о первых крупных трофеях. Доложено, что в Дубно захвачено большое количество жидкого топлива и бензина, 42 210-мм мортиры, 65 пулеметов, 95 грузовых автомашин, 215 танков, 50 противотанковых пушек, 18 артиллерийских батарей.

Ставка Главного Командования все еще не могла взять ситуацию в свои руки и была вынуждена только давать разрешение на последующий отвод советских войск на восток. С разрешения И. В. Сталина в 12 часов дня Г. К. Жуков направил командующему Северо-Западным фронтом директиву, которой разрешал осуществить отвод войск за реку Западная Двина с целью занятия нового рубежа обороны на фронте от Риги до Краслава. Отвод нужно было закончить к утру 30 июня 1941 года. Для усиления обороны в состав Северо-Западного фронта передавались 21-й механизированный и 41-й стрелковый корпуса.

В полосе Западного фронта к этому дню также создается кризисная ситуация. Часть сил фронта отходит за реку Березина, другая часть скована боями в районе Минска. Немецкие группы армий «Север» и «Центр» соединились восточнее Минска, окружив группировку советских войск численностью около 300 тысяч человек.

По-прежнему тяжелой остается обстановка и в полосе Юго-Западного фронта. Но прибывший утром этого дня в Москву Г. К. Жуков в докладе И. В. Сталину и С. К. Тимошенко всячески выгораживает М. П. Кирпоноса, докладывая об упорной обороне его войск на неподготовленных рубежах. В результате доклада Г. К. Жукова Ставкой принимается два важных решения. Первое – начать с наступлением темноты отвод армий Юго-Западного фронта на рубеж рек Стоход, Стырь, городов Кременец, Золочов, Стрий, Долина, Вышкув и перенести пункт управления фронта из Тернополя в Новоград-Волынский, а воздушный пункт управления – в Проскуров. Второе – о передаче 12-й армии из состава Юго-Западного фронта в состав вновь сформированного Южного фронта.

В этот день по согласованию с И. В. Сталиным были арестованы командующий ВВС 7-й армии (бывший заместитель наркома обороны СССР – начальник Разведывательного управления) Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации И. И. Проскуров и командующий ВВС Юго-Западного фронта Герой Советского Союза генерал-майор авиации Е. С. Птухин. В последующем оба были расстреляны.

По решению И. В. Сталина начинается жесткая дозировка информации о последних событиях на фронтах, которая доводится до населения. Советское Информбюро в этот день сообщило:

«В течение дня наши войска на Шяуляйском, Виленском и Барановичском направлениях продолжали отход на подготовленные позиции. На Луцком и Львовском направлениях день 27 июня прошел в упорных боях. Все попытки противника прорваться пресечены с большими для него потерями. В боях взято большое количество пленных и трофеев. На Минском направлении отбито наступление крупных танковых частей противника. В результате контрудара наших войск на этом направлении уничтожено 40 танков, разгромлен крупный штаб противника, убит немецкий генерал и захвачены оперативные документы. На всем участке фронта от Перемышля до Черного моря наши войска прочно удерживают государственную границу».

28 июня (седьмой день войны)

На фронте группы армий «Север» наступление немецких войск развивается успешно. Взята Либава.

В Таурогген (Таураге) захвачены исключительно большие запасы продовольствия, в том числе 60 000 тонн сала, очень большие запасы мяса, живые свиньи. В Каунасе в руки немецкого командования попали в полной сохранности большие продовольственные склады и частные перерабатывающие предприятия пищевой промышленности, которые находились под охраной литовских отрядов самообороны. На всех остальных участках фронта характерно небольшое число пленных наряду с очень большим количеством трофейного имущества (в том числе горючего).

На фронте группы армий «Центр» сомкнулось внутреннее кольцо окружения в районе восточнее Белостока. В то же время Гитлеру доложили, что в белостокском лесу юго-восточнее города идут упорные бои, которые против ожидания сковали весь центр и часть правого крыла 4-й армии. Советские войска также пытаются прорвать внешнее кольцо окружения в районе Новогрудка. Минск полностью занят немецкими войсками. Правый фланг танковой группы Гудериана находится непосредственно перед Бобруйском.

На фронте группы армий «Юг» в середине дня занят Ровно. Части 17-й армии находятся непосредственно перед Львовом.

В этот день И. В. Сталину становится известно об оставлении Минска и Слонима. В результате неудачных боевых действий в Белоруссии в руки немцев попало 319 тысяч пленных красноармейцев и большое количество вооружения. Войска противника, наступающие от Гродно на юг и из района Бельска на северо-восток, соединились в районе Крынки (на реке Свислочь).

И. В. Сталин принимает решение об отстранении генерала Д. Г. Павлова и его начальника штаба от занимаемой должности. Новым командующим Западным фронтом назначается генерала А. И. Еременко, начальником штаба – генерал Г. К. Маландин. Также принимается решение и направляется директива за подписью Н. Ф. Ватутина об усилении войск Западного фронта четырьмя стрелковыми и 23-м механизированным корпусами.

И. В. Сталин приказал в очередной раз напомнить советскому народу о его долге перед Отечеством. НКГБ, НКВД и Прокуратура СССР издали совместный приказ «О порядке привлечения к ответственности изменников Родины и членов их семей». Военнослужащий, оказавшийся в плену, рассматривался как изменник – человек, преднамеренно совершивший преступление. Под подозрение попадали военные и гражданские лица, побывавшие даже непродолжительное время за линией фронта.

НКВД начало массовые аресты в тех районах Прибалтики и Восточной Польши, которые еще контролировались советскими войсками и на которые надвигались немцы. «Враги народа» расстреливались во дворах Таллинской, Ровенской и Львовской тюрем. В тюрьме города Тарту расстреляли 192 человека, а их тела сбросили в колодец. Заключенные также были убиты при эвакуации тюрем в Минске, Смоленске, Киеве, Харькове, Запорожье, Днепропетровске, Орле, Умани.

Советское Информбюро старалось всячески смягчить складывающуюся обстановку. В тот день из его уст советский народ услышал:

«В течение 28 июня наши войска, отходящие на новые позиции, вели бои с большими потерями для противника. На Минском направлении наши войска продолжают успешную борьбу с танками противника, противодействуя их продвижению на восток. Здесь уничтожено около 300 немецких танков. В районе Львова и на Луцком направлении идут напряженные бои, в ходе которых наши войска наносят значительное поражение противнику. На остальных участках фронта наши войска прочно удерживают государственную границу».

29 июня (восьмой день войны)

В 4 часа 20 минут после артиллерийской подготовки и удара 120 бомбардировщиков на Мурманском направлении перешел в наступление немецкий горно-стрелковый корпус «Норвегия». Из Венгрии сообщили, что карпатский корпус сможет начать наступление 2 июля. Италия представила сведения о составе своего корпуса, предназначенного для действий в России, численностью в 40 тысяч человек. Из Мадрида сообщили, что Испания намерена направить в Россию один легион численностью в 15 тысяч.

В полосе группы армий «Север» осуществляется поспешная эвакуация советских организаций и предприятий в сторону Ленинграда. На левом фланге группы армий «Север» передовой отряд 1-го армейского корпуса ворвался в Ригу, захватив железнодорожные мосты в полной сохранности. Немецкими войсками захвачены все имеющиеся переправы на Северной Двине. Защитники Лиепаи оставили последние позиции и отошли в южном направлении.

На фронте группы армий «Центр» Гудериан развил наступление двумя танковыми дивизиями на Бобруйск, стремясь овладеть мостами через Днепр у Рогачева и Могилева.

На фронте группы армий «Юг» развернулось сражение в районе южнее Дубно. Советские войска начали отход в районе Львова.

В то же время Ф. Гальдер докладывал фюреру: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Лишь местами сдаются в плен, в первую очередь там, где в войсках большой процент монгольских народностей (перед фронтом 6-й и 9-й армий). Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и т. п. в плен сдаются лишь немногие. Часть русских сражается, пока их не убьют, другие бегут, сбрасывая с себя форменное обмундирование, и пытаются выйти из окружения под видом крестьян…».

В этот день в Кремле по-прежнему из-за отсутствия связи находились в полном неведении об истинном положении дел на фронтах. Не выдержав, И. В. Сталин вместе с членами Политбюро прибыл в Наркомат обороны и задал вопросы о том, где находится командование Западного фронта и когда с ним будет установлена связь.

Г.К. Жуков не мог дать исчерпывающие ответы на эти вопросы. Позже А. И. Микоян писал, что И. В. Сталин только тогда, видимо, понял весь трагизм положения и всю серьезность просчетов Наркомата обороны и Генерального штаба. Он взорвался:

– Что это за Генеральный штаб и его начальник, который не знает кем командует! – Г.К. Жуков разрыдался и вышел. Через 10 минут В. М. Молотов привел успокоившегося начальника Генерального штаба обратно. Было решено отправить на Западный фронт представителей Генерального штаба.

«Сталин был подавлен и мрачен, – писал Микоян. – Когда мы вышли из наркомата, он сказал: «Ленин нам оставил великое наследство, мы, его наследники, – все это просрали». После этого И. В. Сталин уехал на Ближнюю дачу, и связь с ним прервалась».

Николай Николаевич Воронов, в то время начальник Главного управления ПВО страны, заместитель наркома обороны, повествуя о последних днях июня 1941 года, отмечает, что «Сталин был в подавленном состоянии, нервный и неуравновешенный… По моему мнению, он неправильно представлял масштабы начавшейся войны, те силы и средства, которые действительно смогли бы остановить наступающего противника на широчайшем фронте от моря до моря… В то время в Ставку поступало много донесений с фронтов с явно завышенными данными о потерях противника. Может быть, это и вводило

Сталина в заблуждение».

Писатель И. Ф. Стаднюк пишет:

«Не дождавшись очередного доклада наркома обороны Тимошенко и начальника Генерального штаба Жукова об оперативной обстановке, Сталин с рядом членов Политбюро внезапно появился в Наркомате обороны.

Это был самый опасный момент во взаимоотношениях государственной власти и высшего командования Вооруженных Сил СССР, была грань, за которой мог последовать взрыв с самыми тяжелыми последствиями. Я подробно расспросил Молотова о том, как все происходило…

Ссора закончилась тем, что Жуков и Тимошенко предложили Сталину и членам Политбюро покинуть кабинет и не мешать им изучать обстановку и принимать решения.

По пути во внутренний двор Наркомата обороны, где дожидались машины, Берия что-то возбужденно нашептывал Сталину. Молотову показалось, что он запугивал Сталина грозившим ночью военным переворотом. Эта догадка особенно усилилась, когда Молотов увидел, что машина Берии умчалась в сторону Лубянки, а Сталин, ни с кем не попрощавшись, уехал к себе на Кунцевскую дачу».

Никита Сергеевич Хрущев, в то время первый секретарь ЦК КП(б) Украины, член Политбюро ЦК, писал: «Я часто вспоминаю рассказ Берии о поведении Сталина с начала войны. Сначала он не хотел в это поверить и цеплялся за надежду, что это провокация, приказывал даже не открывать огня, надеялся на чудо, пытался спрятаться за собственные иллюзии. Затем ему стали докладывать о победоносном продвижении гитлеровских войск. Тут-то открыто проявилось то, что он скрывал от всех, – его панический страх перед Гитлером. Сталин выглядел старым, пришибленным, растерянным. Членам Политбюро, собравшимся вечером 30 июня (29 июня. – *Авт.*) у него в кабинете, он сказал: «Все, чего добился Ленин и что он нам оставил, мы безвозвратно потеряли. Все погибло». И, ничего не добавив, вышел из кабинета, уехал к себе на дачу.

Берия рассказывал, что все остались в растерянности. Но потом решили наметить некоторые практические мероприятия. Ведь шла война, надо было действовать. Обсудив дела, они решили сами поехать к Сталину. Сталин принял их, и они начали убеждать его, что еще не все потеряно, что у нас большая страна, мы можем собраться с силами и дать отпор врагу, убеждали его вернуться к руководству и возглавить оборону страны. Сталин согласился, вернулся в Кремль и опять приступил к работе».

Тем не менее именно в этот день принимается директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей «Все для фронта, все для победы». В ней также проповедуется беспощадная борьба с паникерами и распространителями слухов. За невыполнение постановлений военных властей предусматривается штраф до 3 тысяч рублей или лишение свободы до 6 месяцев, за распространение ложных слухов, «возбуждающих тревогу среди населения», – тюремное заключение от двух до пяти лет.

В этот день по требованию Ставки Главного Командования Генеральный штаб направляет директиву Военным советам Ленинградского военного округа и Северо-Западного фронта о подготовке рубежа обороны по линии Псков, Остров, Опочка, Себеж на основе Псковско-Островского укрепленного района, усилив его полевыми укреплениями. Срок готовности – не позднее 2 июля 1941 года. При этом требовалось «работу организовать так, чтобы рубеж имел постоянную боевую готовность».

Начинается эвакуация части населения, прежде всего нетрудоспособного, из Ленинграда. На месте остаются рабочие и служащие всех предприятий и основных организаций города.

От Советского Информбюро:

«29 июня фашистско-немецкие войска перешли в наступление по всему фронту от Баренцева моря до Финского залива. Неоднократные атаки войск противника были отбиты, и он отошел на свои укрепления. На Вильно-Двинском направлении энергичными атаками

наших войск частям противника нанесен значительный ущерб. На Минском направлении остановлено наступление прорвавшихся моточастей противника… Гитлер и его генералы сообщают по радио, что за 7 дней войны они захватили или уничтожили более 2 тысяч советских танков, 600 орудий, уничтожили более 4 тысяч самолетов и взяли в плен более 40 тысяч красноармейцев, при этом сами потеряли не более 150 самолетов. Нам даже неловко опровергать эту хвастливую брехню. Напав варварски на наши пограничные посты, не имевшие ни танков, ни артиллерии, немцы в первые дни воевали против пограничников. Только на третий, а кое-где на четвертый день регулярным частям нашей армии удалось вступить в соприкосновение с врагом. Именно ввиду этого удалось немцам занять Белосток, Гродно, Брест, Вильно, Каунас. Но Красная Армия сумела развернуться и сорвать немецкие планы по молниеносному захвату Киева и Смоленска…»

30 июня (девятый день войны)

Пехотные корпуса группы армий «Север» продолжают энергичное наступление к Западной Двине, нанося поражение советским соединениям и частям, находящимся западнее этой реки. Ожесточенные бои развернулись в районе Риги.

В полосе группы армий «Центр» часть окруженной группировки советских войск прорвалась между Минском и Слонимом через фронт танковой группы Гудериана.

На фронте группы армий «Юг», несмотря на отдельные трудности местного значения, бои развиваются успешно. Занят Львов.

Напряженная обстановка в районе Дубно разрядилась в пользу немецких войск.

Й. Геббельс в этот день в своем дневнике записал: «Мы работаем теперь тремя секретными передатчиками на Россию. Тенденции: первый передатчик – троцкистский, второй – сепаратистский и третий – националистический русский. Все резко направлены против сталинского режима».

В Москве в этот день принимается решение об образовании Государственного Комитета Обороны (ГКО) во главе с И.В. Сталиным. Также в его состав вошли: В. М. Молотов (заместитель председателя), К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков, Л.П. Берия.

О том, как был создан этот высший орган государственной власти, вспоминал А.И. Микоян:

«Идея создания ГКО по примеру Совета Труда и Обороны времен Гражданской войны принадлежала Л. П. Берии. Во второй половине дня Молотов, Берия, Ворошилов и я, обговорив детали и состав Комитета, поехали на Ближнюю дачу к Сталину. Увидев нас, он буквально окаменел. Голова ушла в плечи, в расширенных глазах явный испуг. (Сталин, конечно, решил, что мы пришли его арестовывать.) Он вопросительно смотрит на нас и глухо выдавливает из себя: «Зачем пришли?» Заданный вопрос был весьма странным. Ведь, по сути дела, он сам должен был нас созвать.

Молотов выступил вперед и от имени всех нас сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы быстро все решалось, чтобы страну поставить на ноги. Говорит о предложении создать ГКО. Сталин буквально меняется на глазах. Прежнего испуга – не бывало, плечи выпрямились…»

Судя по воспоминаниям современников, в ряде случаев, несколько украшенных в оценке событий, психологический шок у И.В. Сталина действительно был. Скорей всего наступило состояние человека, для которого шел процесс падения с олимпа того величия и непогрешимости, созданного как самим Сталиным, так и его окружением.

Первыми шагами, которые свидетельствовали о том, что Сталин пытался взять в руки не только себя, но и контроль над обстановкой, стали кадровые замены. Командующим войсками Западного фронта первоначально был назначен генерал А.И. Еременко, затем Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Командующим Северо-Западным фронтом стал генерал П.П. Собенников. Тогда же начальником штаба на Западный фронт был направлен генерал Г.К. Маландин, на Северо-Западный – генерал Н.Ф. Ватутин. Членом Военного совета Западного фронта назначается начальник Главного управления политической

пропаганды РККА, заместитель наркома обороны, нарком государственного контроля, член ЦК и Оргбюро ЦК ВКП(б) Лев Захарович Мехлис.

И. Ф. Стаднюк об этом пишет: «Ночь на 30 июня прошла спокойно, хотя, как не очень уверенно утверждал Молотов, Берия поднимал свои войска по боевой тревоге. Документального подтверждения последнему я не нашел.

Г. К. Жуков, несмотря на недовольство И. В. Сталина работой Генерального штаба, остался на прежнем месте. Ни сам Георгий Константинович, на А. М. Василевский в своих воспоминаниях об этих днях не пишут. По всему видно, что ничего хорошего вспомнить было нельзя. По мере того как масштабы военной катастрофы стали очевидными, судьбы многих высших военачальников буквально повисли на волоске. В высших эшелонах власти традиционно искали виновных.

Сталин вернулся в Кремль ранним утром 30 июня с принятым решением: всю власть в стране сосредоточить в руках Государственного Комитета Обороны во главе с самим Сталиным. В тот же день разъединялась «троица» в Наркомате обороны: Тимошенко в тот же день был отправлен на Западный фронт в качестве командующего, генерал-лейтенант Ватутин – заместитель начальника Генштаба – назначен начальником штаба Северо-Западного фронта. Жуков оставался на своем посту начальника Генштаба под неусыпным оком Берии».

Реально же Г. К. Жукова спасло то, что в то время началось развертывание новых воинских формирований по плану Генерального штаба. В этот день Генеральный штаб направил командующему войсками Ленинградского военного округа директиву о формировании в Старой Руссе четырех армейских запасных стрелковых полков для наращивания усилий советских войск на Ленинградском направлении.

Совершенно непонятной была обстановка в полосе Северо-Западного фронта. Плохо управляемые соединения 11-й армии с боями пробивались в направлении Полоцка. К этому времени армия потеряла до 75 % боевой техники и примерно 60 % личного состава. Связь с ней отсутствовала. Ее местонахождение стало известно только к вечеру 30 июня.

Г. К. Жуков поздно вечером телефонировал командующему Северо-Западным фронтом Ф. И. Кузнецову, который продолжал руководить войсками до 4 июля: «В районе ст. Довгилишки, Колтыняны, леса западнее Свенцяны найдена 11-я армия Северо-Западного фронта, отходящая из района Каунас. Армия не имеет горючего, снарядов, продфуража. Армия не знает обстановки и что ей делать. Ставка Главного Командования приказала под вашу личную ответственность немедленно организовать вывод этой армии из района Свенцяны в район севернее Десны».

Так закончился грозовой июнь 1941 года.

Германия, начав войну с Советским Союзом, добилась того, что на ее стороне выступил ряд государств Западной и Центральной Европы. Немецкие войска в боях с Красной Армией одержали ряд побед и захватили значительную территорию, пленных и материальные запасы. Были уничтожены большое количество советской авиации, значительная часть механизированных войск. Первая линия укрепленных районов, возведенная вдоль новой государственной границы СССР, практически не сыграла никакой роли в обороне страны. На всех важных направлениях немецкие войска вышли на оперативный простор.

В то же время в Москве постепенно проходил шок после первых дней войны и первых поражений Красной Армии. Советский Союз постепенно переходил в режим работы военного времени. Был принят ряд правительственных постановлений, созданы Государственный Комитет Обороны, Ставка Главного Командования. Была начата массовая мобилизация в Красную Армию, и под ружье дополнительно было поставлено 5,5 миллиона человек. Общая численность Вооруженных Сил СССР была доведена до 9,6 миллиона человек.

Безусловно, нельзя говорить, что во всем этом заслуга исключительно И. В. Сталина. Рядом с ним и на многих ключевых постах работали тысячи людей, которые стремились как

можно лучше выполнять порученное им дело. В результате этого постепенно начал раскручиваться маховик огромного государства, нацеленный на превращение страны в единый военный лагерь.

В то же время были обнаружены и большие недостатки в советском военном искусстве. Войска были не готовы переходить к обороне на неподготовленных рубежах, осуществлять последовательный отход из одного рубежа на другой, организовывать и проводить контратаки и контрудары.

Уже первые операции армий и фронтов прикрытия государственной границы показали низкую профессиональную подготовку отдельных военачальников, недостаточную боевую и психологическую подготовку войск. Имели место случаи массового бегства с поля боя, дезертирства из своих частей и подразделений. Особенно последним часто грешили военнослужащие, призванные из числа жителей Западной Украины и Западной Белоруссии.

Крах блицкрига

Вначале июля 1941 года выполнение германским командованием плана «Барбаросса» у А. Гитлера не вызывало никакого сомнения. Доклады, постоянно поступавшие из генерального штаба сухопутных войск, из главных штабов всех видов вооруженных сил, непосредственно с фронта, буквально пестрели победными реляциями. Ежедневно немецкие войска, потеснив или даже разгромив соединения и части противника, занимали новые советские города, захватывали большое количество пленных и различные трофеи. К наступлению германских войск присоединились многочисленные союзники: Финляндия, Румыния, Венгрия, Италия, Словакия, Испания. Крестовый поход на восток под германским флагом набирал силу.

Но историки отмечают, что с начала июля 1941 года стал проявляться и прилив волевой энергии у И. В. Сталина, который начал активно вторгаться в самые различные сферы жизни государства и боевую деятельность РККА. Борьба между Советским Союзом и Германией, между И. В. Сталиным и А. Гитлером начала обретать жесткие и бескомпромиссные формы. И в то время, когда немецкое руководство, опьяненное успехами, иногда позволяло себе расслабиться, пружина советского государственного механизма только начинала закручиваться.

О военных событиях лета и осени 1941 года написано очень много. Попробуем разложить их на временныЄе полки, увязав с непосредственной деятельностью А. Гитлера и И.В. Сталина.

1 июля

Немецкие войска заняли Ригу. На южном крыле советско-германского фронта немецкие, румынские и венгерские войска перешли в наступление с территории Венгии и Румынии в общем направлении Могилев-Подольск – Жмеринка.

На проведенном Сталиным заседании рассмотрен и утвержден «Мобилизационный народно-хозяйственный план III квартала 1941 года». Тогда же были приняты постановления «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени», «Об организации производства средних танков Т-34 на заводе «Красное Сормово», проведено совещание с ведущими конструкторами авиационной техники, рассмотрены задачи создания подпольного и партизанского движения на Украине, в Белоруссии, в Карелии и Орловской области, решен ряд кадровых вопросов, заслушан доклад начальника Главного управления ПВО, обсужден вопрос об отношении к польскому эмигрантскому правительству.

И. В. Сталин направляет телеграмму командующему Южным фронтом И. Тюленеву с приказом удержать Бессарабию, которую планируется использовать как плацдарм для организации наступления на противника.

2 июля

Государственным Комитетом Обороны принято постановление «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне», обсуждены вопросы о формировании в Москве дивизий народного ополчения, о создании при Наркомате обороны специальной группы по формированию новых соединений, важнейших задач Советского бюро военно-политической пропаганды, рассмотрены проекты решений о создании управления морской обороны города Ленинграда, усилении московской зоны ПВО, обсужден проект указа «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов».

3 июля

И.В. Сталин выступил по радио с речью, в которой изложил программу мобилизации всех сил и средств страны на отпор врагу. «Необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, – подчеркнул И.В. Сталин. – Враг жесток и неумолим… Необходимо далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе, самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей… Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага».

В тот же день Государственный Комитет Обороны принял постановление об эвакуации из центральных районов страны и Ленинграда в города Поволжья, Урала, Сибири и Средней Азии около 30 заводов Наркомата вооружения, рассмотрел вопрос о назначении директоров ряда оборонных предприятий. На заседании Политбюро обсуждена задача советской военной делегации на переговорах с английской военной миссией, утвержден состав делегации, а также военной миссии в Англию. Рассмотрен проект постановления «О создании заводов-дублеров по производству танковых дизелей», а также письма исполнительного комитета Коммунистического Интернационала Компартиям оккупированных гитлеровцами стран.

4 июля

Из дневника Й. Геббельса: «Благоприятное развитие военного положения. Венгры продвигаются через Карпаты. Занят Тирасполь. Нефтяная область (Западной Украины. – *Авт.*) попала почти неповрежденной в наши руки… Днепр форсирован в районе Рогачева».

Николай Алексеевич Вознесенский, первый заместитель председателя Совнаркома, доложил Сталину проект решения ГКО «О выработке военно-хозяйственного плана обеспечения обороны страны». Затем была заслушана информация председателя Совета по эвакуации Николая Михайловича Шверника, подписано постановление о мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции, о назначении членами Военного совета Северо-Западного фронта Ф.Е. Бокова и Т.Ф. Штыкова. Приняв военных и заслушав информацию о положении дел на фронтах, Иосиф Виссарионович вновь вернулся к партийным и государственным делам, подписав предложение Г.М. Маленкова о назначении на 1170 крупных военных заводах и предприятиях тяжелой промышленности парторгов ЦК, заслушав председателя Госплана Максима Захаровича Сабурова и заместителя председателя Совнаркома Вячеслава Александровича Малышева. Позже были заслушаны доклады наркома путей сообщения И.В. Ковалева, председателя военной коллегии Верховного суда В.В. Ульриха, состоялся разговор с секретарем Ленинградского обкома и горкома партии, членом Политбюро ЦК Андреем Александровичем Ждановым.

Ночью, ознакомившись с очередной оперативной сводкой Генерального штаба, Сталин

распорядился направить в войска телеграмму следующего содержания: «В боях за социалистическое Отечество… ряд лиц командного и рядового состава проявили исключительное мужество и отвагу. Срочно сделайте представление к награждению… на лиц проявивших особые подвиги» [1]. Рабочий день Верховного Главнокомандующего завершился подписанием постановлений о добро– вольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения и о создании Комиссии по геолого-географическому обеспечению Красной Армии.

10 июля

Наступление немецких войск продолжается. Войска группы армий «Север» захватили Псков. Завершен разгром советских войск в районе Белосток – Минск. По докладу Гитлеру командующего группой армий «Центр» Ф. фон Бока, советские войска только пленными потеряли 287,7 тысячи человек. Захвачено или уничтожено 2585 танков, 1449 орудий, 246 самолетов. Немецкие войска подошли к Смоленску. Войска группы армий «Юг» захватили Житомир и вышли к киевскому оборонительному району.

После окружения Белостокского и Львовского выступов в руки немецкого командования попало до 200 крупных складов с вооружением, боеприпасами, горючим, продовольствием и другим военным имуществом.

К тому времени ГКО принимает ряд важных решений. По инициативе И. В. Сталина утверждается постановление об организации Главных командований войск стратегических направлений: Северо-Западного, Западного и Юго-Западного. Главнокомандующими были назначены маршалы К.Е. Ворошилов, С.К. Тимошенко, С.М. Буденный, членами Военных советов А.А. Жданов, Н.А. Булганин (заместитель председателя Совнаркома СССР, член ЦК) и Н.С. Хрущев, начальниками штабов генералы М.В. Захаров, Г.К. Маландин, А.П. Покровский. Генерала Г. К. Маландина вскоре заменил маршал Б.М. Шапошников.

К сожалению, Главкомы и их немногочисленный аппарат сразу же были поставлены почти в бесправное положение. Чаще всего они использовались для реализации не собственных замыслов, а директив Ставки, которая продолжала через их голову руководить фронтами. Главкоматы не могли, по существу, распоряжаться находившимися в их полосе резервами, принять то или иное решение без согласования со Ставкой. Часто складывалось впечатление, что они выполняли роль своеобразных «козлов отпущения». При столь жесткой централизации планирования и проведения операций эти региональные органы стратегического руководства в полной мере проявить себя так и не смогли.

Первая неделя августа

Сложной оставалась обстановка на фронтах. Практически блокирован Ленинград. Неудачно для советских войск развертываются бои в районе Смоленска. Противник начинает наступление на Москву. 19 июля была оставлена Ельня. Завершено окружение и уничтожение крупной группировки войск Юго-Западного фронта в районе Умани (103 тысячи пленных).

В то же время А. Гитлер рационально смотрит на развивающиеся события и 28 июля заявляет, что для Германии промышленный район вокруг Харькова важнее Москвы. Начинается наступление немецких войск на Донбасс.

Й. Геббельс записал в своем дневнике 30 июля: «Большевики на всем фронте действуют под хорошим руководством и, прежде всего, в обороне быстро применяются к немецкой боевой тактике. Изумительно ловкая деятельность советской авиации, которая под сильной защитой истребителей все чаще вмешивается в бои на земле… О кризисе не может

---

[1] ЦАМО, ф.3, оп.11556, д.7, л.149.

быть и речи, но все же дела идут медленнее, чем наши оптимисты это предполагали».

19 июля И. В. Сталин возложил также на себя функции наркома обороны, освободив от этой должности Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко. Отныне он, кроме этой, сосредоточил в себе должности Генерального секретаря ЦК ВКП(б), председателя Совета Народных Комиссаров СССР, председателя Государственного Комитета Обороны. 29 июля от должности начальника Генерального штаба был освобожден Г. К. Жуков, а вместо него на эту должность вновь назначен Б.М. Шапошников.

С напряжением решал задачи тыл. Войска несли большие потери, требуя все новых и новых резервов. Все это вынуждало Верховного Главнокомандующего трудиться по 16–18 часов в сутки. Иосиф Виссарионович осунулся, стал еще более жестким, нетерпимым, нередко злым. Весьма часто после докладов об очередной неудаче на фронте он стал диктовать не оперативные, а «карательные» распоряжения. Ужесточились, в частности, требования к семьям военнослужащих, оказавшихся в плену. По докладу органов госбезопасности был санкционирован арест большой группы командиров. За первую декаду августа произошла смена двух командующих войсками фронтов, девяти командующих армиями.

8 августа

Накануне И. В. Сталин, сохраняя за собой все предыдущие должности, назначается Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР. Отныне в его руках сконцентрирована абсолютная власть в партии, стране и армии.

9 августа

Сталин, как обычно, только под утро забылся тревожным сном, продолжавшимся не более четырех часов. Несколько раз он просыпался. Поднявшись и попив чаю, Иосиф Виссарионович не поехал в Кремль, а приказал Б. М. Шапошникову через Поскребышева прибыть к нему к 12 часам и доложить обстановку на фронтах.

Без четверти 12 начальник Генерального штаба был на даче. Он подошел к разложенной на столе карте и негромко, тщательно подбирая слова, стал докладывать. То был первый доклад Сталину как Верховному Главнокомандующему. Доклад грозный и неприятный для восприятия. Боевые действия шли на дальних подступах к Ленинграду, в районе Смоленска, в Киевском узле обороны. Устойчивость обороны по-прежнему оставалась невысокой. Стратегической инициативой владел противник. Дело усугублялось отсутствием на ряде участков фронта вторых эшелонов и крупных резервов. Из более чем 200 дивизий действующей армии на 80 процентов укомплектовано лишь 90, остальные соединения насчитывали не более 3000 личного состава.

– Смоленское сражение, – продолжал Борис Михайлович, – позволило остановить немецкие войска на самом опасном, западном, направлении. Правда, наша попытка провести здесь контрнаступление дала лишь частичный результат, сорвав удар противника. По-прежнему ощущается острый недостаток войск, вследствие чего дивизии чаще строят боевые порядки в один эшелон. Усложнилась обстановка под Киевом. На сегодняшнее утро можно сказать, что 6-я и 12-я армии Юго-Западного фронта отрезаны, – горько уточнил маршал.

– Мы можем сейчас переговорить с руководством Юго-Западного фронта? – перебил начальника Генерального штаба Сталин, вспомнив вчерашний разговор с Василевским, начальником Оперативного управления Генштаба.

– Если Кирпонос и Хрущев не в войсках, то мы с ними свяжемся, – последовал ответ.

Через несколько минут «Бодо» отстукал: «У аппарата генерал-полковник Кирпонос».

Сталин: До нас дошли сведения, что фронт решил с легким сердцем сдать Киев врагу, якобы ввиду недостатка частей, способных отстоять город. Верно ли это?

Кирпонос: Здравствуйте, товарищ Сталин. Вам доложили неверно. Мною и Военным советом фронта принимаются все меры к тому, чтобы Киев ни в коем случае не сдавать…

Сталин: Очень хорошо. Крепко жму вашу руку. Желаю успеха».

Немного успокоившись, отдав необходимые указания маршалу Шапошникову, Верховный Главнокомандующий спустя час приехал в Кремль. Здесь его ждали очередные неприятности, теперь уже личного плана. Он получил сообщение о своем старшем сыне Якове. Источники по-разному освещают этот факт.

«Сталин вошел в кабинет, – пишет И.Ф. Стаднюк в трилогии «Война», – намереваясь тут же приказать начальнику охраны унести «Телефункен». Начальник, полнотелый генерал в полевой форме без знаков различия, словно угадав желание Сталина, выжидательно смотрел на него в раскрытую дверь из прихожей, застыв по стойке «смирно» у стола с телефонами. Но что-то заставило Сталина промедлить. Подойдя к радиоприемнику, он окинул его, словно живое существо, неприязненным взглядом и нажал пальцем клавишу. Загорелся и замигал на панели зеленый кошачий глаз, а из-за желтой драпировки, скрывавшей мембраны, вырвался нарастающий треск, и сквозь него стала пробиваться русская речь: мужской голос напыженным тенорком передавал из Берлина обзор событий на Восточном фронте…

Да, сегодня рабочий день для Сталина начинался тяжело. Накат ранивших сердце воспоминаний сменился дурными вестями: немецкий диктор, закончив излагать обстановку в группе армий «Север», вдруг, возвысив голос, сообщил:

– Из штаба фельдмаршала Клюге поступило донесение, что 16 июля под Лиозно, юго-восточнее Витебска, немецкими солдатами моторизованного корпуса генерала Шмидта захвачен в плен сын кремлевского диктатора Сталина – старший лейтенант Яков Джугашвили, командир артиллерийской батареи из седьмого стрелкового корпуса генерала Виноградова. Будучи опознанным, Яков Джугашвили вечером 18 июля доставлен самолетом в штаб фельдмаршала Клюге. Сейчас ведется допрос важного пленника…

Внутри у Сталина будто все заледенело. Он нажал на клавишу выключателя, приемник щелкнул, будто выстрелил. Не зря, значит, вспоминался ему Яков. Сбылись самые худшие опасения, тревожившие его и во сне…

Сталин оторвался от бумаг, – продолжает писатель. – Он встал с кресла и словно только сейчас увидел за длинным столом Молотова и Калинина, хотя, когда они вошли, ответил на их приветствия и взглядом пригласил садиться.

Неслышно вошел Поскребышев, зажег электричество, отчего настенные дубовые панели кабинета сразу будто раздвинулись, и доложил о приезде Мехлиса. В ответ Сталин манящe махнул Поскребышеву рукой, в которой держал погасшую трубку, затем обратился к Молотову и Калинину:

– Я думаю, дождемся Б. М. Шапошникова, послушаем его доклад и новые предложения Генерального штаба, а потом начнем решать наши текущие дела.

При последних словах Сталина в дверях кабинета появился Мехлис – стройный, в форме армейского комиссара, подтянутый, но непривычно мрачный и даже бледный.

Поздоровавшись и не очень ладно щелкнув каблуками начищенных, сверкающих хромом сапог, он приблизился к Сталину и, глядя на него каким-то болезненно-опасливым взглядом, сказал:

– Товарищ Сталин, я обязан сообщить вам об очень неприятном для всех нас политдонесении с Западного фронта…

Последние слова Мехлиса были заглушены новым грозовым разрядом. Ворвавшийся в кабинет протяжный раскат грома будто шире открыл небесные заслонки, и хлеставший за окнами ливень превратился в седую кипящую стену. Сталин подошел к окну и, подставив лицо под клубившееся облачко водяной пыли, спокойно сказал:

– Садитесь, товарищ Мехлис…

Но Мехлис не сел. Напряженно глядя Сталину в спину, он с трудом подбирал нужные слова:

– Товарищ Сталин, очень неприятное… тяжелое донесение.
– Докладывайте, – не поворачиваясь, приказал Сталин.
И Мехлис доложил:
– Начальник политуправления Западного фронта сообщает, что, по всей вероятности, ваш сын, Яков Иосифович, попал к немцам в плен…
Сталин продолжал смотреть на ливень, и со стороны казалось, что он не расслышал слов начальника Главпура.
– Точных подтверждений политуправление не имеет, – мучительно продолжал Мехлис, будто страдая от того, что Сталин не желает повернуться к нему лицом, – но делается все возможное…
Сталин и сейчас не пошевельнулся, ибо заранее знал, с чем пожаловал к нему Мехлис. Молотов и Калинин, оглушенные дурной вестью, сочувственно и с болью смотрели на отвернувшегося к окну Сталина, не в силах понять, расслышал он в шуме ливня слова армейского комиссара или нет. А Мехлис, растерянно оглянувшись на них, заговорил вновь:
– Особый отдел фронта и специально созданная группа политуправленцев принимают все меры, чтобы или выяснить истину или, если Яков Иосифович не у немцев, разыскать его, живого или мертвого…
Сталин продолжал молчать, будто не в силах оторваться от зрелища разбушевавшейся грозы.
– Коба, ты что, не слышишь?! – возвысив голос, взволнованно спросил Молотов. – Немцы схватили Яшу!..
Сталин медленно, будто тело ему плохо подчинялось, отвернулся от окна и посмотрел на Молотова пасмурным и каким-то затравленным взглядом. Затем неторопливо направился к своему столу, сел в кресло и спокойно, со скрытой укоризной, сказал:
– Сталин не глухой… Мне уже известно о пленении старшего лейтенанта Якова Джугашвили…
– Я беру на себя выяснить все до конца!.. – нарушил тишину Мехлис. – Более того, можно устроить побег Якова: мобилизовать наших разведчиков. Я уже разговаривал с генералом Дроновым… Можно, наконец, если это не удастся, поторговаться с Гитлером!
– Поторговаться с Гитлером? – изменившимся голосом спросил Сталин и так посмотрел на Мехлиса, что тот смешался.
– Я имею в виду обмен, – сбивчиво начал объяснять Мехлис. – У нас есть несколько пленных генералов… Можно их отдать Гитлеру взамен Якова.
– Так-так… Начальник Главного политуправления армейский комиссар первого ранга предлагает Генсеку торговую сделку с Гитлером! – Сталин, выйдя из-за стола, начал прохаживаться по кабинету, то и дело с едкой иронией поглядывая на Мехлиса. – Армия воюет, люди умирают, а Мехлис торгуется…
– Коба, ты, по-моему, перегибаешь палку, – поддержал Мехлиса Молотов, обращаясь к Сталину. – Ведь действительно существует международная практика обмена пленными между воюющими сторонами.
– Совершенно верно, – сказал свое слово и Калинин. – И ничего предосудительного тут нет.
– Ладно, защитники! – Сталин, остановившись посреди кабинета, уже миролюбиво заулыбался. – Я представил себя торгующимся с Гитлером… Немыслимо! – Он опять зашагал по ковровой дорожке и после недолгого молчания заговорил, будто сам с собой: – Конечно, хорошо бы спасти Яшу… Ему в плену будет тяжелее, чем кому бы то ни было… С сыном Сталина постараются поиграться всерьез… Но что нам скажут те многие, многие тысячи наших бойцов и командиров, которых мы не выкрадем и не обменяем?… – Он вновь остановился посреди кабинета и уже кричащим болью и безысходностью взглядом поочередно посмотрел в лицо Молотову, Калинину, Мехлису. Но тут же заговорил смягчившимся голосом: – Мы руководители партии и государства! И мы не имеем права никому внушать мысль о преимуществе плена перед смертью… Может, это и жестоко, но

так требует логика борьбы…

Мы считали и по-прежнему будем считать, что сдача в плен не только проявление малодушия, но и предательство… Другое дело, если люди оказываются в плену случайно, не по своей воле, захваченные без сознания… Я верю, что и Яков не сам сдался в плен… Верю! – Потом Сталин подошел к Мехлису, который все еще продолжал стоять у длинного стола. Ткнув потухшей трубкой в сверкающую пуговицу гимнастерки армейского комиссара первого ранга, цепко посмотрел ему в глаза, словно в самую душу. Понизив голос, с прочувствованной удовлетворенностью сказал: – А ваша мысль, товарищ Мехлис, насчет обмена немецких генералов заслуживает внимания… – Затем повернулся к Молотову, взмахнул рукой в его сторону и уточнил: – Это по твоей части, товарищ нарком иностранных дел… Только, видимо, надо несколько повременить с этим, пока к нам не попадет в плен побольше чинов…

…Пусть за всех своих генералов Гитлер отдаст нам одного человека – Эрнста Тельмана!

Все, потрясенные, молчали, размышляя над услышанным».

Несколько иная версия излагается писателем В.Д. Успенским устами его героя Лукашева.

«9 августа из Ленинграда, – рассказывает он, – специальным самолетом был доставлен секретный пакет от члена Политбюро ЦК ВКП(б), члена Военного совета Северо-Западного направления А.А. Жданова. В сопроводительной записке было очень коротко сказано: вот немецкая листовка, распространяемая вражескими пропагандистами… Без комментариев.

А листовка, прямо скажем, была впечатляющая. Одна сторона еще так-сяк, довольно обыкновенная для того времени… Вторая ее сторона имела характер важной политической акции, направленной на подрыв авторитета советского командования, на самооправдание людей неуверенных, трусоватых… Впрочем, судите сами.

Четкая фотография. По лужайке прогуливаются трое. Одного немецкого офицера, засунувшего руки в карманы распахнутой шинели, можно не считать, он тут сбоку припека. Затем весьма привлекательный, немолодой немец в кителе и галифе, с отличной выправкой, без фуражки: светлое лицо и совершенно белые (или седые) волосы. Плечо в плечо с ним темноволосый, темнолицый, в каком-то темном балдахине (может, широкая гимнастерка без ремня) и тоже без головного убора – Яков Джугашвили. Жестикулирует, что-то объясняя немцу. Выражение лиц у всех деловое, спокойное: приятели на прогулке, да и только. Именно это поразило меня и сразу же вызвало вспышку гнева у Иосифа Виссарионовича.

– Позор несмываемый!

– Может, он попал в плен раненый, без сознания, – предположил я.

– Он не имел права попадать в плен ни при каких обстоятельствах. Он мог бы покончить с собой там, у немцев, а не разгуливать с германскими офицерами! Позор! Он всегда думал только о себе и никогда обо мне, о чести нашей семьи. Для меня он больше не существует! – отрезал Иосиф Виссарионович.

…Надо было как-то разобраться с Яковом, принять какое-то решение. А поскольку дело касалось прежде всего лично Сталина, его семьи, то обсуждение состоялось не в служебном кабинете Иосифа Виссарионовича, а на Кунцевской даче, за поздним обедом и после него. Присутствовали: Шапошников, Молотов, Берия и автор этих строк. Сталин сразу же поставил Лаврентия Павловича в тупик прямым и суровым вопросом: можно ли установить, где находится Яков, выкрасть его или провести операцию, после которой официально объявить, что старший лейтенант Джугашвили не покорился врагу и погиб от рук гитлеровских палачей. Молотов поддержал: как ни прискорбно, а принять все меры, даже самые крайние, необходимо.

Берия без обычной для него самоуверенности начал пространно рассуждать о том, что немцы, конечно, будут охранять Якова особенно тщательно, переводя его из одного места в другое. Но мы, дескать, попытаемся выявить, где он…

Борис Михайлович Шапошников мягко, но достаточно веско изложил свое мнение,

сводившиеся вот к чему… Найти и нейтрализовать Якова Джугашвили нам сейчас не удастся. Не надо даже затевать никаких акций, не надо проявлять интереса к пленному. Это только возвысит его авторитет в глазах неприятеля.

– Но мы должны что-то ответить немецкой пропаганде, мы должны что-то противопоставить врагу! – произнес Сталин.

– Никакой реакции – вот самый лучший ответ. Пошумят и перестанут. Никаких официальных подтверждений или опровержений. Кто-то у нас поверит немцам, кто-то посчитает листовки очередной гитлеровской фальшивкой…»

Свое видение этого факта излагает и Д.А. Волкогонов.

«Судьба сына, – пишет он, – волновала Сталина только с одной стороны. Грешно думать так, размышлял он, но лучше бы Яков погиб в бою. А вдруг не устоит – он слабый, – сломают его, и он начнет говорить по радио, в листовках, что ему прикажут? Собственный сын Верховного Главнокомандующего будет действовать против своей страны и отца! Та мысль была невыносима. Вчера Молотов, когда они остались вдвоем, сообщил, что председатель Красного Креста Швеции граф Бернадот через шведское посольство устно запросил, уполномачивает ли его Сталин или какое другое лицо для действий по вызволению из плена его сына? Сталин минуту-две размышлял, потом посмотрел на Молотова и заговорил совсем о другом деле, давая понять, что ответа не будет».

В любом случае плен Якова стал трагедией для Верховного Главнокомандующего.

Роль Сталина в руководстве Вооруженными Силами накануне и в первые дни войны нельзя оценивать однозначно. Безусловно, он был виновен в том, что первый удар противника по соединениям и частям непосредственного прикрытия границы был неожиданным для их командования и личного состава. Но уже оперативные и оперативно-стратегические структуры могли создать фронт обороны по крайней мере по рубежу старой западной границы СССР, хорошо оборудованной в инженерном отношении. Сил и средств для этого было достаточно.

Но произошло то, что до сих пор всячески скрывается от общества. Пресловутый советский патриотизм и коммунистическая убежденность сломались при встрече с сильным и нахрапистым врагом. Войска начали отступление, по темпам схожее с паническим бегством. При этом врагу оставлялись склады и тяжелое вооружение. Тысячи красных бойцов и командиров сдавались в плен, причем не в одиночку, а подразделениями, а нередко и целыми частями. Такого проявления «верности советской идеологии» не ожидали ни Сталин, ни его окружение. За июль – август в Уманском котле было пленено около 110 тысяч человек, в Белостокском выступе и под Минском – 328 тысяч, под Смоленском – 310 тысяч. В числе плененных был и родной сын Верховного.

Конец августа

На севере финляндские войска захватили Выборг.

Немецкие войска, наступавшие на Ленинград, заняли Кингисепп (16.08), Новгород (19.08), Таллин (30.08). Ленинград оказался в плотном кольце блокады. До этого времени в город еще можно было завозить продовольствие, а из Ленинграда осуществлять эвакуацию жителей и материальных ценностей. Но К. Е. Ворошилов и А. Жданов постоянно докладывали И. В. Сталину, что войска противника ни за что не будут допущены к «колыбели революции», чем фактически саботировали эвакуацию города.

В полосе новой группы армий «Центр» в районе Ельни началась операция 24-й, 16-й и 20-й армий. Силами 24-й армии генерала К. Ракутина была прорвана оборона противника и ликвидирован Ельнинский выступ. Но из-за недостатка сил и средств, прежде всего танков и авиации, советским войскам окружить и уничтожить группировку противника не удалось. Тем не менее это была первая крупная наступательная операция советских войск с начала войны.

На южном крыле советско-германского фронта немецкими войсками были захвачены

Николаев и Херсон (17.08), Днепропетровск (28.08).

Общие потери немецких войск с начала войны на это время составили 585 122 человека, 1478 танков.

…Приближалась первая военная осень. И. В. Сталин внимательно вглядывался в оперативные карты с обстановкой на фронтах, висящие в его кремлевском кабинете, аналогичные тем, которые находились в особняке на улице Кирова, близ станции метро «Кировская», где работала большая часть Генерального штаба. Утешительного было мало. Советские войска с боями оставили Кингисепп, Чудово, Таллин, Кривой Рог, Николаев, Херсон. Враг блокировал с суши Одессу. Развернулись бои на ближних подступах к Ленинграду. Соединения группы армий «Север» вышли к Неве и перерезали железные дороги, связывающие город со страной. Объединения группы армий «Юг» форсировали Днепр севернее Киева и в районе Чернигова. Кольцо окружения вокруг столицы Украины замкнулось. В сентябре восточнее Киева взято в плен свыше 600 тысяч человек. Всего в 1941 году Красная Армия потеряла пленными примерно столько же, как убитыми и ранеными. Такого расклада не предполагал никто, и прежде всего сам И. В. Сталин, который был убежден, что любой советский человек с готовностью умрет за каждую пядь родной земли. Армия оказалась не такой, какой представляли ее вождю Ворошилов и Тимошенко.

И все же фашистскому командованию не удалось добиться поставленной Гитлером цели, определенной планом «Барбаросса», – в первые месяцы войны уничтожить основные силы Красной Армии и полностью захватить стратегическую инициативу. Армия продолжала сражаться, к фронту нескончаемым потоком из глубины страны двигались резервы. На отдельных участках фронта советские войска пытались контратаковать противника.

30 августа войска Резервного фронта перешли в наступление. Началась Ельнинская наступательная операция. 10 сентября войсками Ленинградского фронта и 54-й отдельной армии была сделана попытка прорвать блокаду Ленинграда. Наметился первоначальный успех. Достичь поставленной цели, однако, не удалось.

Но сопротивляющийся Советский Союз нужен был Великобритании и США. 28 сентября состоялась встреча Сталина с представителями глав США и Великобритании Гарриманом и Бивербруком. Вечером, когда Москва была уже затемнена, на одном из посольских автомобилей они приехали в Кремль. Сталин встретил гостей скупой улыбкой, крепкими рукопожатиями и приветственной тирадой, выражавшей удовлетворение их благополучным путешествием в Москву. Поинтересовался самочувствием президента Рузвельта и премьера Черчилля. Каждая его фраза тут же звучала по-английски – переводчик хорошо знал свое дело.

Затем Сталин шагнул в сторону, давая гостям возможность поздороваться с Молотовым и выполнявшим роль переводчика Максимом Литвиновым.

Сегодня Молотову отводилась роль молчаливого участника этой первой встречи – так они условились со Сталиным, учитывая, что в августовских переговорах 39-го года с немецким имперским министром фон Риббентропом, завершившихся подписанием соглашения о взаимном ненападении, он, Молотов, по мнению руководящих кругов Англии и Америки, играл заглавную роль.

Все расселись на краю длинного стола – Гарриман и Бивербрук лицом к кабинету, Сталин и Молотов – напротив них. Литвинов сел у торца стола, как предложил ему Сталин – для удобства выслушивания обеих сторон и для перевода произносимого ими. На другом конце стола, спиной к двери, казалось, безучастный ко всему, сидел Поскребышев и записывал в тетрадь ход переговоров, касаясь только их конкретной сути…

Как и ожидалось, разговор начал Сталин. Его сдержанная улыбка спряталась под усы, лицо помрачнело и сделалось непроницаемым:

– Москва, весь советский народ и наши Вооруженные Силы сердечно приветствуют вас, господа, на нашей земле. Мы очень рады вашему прибытию, хотя за эти месяцы, как началась против нас фашистская агрессия, мы отвыкли чему-либо радоваться. Буду

предельно откровенным с вами: ситуация на фронтах остро критическая. – И Сталин начал подробно излагать обстановку, ни в какой мере не упрощая ее и не приукрашивая.

Гарриман и Бивербрук не отрывали глаз от выщербленного оспой усталого лица Сталина, с волнением вникали в каждую его фразу, видимо, сопоставляя услышанное с тем, что им было известно из сообщений сотрудников своих посольств, которые с твердой убежденностью предсказывали скорое и неминуемое падение Москвы.

Сталин догадывался об этой главной тревоге союзников.

– Москву мы уже потеряли бы, – продолжил он, – если б Гитлер наступал сейчас не на трех фронтах одновременно, а сосредоточил все свои главные силы на Московском направлении… Москву же нам надо удержать любой ценой не только по политическим соображениям. Москва – главный нервный центр всех наших будущих военных операций. И мы делаем все возможное и сверхвозможное, чтоб не отдать врагу столицу.

– А если не удастся этого сделать? – не удержался от вопроса Бивербрук, промокая платком морщинистый лоб и глубокую залысину.

В ответ Сталин неожиданно засмеялся и тут же пояснил причину своего минутного веселья:

– В одной американской газете мы видели забавную карикатуру. На ней изображены Сталин, Тимошенко и Молотов со шпорами на голых пятках в гигантском прыжке через Уральский хребет – якобы удираем от немцев… Так вот, если союзники и не окажут нам помощи, все равно мы готовы вести войну до победного конца.

Заговорил Гарриман. Коль США готовы поставлять Советскому Союзу боевые самолеты, надо, мол, позаботиться о маршрутах их перелетов.

– Нам представляется, что Аляска может явиться для наших летчиков, которые будут перегонять самолеты, стартовым пунктом, а ваши сибирские аэродромы, если они пригодны для этого, промежуточными.

– Мы готовы дать вам информацию о сибирских аэродромах, но это слишком опасный, малоосвоенный маршрут, – сказал Сталин.

– При этом вы, господин Сталин, видимо, имеете в виду напряженность взаимоотношений между Соединенными Штатами и Японией?… Да и ваш договор о нейтралитете с Японией?…

– Тут надо учитывать все в комплексе. Прежде чем принять решение, необходимо поразмышлять, посоветоваться о тех же аэродромах со специалистами. – Затем Сталин перевел разговор на проблемы послевоенного урегулирования, высказав мысль, что немцы должны будут возместить тот ущерб, который они причинили Советскому Союзу, другим странам.

– Но сначала надо выиграть войну! – со скрытым вызовом заметил Бивербрук.

Лицо Сталина чуть побагровело, он начал неторопливо набивать табаком трубку. Молотову показалось, что Сталин сейчас разразится какой-то гневной тирадой, но он, прокашлявшись и погладив мундштуком трубки усы, спокойно сказал:

– Немцев мы победим, – и стал раскуривать трубку.

Сентябрь

Войска 1-й и 2-й танковых групп вермахта завершили окружение войск Юго-Западного фронта в районе Киева (15.09). Войска 37-й армии оставили Киев 19 сентября. После чего в городе начались грабежи магазинов и складов, а позже – подготовленные советскими войсками взрывы предприятий и других важных объектов.

В котле, по данным Д. Волкогонова, оказалось четыре армии: 452,7 тысячи человек. По немецким данным – 665 тысяч человек, 884 танка, 3178 орудий. К 20 сентября противник рассек соединения 37-й и 26-й армий на три части. Войска 5-й и 21-й армий перемешались, потеряв управление. Погибли командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос, генерал В. И. Тупиков, еще около 500 офицеров штаба фронта.

25 сентября войска 51-й армии оставили Перекопские позиции, и немцы начали наступление в глубь Крымского полуострова. Одновременно немецкие войска начали стремительное наступление на Донбасс.

29 сентября в белом мраморном зале, богато декорированном в парадном стиле ампир, открылось совещание представителей СССР, Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Рассматривались вопросы о взаимных поставках и наилучшем использовании материальных ресурсов трех стран в войне.

На следующий день войска группы армий «Центр» перешли в наступление на Москву и прорвали оборону 50-й и 13-й армий Брянского фронта. Началась Московская битва.

Октябрь

1 октября 2-я танковая группа Гудериана и часть войск группы армий «Центр», прорвавшие оборону войск Брянского фронта, начали наступление на северо-восток. На юге началась эвакуация Одесского оборонительного района.

В полдень 3 октября советские войска оставили Орел. В 19 часов этого же дня И. В. Сталин заслушивал очередной доклад начальника Генерального штаба РККА Б. М. Шапошникова.

– Наконец пробились ко мне по радиотелеграфу Конев и Булганин, – доложил Шапошников. – Лента переговоров приводится сейчас в порядок… Положение катастрофическое. Войска Западного фронта расчленены и отступают на рубежи Резервного фронта.

– Бегут без приказа?! – удивился Сталин.

– Догадываюсь, что отдать такой приказ без согласия Ставки Конев не решился, – постарался, как всегда, смягчить ситуацию Шапошников. – Да и связь с армиями у Конева почти не работает. Более или менее крепко держится 16-я армия, 22-я и 29-я занимают прежние рубежи. Противник атакует севернее и южнее этих армий… Левый фланг Резервного фронта смят… Враг захватил Спас-Деменск, крупными силами рвется на север к Вязьме. Уже захвачены Всходы.

– Бред какой-то! – нервно воскликнул Сталин, не веря услышанному. – Вы же мне докладывали, что произведенная между пятнадцатью и шестнадцатью часами авиаразведка Главного Командования не подтвердила движения колонн противника ни на север к Вязьме, ни на юг от Спас-Деменска!

– Конев докладывает, что его авиаразведка обнаружила там противника… Поэтому маршал Буденный уже переместился на станцию Угра.

– А как же Ржевско-Вяземский рубеж?! – Сталин увидел, что в его кабинет стали заходить Молотов, Ворошилов, Маленков, Каганович, Берия. Но будто и не заметил их появления, продолжая выслушивать Шапошникова, стоявшего спиной к двери, где замерли вошедшие.

– Не сработал Ржевско-Вяземский рубеж, – продолжал маршал. – Немцы уже в нескольких местах оставили его позади себя. Утром захватили Юхнов, рвутся на Малоярославец и Калугу.

– Значит, и у Буденного дела совсем плохи? – глухо переспросил Сталин.

– Да, товарищ Сталин…

– Что-нибудь сохранилось от этой линии?

– Держатся еще 31-я и 32-я армии Резервного фронта.

– Прикажите Коневу подчинить их себе, и пусть отходит! – Затем обратился к членам Политбюро: – Садитесь, товарищи. Будем думать, как спасать Москву. Необходимо прежде всего нам самим разобраться в том, что произошло у нас на западном направлении, почему мы проморгали столь основательную подготовку немцев. Предлагаю создать комиссию ГКО во главе с товарищем Молотовым в составе Ворошилова, Маленкова и Василевского как представителя Генерального штаба. – Сталин задержал взгляд на Шапошникове, о чем-то

размышляя. После затянувшейся паузы сказал: – Думаю, следует отозвать из Ленинграда Жукова, поручить ему Западный фронт…

Никто не возражал против сделанных предложений.

Обсудив сложившуюся обстановку в районах Вязьмы и Брянска, осмыслив, сколь велика опасность, нависшая над Москвой, Государственный Комитет Обороны принял решение о мерах защиты столицы. Ставка отдала приказ о приведении Можайской линии обороны в боевую готовность. К ней спешно начали выдвигаться из резерва шесть стрелковых дивизий, шесть танковых бригад, более десяти артиллерийских противотанковых полков и пулеметных батальонов. Было принято также решение о переброске нескольких дивизий с других фронтов и Дальнего Востока.

6 октября Красная Армия оставила Брянск и Карачев. Войска противника вышли в районы восточнее Брянска, а также в район города Сухиничи и начали охватывать войска 50-й армии Брянского фронта с севера. К исходу дня Брянский фронт оказался расчлененным на три части.

7 октября в окружении под Вязьмой оказались 19-я и 20-я армии Западного фронта, 24-я и 32-я армии Резервного фронта. С учетом армий Брянского фронта в окружении находилось около 660 тысяч человек, 1242 танка, 5,4 тысячи орудий и минометов. Окруженные войска под командованием генерала М. Лукина вплоть до 13 октября будут оказывать героическое сопротивление противнику, неся тяжелые потери. 13 октября из окружения выйдет всего 85 тысяч человек.

8 октября немецкие войска, ведя наступление вдоль побережья Азовского моря, заняли Мариуполь. В этот день И. В. Сталин подписал постановление ГКО о подготовке к взрыву в Москве 1119 предприятий и объектов. По его приказу Г. К. Жуков был отозван с Ленинградского фронта.

10 октября Ставка отдала приказ о расформировании Брянского фронта и передаче его войск Западному фронту.

11 октября немецкие войска заняли Мценск и Медынь. Командование группы армий «Центр» составило план мероприятий, которые надо было осуществить после захвата Москвы. По приказу И. В. Сталина Западный и Резервный фронты объединены в один – Западный фронт, командующим которым назначен Г. К. Жуков. Штаб фронта перемещается в Алабино, а затем в Перхушково.

12 октября. Советские войска оставили Калугу. ГКО принял постановление о создании Московской зоны обороны, состоящей из двух оборонительных рубежей. Принимается решение о срочной эвакуации из Москвы 500 заводов.

В этот день поступила секретная директива командующему группой армий «Центр» за подписью А. Гитлера, в которой, в частности, указывалось: «Фюрер решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, если даже она будет предложена противником. Моральное обоснование этого мероприятия совершенно ясно в глазах всего мира. Так же, как и в Киеве, для наших войск могут возникнуть чрезвычайные опасности от мин замедленного действия. Поэтому необходимо считаться в еще большей степени с аналогичным положением в Москве и Ленинграде… Необходимо иметь в виду серьезную опасность эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Всякий, кто попытается оставить город и пройти через наши позиции, должен быть обстрелян и отогнан обратно. Небольшие незакрытые проходы, предоставляющие возможность для массового ухода населения во внутреннюю Россию, можно лишь приветствовать. И для других городов должно действовать правило, что до захвата их следует громить артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а население обращать в бегство. Совершенно безответственно было бы рисковать жизнью немецких солдат для спасения русских городов от пожаров или кормить их население за счет Германии. Чем больше населения советских городов устремится во внутреннюю Россию, тем сильнее увеличится хаос в России и тем легче будет управлять оккупированными восточными районами и использовать их…»

13 октября. Красная Армия оставила Вязьму.

14 октября. Немецкие войска, обойдя Калинин, начали развивать наступление на Клин и Дмитров. Одновременно началось наступление на Можайском и Волоколамском направлениях.

15 октября. 9 часов утра. Рассказывает А.И. Микоян: «В кабинете Сталина собрались приглашенные. Как помню, присутствовали В.М. Молотов, Г.М. Маленков, Н.А. Вознесенский, А.С. Щербаков, Л.М. Каганович и другие. Сталин внешне держался спокойно. Он коротко изложил обстановку, подчеркнув, что до подхода наших войск немцы могут раньше подбросить свои резервы и фронт под Москвой может быть прорван. Он предложил срочно, сегодня же, эвакуировать правительство и важнейшие учреждения, видных политических и государственных деятелей; сказал о необходимости подготовить город на случай прорыва фронта и вторжения гитлеровцев в Москву; дал указание заминировать важнейшее оборудование по списку, представленному специальной комиссией. Командующему Московским военным округом генералу П. А. Артемьеву было приказано подготовить план обороны города, имея задачу удержать его до подхода основных резервов из Сибири. Правительство, подчеркнул Сталин, надо вывезти в Куйбышев. Туда же необходимо эвакуировать иностранные посольства, а наркоматы – в другие города, в которые они заблаговременно частично уже эвакуировались. Затем он рекомендовал В.М. Молотову и мне срочно вызвать всех наркомов, объявить им, что в связи со сложившейся обстановкой надо немедленно, в течение суток, полностью организовать эвакуацию наркоматов.

Мы согласились с предложением Сталина. Обстановка требовала принятия самых неотложных мер. Тут же было принято постановление ГКО «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». Ввиду неблагополучного положения в районе Можайской обронительной линии предусматривалось сегодня же (15 октября) эвакуировать Президиум Верховного Совета СССР и правительство. В случае появления войск противника у ворот Москвы должен был быть произведен подрыв намеченных предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также всего электрооборудования метро, за исключением водопровода и канализации…

Через несколько часов я зашел в кабинет к Сталину. Там находился генерал Артемьев. На столе лежала карта западной части Москвы, до Бородинского моста через Москву-реку. На ней были обозначены первый и второй оборонительные рубежи, а также возможные немецкие позиции во время боев за город. Артемьев указкой показывал Сталину оборонительные рубежи и разъяснял, как в случае нужды будут отходить к Москве наши войска, как организована круговая оборона столицы, сколько времени можно будет продержаться на каждом из рубежей».

16 октября. Шоссе Энтузиастов заполнилось беженцами из Москвы, которые спешили укрыться от надвигающейся линии фронта в сторону Горького.

17 октября. Немецкие войска на Московском направлении заняли город Калинин. На южном участке советско-германского фронта они захватили почти весь Донбасс. Советские части оставили Таганрог, открыв путь противнику на Ростов-на-Дону.

18 октября. Части Красной Армии оставили Малоярославец, Можайск и Боровск. В Крыму противник прорвал оборону советских войск на Иншуньских высотах и силами семи пехотных дивизий начал продвижение в глубь полуострова.

Ночь на 19 октября. Рассказывает Василий Прохорович Пронин, председатель Моссовета, член Военного совета Московской зоны обороны. «Нас пригласили на заседание ГКО, там предстояло обсудить один вопрос: будем ли защищать Москву? Вначале, как обычно, все члены ГКО собрались в здании правительства в Кремле: Берия, Маленков, Молотов и другие. Из военных один командующий МВО генерал Артемьев… Когда собрались в комнате, откуда предстояло идти в кабинет Сталина, Берия принялся уговаривать всех оставить Москву. Он был за то, чтобы сдать город и занять рубеж обороны на Волге. Маленков поддакивал ему. Молотов бурчал возражения, остальные молчали…

Потом вышли через главный выход, пошли к Никольским воротам в кабинет Сталина.

Вошли. Было нас человек десять. Сталин ходил по кабинету со своей трубкой. Когда расселись, спросил:

– Будем ли защищать Москву?

Все угрюмо молчали. Он выждал некоторое время и повторил вопрос. Опять все молчат.

– Ну что же, если молчите, будем персонально спрашивать.

Первым обратился к сидевшему рядом Молотову. Молотов ответил: «Будем». Так ко всем обратился персонально. Все, в том числе и Берия, заявили: «Будем защищать».

Тогда Сталин говорит:

– Пронин, пиши.

Я взял бумагу и карандаш. Сталин принялся диктовать: «Сим объявляется…» Потом приказал постановление ГКО немедленно передать по радио. Сам подошел к телефону, связался с восточными округами и стал по маленькой записной книжке диктовать командующим номера дивизий, которые следовало срочно направить в Москву. Кто-то, кажется, с Урала, заявил, что можем по тревоге такую-то дивизию погрузить, но нет вагонов. Сталин ответил:

– Вагоны будут. Здесь сидит Каганович, головой отвечает за то, чтобы подать вагоны.

Сталин, следовательно, не помышлял сдавать Москву».

В этот день в Москве было введено осадное положение.

20 октября. На Ленинградском фронте началась вторая Синявинская операция с целью деблокады города. Но из-за нехватки сил и средств завершить ее не удалось. Часть войск пришлось перебросить на Тихвинское направление, где немцы еще 16 октября начали новое наступление на Ленинград. В последующие дни под Ленинградом советские войска оставили города Большая Вишера и Будолгошь.

23 октября. Войска 49-й армии Западного фронта остановили наступление противника на подступах к Серпухову, у Тарусы и Алексина. Войска 33-й и 43-й армий этого же фронта воспретили наступление врага на реке Наре в районе Наро-Фоминска.

24 октября. Войска Калининского фронта сорвали попытку противника прорваться от Ржева на Торжок. 2-я танковая группа Гудериана возобновила наступление из района Мценска на Тулу.

25 октября. Немецкие войска взяли Харьков. В Крыму советские войска начали отступление на Севастополь и Керчь. Гитлер при встрече с Чиано, зятем Муссолини, заявил, что с точки зрения потери материальных и людских ресурсов Советская Россия уже разгромлена.

26 октября. Войска 5-й армии Западного фронта остановили противника в районе Кубинки, что в 63 километрах западнее Москвы.

27 октября. Немцы заняли Волоколамск, но были остановлены восточнее города частями 316-й стрелковой дивизии генерала И. Панфилова и курсантами Московского военного училища имени Верховного Совета РСФСР.

28 октября немецкие войска подошли к Волхову на расстояние 3–5 километров и начали артиллерийский обстрел железнодорожной станции.

И. В. Сталин все это время вместе с членами Политбюро оставался в Москве. «Вокруг его Ближней дачи, – пишет Д.А. Волкогонов, – разместили несколько зенитных батарей, усилили охрану. Однажды, приехав под утро на дачу в Кунцево, Сталин, едва выйдя из машины, оказался свидетелем воздушного налета на Москву. Оглушительные хлопки зенитных орудий, лучи прожекторов над головой, надсадный гул множества самолетов в московском небе наглядно продемонстрировали сегодняшнее положение столицы. Сталин застыл у машины. Мог ли он думать еще четыре месяца назад, что его дача окажется на расстоянии дневного броска немецкой танковой колонны? Рядом на дорожке что-то упало. Власик нагнулся: то был осколок от зенитного снаряда. Начальник охраны пытался уговорить Сталина войти в дом (укрытие было сделано позже). Но Верховный, пожалуй, впервые в этой войне ощутил ее непосредственное смертельное дыхание и постоял еще

несколько минут, вдыхая промозглый воздух октябрьского утра. Тогда-то у него и возникло желание побывать на фронте.

В конце октября, ночью, колонна из нескольких машин выехала за пределы Москвы по Волоколамскому шоссе, затем через несколько километров свернула на проселок. Сталин хотел увидеть залп реактивных установок, которые выдвигались на огневые позиции, но сопровождающие и охрана дальше ехать не разрешили. Постояли. Сталин выслушал кого-то из командиров Западного фронта, долго смотрел на багровые сполохи за линией горизонта на западе и повернул назад. На обратном пути тяжелая бронированная машина Сталина застряла в грязи. Шофер Верховного А. Кривченков был в отчаянии. Но кавалькада не задерживалась. Берия настоял, чтобы Сталин пересел в другую машину».

P. S. Лично я сомневаюсь в том, что И. В. Сталин в столь ответственное время пожелал бы приблизиться к линии фронта только для того, чтобы почувствовать дух войны. Малейший риск для личной жизни был не в его характере. Кроме того, у «Хозяина» огромной страны и Верховного Главнокомандующего было много других забот, чтобы заниматься такими пустяками. Из военных, кроме начальника Генерального штаба Б. М. Шапошникова, который не оставил никаких воспоминаний о том времени, ближайшим человеком к И. В. Сталину был А. М. Василевский. В своей книге «Дело всей жизни», описывая события конца октября 1941 года, он ни слова не пишет о выездах Верховного Главнокомандующего за Москву в сторону фронта. Зато он пишет, что часто приходилось работать по ночам, делать ночные доклады И. В. Сталину и возвращаться от него из Кремля около четырех часов утра. Трудно себе представить, что при таком режиме работы у Верховного Главнокомандующего находилось время на загородные прогулки.

Ноябрь

1 ноября. В Ставку был вызван Г. К. Жуков.

– Мы хотим в Москве, кроме торжественного заседания, провести и парад войск, – сказал И. В. Сталин. – Как вы думаете, обстановка на фронте позволит нам провести эти мероприятия?

– В ближайшие дни враг не намечает большого наступления, – ответил Жуков. – В предыдущих боях он понес большие потери и вынужден пополнять и перегруппировывать свои войска.

4 ноября немцы на Калининском фронте продвинулись на 16 километров восточнее города Калинин. Их войска оккупировали Курск. Неудачей для советской стороны завершилась Харьковская оборонительная операция.

В этот день в дневнике Ф. Гальдера записано:

«Группа армий «Центр». Никаких существенных изменений. На правом фланге танковой группы Гудериана также потеряно соприкосновение с противником…

На северном фланге группы армий «Юг» и на южном фланге группы армий «Центр» потеряно соприкосновение с противником, в результате чего оценка противника базируется лишь на туманных сведениях о том, что противник держится южнее течения Дона, усиливает оборону Москвы и еще держится на северном участке Восточного фронта. По сообщениям прессы и радио, противник всецело поглощен заботами о своих коммуникациях и эвакуацией. Русское правительство также эвакуировалось из Москвы в Казань, что ни в коей мере не способствует единому руководству. В результате следует ожидать известной медлительности, а возможно, и противоречивости в мероприятиях противника».

6 ноября. На станции Московского метрополитена «Маяковская» состоялось торжественное собрание в честь 24-й годовщины Октябрьской революции. На нем присутствовало около 2 тысяч делегатов от различных организаций и предприятий Москвы. С речью выступил И. В. Сталин. В частности, он сказал: «За четыре месяца войны мы потеряли убитыми 250 тысяч и пропавшими без вести 378 тысяч человек, а раненых имеем 1 миллион 20 тысяч человек. За это же время враг потерял убитыми, ранеными и пленными

более 4,5 миллиона человек. Не может быть сомнений, что в результате четырех месяцев войны Германия, людские резервы которой уже иссякают, оказалась значительно более ослабленной, чем Советский Союз, резервы которого только теперь разворачиваются в полном объеме».

Из дневника Ф. Гальдера:

«Имеются признаки постепенного усиления обороны противника западнее Москвы. Противник подтягивает сюда силы с востока и юга. Проводится подготовка к отражению предстоящего наступления противника, которое ожидается 7 ноября, в день празднования годовщины Октябрьской революции».

7 ноября в Москве на Красной площади состоялся традиционный парад Красной Армии. Корреспондент фронтовой газеты так описывал это событие: «…Часы Спасской башни гулко бросили на площадь восемь ударов.

– Парад, смирно!

Из ворот Спасской башни на белом горячем коне выезжает заместитель народного комиссара обороны СССР Маршал Советского Союза тов. Буденный. Навстречу ему скачет командующий парадом генерал-лейтенант тов. Артемьев.

Приняв рапорт, тов. Буденный в сопровождении генерал-лейтенанта объехал войска, выстроенные к параду, и поздоровался с ними. Бодрым «Ура!» отвечали бойцы на приветствие Маршала Советского Союза. Закончив объезд, тов. Буденный подъехал к Мавзолею, легко соскочил с коня и поднялся на трибуну.

Наступила торжественная тишина. Рупоры разносили по площади четкие, ясные слова товарища Сталина.

«На вас, – отметил он, – смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»

Начинается марш частей. Открывая торжественное шествие, мимо Мавзолея в четком и ровном строю проходят курсанты артиллерийского училища. Шумными аплодисментами встречаются батальоны моряков. Идут войска НКВД, батальоны пехоты, стрелковые подразделения. Впереди четко маршируют командиры и политработники. Заключая торжественное шествие, мимо Мавзолея проходят отряды вооруженных рабочих города Москвы, потомки славного ополченца земли русской Кузьмы Минина. Они вооружены винтовками, автоматами, ручными пулеметами. Они готовы сегодня же идти на боевые рубежи, биться до последней капли крови за свой город, за свою великую Отчизну.

На площадь вступает кавалерия. За эскадронами с грохотом несутся пулеметные тачанки, вызывая бурные рукоплескания трибун. Проходит моторизованная пехота. Неслышно катят автомобили с зенитными установками.

Кремлевские куранты мелодичным звоном отметили 9 часов утра, а по площади все еще шла артиллерия. Зенитная, противотанковая, тяжелая…

Завершая марш советской военной техники, площадь заняли танки. Прохождением танков парад был закончен…»

Из дневника Ф. Гальдера:

«Наблюдается усиленное движение (советских войск. – *Авт.*) по железным дорогам в районе Ельца. На остальных участках фронта группы армий «Центр» отмечены поддержанные артиллерией контратаки противника местного значения. Крупного наступления в честь годовщины Октябрьской революции не последовало».

8 ноября. Немецкие войска овладели городом Тихвином, перерезав таким образом единственную железную дорогу, по которой до Ладожского озера шли грузы, предназначенные для осажденного Ленинграда, а затем продвинулись еще на 8 километров

северо-восточнее этого города. Это было самое глубокое вклинение неприятеля на Ленинградском фронте.

Из военного дневника Ф. Гальдера:

«Существенных изменений нет. Район восточнее линии Курск, Тула остается неразведанным. Строительство оборонительных сооружений в районе Воронежа указывает на то, что противник пока не собирается оставлять области между Москвой и Северным Кавказом».

10 ноября. Началась Тихвинская наступательная операция войск 54-й армии Ленинградского фронта.

11 ноября. Из дневника Ф. Гальдера: «Обстановка на фронте: в общем существенных изменений не произошло. Группировка сил и намерения противника между Тулой и Донбассом по-прежнему остаются неясными. Без сомнений, весь район до Дона в основном оставлен противником… Положение в полосе танковой группы Гудериана, вне всякого сомнения, крайне напряженное. Гудериан не сообщает никаких подробностей об обстановке. Он имеет здесь по меньшей мере равные силы с противником, а возможно, даже превосходит его».

14 ноября. Войска 16-й и 49-й армий Западного фронта по приказу Г. К. Жукова попытались осуществить контрудары под Волоколамском и под Серпуховом. Однако эти контрудары, наносимые главным образом с использованием конницы, положительных результатов не дали.

19 ноября Ф. Гальдер был приглашен на доклад к А. Гитлеру. Из его доклада следует, что более успешно наступление немецких войск развивается на южном участке советско-германского фронта. На центральном участке фронта наступление войск группы армий «Центр» «приостановлено из-за трудностей в снабжении и неблагоприятной погоды». В качестве основного предложения – развивать наступление на Сталинград и Кавказ. Характеризуя обстановку на зиму, начальник генерального штаба сухопутных войск Германии заверяет фюрера, что советские войска «не в состоянии перейти в крупное наступление. Тем не менее он проявляет местами большую активность».

20 ноября. Из дневника Ф. Гальдера: «Наши войска продолжают успешное наступление на Ростов. На северо-восточном участке фронта 1-й танковой армии (14-й моторизованный корпус) происходят тяжелые бои. Существует угроза прорыва противника… Итальянский корпус снова не продвигается вперед. Убит генерал фон Бризен (командир 52-го армейского корпуса)…

Группа армий «Центр». 2-я армия успешно продвигается вперед. 9-я танковая дивизия заняла Тим. Сопротивление противника незначительно, а на некоторых участках вовсе отсутствует. 2-я танковая армия ведет бои за Ефремов. В районе между Ефремовом и Епифанью противника нет. На участке между Ефремовом и Тулой противник оказывает упорное сопротивление. В этом районе наши войска ведут тяжелые бои против танков противника».

21 ноября. Немецкие войска овладели Ростовом-на-Дону.

Из дневника Ф. Гальдера:

«Севернее Ростова идут тяжелые бои с численно превосходящим противником, который, действуя, по-видимому, под умелым руководством, ведет наступление в плотных боевых порядках несколькими группами, по две-три дивизии в каждой. Особой опасности для наших войск пока не существует, однако и командование и войска будут достойны высокой оценки, если им удастся устоять перед натиском и достичь излучины Дона».

В полосе группы армий «Центр» «во второй половине дня Гудериан доложил по телефону, что его войска выдохлись. 2-я танковая армия действительно ведет тяжелые бои на широком фронте, однако в конечном итоге эти бои проходят успешно и наши войска повсюду теснят противника…

На участках фронта севернее Тулы наблюдается поразительное затишье. Противник всего один раз, переправившись через Оку по льду, предпринял здесь разведывательный

поиск силами довольно крупной разведывательной партии…».

23 ноября. Красная Армия оставила подмосковный город Клин. Противник захватил также Солнечногорск, Яхрому, Красную Поляну и несколько деревень по восточному берегу канала имени Москвы. До самой Москвы оставалось всего 30 километров.

24 ноября. Немецкие войска заняли город Венев и Михайлов.

25 ноября. Соединения 2-й танковой группы немцев вышли на южную окраину Каширы, продвинулись к Рязани и Скопину, создав угрозу прорыва к основным коммуникациям, связывающим Москву с центральными и восточными районами страны. Тула оказалась глубоко охваченной с востока. Положение вокруг Москвы становится критическим.

Из дневника Ф. Гальдера: «Гудериан, очевидно, обеспечил себе свободу маневра в направлении Коломны… Вторая танковая армия продвинулась в направлении Каширы. Войска, наступавшие северо-западнее Москвы, продвинулись незначительно вследствие усилившегося сопротивления противника».

27 ноября. Войска левого крыла Западного фронта в районе Каширы нанесли контрудар по соединениям 2-й танковой армии.

Из дневника Ф. Гальдера:

«По-видимому, противник сосредотачивает силы перед фронтом 2-й танковой армии и перед фронтом 2-й армии. В направлении главного удара 2-й танковой армии (на Оке) также появились свежие дивизии противника. Обстановка неясная. Противник стягивает силы против наступающего крыла группы армий «Центр», в районе северо-западнее Москвы. Хотя это и не крупные соединения, а мелкие группы, но они непрерывно прибывают на фронт и создают все новые препятствия на пути наших уставших войск. Перед фронтом соединений, наступающих на канал Москва – Волга, противник медленно отходит, ведя упорные арьергардные бои…»

29 ноября. Из дневника Ф. Гальдера:

«На фронте 2-й армии наши войска несколько продвинулись вперед. Войска 2-й танковой армии встречают растущее сопротивление противника у Каширы. В этом районе наши авангарды (17-я танковая дивизия) оказались вынужденными отойти. Восточнее Каширы продолжается переброска войск противника с юга на Рязань. Активность противника перед фронтом 4-й армии несколько возросла. В донесениях говорится о подготовке противника к наступлению.

Возможные перспективы операций группы армий «Центр» еще не так отчетливы. Однако уже теперь можно сказать, что самое большое, на что можно рассчитывать, – это подойти северным флангом группы армий к Москве и занять 2-й танковой армией излучину Оки северо-западнее Тулы с целью использования этого района в качестве района расквартирования войск на зиму».

Закончился ноябрь 1941 года. За истекшие пять месяцев немецкая армия осуществила одну из самых масштабных и продолжительных на всем продолжении мировой военной истории стратегическую наступательную операцию, в результате которой была оккупирована значительная часть европейской территории Советского Союза. За это время РККА потеряла около трех миллионов человек, в том числе почти два миллиона пленными. Потери вермахта достигли 800 тысяч человек.

За это время А. Гитлер практически не вмешивался в планы военачальников, которые развивались успешно по ранее разработанному сценарию. В то же время он неоднократно торопил своих генералов с выполнением различных частных планов, которые вписывались в рамки большой стратегической наступательной операции.

И. В. Сталин также не проявлял особой активности в плане разработки стратегических планов обороны. В то же время он крайне болезненно относился к оставлению каждого нового города, каждого очередного рубежа. В центре его внимания находились оборона Ленинграда и Москвы. При этом оборона на южном крыле советско-германского фронта возлагалась на фронтовое командование и велась очень пассивно, что стало результатом

потери Донбасса и выхода противника к Ростову-на-Дону.

Позже советские историки напишут, что это стало следствием подготовки крупного контрнаступления советских войск под Москвой, которое обозначило крах блицкрига германской армии и провал планов Гитлера войны против СССР.

Контрнаступление под Москвой
Мифы и факты

Вцентре событий осени 1941 года на советско-германском фронте по праву считается битва под Москвой (октябрь 1941 г. – апрель 1942 г.), включавшая оборонительную операцию (октябрь – ноябрь 1941 г.), контрнаступление (5 декабря 1941 г. – 7 января 1942 г.) и общее наступление советских войск (январь – апрель 1942 г.).

Из советской истории Великой Отечественной войны известно, что в ходе тяжелых оборонительных сражений, длившихся 67 дней, Красная Армия, в процессе отхода на 700-1110 километров, обескровила ударные группировки противника и, выиграв время, обеспечила сосредоточение крупных резервов на Московском направлении. Вражеская группировка оказалась растянутой на фронте более 1000 километров, а ее тылы отстали от войск на 700–800 километров.

Точной цифры потерь фашистских войск под Москвой германское командование не дает. Но, опираясь на Военный дневник Ф. Гальдера, мы видим, что общие потери сухопутных войск вермахта с 30 сентября по 12 декабря 1941 года немногим превысили 200 тысяч человек. Если даже предположить, что самые активные бои в это время проходили на Московском направлении, а на других – частные, то потери немцев в период оборонительной операции под Москвой можно оценить примерно в 150 тысяч человек

Прежде о потерях советских войск говорить было не принято. Позже начали появляться некоторые отрывочные данные. И только сравнительно недавно стало известно, что в Московской стратегической оборонительной операции (30 сентября – 5 декабря 1941 г.) советские войска безвозвратно потеряли 514, 3 тысячи человек, ранеными и обмороженными – 144 тысячи человек, а всего – 658,3 тысячи человек, то есть в четыре раза больше, чем противник.

В советской историографии контрнаступлению советских войск под Москвой отведено исключительно видное место, и оно представлено как большое достижение советского военного искусства. К тому времени противник на Московском направлении уже буквально выдохся в предыдущих боях. Гудериан и Гёпнер еще 3 декабря начали отводить свои войска. Браухич также отдал приказ об отступлении за Нару.

Известно, что контрнаступление советских войск под Москвой началось 5 декабря 1941 года. Наши войска оттеснили противника с позиции севернее Кубинки и южнее Наро-Фоминска, контрударами в районах Дмитрова, Яхромы, Красной Поляны заставили немецкие войска перейти к обороне, потеснили их на выступе восточнее Тулы.

Для простоты обзора предлагаю контрнаступление рассмотреть по трем декадам как с точки зрения советской военной истории, так и со стороны противника.

Первая декада контрнаступления началась с того, что 6 декабря в контрнаступление из рубежа Свердлов, Дмитров, Красная Поляна, река Нара перешли в наступление войска Западного фронта под командованием Г. К. Жукова. Началась Тульская наступательная операция войск левого крыла Западного фронта. Войска Западного фронта освободили Яхрому, Михайлов и устремились на Венев, Сталиногорск, Епифань. Перешла в наступление оперативная группа генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко, наносившая главный удар на Ливны. 13-я армия Юго-Западного фронта завязала бои за Елец.

А. В. Василевский: «В конце ноября заболел Б. М. Шапошников, и обязанности начальника Генерального штаба были временно возложены Ставкой на меня…

Днем 4 декабря, будучи на очередном докладе в Кремле у Сталина, я получил указание отправиться в ночь на 5 декабря в штаб Калининского фронта, чтобы лично передать

командующему фронтом директиву на переход в контрнаступление и разъяснить ему все требования по ней. Когда я покидал Сталина, получил и другое его указание – вечером того же дня быть у него для участия в приеме председателя совета министров Польской Республики – генерала Вл. Сикорского, причем было приказано быть в парадной форме и при орденах.

В ночь на 5 декабря я в сопровождении военного комиссара Оперативного управления Генштаба генерал-майора И. Н. Рыжкова и некоторых штабных офицеров прибыл в штаб Калининского фронта и там на месте передал командующему фронтом последние уточнения Ставки по переходу в контрнаступление…

Начало контрнаступления Ставка определила 5–6 декабря. Фактически же события развивались так. После ударов авиации и артиллерийской подготовки выполнение плана контрнаступления началось войсками Калининского фронта 5 декабря, а войсками ударных группировок Западного и Юго-Западного фронтов – 6 декабря. Развернулось грандиозное сражение. Успех нарастал с каждым днем. Инициатива бесспорно переходила к нам. Неожиданный удар советских войск произвел ошеломляющее впечатление на противника. 8 декабря Гитлер подписал так называемую директиву № 39, предусматривавшую общий переход немецких войск под Москвой к обороне».

Следовательно, нужно понимать, что человек, исполнявший должность начальника Генерального штаба, мог быть направлен только в штаб фронта, которому было поручено наносить главный удар по противнику. Это видно и по конфигурации фронта: 50-я армия в районе Тулы глубоко нависала с севера над группировкой противника.

Об этом же пишет и Г. К. Жуков:

«На левом крыле фронта 3 декабря войска 50-й армии и кавалерийский корпус генерала П. А. Белова приступили к разгрому танковой группы Гудериана в районе Тулы. 3, 17-я танковые и 29-я моторизованная дивизии армии Гудериана, оставив на поле боя до 70 танков, начали поспешно откатываться на Венев».

Следовательно, удар 10-й армии с востока навстречу 50-й армии мог привести к окружению всей группировки противника, находившейся в районе Венев, Сталиногорск, Богородск. Но такого решения не последовало.

В ночь с 5 на 6 декабря Г. К. Жуков и член Военного совета Н. А. Булганин выехали в Москву для доклада И. В. Сталину.

Возвращались молча. Добравшись до штаба фронта, Г. К. Жуков сказал: «Ну что же, утро покажет…»

Читаем дальше воспоминания Г. К. Жукова:

«Вот наступило 6 декабря 1941 года. Войска Западного фронта севернее и южнее столицы начали контрнаступление…

6 декабря вступила в сражение и 10-я армия в районе Михайлова, где противник пытался удержать оборону с тем, чтобы прикрыть фланг отходившей 2-й танковой армии. 8 декабря из района Тулы перешли в наступление и остальные войска 50-й армии, угрожая отрезать пути отхода противника из Венева и Михайлова.

Авиация фронта и Ставки непрерывно поддерживала удары кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова, а также действия 50-й и 10-й армий.

В ходе десятидневных боев войска левого крыла Западного фронта нанесли серьезное поражение 2-й танковой армии Гудериана и продвинулись вперед на 130 километров».

Теперь берем учебное пособие преподавателя кафедры истории военного искусства Военной академии имени М. В. Фрунзе П. Д. Алексеева «Подготовка и ведение наступления с выдвижением из глубины соединениями 10-й армии в контрнаступлении под Москвой». Из него мы узнаем, что командующий Западным фронтом Г. К. Жуков приказал 10-й армии 6 декабря перейти в наступление на Михайлов на фронте шириной в 115 километров после выгрузки 5 декабря на удалении от 50 до 70 километров от переднего края противника. Безусловно, в таких условиях у командующего армией никакой возможности для разведки противника, подготовки рубежей выдвижения и развертывания войск и, наконец, самого

рубежа атаки не было. Темп наступления войск 10-й армии, определенный Г. К. Жуковым в 12 километров в сутки, в условиях недостаточной разведки, слабого огневого поражения противника и многоснежной зимы, был явно завышен.

Армия состояла из восьми стрелковых, трех кавалерийских и одной смешанной авиационной дивизий. Но у командующего был всего один танковый батальон – 12 танков.

Острый недостаток испытывала армия и в артиллерии. Командующий в своем распоряжении имел один гвардейский минометный дивизион «Катюш» – 8 БМ-13, дивизии, полки и батальоны – от 120 до 150 орудий и минометов. Несмотря на это, Г. К. Жуков приказал наступать одновременно на трех направлениях, которые были значительно удалены друг от друга.

Оперативное построение армии было приказано иметь в один эшелон с выделением в общевойсковой резерв двух стрелковых и одной кавалерийской дивизий. Казалось бы, этих сил могло быть достаточно для того, чтобы развивать наступление на решающем направлении. Но Г. К. Жуков распорядился распределить их по трем направлениям, в результате чего наращивание усилий войск нельзя признать решительным.

Управление армией было решено осуществлять из Шилова, которое находилось в 85 километрах от войск, а также посредством двух оперативных групп. При этом важно, что войска армии не могли организовать радиосвязь из-за отсутствия радиостанций и аккумуляторных батарей, не хватало провода и для организации проводной связи. Таким образом, о каком-либо надежном управлении войсками армии речи идти не могло.

В результате такой подготовки наступление 10-й армии было характерно следующими моментами:

1. Опозданием с выдвижением дивизий первого эшелона на четыре часа, последовательным вводом в бой большинства дивизий.
2. Недостаточное огневое поражение противника перед началом атаки и практически отсутствие поражения его войск в глубине огнем артиллерии и ударами авиации.
3. Ввязывание в бои за Михайлов 330-й стрелковой дивизии.
4. Отставание остальных дивизий.
5. Потеря управления дивизиями со стороны армии.
6. Медленные и безынициативные действия командиров дивизий первого эшелона.

В установленный срок, таким образом, ни одной из дивизий, действовавших в первом эшелоне 10-й армии, не удалось полностью выполнить задачу первого дня операции. Овладение тактической зоной обороны противника произошло с опозданием на 7–9 часов. При этом 328-я стрелковая дивизия, которой отводилась главная роль при разгроме противника в Михайлове, не принимала участия в выполнении этой задачи. 332-я стрелковая и 41-я кавалерийская дивизии задачу первого дня выполнили только к концу вторых суток.

В итоге наступление 10-й армии, которое продолжалось восемь суток (6-13 декабря) и достигло глубины в 60 километров, практически закончилось вытеснением противника из занимаемого им района. За это время полоса наступления была сокращена со 115 до 35 километров. Средний темп наступления армии был 7,5 километра, то есть практически в два раза меньший, чем предусматривалось планом операции. Противник смог, ведя арьергардные бои, вывести свои войска из угрожаемого района и избежать окружения.

15 декабря. Чтобы отрезать немцам путь отхода из Клина, в ночь на 15 декабря в район Теряевой Слободы был выброшен воздушный десант численностью в 415 человек. Десантники перехватили дорогу на Теряеву Слободу, уничтожили мосты, разрушили линии связи. В советских источниках указано, что благодаря действиям десантников противнику пришлось отступать по проселочным дорогам, бросая технику и тяжелое вооружение.

Но это информация только с одной стороны. Поэтому посмотрим, как о контрнаступлении советских войск под Москвой пишет в своем Военном дневнике начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер:

5 декабря. Ни слова о начале контрнаступления советских войск под Москвой.

6 декабря. Высказывается опасение о положении немецких войск под Тихвином.

7 декабря. «Отвод 10-й моторизованной дивизии у Михайлова (армия Гудериана), по всей вероятности, будет иметь очень неприятные последствия. Весьма напряженное положение сложилось на северном фланге 4-й армии (в полосе 4-й танковой группы) и на фронте 3-й танковой группы. Противник совершил прорыв с севера на Клин. В районе восточнее Калинина противник на ряде участков вклинился в наш фронт, но эти вклинения пока не удалось локализировать.

…События этого дня опять ужасающие и постыдны. Главком превратился в простого письмоносца. Фюрер, не замечая его, сам сносится с командующими группами армий. Самым ужасным является то, что ОКВ не понимает состояния наших войск и занимается латанием дыр вместо того, чтобы принимать принципиальные стратегические решения. Одним из решений такого рода должен быть отдан приказ на отход войск группы армий «Центр» на рубеж Руза, Осташков».

8 декабря. На фронте 2-й и 2-й танковой армий события развиваются удовлетворительно. Уже можно думать о стабильной обороне на конечном рубеже. С 6.12 в районе северо-западнее Москвы начала действовать 20-я русская армия. Можно ожидать усиленного нажима противника на этом участке фронта. Однако пока его не чувствуется. От Яхромы войска оттянуты без всяких трудностей. В результате отвода высвобождены небольшие силы, которые будут брошены на ликвидацию прорыва противника у Клина. Почти все войска уже вышли на намеченный отсечный рубеж. Однако положение остается напряженным. Я считаю этот участок фронта самым опасным, так как здесь у нас нет никаких войск во второй линии».

9 декабря. Противник усиливает нажим на 2-ю армию (где совершен прорыв силами одной кавалерийской дивизии) и на восточном участке фронта 2-й танковой армии. Без сомнения противник подбросил на этот участок свежие силы…

Очень напряженная обстановка на северном фланге 4-й армии. Поскольку радиоразведкой не выявлено новых дивизий, постольку атаки противника не могут быть в достаточной степени эшелонированы по глубине, и, следовательно, их нужно рассматривать лишь как тактические. Крайне сильный нажим противника юго-восточнее Калинина, видимо, позволит ему вновь овладеть городом.

10 декабря. Противник усилил нажим на участке между Ельцом и Ливнами… Противник атакует позиции 2-й танковой дивизии (действуют три новые русские дивизии). В районе западнее Тулы в результате отхода нашей 206-й пехотной дивизии образовался разрыв линии фронта. Какое влияние он окажет на будущие события, пока нельзя предусмотреть.

В районе севернее Клина обстановка становится все напряженнее. Отмечено прибытие новой дивизии противника. В районе юго-восточнее Калинина фронт кое-как восстановлен.

11 декабря. Напряжение на фронте 2-й армии еще не достигло кульминационного пункта.

Против 2-й танковой армии действует 10-я армия противника в составе шести пехотных и одной кавалерийской дивизий. Армия ведет наступление из района Михайлова в направлении на Тулу. Пять дивизий этой вражеской армии являются вновь сформированными соединениями.

На южном участке фронта 4-й армии противник ведет усиленный артиллерийский огонь. Главное направление его наступления – полоса 5-го армейского корпуса и севернее. Разрыв фронта у Клина еще не ликвидирован…

12 декабря. На фронте 2-й армии обстановка критическая. Части 2-й танковой армии отражают атаки противника. К сожалению, не удается ликвидировать разрыв линии фронта между 296-й и 31-й пехотными дивизиями. Обстановка у Клина пока не позволяет сделать никаких выводов, но она по-прежнему напряжена. Противник усилил свою группировку у Калинина.

Разговор с фельдмаршалом фон Боком:

1. В обстановке наступила особо критическая стадия.

2. 134-я и 45-я пехотные дивизии вообще более не боеспособны. Снабжение отсутствует. Командование войск (командование 2-й и 2-й танковой армий. – *Авт.*) на участке между Тулой и Курском потерпело полное банкротство.

3. Группа армий разработала план отхода на рубеж Тула, Новосиль, Тим. Отходящие части будут оказывать сопротивление противнику на промежуточных рубежах…

4. На северном фланге 4-й танковой группы (36-я моторизованная дивизия) сложилась очень тяжелая обстановка. Намечен отход 7-го армейского корпуса на отсечный рубеж у Калинина.

Обстановка на фронте вечером:

2-я армия передана в подчинение 2-й танковой армии. Положение на фронте 2-й армии очень напряженное. Противник атаковал участок 9-й танковой дивизии… У Ефремова русские окружили немецкий полк. Такое же положение и у Буреломы.

2-я танковая армия отразила наступление противника. Положение у Тулы – тяжелое. Отводить фронт 2-й и 2-й танковой армий таким образом, как отмечалось командованием группы армий, недопустимо…

На фронте 4-й танковой группы отражено наступление противника. По неуточненным данным, отражено наступление противника и на фронте 3-й танковой группы у Калинина.

13 декабря. На участке 9-й танковой дивизии отражена атака противника, предпринятая им вдоль автострады. По предварительным данным, остальные атаки противника тоже отражены. По неуточненным данным, немецкие части, окруженные у Ефремова, вышли из окружения.

На участке между Тулой и Епифанью установлено наличие двух новых дивизий противника. Атаки противника отражены с большими для него потерями. В районе западнее Тулы через наш фронт просачиваются части противника.

Северо-западнее Москвы установлено действие новых одной стрелковой и одной танковой бригад противника.

Обстановка в районе Клина, который все еще находится в наших руках, несколько улучшилась. 2-я танковая дивизия закрыла брешь на фронте южнее 36-й моторизованной дивизии.

Наши войска успешно отошли на новый рубеж в районе юго-восточнее Калинина. Калинин удерживается нашими частями.

Обстановка вечером:

Продолжаются попытки локализовать прорыв противника на участке 34-го армейского корпуса. Однако кавалерийские части противника с артиллерией уже находятся далеко за линией фронта. Положение на участке дивизий корпуса все еще не ясное. (Советские войска окружили основные силы 45-й и 134-й пехотных дивизий 34-го армейского корпуса, затем расчленили их на части и к 16 декабря частично уничтожили. Тем не менее остаткам этих дивизий удалось вырваться из окружения. – *Авт.*).

На остальных участках фронта группы армий атаки противника отражены.

В районе западнее Тулы прорвались небольшие силы противника. Но этот прорыв настолько глубок, что вынуждает нас оттянуть линию фронта назад. Отвод войск затрудняется гололедицей.

На фронте 4-й армии усилена боевая активность противника, местами вклинившегося в наше расположение. Наши передовые части у Калинина отведены назад, и таким образом закрыта брешь в линии фронта. Намечено отойти на рубеж Ламы. В районе юго-восточнее Калинина наши войска тоже отведены назад…

14 декабря. Группа армий «Центр». Никаких тревожных донесений с южного фронта 2-й армии не поступало. На центральном участке и северном фланге обстановка несколько улучшилась. Гудериан, по-видимому, крепко держит в руках свою 2-ю танковую армию и постепенно отводит ее назад.

Крайне неприятен разрыв фронта, образовавшийся юго-западнее Тулы (прорыв 258-й

стрелковой дивизии 50-й армии из района Пятницкое (северо-западнее Тулы) в юго-западном направлении на Воскресенское. – *Авт.*). Пока не найдено никаких мер, которые могли бы исправить это положение.

На участке 4-й армии противнику удалось добиться небольших вклинений тактического значения. В целом обстановка на фронте армии опасения не вызывает. У Клина обстановка постепенно стабилизируется. У Калинина ведутся бои с переменным успехом. Пока результаты этих боев для нас в целом благоприятны.

В 18.30 состоялся телефонный разговор с фельдмаршалом фон Браухичем, который предварительно обсудил обстановку с фон Боком, Клюге и Гудерианом.

Обстановка на фронте 2-й танковой армии. Еще не ликвидирован разрыв между 45-й и 134-й пехотными дивизиями. Войска, намеченные для ликвидации этого разрыва, подтягиваются очень медленно. Дальше к северу части армии намеренно отходят от рубежа к рубежу. Тяжелая обстановка сложилась в районе западнее Тулы. Разрыв фронта здесь ликвидирован. С севера на этот участок перебрасывается 137-я пехотная дивизия. Местонахождение ее в настоящий момент неизвестно.

Обстановка на фронте 4-й армии. Фронт стабилизировался, однако его держат весьма слабые силы. В тылу никаких резервов нет…

Клюге завтра примет решение о том, сможет ли он удерживать занимаемый им фронт. Дальнейшее продвижение противника в полосе 255-й пехотной дивизии создает угрозу для передвижения по дороге Можайск – Волоколамск. От 3-й танковой группы поступило донесение, говорящее о серьезном положении на ее фронте…

15 декабря. Группа армий «Центр». Противник ведет наступление против 2-й армии. Кроме того, он пытается на южном фланге расширить участок прорыва у Ливен. На остальных участках войска противника не продвинулись вперед…

2-я танковая армия отходит в полном порядке…

4-я армия. Противник атакует 255-ю дивизию. Возможно, придется отвести части, расположенные севернее этой дивизии. Войска 5-го армейского корпуса также испытывают усиленный нажим со стороны противника. В районе Клина обстановка относительно спокойная…»

Таким образом, мы видим, что контрнаступление советских войск под Москвой в течение первых десяти дней декабря 1941 года достигло определенных успехов.

Советские источники указывают, что к исходу 15 декабря северо-западнее Москвы калининская группировка противника оказалась перед угрозой неминуемого окружения. Резервы фашистского командования были полностью израсходованы. Его группировка, находившаяся в Калинине, была охвачена с обоих флангов.

Юго-западнее от Москвы 217-я стрелковая и 112-я танковая дивизии освободили Ясную Поляну, а затем Щекино. В этот день в своем донесении И. В. Сталину Г. К. Жуков отмечал: «Пленные из группы Гудериана показывают, что им сейчас в связи с холодами разрешено надеть парадное обмундирование, которое они взяли с собой для парада в Москве».

И только на центральном участке фронта наступление советских войск развивалось менее успешно. К середине декабря немцы, несколько отступив, окопались по берегам рек Руза, Нара и Ока. Расположенные вблизи населенные пункты были превращены в тщательно оборудованные узлы сопротивления.

Немецкие источники первые десять дней контрнаступления советских войск под Москвой комментируют значительно скромнее. Отмечаются бои с переменными успехами, планомерный отход на тыловые или отсечные позиции. В то же время командование вермахта не скрывает, что обстановка в ряде объединений и соединений складывалась в отдельные дни довольно тяжелая.

С 16 декабря началась вторая декада контрнаступления советских войск под Москвой. В этот день в Кремле начались переговоры министра иностранных дел Великобритании А. Идена с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым. Сталин изложил свои взгляды на послевоенные

территориальные границы в Европе. Он отметил, что все страны, ранее оккупированные Германией и ее союзниками, должны быть восстановлены в своих довоенных границах. Иден считал, что вести переговоры на эту тему в то время, когда германские войска находятся неподалеку от Москвы, несколько преждевременно. Но он не стал перечить И. В. Сталину.

В тот день завершилась Елецкая наступательная операция войск правого крыла Юго-Западного фронта, которая началась 6 декабря. За это время советские войска продвинулись на 80-100 километров, уничтожив почти 16 тысяч солдат и офицеров противника, освободив около 400 населенных пунктов.

Завершилась Тульская операция. В результате ее проведения снята осада Тулы и нанесено существенное поражение 2-й танковой армии противника, остатки которой вынуждены были отступить на 130 километров.

Войска Западного фронта освободили город Высоковск, войска Калининского фронта освободили город Калинин.

Из дневника Ф. Гальдера:

«Группа армий «Центр». 134-я пехотная дивизия (34-го армейского корпуса. – *Авт.*) прорвала кольцо окружения. Противник из района Ефремов, Елец подтягивает свежие силы на участок прорыва. Гудериан отходит. Противник оказывает сильный нажим на 3-ю танковую дивизию, а также на участок фронта южнее Алексина».

В полночь главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. фон Браухич, Ф. Гальдер и начальник оперативного отдела генерал Паулюс были вызваны к фюреру. А. Гитлер заявил, что о масштабном отходе немецких войск под Москвой не может быть и речи. Он потребовал отводить войска только с тех участков, где противник добился глубокого прорыва.

– Создание тыловых рубежей – это фантазия, – заметил фюрер. – Нужно максимально стараться удержать передовые рубежи. Фронт страдает только от одного: у противника больше солдат. Зато он не располагает большим количеством артиллерии. Я требую максимально использовать это преимущество, которое может решить многие наши проблемы. У противника положение гораздо хуже, чем наше.

Принимается несколько решений. Во-первых, действия пехоты поддержать четырьмя группами бомбардировщиков и двумя группами истребителей-бомбардировщиков. Во-вторых, отход на отсечные позиции производить только при наличии достаточного количества пехоты для их занятия. В-третьих, в районе Дубны ввести в бой новые дивизии, также усилив войска 4-й и 3-й танковых групп. В-четвертых, для переброски резервов выделить 200 транспортных самолетов и транспортные самолеты из группы армий «Юг».

17 декабря. Началась Калужская наступательная операция войск левого крыла Западного фронта. Советские войска двинулись в направлении на Калугу, Лихвин, Сухиничи.

Из дневника Ф. Гальдера:

«Группа армий «Центр». В районе южнее Ливен – ничего существенного. Противник оказывает усиленный нажим на 112-ю пехотную дивизию (2-я танковая группа). Усилилось давление на позиции 31-й пехотной дивизии западнее Тулы. По-прежнему вызывает опасения разрыв фронта у Дубны. Под Алексином противник предпринял наступление, предположительно силами трех дивизий.

На участке 9-го армейского корпуса, по-видимому, творится безобразие. Часть дивизий отошла, а часть осталась в прежнем положении. Потеряно большое количество тяжелых орудий и транспорта.

На фронте 3-й и 4-й танковых групп обстановка еще более неясная… 9-я армия несколько отвела свои войска назад и сейчас прочно удерживает занимаемый рубеж».

19 декабря. Советские войска освободили город Тарусу. В этот день вблизи подмосковной Рузы в бою погиб командир кавалерийского корпуса генерал-майор Л. М. Доватор.

Из дневника Ф. Гальдера:

«Группа армий «Центр». Противник наступает на всем фронте. Установлены еще четыре новые дивизии…

13.00 – Вызван к фюреру.

Фюрер намерен взять на себя командование сухопутными войсками, так как главком уходит в отставку по болезни…

Вечером. На фронте 2-й армии отражена крупная атака противника… 4-й армии грозит опасность быть окруженной в результате удара противника от Калуги. Противник прорвал фронт по обе стороны Тарусы и Алексина. Обстановка очень напряженная. У Рузы противник прорвался с северо-запада. 5-й армейский корпус отходит с боями. Противник ведет преследование».

В этот день в верховном командовании Германии произошли большие перемены. А. Гитлер принял отставку главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала В. фон Браухича и возложил эти обязанности на себя. Но практически главное командование всеми операциями сухопутных войск должен был осуществлять Кейтель. Ф. Гальдер, по предварительной договоренности с Браухичем, также должен был подать в отставку. Но Браухич в связи с тяжелой обстановкой, сложившейся на Восточном фронте, уговорил его остаться на своем посту. Также учитывалось и то, что, по мнению Браухича и других заговорщиков, только Ф. Гальдер сможет отныне отстаивать их точку зрения перед Гитлером, который все больше начал не доверять генералам.

20 декабря. Советские войска после кровопролитных боев освободили Волоколамск.

Из дневника Ф. Гальдера:

«Группа армий «Центр». Противник атаковал правый фланг 2-й армии и добился небольшого успеха… В районе разрыва фронта западнее Тулы противник прорвался в наш тыл и оттуда своими лыжными и кавалерийскими частями вышел в район южнее Калуги… На остальных участках фронта противник предпринял сильные атаки, однако наши части отошли лишь на некоторых участках…»

В этот день А. Гитлер провел первое совещание уже в качестве главнокомандующего сухопутными войсками Германии. Он решительно возразил против того, что некоторые военачальники свои военные неудачи пытаются списать на трудности русской зимы.

– «Русская зима» – я требую изжить это выражение, – заявил фюрер. – Мы должны учить войска воевать в любых условиях. Нужно вбить в сознание каждого фронтовика необходимость сопротивления. Военно-воздушные силы планомерно направлять на населенные пункты, занятые противником. Также воздействовать по ним артиллерийским огнем. Обеспечить защиту от подразделений противника, просачивающихся в наш тыл. Войсковым частям сформировать истребительные команды – подвижные боевые группы силой от роты до батальона, предназначенные для уничтожения просачивающегося противника. У пленных и местных жителей безоговорочно отбирать зимнюю одежду. Оставляемые селения сжигать.

21 декабря. Подвижная группа 50-й армии ворвалась в Калугу и завязала уличные бои.

Из дневника Ф. Гальдера:

«Критическое положение сложилось южнее Калуги. Здесь противник ударом от Одоева ворвался в Калугу. Отбросить его удалось только после подхода охранного полка. Отдако танки противника еще до сих пор находятся в Калуге… Командиры корпусов доносят, что их войска истощены и не могут противостоять дальнейшим атакам противника…»

22 декабря. Прекратились массированные воздушные налеты противника на Москву. Всего до этого времени противник произвел 122 налета на столицу, в которых участвовало 8 тысяч самолетов, но к городу прорвалось только 229.

Из дневника Ф. Гальдера:

«Войска южного фланга 4-й армии юго-восточнее Калуги окружены противником, который одновременно развивает наступление от Тарусы. На этом участке положение необычно тяжелое… Несмотря на это, приказ об отходе по всему фронту не отдан. Отдано распоряжение о применении кумулятивных снарядов». (Эти противотанковые снаряды,

имевшие большую пробиваемость брони за счет кумулятивной воронки, были применены впервые. – *Авт.*)

24 декабря. Войска Калининского фронта начали наступление на Ржев.

Из дневника Ф. Гальдера:

«Группа армий «Центр». Противник продолжает нажим на фронте 2-й и 2-й танковой армий. На отдельных участках он добился успехов. Особенно энергично он атакует войска на северном фланге 2-й танковой армии. Здесь нашим войскам пришлось отойти. Угрожаемое положение создалось на участке прорыва между северным флангом 2-й армии и южным флангом 4-й армии.

Опасное положение в районе Малоярославца, где противник прорвался крупными силами… Отдан приказ об отводе войск южного фланга 4-й армии. 9-я армия в полном порядке отходит назад. Противник оказывает давление с севера».

25 декабря. Завершилась Клинско-Солнечногорская операция, в результате которой советские войска разгромили 3-ю и 4-ю танковые группы противника и продвинулись на запад на 90-110 километров. Была ликвидирована угроза обхода Москвы с севера.

Войска Брянского фронта освободили города Чернь и Ливны.

Из дневника Ф. Гальдера:

«Очень тяжелый день…

На фронте группы армий «Центр» этот день был одним из самых критических дней. Прорыв противника вынудил части 2-й армии отойти. Гудериан, не считая нужным посоветоваться с командованием группы армий, тоже отходит на рубеж Оки и Зуши. В связи с этим командование группы армий потребовало сейчас же сместить Гудериана, что фюрер немедленно выполнил…»

Таким образом, вторая декада контрнаступления советских войск под Москвой, по советским источникам, принесла Красной Армии новые ощутимые победы над противником.

Это же подтверждается и немецкими источниками. Ф. Гудериан постоянно указывает на тяжелое положение немецких войск под Москвой, на необходимость их вести отступление. Реакция А. Гитлера на эти события также была весьма резкой – он отстранил от занимаемой должности главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала В. фон Браухича, а затем и командующего 2-й танковой армией генерала Гудериана. Лишились своих должностей многие другие генералы и офицеры.

В целом контрнаступление советских войск под Москвой в декабре 1941 года достигло своей цели. Отбросив ударную группировку противника на запад и нанеся ей серьезные потери, Красная Армия ликвидировала опасность, нависшую на Москвой. Контрнаступление продолжалось 34 суток. Общая ширина фронта боевых действий составила 1000 километров, а глубина продвижения советских войск – 100–250 км. Среднесуточные темпы наступления стрелковых соединений равнялись 3–6 км.

В ходе этой операции был сорван план противника по овладению Москвой, нанесено поражение войскам группы армий «Центр». Был развеян миф о непобедимости германских войск.

Точную цифру потерь в период наступления советских войск под Москвой командование Германии не публикует. Но, ссылаясь на Военный дневник Ф. Гальдера, можно подсчитать, что с 10 декабря 1941 года по 10 февраля 1942 года сухопутные войска Германии потеряли на Восточном фронте 191 тысячу человек. Значительная часть этих сил находилась под Москвой.

Известно, что в ходе операции советские войска безвозвратно потеряли 139,6 тыс. человек, ранеными и обмороженными – 231,4 тыс. человек.

В результате успешно развивающегося наступления советских войск под Москвой были созданы условия для развертывания общего наступления Красной Армии на большей части советско-германского фронта.

Ставка Верховного Главнокомандования с целью завершения разгрома основных сил группы армий «Центр» решила провести в январе 1942 года общее наступление на Западном

стратегическом направлении силами четырех фронтов: Северо-Западного, Калининского, Западного и Брянского. При этом Северо-Западный и Калининский фронты нависали над противником с севера, Брянский и левое крыло Западного фронта охватывали его с юга. Таким образом, эти фронты должны были концентрическим наступлением на Вязьму окружить и уничтожить основные силы группы армий «Центр».

В рамках общего наступления на всех фронтах 8 января 1942 года были проведены Ржевско-Вяземская и Сычевско-Вяземская наступательные операции.

Сычевско-Вяземскую операцию осуществляли войска Калининского фронта. Перейдя в наступление 8 января, они, при общем фронте 280 километров, сосредоточив усилия в полосе 85 километров, прорвали оборону противника и продвинулись на 80–90 километров.

В результате общего наступления советских войск на Западном направлении в январе-апреле 1942 года противник был отброшен еще на 60-150 километров от линии обороны, которую он занимал к началу января. Советские войска вышли на линию Холм, Велиж, Ржев, Гжатск, Киров, где перешли к обороне.

На завершающем этапе битвы под Москвой для завершения окружения вражеской группировки по решению Ставки ГВК была проведена Вяземская воздушно-десантная операция силами 4-го воздушно-десантного корпуса, который 27 января 1942 года начал десантирование в 30 километрах юго-западнее Вязьмы. Но сосредоточение 4-го воздушно-десантного корпуса в исходный район для десантирования осуществлялось при наличии крупных просчетов и недостатков. Так, план был составлен без участия штаба Западного фронта, что привело к просчетам в сроках перевозки корпуса в Калугу. Достаточных мер к обеспечению скрытности перевозки принято не было. Подготовка воздушно-десантной операции осуществлялась при остром дефиците времени, средств десантирования, авиационного и зенитного прикрытия и отсутствии опыта такого рода действий у советского командования.

Выброска воздушного десанта началась с десантирования в указанный район 8-й воздушно-десантной бригады. Передовой отряд этой бригады в результате плохой ориентировки летного состава был выброшен в другом районе, а также разбросан в радиусе от 20 до 25 километров. Сбор личного состава происходил крайне медленно. К утру 28 января из 648 десантников с трудом удалось собрать 476 человек. Большую часть вооружения, продовольствия и лыж, сброшенных на парашютах, найти не удалось. Также не удалось установить связь между передовым отрядом и основными силами бригады. Несмотря на это, командиру передового отряда удалось захватить указанный район, куда в ночь на 28 января было выброшено еще более 1500 человек.

В последующем из-за ряда обстоятельств, прежде всего нехватки авиации, десантирование остальных частей корпуса было приостановлено. Поэтому 8-я воздушно-десантная бригада не смогла выполнить поставленную перед ней задачу и перешла к действиям по самостоятельному плану.

Во второй половине февраля 4-й воздушно-десантный корпус получил новую боевую задачу. Однако при подготовке операции снова были допущены те же ошибки, что и в прошлый раз. Десантирование началось 18 февраля. Но из 20 самолетов, вылетевших в первый рейс, ни один не выполнил поставленную задачу, так как на земле оказалось слишком много костров и трудно было установить, которые из них являются ориентиром. Во второй рейс вылетело 18 самолетов, но только 7 из них выполнили задачу. Тем не менее к 23 февраля в тыл противника было высажено 7373 человека и выброшено 1525 мешков с вооружением, боеприпасами и различным имуществом.

В ночь на 23 февраля десантировались командование и штаб 4-го воздушно-десантного корпуса. Но в это время самолет, на котором находилось командование корпуса, был атакован истребителями противника. Командир корпуса генерал-майор А. Ф. Левашов был убит. Командование принял начальник штаба корпуса полковник А. Ф. Казанкин.

И снова сбор личного состава после десантирования осуществлялся крайне медленно. Через четыре дня удалось собрать всего около половины людей, было утеряно много оружия,

боеприпасов и другого имущества.

В ночь на 24 февраля корпус приступил к выполнению поставленной боевой задачи. Но обещанной поддержки корпуса ударами авиации с воздуха и огнем артиллерии не было. Поэтому заметных успехов достичь не удалось. Несмотря на это, части корпуса все же смогли в итоге февральских боев достичь рубежа, где должна была произойти их встреча с войсками 50-й армии. Но армия не смогла сломить сопротивление противника и вовремя выйти на соединение к корпусу. Корпус перешел к обороне занятого рубежа, который оборонял более месяца.

12 апреля командующий войсками Западного фронта отдал приказ командиру корпуса о переходе в наступление с целью выхода к войскам 50-й армии. Наступление началось 14 апреля, но успеха не имело. Утром 24 мая перешел в наступление противник. Корпус начал отходить, и 30 мая вышел в расположение 1-го гвардейского кавалерийского корпуса.

Таким образом, Вяземская воздушно-десантная операция стала первым боевым опытом применения советским командованием оперативного воздушного десанта. Командование ВДВ взяло на себя непосильную задачу подготовки к десантированию войск, не имея для этого средств и не зная оперативной обстановки и замысла наступательной операции фронта. Оно не осуществило должной подготовки и выброски воздушного десанта, не обеспечило его живучесть. В результате всего этого запланированная операция не достигла поставленных целей.

Несмотря на это, контрнаступление и общее наступление советских войск под Москвой получило высокую оценку историков. В капитальном научном труде «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», вышедшем в свет в 1964 г. под редакций Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского, сказано, что «Советские Вооруженные Силы в битве под Моской одержали победу всемирно-исторического значения». При этом, ссылаясь на Ф. Гальдера, говорится о том, что с 30 сентября 1941 года по 28 февраля 1942 года потери немецких войск составили около полумиллиона человек. Высокими были и материальные потери немецких войск. Только одна 4-я полевая армия в этих боях потеряла более 40 тяжелых гаубиц, 45 150-мм и 100-мм пушек, более 70 штурмовых орудий, 28 минометов, 230 тракторов-тягачей. Примерно такое же положение наблюдалось и в других армиях. Безусловно, это были ощутимые потери для Германии, которой после них все тяжелее становилось добиваться новых побед над Красной Армией.

Трудный перелом

Наступивший 1942 год принес, следовательно, существенные успехи советским войскам. Поэтому с весны 1942 года Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин начал было обретать уверенность. Он стал подумывать о том, как сделать этот год победным. Свою идею в одной из директив он сформулировал так: «Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году».

«Теперь уже у немцев нет того военного преимущества, – отмечал И.В. Сталин в приказе от 23 февраля, – которое они имели в первые месяцы войны в результате вероломного и внезапного нападения… Теперь судьба войны будет решаться… постоянно действующими факторами: это прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности ее начальствующего состава».

Но противник нашел силы для того, чтобы остановить наступление советских войск. Операции, проведенные в конце зимы – начале весны 1942 года, не дали тех результатов, на которые рассчитывали. И если гитлеровское командование и исчерпало свои резервы, то и у советского командования не было необходимых сил и средств, чтобы развернуть весной

крупные наступательные операции. Нужно было время для создания, оснащения и подготовки крупных стратегических резервов, восполнения крупных потерь в живой силе и технике, понесенных действующей армией в ходе зимнего наступления.

«Перед нами встал вопрос о плане военных действий на следующие полгода, – отмечал А.М. Василевский. – Он всесторонне обсуждался в Генштабе. Ни у кого из нас не было сомнения, что противник не позднее лета вновь предпримет серьезные активные действия с тем, чтобы, опять захватив инициативу, нанести нам поражение. Мы критически анализировали итоги зимы. Теперь Ставка, Генеральный штаб и весь руководящий состав Вооруженных Сил старались точнее раскрыть замыслы врага на весенний и летний периоды 1942 года, по возможности четче определить стратегические направления, на которых суждено будет разыграться основным событиям. При этом мы все отлично понимали, что от результатов летней кампании 1942 года во многом будет зависеть дальнейшее развитие всей мировой войны, поведение Японии, Турции и т. д., а может быть, и исход войны в целом».

Разведка однозначно указывала – главный удар противник нанесет на юге. Но так ли это? Верховный Главнокомандующий, делая выводы из анализа обстановки, считал, что летом 1942 года противник сможет начать крупное наступление на двух стратегических направлениях – Московском и Южном одновременно. Основным направлением, по его оценке, будет Московское. Там находилась самая крупная вражеская группировка (свыше 70 дивизий), все еще идут бои. Возможно, что здесь имели место и соображения личного плана: летом 1941 года Сталин считал, что главный удар противник нанесет на юге, практически же оказалось, что он нацелился на Москву. Не случится ли такое и на этот раз? Ведь каких-либо признаков того, что немцы перебрасывают войска с центрального участка на юг, не отмечено. А от Москвы линия фронта всего в 150 километрах. В итоге он приходил к выводу о переходе в наступление на всех трех стратегических направлениях, особые усилия сосредоточивая на московском. Несколько иной подход был у Г.К. Жукова. «Надо ограничиться активной обороной на всем фронте, но наряду с этим провести несколько частных фронтовых операций на отдельных участках», – считал он. Генеральный штаб в основном придерживался того же мнения. Правда, его начальник маршал Б.М. Шапошников настаивал на том, чтобы на первом этапе стратегических действий ограничиться лишь активной обороной, выдержать удар врага, измотать и обескровить его, а затем, накопив резервы, перейти в новое контрнаступление.

В итоге Государственный Комитет Обороны на своем заседании в начале марта определил в качестве ближайшей задачи создать к маю-июню 1942 года мощные обученные резервы, накопить оружие, боеприпасы, боевую технику, необходимые материальные ресурсы для обеспечения войск в последующем наступлении.

Все обоснования и расчеты по плану на лето 1942 года Генеральный штаб завершил к середине марта. Главная идея предложенного плана формулировалась следующим образом: активная оборона, накопление резервов, переход в контрнаступление. Работа над планом продолжалась и в последующие дни. На имя Верховного Главнокомандующего поступили со всех фронтов ранее затребованные им доклады с соображениями и предложениями о дальнейшем ведении боевых действий. Среди них наибольшего внимания заслуживал, по его оценке, доклад командования Юго-Западного направления, где предлагалось провести в мае силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов крупную наступательную операцию с целью освобождения Донбасса и Харьковского промышленного региона.

Приятной неожиданностью стал для И.В. Сталина вечер 21 марта. На даче его ждал сюрприз – семейный ужин. За столом хозяйничала Светлана в украинской юбочке и пышной блузке и одна из ее школьных подруг. С днем рождения поздравили Василий [2] оказавшегося

[2] Василий родился 21 марта 1921 года. В 1940 году стал выпускником 3-й Московской летной школы. С 1941 года на фронте. Войну закончил в звании полковника, имея на счету 27 боевых вылетов и один сбитый немецкий самолет. До 1947 года командовал авиационной дивизией. В 1948 году в звании генерал-лейтенанта возглавил авиацию Московского военного округа. В 1952 году отстранен от занимаемой должности, а осенью следующего года арестован и осужден на восемь лет заключения «за злоупотребление служебным

проездом в Москве. Вручили ему подарки. Няня привела маленькую Галину, любимую внучку Сталина. Пели песни. Вспоминали последние предвоенные годы, время, проведенное летом на побережье Кавказа. Иосиф Виссарионович рассказал о своей несбывшейся мечте назвать своего второго сына Тариэлем в честь одного из самых благородных героев грузинского народного эпоса. На какое-то время он впервые за долгие военные месяцы ощутил душевный покой…

В последней декаде марта Главнокомандующий Юго-Западным направлением маршал С.К. Тимошенко, член Военного совета Н.С. Хрущев и начальник штаба генерал И.Х. Баграмян были вызваны в Москву. Вечером 27 марта они прибыли в Кремль и прошли в приемную Сталина. Вскоре их пригласили в кабинет Верховного Главнокомандующего, где уже находились Василевский, Ворошилов, Жуков и Шапошников.

«После обмена приветствиями, – вспоминал И.Х. Баграмян, – мне приказали докладывать. Развернув перед Верховным Главнокомандующим карту, я стал говорить о сложившейся на Юго-Западном направлении оперативно-стратегической обстановке и наших стратегических намерениях.

Во время доклада Сталин несколько раз прерывал меня, задавая вопросы. Ответы на некоторые из них должны были, как я понял, не только помочь ему более отчетливо уяснить некоторые детали наших предложений, но и проверить, достаточно ли обоснованны наши выводы, а может быть, и то, насколько подготовлен докладчик к выполнению тех обязанностей, которые на него возложены. Большинством же своих вопросов Верховный Главнокомандующий с большим тактом стремился, как мне показалось тогда, направить наши мысли в нужное русло и передать нам свои собственные взгляды на важнейшие вопросы тактики и оперативного искусства.

В тот памятный вечер, оставивший у меня неизгладимое впечатление, И.В. Сталин не раз по ходу доклада и в процессе его обсуждения также разъяснял нам, как наилучшим образом использовать боевые свойства пехоты, танков, авиации в предстоящих летних операциях Красной Армии.

После того, как я закончил свой сильно затянувшийся, против ожидания, доклад, началось его обсуждение.

Борис Михайлович высказал одно замечание принципиального порядка.

– Вряд ли целесообразно, – сказал он, – как предлагает Военный совет направления, предпринимать с началом летней кампании наступление в полосе действий каждого фронта. Не лучше ли сосредоточить основные усилия войск направления для нанесения мощного удара на одном главном направлении силами одного фронта или же на смежных крыльях объединенными силами двух фронтов?

С этим замечанием мы не могли не согласиться. По нашему представлению, главную операцию нужно было провести на стыке двух наших основных фронтов – Юго-Западного и Южного – с целью освобождения Донбасса и Харькова. Переход же в наступление Брянского фронта на Орловском направлении мы ставили в зависимость от того, будут ли с началом летней кампании войска левого крыла Западного фронта продолжать прерванное весенней распутицей свое наступление на запад.

Но тут вмешался в разговор Иосиф Виссарионович Сталин. Сохраняя невозмутимое спокойствие, он сказал:

– При своевременном и достаточно полном выделении Ставкой для Юго-Западного направления просимых резервов, вооружения и пополнения людьми предлагаемый Военным советом план наступления был бы приемлемым. Но вся беда заключается в том, что, к сожалению, мы сейчас в центре не располагаем резервами и другими силами и средствами для такого большого усиления Юго-Западного направления…

положением». Освобожден в 1960 году, однако спустя несколько месяцев вновь оказался в заключении. Официальная версия гласила, что Василий Сталин «в состоянии алкогольного опьянения совершил наезд на женщину». Умер в 1962 году.

Затем Сталин развернул перед нами небольшую по размерам мелкомасштабную карту, на которой были схематично изображены все фронты Красной Армии, противостоявшие немецко-фашистским войскам от Баренцева до Черного моря… Он высказал мысль о сокращении размаха предстоящего наступления».

Спустя сутки план наступательной операции войск Юго-Западного направления в новом варианте был рассмотрен Сталиным в присутствии Шапошникова и Василевского. Он получил одобрение Верховного Главнокомандующего.

В первых числах мая в связи с поступившими новыми разведывательными данными Ставка ВГК внесла серьезные коррективы в свои планы. 6 мая Крымскому фронту был отдан приказ прочно закрепиться на занимаемых рубежах. Спустя сутки Калининский, Западный, Брянский, Юго-Западный и Южный фронты получили директивы, в которых требовалось осуществить перегруппировку войск, часть сил и средств вывести в резерв, подготовить их к участию в предстоя-щих наступательных операциях, а также к отражению контрударов врага. Ставка приказала также «немедленно приступить к развитию полевых укреплений на занимаемых позициях войсками фронта на глубину дивизионной оборонительной полосы (10–12 км), инженерные работы произвести с таким расчетом, чтобы батальонные районы были готовы не позже 15 мая 1942 года не только по переднему краю, но и в глубине». На северном фасе советско-германского фронта 10 мая Карельский фронт и 7-я отдельная армия получили приказ прочно закрепиться на своих рубежах.

Большое внимание уделялось стратегическим резервам, которые располагались так, чтобы они могли быть использованы в зависимости от складывавшейся обстановки, как на юго-западном направлении – для отражения ожидавшегося удара врага и перехода в решительное наступление, так и на западном – для надежного обеспечения района Москвы. Поэтому основные их соединения сосредоточились в районах Тулы, Воронежа, Сталинграда, Саратова, откуда они могли быть быстро выдвинуты на то или иное угрожаемое направление. Таким образом, более реалистическая оценка обстановки взяла верх, и в первой декаде мая Ставка Верховного Главнокомандования принимает более целесообразное решение. Однако очередной катастрофы избежать не удалось.

На рассвете 7 мая противник перешел в наступление в Крыму, его соединения ворвались на западную и южную окраины Керчи. Сталину докладывали, что основные силы (Крымский фронт насчитывал до 270 тысяч человек) успешно эвакуируются. Однако, когда стихли залпы в Керчи и он потребовал точных данных о потерях, в представленной Генеральным штабом сводке значилось, что Крымский фронт, обладая значительным превосходством над противником в силах и средствах, за двенадцать дней его наступления потерял 176 566 человек, 347 танков, 3476 орудий и минометов, 400 самолетов [3]. Читая сводку, Верховный Главнокомандующий с трудом сдерживал гнев.

Вечером он продиктовал Василевскому директиву. Ее приказная часть гласила:

«1. Снять армейского комиссара первого ранга т. Мехлиса с поста заместителя Народного комиссара обороны и начальника Главного Политического управления Красной Армии, снизить его в звании до корпусного комиссара.

2. Снять генерал-лейтенанта т. Козлова с поста командующего войсками фронта, снизить его в звании до генерал-майора…»

С занимаемых должностей снимались генералы Вечный, Черняк, Колганов, Николаенко, дивизионный комиссар Шаманин.

12 мая началась Харьковская наступательная операция. Войска Юго-Западного фронта прорвали оборону немцев на глубину до 50 километров, вышли к Харькову. Вскоре противник перешел в контрнаступление и 23 мая окружил в Барвенковском выступе соединения 57-й и 6-й армий, армейской группы генерала Л.В. Бобкина, два кавалерийских и

---

[3] В окружении оказалось 27 139 человек, большинство погибли в боях, часть сдались в плен. ВИЖ, 1993, № 5, С. 34.

два танковых корпуса. Войска Южного и Юго-Западного фронтов потеряли в итоге около 230 тысяч человек. Они начали отход. Вскоре последовал приказ Верховного Главнокомандующего. С поста начальника штаба Юго-Западного фронта был снят генерал И.Х. Баграмян. Строго указано было на допущенные ошибки С.К. Тимошенко и Н.С. Хрущеву. Несколько ранее под суд Военного трибунала был отдан командующий 9-й армией генерал Ф.М. Харитонов. «Это катастрофа, которая по своим пагубным последствиям равносильна катастрофе с Ренненкампером и Самсоновым в Восточной Пруссии в 1914 году», – отмечалось в приказе.

Поражение войск Крымского фронта и неудачи под Харьковом вновь потрясли Сталина. Обстановка же продолжала осложняться. К концу июня войска Юго-Западного фронта отошли на восточный берег реки Оскол. На северо-западе в окружение в районе Спасская Полисть попала часть войск 2-й ударной армии во главе с командующим генералом Власовым [4] В первых числах июля был оставлен Севастополь. 17 июля начались оборонительные сражения в большой излучине Дона. Создалась прямая угроза прорыва противника к Волге и на Кавказ, потери Кубани.

28 июля Сталин подписал приказ № 227.

«Враг, – говорилось в нем, – уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, без серьезного сопротивления оставила Ростов и Новочеркасск…

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

…Территория Советского государства – это не пустыня, а люди – рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети… Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину.

…Из этого следует, что пора кончить отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

…Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

…Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

…в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальона (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

…б) сформировать в пределах армии 2–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизии выполнить свой долг;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной…»

---

[4] *Воронов Н.Н* . На службе военной. С. 229; Военно-исторический журнал. 1993, № 4. С. 49.

Приказ подкреплялся усилением партийно-политической работы. С этой целью во главе Главного политического управления РККА был поставлен кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б), начальник Совинформбюро Александр Сергеевич Щербаков. Создается новый, Сталинградский фронт. В составе Северо-Кавказского фронта формируются Донская и Приморская оперативные группы, образуются Северная группа войск Закавказского фронта, а затем и Черноморская группа войск. На подступах к Сталинграду развернулась подготовка ряда оборонительных рубежей.

26 августа Сталин провел очередное заседание ГКО. Рассматривалась обстановка на юге страны. Утром следующего дня он позвонил по ВЧ командующему войсками Западного фронта генералу Жукову. Справившись о положении дел, Верховный Главнокомандующий приказал Георгию Константиновичу приехать в Ставку.

«Поздно вечером этого же дня я прибыл в Кремль, – вспоминал Жуков. – И.В. Сталин работал у себя в кабинете. Там же находились некоторые члены ГКО. Верховный сказал, что у нас плохо идут дела на юге. Не лучше складывается обстановка и на Северном Кавказе. Он объявил, что ГКО решил назначить меня заместителем Верховного Главнокомандующего [5] и послать в район Сталинграда. Сейчас там находятся Василевский, Маленков и Малышев.

– Маленков останется с вами, а Василевский должен лететь в Москву. Когда вы сможете вылететь? – спросил меня Верховный.

Я ответил, что мне потребуются сутки для изучения обстановки и 29-го я смогу вылететь в Сталинград.

– Ну, вот и хорошо. А вы не голодны? – спросил вдруг И.В. Сталин. – Не мешало бы немного подкрепиться.

Принесли чай и десяток бутербродов. За чаем И.В. Сталин вкратце сообщил сложившуюся обстановку на 20 часов 27 августа. Рассказав, что произошло под Сталинградом, И.В. Сталин сказал, что Ставка решила передать Сталинградскому фронту 24-ю, 1-ю гвардейскую и 66-ю армии.

– В связи с тяжелой обстановкой в Сталинграде, – сказал Верховный, – мы приказали срочно перебросить 1-ю гвардейскую армию, которой командует Москаленко, в район Лозное и с утра 2 сентября нанести ею и другими частями Сталинградского фронта контрудар по прорвавшейся к Волге группировке противника и соединиться с 62-й армией. Одновременно в состав Сталинградского фронта перебрасываются 66-я армия генерала Малиновского и 24-я армия генерала Козлова. Вам следует принять меры, чтобы 1-я гвардейская армия генерала Москаленко 2 сентября нанесла контрудар, а под ее прикрытием вывести в исходные районы 24-ю и 66-ю армии, – сказал он, обращаясь ко мне. – Эти две армии вводите в бой незамедлительно, иначе мы потеряем Сталинград…

Верховное Главнокомандование направляло в район Сталинграда все, что было тогда возможно. Только вновь формируемые стратегические резервы, предназначенные для ведения дальнейшей борьбы, пока не вводились в действие. Предпринимались срочные меры по увеличению производства самолетов, танков, оружия, боеприпасов и других материальных средств, чтобы своевременно ввести их в дело для разгрома вражеской группировки, вышедшей в этот район.

…3 сентября за подписью Сталина я получил телеграмму следующего содержания:

«Положение ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь к сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации

---

[5] Г.К. Жуков был назначен заместителем Верховного Главнокомандующего РККА и ВМФ директивой Ставки ВГК № 170583 от 24 августа 1942 года.

осталось очень мало».

Я тут же позвонил Верховному и доложил, что могут приказать завтра же с утра начать наступление, но войска всех трех армий будут вынуждены начать бой почти без боеприпасов, так как их могут доставить на артиллерийские позиции не раньше вечера 4 сентября. Кроме того, мы не можем раньше этого времени увязать взаимодействие частей с артиллерией, танками и авиацией, а без этого ничего не получится.

– Думаете, что противник будет ждать, пока вы раскачаетесь?… Еременко утверждает, что противник может взять Сталинград при первом же нажиме, если вы немедленно не ударите с севера.

Я ответил, что не разделяю эту точку зрения и прошу разрешения начать общее наступление 5-го, как было ранее намечено. Что касается авиации, то я же дам приказ бомбить противника всеми силами.

– Ну, хорошо, – согласился Верховный. – Если противник начнет общее наступление на город, немедленно атакуйте его, не дожидаясь окончательной готовности войск. Ваша главная задача отвлечь силы немцев от Сталинграда и, если удастся, ликвидировать немецкий коридор, разделяющий Сталинградский и Юго-Восточный фронты.

До утра 5 сентября, как мы и рассчитывали, особых событий под Сталинградом не произошло. В три часа ночи Верховный вызвал Г.М. Маленкова и осведомился о готовности к переходу в наступление войск Сталинградского фронта. Убедившись в том, что его приказ выполняется, меня к телефону он не вызвал.

На рассвете 5 сентября по всему фронту 24-й, 1-й гвардейской и 66-й армий началась артиллерийская и авиационная подготовка…»

Знаменательным в истории Сталинградской битвы стал день 13 сентября, когда в кабинете Верховного Главнокомандующего по предложению Г.К. Жукова и А.М. Василевского было принято решение на подготовку под Сталинградом контрнаступления и рассмотрен предварительный план его осуществления. «Суть стратегического замысла, – отмечал Василевский, – сводилась к тому, чтобы из района Серафимовичи (то есть северо-западнее Сталинграда) и из дефиле озера Цаца и Барманцак (то есть южнее Сталинграда) в общем направлении на Калач, расположенный западнее Сталинграда, нанести мощные концентрические удары по флангам втянувшейся в затяжные бои за город вражеской группировки, а затем окружить и уничтожить ее основные силы – 6-ю и 4-ю танковую немецкие армии. До начала контрнаступления было признано необходимым уделить самое пристальное внимание обороне внутри города.

Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главнокомандования решили считать подготовку и осуществление этого контрнаступления главнейшим мероприятием в стране до конца 1942 года. Для его успешного проведения планировалось привлечь основные силы и средства, имевшиеся в распоряжении Ставки. При этом Сталин ввел режим строжайшей секретности на всю начальную подготовку операции. Нам в категорической форме было предложено никому ничего не сообщать о ней, даже членам ГКО. Сталин предупредил, что кому нужно, он сам скажет о подготовке операции. Мы с Г.К. Жуковым могли довести до командующих фронтами лишь то, что непосредственно касалось каждого из них, – и ни слова больше. Полагаю, что подобная мера осторожности в тех условиях была полностью оправданна.

После принятия предварительного решения на контрнаступление Г.К. Жукову и мне было предложено выехать под Сталинград, чтобы тщательно изучить направления наших будущих ударов по противнику и уточнить все необходимые детали в связи с этим. Г.К. Жуков отправился на Сталинградский, я на Юго-Восточный фронты».

В конце сентября Сталин вновь вернулся к плану контрнаступления под Сталинградом. В Москву были вызваны Жуков и Василевский. Обсудили вопросы подготовки резервов, уточнили состав фронтов и их руководящий состав, районы сосредоточения резервов и исходные районы для перехода в наступление, а также основные мероприятия по повышению устойчивости обороны в городе. С внесенными коррективами карту-план

контрнаступления подписали Г.К. Жуков и А.М. Василевский, утвердил Верховный Главнокомандующий. Его выполнение возлагалось на войска вновь создаваемого Юго-Западного фронта (командующий Н.Ф. Ватутин, член Военного совета А.С. Желтов и начальник штаба Г.Д. Стельмах – впоследствии С.П. Иванов), Донского фронта, бывшего Сталинградского (командующий К.К. Рокоссовский, член Военного совета К.Ф. Телегин, начальник штаба М.С. Малинин) и Сталинградского фронта, бывшего Юго-Восточного (командующий А.И. Еременко, член Военного совета Н.С. Хрущев, начальник штаба И.С. Варенников).

Генералы Жуков и Василевский вернулись в район Сталинграда для подготовки войск, оказания помощи командующим, командирам и штабам. Вскоре туда же Верховный Главнокомандующий направил командующего артиллерией Красной Армии генерала Н.Н. Воронова, командующего военно-воздушными силами генерала А.А. Новикова, начальника Главного автобронетанкового управления генерала Я.Н. Федоренко, начальника тыла генерала А.В. Хрулева, начальника Главного артиллерийского управления генерала Н.Д. Яковлева. В середине октября в работу включились командующие войсками фронтов и их штабы.

6 ноября И.В. Сталин выступил с докладом на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы. В нем он сформулировал три главные задачи войны советского народа. Первая – уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей. Вторая задача – уничтожить гитлеровскую армию. «Наша третья задача состоит в том, чтобы разрушить ненавистный «новый порядок в Европе» и покарать его строителей… Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти, – подчеркнул Верховный Главнокомандующий в праздничном приказе. – Для этого необходимо:

1) стойко и упорно оборонять линию нашего фронта, не давать более врагу продвигаться вперед, всеми силами изматывать врага, истреблять его живую силу, уничтожать его технику;

2) всемерно укреплять железную дисциплину… совершенствовать боевую выучку войск и готовить упорно и настойчиво сокрушительный удар по врагам…

4) раздуть пламя всенародного партизанского движения в тылу у врага…»

13 ноября Сталин заслушал доклады Жукова и Василевского о положении дел на фронтах.

«Коротко наши выводы, – отмечал А.М. Василевский, – состояли в следующем. Группировка немецких войск в основном остается прежней: главные силы 6-й и 4-й танковой армий вовлечены в затяжные бои в районе города. На флангах этих сил (то есть на направлениях планируемых главных ударов) остаются румынские части. Подходы на Сталинградское направление более или менее значительных резервов из глубины за последнее время не наблюдались… В целом силы сторон, по имеющимся данным, к началу наступления равны. На направлениях же предстоящих ударов фронтов в результате поступления из Ставки резервов и ослабления второстепенных направлений удалось создать мощные ударные группировки с таким превосходством в силах над врагом, которое позволяет рассчитывать на успех… К исходу третьего или на четвертый день операции намечалась встреча танковых и механизированных корпусов Юго-Западного и Сталинградского фронтов в районе Калача. Она должна замкнуть кольцо окружения главной группировки врага в районе Сталинграда. Начать наступление на Юго-Западном и Донском фронтах можно было 19–20, а на Сталинградском – 20 ноября».

«Верховный слушал нас внимательно, – вспоминал Г.К. Жуков. – По тому, как он не спеша раскуривал свою трубку, разглаживал усы и ни разу не перебил наш доклад, было видно, что он доволен… Пока мы докладывали, в кабинете Верховного собрались члены Государственного Комитета Обороны и некоторые члены Политбюро. Нам пришлось повторить основные вопросы, которые были доложены в их отсутствие».

После обсуждения отдельных вопросов плана Г.К. Жуков получил задание подготовить

наступательную операцию войсками Калининского и Брянского фронтов на центральном стратегическом направлении с целью исключить перегруппировку оттуда сил противника к Волге. На А.М. Василевского Сталин возложил задачу координации действий трех фронтов под Сталинградом. Центральный штаб партизанского движения получил задачу активизировать действия партизанских формирований во вражеском тылу.

23 ноября подвижные соединения Юго-Западного и Сталинградского фронтов встретились в районе Калача, Советского, завершив окружение 6-й армии и части сил 4-й танковой армии противника: 22 дивизии и свыше 160 отдельных частей. В них насчитывалось 330 тысяч человек. В тот же день капитулировала распопинская группировка противника (основные силы 3-й румынской армии во главе с генералом М. Ласкаром). Был создан внешний фронт окружения, проходивший по рекам Кривая, Чир, Дон, севернее Котельниковский. К концу декабря противник был отброшен на 150–200 км на запад. Организована была воздушная блокада окруженных. 2 февраля 1943 года контрнаступление советских войск завершилось. В плен сдались более 91 тысячи человек, в том числе 2500 офицеров, 24 генерала во главе с генерал-фельдмаршалом Фридрихом Паулюсом. В ходе наступления около 140 тысяч солдат и офицеров противника было уничтожено.

Сталинградская битва, продолжавшаяся 200 суток, стала крупнейшей во Второй мировой войне. Фашистский блок потерял убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести около 1,5 миллиона человек. Были разгромлены 6-я и 4-я танковая немецкие, 3-я и 4-я румынские, 8-я итальянская армии. Был внесен вклад в достижение коренного перелома как в ходе Великой Отечественной войны, так и всей Второй мировой войны. Победа была достигнута немалой ценой – безвозвратные потери советских войск составляли 478 741 человек, санитарные превысили 650 тысяч.

Для Сталина битва на Волге стала переломным рубежом в его становлении как Верховного Главнокомандующего. Ясно осознавая значимость свершенного, он правильно оценил достигнутые успехи. Главное, по его мнению, заключалось в том, что к советскому народу придет наконец та неодолимая уверенность, которая в значительной степени поколеблет способность Германии и ее союзников бороться за победоносный исход войны. Понимал он, вероятно, и то, что озарение блестящей идеей контрнаступления, родившейся в момент, когда приближалась новая катастрофа, пришло не к нему. Он же, как Верховный Главнокомандующий, смог лишь по достоинству оценить план, который со всех точек зрения выглядел как шедевр военного искусства.

О последнем он быстро забудет. В этом ему помогут, кстати, многие, в том числе и из его ближайшего окружения. В итоге спустя время он свыкнется с мыслью, что Сталинград, как и снятие блокады Ленинграда, контрнаступление под Курском, освобождение Правобережной Украины, последующие стратегические наступательные операции – это прежде всего заслуга его как вождя всех времен и народов. Быть может, иногда и лишь самому себе Сталин признается, что свою роль Верховного Главнокомандующего он смог выполнить благодаря наличию в вооруженных силах незаурядных военных личностей – военачальников и командиров, у которых Сталин постигал военную мудрость. К сожалению, нередко забывался и главный герой войны – народ, зачастую выступавший как фон гениальных деяний «непобедимого полководца».

Уместно подчеркнуть, что после Сталинграда Верховный Главнокомандующий смог придать Ставке ВГК – высшему стратегическому органу – больший динамизм, целеустремленность, эффективность решения возникающих задач. Война – суровый учитель. Неудачи и просчеты, огромные жертвы, поражения и победы в борьбе с сильным и опытным врагом многому научили всех: и военачальников, и командиров, и солдат. Учился и Сталин, обретая военные знания, стратегический кругозор.

На пути к Победе

Оруководящей деятельности И. В. Сталина в годы Великой Отечественной войны

написано так много, что можно усомниться в том, как это удалось одному человеку успешно выполнить такой огромный объем работы в различных сферах деятельности. Ответ может быть только один – И. В. Сталин в своей работе умел выделять главное, заставляя остальных добросовестно, с полной отдачей сил и средств работать на своих местах. Он не вникал в детали работы каждого, но он жестко спрашивал за результаты. И это заставляло управленческую машину работать на полную мощность и даже более.

Каким же представлялся этот человек современникам, людям, с которыми ему приходилось встречаться и работать? Какие черты характера были доминирующими у Верховного Главнокомандующего? Каков был стиль деятельности первого лица в государстве и партии? Какой видится его роль в ходе и исходе войны в наши дни?

О внешности Сталина довольно ярко повествует в своей книге «Цель жизни» Александр Сергеевич Яковлев, авиаконструктор, дважды Герой Социалистического Труда, академик, лауреат восьми Государственных премий. «Рост немного ниже среднего, сложен очень пропорционально, держится прямо, не сутулится, – пишет он. – Я никогда не видел у него румянца, цвет лица серо-землистый. Лицо в мелких оспинках. Волосы гладко зачесаны назад, черные с сильной сединой. Глаза серо-коричневые. Иногда, когда он хотел, обаятельные, даже без улыбки, а с улыбкой – подкупающе ласковые. Иногда, в гневе, страшно пронзительные. Когда раздражался, на лице, среди оспин, появлялись мелкие красные пятна. Говорил правильным русским языком, но с довольно заметным кавказским акцентом. Голос глуховатый, горловатый. Жестикуляция, а также движения и походка – умеренные, не порывистые, но выразительные.

Сталин во всем, что касалось лично его, выглядел исключительно простым. Одет был обычно в серый шерстяной полувоенный китель. Брюки штатского образца, из той же ткани, заправлены с напуском в очень мягкие шевровые сапоги с тонкой подошвой, почти без каблуков. Иногда такие же брюки носил навыпуск. Во время войны часто бывал в маршальской форме».

«Создавалось впечатление, – подчеркивал адмирал Н.Г. Кузнецов, – что Сталин привык с давних пор к заведенной обстановке, к известной всем одежде (китель, шинель, фуражка) и не любил никаких перемен. Так, в пору, когда он носил серый полувоенный китель с отложным воротником, я всего один раз видел его в новом кителе более темного цвета. В конце войны он сменил свой китель на маршальский мундир, который продолжал неизменно носить и став Генералиссимусом».

Николай Герасимович подробно описывает и обстановку, в которой жил и работал Верховный Главнокомандующий. «Его квартира находилась в том же здании в Кремле, где и рабочий кабинет… Небольшая прихожая отделана деревом. Прямо из нее – дверь в столовую. Все комнаты, расположенные вдоль одной стены, с окнами на Царь-пушку и Успенский собор, видны через открытые двери столовой. В спальне – простая кровать и ничего лишнего. Небогатыми были и сервировка стола и меню».

Детализирует рассказ о кремлевской квартире Сталина А.С. Яковлев: «Обстановка скромная и строгая. Обилие книг. В столовой налево, во всю стену, старинный громоздкий буфет темного дерева с бокалами и, по кавказскому обычаю, рогами для вина. Посредине покрытый белоснежной скатертью стол человек на десять. В простенке, между окнами, тахта-диван. Направо у стены шкаф с книгами…

Много общего имела и так называемая ближняя дача. Она расположена почти в черте Москвы, в Кунцеве, среди елового лесочка. Дом приземистый, снаружи не виден, за елками. За воротами справа стоянка машин и домик охраны… Большой огород. Оранжерея-теплица. Розы. Прихожая дома облицована светлым дубом. Слева вешалка Сталина, справа – для посетителей. Направо дверь в кабинет. Прямо – вход в большой зал с длинным столом и тахтой в полотняном чехле, канцелярские стулья. Обстановка весьма скромная. Несколько цветных репродукций из журнала «Огонек» на стенах. На полу стандартные розовые дорожки с каймой… Канцелярские стандартные люстры».

Обстановку в рабочем кабинете Сталина в Кремле воспроизводит Г.К. Жуков. «Это

была просторная, довольно светлая комната, стены которой были обшиты мореным дубом, – вспоминает он. – В ней стоял длинный, покрытый зеленым сукном стол. На стенах – портреты Маркса, Энгельса и Кутузова. Жесткие стулья, никаких лишних предметов. Огромный глобус помещался в соседней комнате, рядом с ним – стол, на стенах различные карты мира. В глубине кабинета, у закрытого окна стоял рабочий стол, всегда заваленный документами, бумагами, картами. Здесь были телефоны ВЧ и внутрикремлевские, лежала стопка отточенных цветных карандашей. Сталин обычно делал свои записи синим карандашом, писал быстро, размашисто, разборчиво».

О стиле деятельности Верховного Главнокомандующего в различные годы войны рассказывают многие его современники, выделяя те или иные черты руководства войсками, повседневной деятельности, общения с окружающими его людьми.

«Надо сказать, что с назначением И.В. Сталина Председателем Государственного Комитета Обороны, Верховным Главнокомандующим и наркомом обороны… сразу же почувствовалась его твердая рука, – отмечал Г.К. Жуков. – Каждый член ГКО получил конкретное задание… Командующих родами войск Сталин лично обязал подключиться к членам ГКО и помогать им в работе по выполнению программы производства определенной военной продукции точно в назначенное время и нужного качества.

На заседаниях ГКО, которые проходили в любое время суток, как правило, в Кремле или на даче И. В. Сталина, обсуждались и решались важнейшие вопросы… На заседания приглашались народные комиссары, которым предстояло принять участие в обеспечении операций. Это позволяло, когда появлялась возможность, сосредоточить огромные материальные силы на важнейших направлениях, проводить единую линию в области стратегического руководства и, подкрепляя ее организованным тылом, увязывать боевую деятельность войск с усилиями всей страны.

Очень часто на заседаниях ГКО вспыхивали острые споры, при этом мнения высказывались определенно и резко. Если к единому мнению не приходили, тут же создавалась комиссия из представителей крайних сторон, которой и поручалось доложить согласованные предложения на следующем заседании.

Всего за время войны Государственный Комитет Обороны принял около десяти тысяч решений и постановлений военного и хозяйственного характера. Эти постановления и распоряжения строго и энергично исполнялись, вокруг них закипала работа, обеспечивавшая проведение в жизнь единой линии в руководстве страной в то трудное и тяжелое время.

…При разработке очередной операции И.В. Сталин обычно вызывал начальника Генерального штаба и его заместителя и кропотливо вместе с ними рассматривал оперативно-стратегическую обстановку на всем советско-германском фронте: состояние войск фронтов, данные всех видов разведки и ход подготовки резервов всех родов войск. Потом в Ставку [6] вызывались начальник тыла Красной Армии, командующие различными родами войск и начальники главных управлений Наркомата обороны, которым предстояло практически обеспечивать данную операцию.

Затем Верховный Главнокомандующий, заместитель Верховного и начальник Генштаба обсуждали оперативно-стратегические возможности войск. Начальник Генерального штаба и заместитель Верховного получали задачу – продумать и рассчитать возможности для той или тех операций, которые намечались к проведению. Обычно для этой работы Верховный отводил нам 4–5 дней. По истечении срока принималось предварительное решение. После этого Верховный давал задание начальнику Генштаба запросить мнение Военных советов фронтов о предстоящей операции.

Пока работали командование и штаб фронта, в Генштабе шла большая творческая работа по планированию операции и взаимодействию фронтов. Намечались задачи органам

---

[6] С 17 февраля 1945 г. в состав Ставки ВГК вошли: И.В. Сталин (председатель), Г.К. Жуков (заместитель председателя), А.М. Василевский, А.И. Антонов, Н.А. Булганин, Н.Г. Кузнецов.

разведки, авиации дальнего действия, партизанским силам, находящимся в тылу вражеских войск, органам военных сообщений по переброске пополнений и резервов Верховного Главнокомандования, материальных запасов.

Наконец, назначался день, когда командующие фронтами должны были прибыть в Ставку для доклада плана операции фронта. Обычно Верховный слушал их в присутствии начальника Генштаба, заместителя Верховного и некоторых членов ГКО. После тщательного рассмотрения докладов И.В. Сталин утверждал планы и сроки операции с указанием, на что именно следует обратить особое внимание.

Стиль работы, как правило, был деловым, без нервозности, свое мнение могли высказать все. Верховный ко всем обращался одинаково – строго и официально. Он умел внимательно слушать, когда ему докладывали со знанием дела. Сам он был немногословен и многословия других не любил, часто останавливал разговорившегося репликами – «короче!», «яснее!». Совещания открывал без вводных, вступительных слов. Говорил тихо, свободно, только по существу вопроса. Был лаконичен, формулировал мысли ясно».

О методике работы при заслушивании доклада Верховному Главнокомандующему обстановки на фронтах руководящими работниками Генерального штаба довольно подробно писал генерал С.М. Штеменко, в годы войны начальник Оперативного управления: «На докладе присутствовали члены Политбюро и члены Ставки. При необходимости вызывались командующий артиллерией Н.Н. Воронов, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Я.Н. Федоренко, командующий ВВС А. А. Новиков, начальник инженерных войск М.П. Воробьев, начальник Главного артиллерийского управления Н.Д. Яковлев, начальник тыла Красной Армии А. В. Хрулев и другие. Они докладывали и давали справки по своим специальным вопросам.

Члены Политбюро садились вдоль стола у стены лицом к нам, военным, и к большим портретам Суворова и Кутузова, висевшим на противоположной стороне кабинета. Сталин слушал доклад, прохаживаясь у стола с нашей стороны. Изредка подходил к своему письменному столу, стоявшему в глубине кабинета справа, брал две папиросы «Герцеговина Флор», разрывал и набивал табаком трубку.

Доклад наш начинался с характеристики действий своих войск за истекшие сутки. Фронты, армии, танковые и механизированные корпуса назывались по фамилиям командующих и командиров, дивизии – по номерам. Так было установлено Сталиным. Потом мы все привыкли к этому, и в Генштабе придерживались такой же системы.

Затем докладывались проекты директив, которые надо было отдать войскам. Директивы Ставки подписывали Верховный Главнокомандующий и его первый заместитель или начальник Генерального штаба, а когда в Москве не было ни Г.К. Жукова, ни А.М. Василевского, вторым подписывался А.И. Антонов. Распоряжения меньшей важности заканчивались фразой «По поручению Ставки», и дальше следовала подпись либо А.М. Василевского, либо А.И. Антонова. Часто такие распоряжения формулировались прямо в Ставке.

Тем временем мы извлекали нашу синюю папку и начинали докладывать просьбы фронтов. Они касались главным образом пополнения войск живой силой, поставок вооружения, техники, горючего. Конечно, предварительно все эти просьбы рассматривались в Генштабе с участием командующих видами вооруженных сил и родов войск».

Довольно подробное описание стиля работы Верховного Главнокомандующего встречаем у А.М. Василевского. «Была ли Ставка постоянно действующим органом при Верховном Главнокомандующем? – ставит он вопрос.

Да. Была. Но при этом надо представлять себе, что работа ее строилась по-особому… Понимать под Ставкой орган, постоянно заседавший в буквальном смысле слова при Верховном Главнокомандующем в том составе, в котором он был утвержден, нельзя. Каждый из членов Ставки держал с Верховным Главнокомандующим связь. Сталин знал, сколь важна деятельность членов Ставки по их основной деятельности, а поэтому не считал возможным и необходимым собирать всех их в полном составе, а периодически вызывал

отдельных членов Ставки для выработки, рассмотрения или утверждения того или иного решения, касающегося руководства боевой деятельностью вооруженных сил на данном этапе борьбы.

За более чем 30-месячный период моей работы в должности начальника Генерального штаба, а в дальнейшем и в бытность членом Ставки она полностью в утвержденном ее составе при Верховном Главнокомандующем ни разу не собиралась.

Как правило, предварительная наметка стратегического решения и плана его осуществления вырабатывалась у Верховного Главнокомандующего в узком кругу лиц. Обычно это были некоторые из членов Политбюро ЦК и ГКО, а из военных – заместитель Верховного Главнокомандующего, начальник Генерального штаба и его первый заместитель. Нередко эта работа требовала нескольких суток. В ходе ее Верховный Главнокомандующий, как правило, вел беседы, получая необходимые справки и советы по разрабатываемым вопросам, с командующими и членами Военных советов соответствующих фронтов, с ответственными работниками Наркомата обороны, с наркомами и особенно руководящими той или иной отраслью военной промышленности. Огромная работа в тот период проводилась ответственными работниками Генерального штаба и Наркомата обороны. В результате всестороннего обсуждения принималось решение и утверждался план его проведения, обрабатывались соответствующие директивы фронтам и назначался день встречи в Ставке с командующими, привлекаемыми к реализации намеченных операций.

Начиная с 1942 года при проведении крупных операций и особенно таких, к выполнению которых привлекались несколько фронтов, Ставка посылала на эти направления своих представителей. Представители несли перед Ставкой ответственность за разработку детального плана операции, производимую Генеральным штабом совместно с командованием фронтов, за правильную и своевременную подготовку войск.

Не лишним будет подчеркнуть, что Ставка Верховного Главнокомандования не только помогала фронтам, но зачастую и учила их искусству побеждать».

Многое из уже отмеченного в стиле деятельности Верховного Главнокомандующего и Ставки повторяется в воспоминаниях наркома ВМФ тех лет. «В своей повседневной жизни, – отмечал Н. Г. Кузнецов, – Верховный Главнокомандующий опирался прежде всего на аппарат Генерального штаба… Г. К. Жуков, А. М. Василевский, Н. Н. Воронов, С. К. Тимошенко, К. Е. Ворошилов, как представители Ставки, выполняя поручения Верховного, часто бывали на фронтах, лично делали ему доклады, проверяли на местах выполнение директив Ставки. Бывая на ее совещаниях, я всегда видел там начальника Генштаба, командующих фронтами или армиями. И.В. Сталин предпочитал советоваться в первую очередь с теми военачальниками, которые непосредственно принимали участие в подготовке той или иной операции или на которых было возложено выполнение директивы Ставки…

Мне, как моряку, хочется добавить, что Сталин внимательно следил и за обстановкой на флотах. Он не раз вызывал меня для уточнения флотских вопросов, когда я испрашивал разрешения на проведение той или иной крупной операции на море. Часто он требовал от меня обстоятельного доклада, когда шли конвои в Мурманск и Архангельск, когда принимались в Англии и переводились в наши базы принятые в счет итальянского трофейного флота английские и американские корабли, или думал о судьбе Балтийского флота, когда в сентябре 1941 года положение в Ленинграде было очень серьезным. Таких примеров можно привести множество.

На одной встрече с читателями меня спросили: «Верно ли, будто И.В. Сталин не любил, когда ему возражали?» Как можно было ответить коротким «да» или «нет»? Иногда Сталин действительно не терпел возражений. Но во многих случаях терпеливо выслушивал их, и люди, имевшие свою точку зрения, нередко даже нравились ему. Таково не только мое мнение. В апреле 1968 года мне довелось беседовать на эту тему с маршалом К.К. Рокоссовским. Он прямо сказал:

– Если мне удавалось обосновать свою точку зрения, Сталин всегда соглашался со мной.

Конечно, случалось, что Сталин прерывал докладчика, даже очень резко. Но это бывало, когда ему казалось, что тот плохо знал суть вопроса. Сталин любил доклады обоснованные, убедительные, продуманные».

Сталин, отмечал Дмитрий Федорович Устинов, в годы войны нарком вооружения, «сумел наладить безупречно четкую, согласованную, слаженную работу всех звеньев управления, добивался безусловного исполнения принятых решений.

При всей своей властности, суровости, я бы сказал жесткости, он живо откликался на проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений. Во всяком случае, насколько я помню, как правило, он не упреждал присутствующих своим выводом, оценкой, решением. Зная вес своего слова, Сталин старался до поры не обнаруживать отношения к обсуждаемой проблеме, чаще всего или сидел будто бы отрешенно, или прохаживался почти бесшумно по кабинету, так что казалось, что он весьма далек от предмета разговора, думает о чем-то своем. И вдруг раздавалась короткая реплика, порой поворачивавшая разговор в новое и, как потом зачастую оказывалось, единственно верное русло.

Иногда Сталин прерывал доклад неожиданным вопросом, обращенным к кому-либо из присутствующих: «А что вы думаете по этому поводу?» или «А как вы относитесь к такому предложению?». Причем характерный акцент делался именно на слове «вы». Сталин смотрел на того, кого спрашивал, пристально и требовательно, никогда не торопил с ответом. Вместе с тем все знали, что чересчур медлить нельзя. Отвечать нужно не только по существу, но и однозначно. Сталин уловок и дипломатических хитростей не терпел. Да и за самим вопросом всегда стояло нечто большее, чем просто ожидание того или иного ответа.

Следует, видимо, упомянуть и о том, что на заседаниях и совещаниях, которые проводил И. В. Сталин, обсуждение вопросов и принятие по ним решений осуществлялись нередко без протокольных записей, а часто и без соответствующего оформления решения. Случалось, что кому-то из участников совещания или заседания поручалось подготовить предложения, переработанные с учетом состоявшегося обмена мнениями, и представить на подпись.

Обладая богатейшей, чрезвычайно цепкой и емкой памятью, И.В. Сталин в деталях помнил все, что было связано с обсуждением, и никаких отступлений от существа выработанных решений или оценок не допускал. Он поименно знал практически всех руководителей экономики и Вооруженных Сил, вплоть до директоров заводов и командиров дивизий, помнил наиболее существенные данные, характеризующие как лично, так и положение дел на доверенных им участках. У него был аналитический ум, способный выкристаллизовывать из огромной массы данных, сведений, фактов самое главное, существенное. Свои мысли и решения Сталин формулировал ясно, четко, лаконично, с неумолимой логикой. Лишних слов не любил и не говорил их».

Думается, что при оценке стиля деятельности Верховного Главнокомандующего значительный интерес представляет его характеристика бывшими командующими войсками фронтов.

Сталин «не только интересовался сутью дела, – подчеркивал маршал К.А. Мерецков, командующий в годы Великой Отечественной войны войсками Волховского и Карельского фронтов, в советско-японской войне – войсками 1-го Дальневосточного фронта, – но и вникал в такие детали, которые, пожалуй, мог даже обойти. Я упоминаю об этом потому, что в некоторых книгах у нас получила хождение версия, будто И. В. Сталин руководил боевыми операциями «по глобусу». Ничего более нелепого мне никогда не приходилось читать. За время войны, бывая в Ставке и в кабинете Верховного Главнокомандующего с докладами, присутствуя на многочисленных совещаниях, я видел, как решались дела. К глобусу И.В. Сталин тоже обращался, ибо перед ним вставали задачи и такого масштаба. Но вообще-то он всегда работал с картой и при разборе предстоящих операций порой, хотя далеко не всегда, даже «мельчил». Последнее мне казалось излишним…

Не скажу, что я всегда соглашался с тем, как И. В. Сталин решал вопросы, тем более

что нам приходилось спорить, насколько это было для меня возможно в рамках субординации, и по малым, и по крупным проблемам. Но неверно упрекать его в отсутствии интереса к деталям. Это просто не соответствует действительности. Даже в стратегических военных вопросах И.В. Сталин не руководствовался ориентировкой «по глобусу». Тем более смешно говорить это применительно к вопросам тактическим, а они его тоже интересовали, и немало…

Сталин предпочитал общаться с людьми, когда это было возможно, лично. Мне представляется, что делал он это по трем причинам. Во-первых, в ходе личной беседы можно лучше ознакомиться с делом. Во-вторых, Сталин любил проверять людей и составлял себе мнение о них из таких встреч. В-третьих, Сталин, когда он хотел этого, умел учиться у других. В годы войны это качество проявлялось в нем очень часто. Думаю, что командующие фронтами, сотрудники Ставки, Генштаба и другие военные работники многому научили Верховного Главнокомандующего с точки зрения проблем современной войны. Соответственно, очень многому научились у него и они, особенно в вопросах общегосударственных, экономических и политических… относится это и ко мне. Я считаю, что каждая поездка в Ставку чем-то меня обогащала, а каждое очередное свидание с руководителями партии и государства расширяло мой кругозор и было для меня весьма поучительным и полезным».

Заслуживает внимания описание процесса подготовки Белорусской стратегической наступательной операции, сделанное маршалом К.К. Рокоссовским, в годы войны командующего войсками Брянского, Донского, Центрального, 1-го и 2-го Белорусских фронтов. «В марте 1944 года Верховный Главнокомандующий пригласил меня к аппарату ВЧ, в общих чертах ориентировал относительно планируемой крупной операции и той роли, которую предстояло играть в ней 1-му Белорусскому фронту. Затем Сталин поинтересовался моим мнением. При разработке операций он и раньше прибегал к таким вот беседам с командующими фронтами. Для нас – сужу по себе – это имело большое значение…

Окончательно план наступления отрабатывался в Ставке 22 и 23 мая. Наши соображения о наступлении войск левого крыла фронта на Люблинском направлении были одобрены, а вот решение о двух ударах на правом крыле подверглось критике. Верховный Главнокомандующий и его заместители настаивали на том, чтобы нанести один главный удар – с плацдарма на Днепре (район Рогачева). Дважды мне предлагали выйти в соседнюю комнату, чтобы продумать предложение Ставки. После каждого такого «продумывания» приходилось с новой силой отстаивать свое решение. Убедившись, что твердо настаиваю на нашей точке зрения, Сталин утвердил план операции в том виде, как мы его представили.

– Настойчивость командующего фронтом, – сказал он, – доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надежная гарантия успеха».

Мысль, высказанная К.К. Рокоссовским о частых переговорах с командующими фронтами и армиями, подтверждают многие военачальники, в том числе И. Х. Баграмян, Ф. И. Голиков, М. Е. Катуков, И. С. Конев. Иногда Верховный Главнокомандующий выходил на связь и с командирами соединений, в частности, с командиром 65-й стрелковой дивизии в ходе боев за Тихвин в декабре 1941 года.

Маршал И.С.Конев следующим образом описывает практику планирования операций, сложившуюся к концу 1944 года, в своей книге «Сорок пятый»: «Исходя из общего стратегического замысла Верховного Главнокомандования, командование фронта планировало операцию… выделяя при этом вопросы, которые выходили за пределы компетенции фронта и были связаны с необходимой помощью фронту со стороны Ставки. Одновременно готовился и проект директивы, в своем первоначальном виде отражавший взгляды самого фронта на проведение предстоящей операции… Количество и характер исправлений и дополнений, вносимых в такой проект директивы, зависел от того, как проходило в Ставке обсуждение предложений фронта и насколько близки они были к окончательному решению. Этот метод представляется мне разумным и плодотворным».

Известен случай, когда Верховный Главнокомандующий выезжал на фронт. Это

произошло при подготовке Смоленской наступательной операции. 1 августа 1943 года Сталин отбыл на специальном поезде со станции Кунцево в Гжатск. Здесь он встретился с командующим войсками Западного фронта генералом В. Д. Соколовским, членом Военного совета Н.А. Булганиным, начальником штаба генералом А. П. Покровским, другими должностными лицами полевого управления. Рассмотрев и утвердив план предстоящих действий, Иосиф Виссарионович и сопровождающие его лица выехали в полосу Калининского фронта.

В деревне Хорошево (недалеко от Ржева) его встретил командующий войсками фронта генерал А. И. Еременко. «Мною был коротко изложен план операции, – вспоминал Андрей Иванович. – Обосновал замысел… В работе участвовали член Военного совета Д.С. Леонов, начальник штаба генерал В.В. Курасов. Были рассмотрены вопросы материального обеспечения организации огневого поражения противника. Фронту были выделены дополнительные силы – 3-й гвардейский кавалерийский корпус, авиационные части. Я был приглашен на обед в салон-вагон, – продолжал генерал Еременко. – За обедом велась оживленная беседа».

По-разному подходят к оценке того факта, что Верховный Главнокомандующий почти не выезжал в действующую армию. Большинство военачальников военных лет не видели в этом особой необходимости. Своеобразна оценка поездки Сталина на фронт летом 1943 года Д.А. Волкогоновым. «Возможно, Верховному действительно незачем было бывать на фронтах, – пишет он. – Сталин умел видеть и знать из своего кабинета в Кремле. Он был непревзойденным мастером кабинетного руководства. Поэтому его «касательное» посещение линии фронта понадобилось не для ознакомления с делами двух фронтов, не для обогащения впечатлениями от встреч с личным составом частей, готовящихся к наступлению. Нет. Это нужно было для истории. Сталин думал о своем историческом реноме».

В ходе проводимых операций руководство войсками Верховным Главнокомандующим осуществлялось уточнением задач через Генеральный штаб, ведением переговоров с командующими войсками фронтов или представителями Ставки. В ряде случаев направлялись директивы, текст которых нередко Сталин диктовал одному из руководителей Генерального штаба. Так решался, например, вопрос в ночь на 22 августа 1943 года. В этой связи генерал С.М. Штеменко вспоминал:

«– Садитесь и пишите Ватутину (командующему войсками Воронежского фронта), – приказал мне Сталин. – Копию пошлете товарищу Жукову.

Сам он тоже вооружился красным карандашом и, прохаживаясь вдоль стола, продиктовал первую фразу:

– «События последних дней показали, что вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки как при планировании, так и при проведении операций».

За этим последовала пауза – Сталин собирался с мыслями. Потом, как говорится, на одном дыхании был продиктован целый абзац…

Верховный на минуту остановился, из-за моего плеча прочитал написанное. В конце фразы добавил собственноручно: «и бить их по частям». Затем диктовка продолжалась:

– «При таких обстоятельствах противнику удалось выйти на тылы 1-й танковой армии, находившейся в районе Алексеевка, Ковяги. Затем он ударил по открытому флангу соединений 6-й гв. армии, вышедших на рубеж Отрада, Вязовая, Панасовка, и, наконец, используя вашу беспечность, противник 20 августа нанес удар из района Ахтырки на юго-восток по тылам 27-й армии, 4 и 5-го гв. танковых корпусов.

В результате этих действий противника наши войска понесли значительные и ничем не оправданные потери, а также было утрачено выгодное положение для разгрома харьковской группировки противника».

Верховный опять остановился, прочитал написанное, зачеркнул слова «используя вашу беспечность» и затем продолжил:

– «Я еще раз вынужден указать вам на недопустимые ошибки, неоднократно

повторяемые вами при проведении операции, и требую, чтобы задача ликвидации ахтырской группировки противника, как наиболее важная задача, была выполнена в ближайшие дни. Это вы можете сделать, так как у вас есть достаточно средств. Прошу не увлекаться задачей охвата харьковского плацдарма со стороны Полтавы, а сосредоточить все внимание на реальной и конкретной задаче – ликвидации ахтырской группировки противника, ибо без ликвидации этой группы противника серьезные успехи Воронежского фронта неосуществимы».

По окончании последнего абзаца Сталин пробежал его глазами опять-таки из-за моего плеча, усилил смысл написанного, вставив после «Прошу не» слово «разбрасываться», и приказал вслух повторить окончательный текст.

– «Прошу не разбрасываться, не увлекаться задачей охвата…» – прочел я.

Верховный утвердительно кивнул головой и подписал бумагу. Через несколько минут телеграмма пошла на фронт».

Чаще проекты директив разрабатывались в Генеральном штабе и представлялись на подпись И.В. Сталину. Иногда им делались приписки, вносились правки, в ряде случаев возвращались на доработку или переработку.

Стиль деятельности Верховного Главнокомандующего во многом определялся чертами его характера, привычками, наклонностями.

Ряд черт характера Сталина накладывали в целом позитивный отпечаток на деятельность высших органов военного руководства.

Одна из них – знание дела. «Могу твердо сказать, – отмечал Г.К. Жуков, – что И.В. Сталин владел основными принципами организации фронтовых операций, операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела, хорошо разбирался в больших стратегических вопросах. Эти его способности, как Верховного Главнокомандующего, особенно раскрылись начиная со Сталинградской битвы… В руководстве вооруженной борьбой в целом И.В. Сталину помогали его природный ум, опыт политического руководства, богатая интуиция, широкая осведомленность. Он умел найти главное звено».

«Для всех нас, – подчеркивал А.М. Василевский, – постепенно становилось заметным, как он (Сталин. – *Авт.*) стал все более глубоко мыслить категориями современной войны, исключительно квалифицированно решать вопросы военного искусства. Важной вехой стала Сталинградская битва. Но, пожалуй, в полной мере владеть методами и формами руководства вооруженной борьбой по-новому он стал лишь в ходе сражения на Курской дуге… И.В. Сталин стал хорошо разбираться не только в военной стратегии, что давалось ему легко, так как он был мастером политической стратегии, но и в оперативном искусстве».

Небезынтересен в этой связи эпизод, который описывает А.С. Яковлев. Он произошел на совещании в Ставке при обсуждении кандидатур на должности командующих воздушными армиями. «Оказалось, что Сталин лично не знал предложенного кандидата, и он поинтересовался:

– Ну, а как он – справится? Что из себя представляет?

Заместитель главкома генерал Ворожейкин ответил:

– Да, он подходящий человек.

На что Сталин возразил:

– Что значит подходящий? Дело-то он знает?

Тогда Ворожейкин добавил еще несколько общих данных анкетного порядка.

– Я вас спрашиваю: он дело знает?

– Да, товарищ Сталин, он честный человек.

– Бросьте вы эти эпитеты: честный, подходящий! Мало что честный. Одной честности недостаточно, дураки тоже честные бывают. Нам важно, чтобы он был не только честным, но чтобы дело знал.

Вслед за этим Сталин высказал несколько общих соображений об организационной работе в армии. Он говорил, что современная война требует от военных руководителей больших организаторских способностей… профессиональных знаний. Современный

командир должен быть смелым новатором, применять новые методы тактики, знать новое оружие. А некоторые, как показал опыт, не любят нового, свежего, непроверенного и со времен Кира Персидского ходят по проторенной дорожке. Сейчас у такого командира ничего не получится. Так воевать сейчас нельзя».

Стиль деловитости в работе отмечает и М.И. Петров, в годы войны офицер связи с партизанскими соединениями, повествуя о встрече Сталина с командирами партизанских отрядов и руководством Центрального штаба партизанского движения в августе 1942 года и при обсуждении рейда по тылам врага партизанскими соединениями Ковпака и Сабурова.

«Насколько строг был Верховный Главнокомандующий к нам, представителям Ставки, – вспоминал А. М. Василевский, – видно и из следующего: «Маршалу Василевскому. Сейчас уже 3 час. 30 мин. 17 августа, а Вы еще не изволили прислать в Ставку донесения об итогах операции за 16 августа и о Вашей оценке обстановки. Я давно уже обязал Вас, как уполномоченного Ставки, обязательно присылать в Ставку к исходу каждого дня операции специальные донесения…» Так начиналось полученное мною 17 августа 1943 года, оставшееся в моей памяти по сей день послание И.В. Сталина, вызванное тем, что я, находясь в первый день фронтовой операции в войсках армии В.В. Глаголева как представитель Ставки по Юго-Западному и Южному фронтам, задержался с присылкой очередного донесения Сталину на несколько часов.

Направляя на фронты, Верховный Главнокомандующий обычно говорил: «Решение принято, операция спланирована, директивы фронтам даны, и теперь перед Ставкой встает основная задача – помочь командованию и войскам фронтов правильно понять поставленные перед ними задачи, хорошо подготовиться и успешно выполнить их. И это обязаны будете сделать вы, как ответственные представители Ставки».

Об этом же читаем мы и в приведенной ниже выдержке из директивы Ставки по итогам той же Керченской операции в Крыму, направленной фронтам и армиям в мае 1942 года и сыгравшей большую роль при организации и проведении Сталинградской, да и последующих стратегических операций. «Товарищи Козлов и Мехлис считали, что главная их задача состояла в отдаче приказа и что изданием приказа заканчиваются их обязанности по руководству войсками. Они не поняли того, что издание приказа является только началом работы и что главная задача командования состоит в обеспечении выполнения приказа, в доведении приказа до войск, в организации помощи войскам по выполнению приказа командования. Как показал разбор хода операции, командование фронта отдавало свои приказы без учета обстановки на фронте, не зная истинного положения войск. Командование фронта не обеспечило даже доставки своих приказов в армии, как это имело место с приказом для 51-й армии о прикрытии ею отвода всех сил фронта за Турецкий вал – приказа, который не был доставлен командарму. В критические дни операции командование Крымским фронтом и т. Мехлис, вместо личного воздействия на ход операции, проводили время на многочасовых бесплодных заседаниях Военного совета…» И далее: «…задача заключается в том, чтобы наш командный состав решительно покончил с порочными методами бюрократично-бумажного руководства и управления войсками, не ограничивался отдачей приказов, а бывал почаще в войсках, в армиях, дивизиях и помогал своим подчиненным в деле выполнения приказов командования…»

Эти ценнейшие требования, которые Ставка предъявляла к командованию и штабам всех Вооруженных Сил, она распространяла на всех работников Ставки и Наркомата обороны.

Высокая работоспособность, четкость в работе, умение организовать труд, нацелить людей на решение главных задач – одна из черт характера И.В. Сталина.

Действительно, как отмечают современники и как свидетельствуют документы, в течение дня у него проходило пять-семь заседаний ГКО, Ставки, Совнаркома, совещаний с руководителями наркоматов, фронтов и армий, членами ЦК, работниками Центрального штаба партизанского движения, дипломатами, конструкторами, политическими деятелями. Нередко лишь заканчивалось одно заседание, как начиналось другое. Кроме того, он

просматривал массу шифровок, других документов военного, дипломатического, политического, хозяйственного характера. Немало времени уходило на переговоры, которые велись с различными категориями руководителей. Характерно, что почти всегда решения по обсуждаемым вопросам принимались немедленно. Большое внимание уделял Верховный Главнокомандующий организации контроля за исполнением, нередко перепроверяя наиболее важные данные.

Н.Г. Кузнецов, повествуя о ходе работы Крымской конференции, отмечает, что «за несколько часов до очередного заседания конференции Сталин собирал членов делегации, давал почти каждому определенное задание: изучить такой-то вопрос, то-то выяснить, с тем-то связаться. Чувствовалось, что он тщательно и всесторонне готовится к каждой встрече с главами союзных держав. Сталин обладал превосходной памятью и все же не полагался на нее. Еще и еще раз все проверял, просматривал документы, записи, выслушивал мнения членов делегации. Он и других учил не полагаться на память».

«И.В. Сталин почти не оставлял себе свободного времени, – писал С.М. Штеменко. – Он жил, чтобы работать, и не изменял привычке заниматься делами обычно до 3–4 часов утра, а то и позднее, а с 10 часов опять принимался за дело. Такого порядка он заставлял придерживаться и всех других людей, имевших к нему отношение, в том числе Генштаб…»

Опорой в работе И. В. Сталина как Верховного Главнокомандующего был Генеральный штаб. С.М. Штеменко вспоминал: «Сталин установил порядок круглосуточной работы Генштаба и лично регламентировал время его руководящего состава. Например, заместителю начальника Генштаба, на пост которого в декабре 1942 года прибыл А. И. Антонов, полагалось находиться при исполнении своих служебных обязанностей по 17–18 часов в сутки. А мне, занимавшему с мая 1943 года должность начальника Оперативного управления, отдыхать разрешалось с 14 до 18–19 часов. Точно так же были расписаны часы работы и отдыха для всех других руководящих работников. Доклады Верховному Главнокомандующему делались, как правило, три раза в сутки. Первый – в 10–11 часов дня, обычно по телефону. Вечером, в 16–17 часов, докладывал заместитель начальника Генштаба. Ночью мы ехали в Ставку с итоговым докладом за сутки».

Распорядок дня Сталин жестко регламентировал, требуя этого и от подчиненных. «21 октября 1941 года меня вызвали в Ставку, – вспоминал генерал Филипп Иванович Гашков, в годы войны руководитель военной миссии в Англии и США, командующий 10-й, 4-й ударной, 1-й гвардейской армиями, войсками Брянского и Воронежского фронтов, с апреля 1943 года – заместитель наркома обороны по кадрам. – Назначили время – 11.50. Сразу же был принят Верховным Главнокомандующим. С ним находился Б.М. Шапошников, начальник Генерального штаба. После приветствия последовала пауза. С минуту Сталин молчал, расхаживая по кабинету. Потом подошел вплотную и медленно, очень серьезно и негромко сказал:

– Мы знаем, что вы стремитесь на фронт. Это верно?

– Да, это так, товарищ Сталин.

– У нас есть намерение назначить вас командующим армией. Как вы на это смотрите?

– Только хорошо… Спасибо за доверие.

– В таком разе вопрос ясен. Считайте его решенным. С дальнейшими вопросами обратитесь к товарищу Шапошникову…»

Со стороны Верховного Главнокомандующего предъявлялась высокая требовательность к содержанию получаемой им информации с точки зрения ее достоверности, а также к убедительности высказываемых предложений. «Без точных и обоснованных расчетов идти к И.В. Сталину было нельзя», – отмечал Д.Ф. Устинов. Аналогичную мысль высказывал и Константин Федорович Телегин, в годы войны член Военного совета Московского военного округа, Московской зоны обороны, ряда фронтов. Выслушивая предложения, Сталин соглашался с теми из них, которые, по его мнению, были разумны. Характерно в этом отношении, что по докладу Н.Н. Воронова были перенесены сроки начала наступательной операции войск Донского фронта в январе 1943 года, войск

Калининского фронта в августе. Заслуживает внимания вызов в Ставку генерала М.Е. Катукова в связи с назначением его на должность командующего 1-й танковой армией.

«В Кремль на прием к Верховному Главнокомандующему пришел, как был, в валенках, ватных брюках, солдатской гимнастерке, – вспоминал Михаил Ефимович. – Сталин расхаживал по кабинету, за столом я заметил командующего бронетанковыми войсками Я.Н. Федоренко и члена Военного совета Н.И. Бирюкова, командующего войсками Северо-Западного фронта С.К. Тимошенко и его начальника штаба В.М. Злобина, а также начальника Главного политического управления Красной Армии А.А. Щербакова.

Поздоровавшись, Верховный спросил:

– Как, товарищ Катуков, справитесь, если мы вас поставим командовать танковой армией?

Я опешил… Поблагодарил за доверие и ответил, что надеюсь справиться…

– Кого мы дадим Катукову членом Военного совета армии? – спросил Сталин Щербакова.

Тот ответил, что Федоренко и Бирюков рекомендуют Попеля.

– Как вы на это смотрите, Катуков? – спросил Сталин.

Я ответил, что товарищ Попель – подходящая кандидатура.

– Ну хорошо, на том и порешим, – сказал Сталин».

Верховный Главнокомандующий умел располагать к себе людей. Об этом свидетельствуют многие из тех, кто с ним общался.

«4 февраля 1943 года мы (К.К. Рокоссовский и Н.Н. Воронов. – *Авт.*) прилетели в Москву. В тот же день направились в Кремль и были приняты Сталиным. Завидя нас, он быстрыми шагами приблизился и, не дав нам по-уставному доложить о прибытии, стал пожимать нам руки, поздравляя с успешным окончанием операции по ликвидации вражеской группировки… Беседовали мы долго. Сталин высказал некоторые соображения о будущем развитии боевых действий. Напутствуемые пожеланиями новых успехов, мы оставили его кабинет. Не могу умолчать о том, что Сталин в нужные моменты умел обворожить собеседника теплотой и вниманием, заставить надолго запомнить каждую встречу с ним».

«Обстановка наших встреч, меня и Сталина, была самой сердечной, – отмечал премьер-министр Великобритании У. Черчилль, рассказывая о Тегеранской конференции. – Я никогда не подозревал, что он может быть таким откровенным, таким располагающим к ведению серьезных и трудных разговоров». Аналогичное мнение высказывали президент США Ф. Рузвельт, председатель Временного правительства Французской Республики Шарль де Голль, французский писатель Анри Барбюс, автор книги «Сталин», изданной в Париже, другие зарубежные государственные и общественные деятели.

Сталин нередко проявлял заботу об окружающих, об условиях их работы, оказывал внимание к их нуждам. Эту черту характера подчеркивают в мемуарах И. В. Тюленев, А. И. Еременко, С. М. Штеменко, Н. М. Харламов, Д. Ф. Устинов, А. С. Яковлев.

Вот как описывает, например, свою первую встречу Федор Ефимович Боков, в то время комиссар Генерального штаба:

«В его кабинет я вошел вместе с работником Оперативного управления генералом П. Г. Тихомировым. Сталин стоял у окна, потом пошел нам навстречу. Мы представились. Верховный поздоровался с нами за руки, глядя прямо и пристально в глаза.

– Так вот каков вы, Боков… Докладывайте, пожалуйста, что нового в обстановке на Сталинградском направлении…

После доклада И.В. Сталин задержал меня и подробно расспросил об обстановке в Генеральном штабе, его людях, их нуждах.

Спустя время состоялся телефонный разговор Верховного Главнокомандующего с генералом Боковым из кабинета А.С. Щербакова, которому Федор Ефимович высказал пожелание получить назначение в действующую армию.

…Александр Сергеевич протянул мне трубку телефона:

– С вами будет говорить товарищ Сталин.

Несколько взбудораженный, я отрапортовал:

– У телефона генерал Боков. Слушаю вас, товарищ Сталин.

Послышался характерный гортанный голос. Как обычно, Сталин короткими, чеканными фразами спросил:

– Как здоровье? У вас ко мне просьб нет?

– Здоровье нормальное, просьб никаких.

– Это Щербаков сагитировал вас ехать в Пятую ударную или действительно сами захотели?

– Сам…

– Значит, сами? Что ж, не возражаю. Быстрее выезжайте. Скоро прибудет и новый командарм… До свидания!»

14 октября 1941 года в Москву был доставлен тяжело раненный командующий войсками Брянского фронта генерал А.И. Еременко. Ему сделали операцию в Центральном военном госпитале. Ночью 15 октября в палате Еременко навестил И.В. Сталин. Состоялась дружеская беседа.

«28 октября 1941 года, – вспоминал А. М. Василевский, – четверым из нашей оперативной группы Генштаба были присвоены по инициативе Сталина очередные воинские звания… Это внимание, проявленное к нам, тронуло нас до глубины души… Припоминаются и другие фрагменты. В особо напряженные дни он не раз говорил нам, ответственным работникам Генштаба, что мы обязаны изыскивать в сутки для себя и для своих подчиненных как минимум пять-шесть часов для отдыха, иначе, подчеркивал он, плодотворной работы получиться не может. В октябрьские дни битвы за Москву Сталин установил для меня отдых от 4 до 10 часов утра и проверял, выполняется ли это требование. Случаи нарушения вызывали крайне серьезные и в высшей степени неприятные для меня разговоры. Разумеется, это не была мелкая опека, а вызывавшаяся обстановкой необходимость. Напряженнейшая работа, а порой и неумение организовать свое время, стремление взять на себя выполнение многих обязанностей зачастую заставляли ответственных работников забывать о сне. А это тоже не могло не сказаться на их работоспособности, а значит, и на деле…

Помню, как трудно осваивал наступательные действия командующий Северо-Кавказским фронтом И. Е. Петров… Кое-кто уже внес предложение об его освобождении. Но Верховный Главнокомандующий ответил:

– Петрова нужно не освобождать от работы, а научить вести наступление…»

Сталин мог признавать допущенные ошибки, просчеты, не настаивал на своем, если его убеждали в нецелесообразности тех или иных решений.

«Говоря о его властном характере и строгости, переходившей, как известно, границы правомерности, – подчеркивал Н.Г. Кузнецов, – нельзя не отметить следующее: Сталин мог самокритично относиться к своим поступкам и признавать совершенные им промахи. Так, мне лично довелось в конце войны слышать из его уст об ошибочной оценке положения накануне войны. Широко известно, как на одном из приемов сразу после войны Сталин признал, в каком «отчаянном положении» оказалась страна в первые годы войны, и, отдавая должное выдержке народа, прямо сказал, что в подобном случае народ мог бы и «попросить» правительство уйти, как несправившееся».

«На одном из заседаний Государственного Комитета Обороны, – вспоминал Н.Н. Воронов, – я вновь поставил вопрос об усилении нашей противотанковой артиллерии. Свои предложения обосновывал данными о появлении на фронтах новых танков противника. Сталин неожиданно взял мои доводы под сомнение, стал даже обвинять меня в паникерстве…

С заседания Комитета Обороны я выходил с камнем на сердце. Было очень больно, что не удалось доказать свою правоту, но еще больнее было то, что меня никто не поддержал. А данные о новых танках противника все поступали, подтверждая, что мои выводы правильны: нам обязательно нужны более мощные орудия ПТО.

Однажды меня вызвали в Государственный Комитет Обороны. Сталин встретил словами:

– А ведь вы оказались правы, когда докладывали нам о появлении у противника новых танков с более толстой броней.

Прервав заседание, он стал задавать мне вопросы о том, какие наши пушки смогут успешно бороться с этими танками. Речь зашла о новой корпусной 100-миллиметровой пушке».

«23 ноября 1943 года, – отмечал маршал И.С. Конев, – я доложил по ВЧ Верховному Главнокомандующему о сражениях за Днепром, о завоеванном большом стратегическом плацдарме… Сталин высказал пожелание развивать достигнутый успех… Он настаивал на этом. Я доложил, что, непрерывно находясь в боях около четырех месяцев, бойцы физически устали, войскам требовался отдых и пополнение. Просил поэтому разрешения временно перейти к обороне на занимаемом рубеже. И.В. Сталин в итоге… согласился с моими предложениями».

Сталин стремился познать основы военного искусства. Как свидетельствует Д.А. Волкогонов, во время войны он познакомился с рядом работ по военному искусству, в том числе с трудами Наполеона, Суворова, Клаузевица. На его становление как Верховного Главнокомандующего оказывали положительное влияние многие военачальники, прежде всего Б.М. Шапошников, Г.К. Жуков, А.М. Василевский, А.И. Антонов.

По отзывам современников, особое место среди них занимал Шапошников. Это был человек, к которому Сталин, не стесняясь, обращался за разъяснением, советом, помощью. Даже тогда, когда Борис Михайлович по состоянию здоровья ушел из Генерального штаба, он довольно часто звонил ему, приглашал на заседания ГКО и Ставки. Бывший царский полковник Генерального штаба своей интеллигентностью, глубокими военными знаниями обезоруживал Верховного Главнокомандующего. Эти его качества помогали Шапошникову ненавязчиво, тактично учить Сталина пониманию как военной стратегии, так и оперативному искусству.

В Жукове Сталин видел талантливого военачальника, волевого исполнителя решений Ставки, но и человека, родственного себе в смысле решительности, силового давления. Ему казалось, что Георгий Константинович способен, невзирая ни на что, провести его решения в жизнь. Несгибаемый, жесткий характер Жукова Сталин особенно почувствовал в начале войны. Это ему импонировало. Верховный Главнокомандующий знал, что в критические минуты Жуков может быть безжалостным и бескомпромиссным. Ценил он и гибкое, смелое мышление Жукова, его умение видеть перспективу развития военных событий, проникать в замыслы противника.

Одним из военачальников, который стал своего рода связующим звеном между Сталиным и фронтом, был Василевский. Александр Михайлович хорошо проявил себя и как представитель Ставки, и как командующий войсками фронта. По оценке Сталина, маршал Василевский был тем человеком, на которого можно положиться и который одинаково уверенно действовал в критических ситуациях оборонительных боев и при организации крупных наступательных операций. Природа наделила его редким даром буквально на ходу охватывать главное, делать разумные выводы, прогнозировать обстановку. Верховный Главнокомандующий, отмечали очевидцы, испытывал постоянную потребность посоветоваться с Александром Михайловичем, услышать его неторопливый, лаконичный доклад, похожий на размышление.

Частое общение И.В. Сталина, начиная с середины 1943 года, с А.И. Антоновым (будучи с декабря 1942 года первым заместителем начальника Генерального штаба, он часто замещал А.М. Василевского, выезжавшего на фронты), обладавшим отличной теоретической подготовкой, умным и немногословным, сделало этого генерала одним из ближайших военных помощников Верховного Главнокомандующего. В нем Сталин ценил педантичность, глубокие военные знания, организованность и собранность в работе, трудолюбие, выдержку, его стремление опираться на расчеты. Заслуга Алексея

Иннокентьевича заключалась главным образом в том, что он сумел добиться тесной увязки деятельности Генерального штаба с работой главных управлений Наркомата обороны и военно-экономических ведомств. Высокая культура, продуманность предложений как в главном, так и в мелочах, логичность изложения мыслей, умение убеждать располагали Верховного Главнокомандующего к этому одаренному штабному работнику.

Существенное влияние на деятельность Ставки ВГК оказывали, конечно же, и отрицательные черты характера ее руководителя. Их было у Сталина немало. Многие из них уже отмечались: раздражительность, вспыльчивость, нетерпимость, подозрительность, излишнее самомнение, злопамятность.

«Трудно сказать, – подчеркивал Г.К. Жуков, – какая черта характера у него преобладала. Человек разносторонний и талантливый, И.В. Сталин не был ровным. Он обладал сильной волей, характером скрытным и порывистым. Обычно спокойный и рассудительный, временами он впадал в острое раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он резко менялся на глазах, еще больше бледнел, взгляд становился тяжелым, жестким. Не много я знал смельчаков, которые могли выдержать сталинский гнев и отпарировать удар». Очевидцы подмечали, что в подобной ситуации зрачки его приобретали желтоватый оттенок, никто не мог знать, чем закончится доклад человека, по отношению к которому был обращен гнев.

«Сталин был нередко груб и жесток. Очень жесток», – отмечал В.П. Пронин. Жесткость характера, его подозрительность приводили довольно часто к силовому, нередко репрессивному стилю деятельности, частым перестановкам командующих фронтами и армиями, нагнетанию страха. Примеров этого немало.

Так, на третий день войны по его указанию был арестован К.А. Мерецков, летом 1941 года Сталин ускорил составление приговора над Д.Г. Павловым, В.Е. Климовских, А.Т. Григорьевым и А.А. Коробковым, потребовав немедленного приведения его в исполнение и доведения до руководящего состава фронтов. Лично им был подготовлен приказ № 270, на основании которого командующие 28-й, 12-й армиями генералы В.А. Качанов и П.Г. Понеделин заочно приговаривались к расстрелу. Тогда же он санкционировал арест большой группы командиров, среди которых были генерал Ф.К. Кузьмин, начальник кафедры тактики Военной академии им. М.В. Фрунзе, генерал В.А. Меликов, начальник факультета Академии Генерального штаба, генерал Н.И. Трубецкой, начальник Управления военных сообщений Красной Армии. Несколько позже к расстрелу был приговорен генерал Н.А. Клич.

Характерна оценка, сделанная И.В. Сталиным деятельности Л.З. Мехлиса на Западном фронте летом 1941 года. 6 июля Сталин получил от него телеграмму следующего содержания:

«Москва, Кремль, Сталину.

Военный совет установил преступную деятельность ряда должностных лиц, в результате чего Западный фронт потерпел тяжелое поражение. Военный совет решил:

1) Арестовать бывшего начальника штаба фронта Климовских, бывшего заместителя командующего ВВС фронта Тодорского и начальника артиллерии фронта Клича.

2) Предать суду военного трибунала командующего 4-й армией Коробкова, командира 9-й авиадивизии Черных, командира 42-й сд Лазаренко, командира танкового корпуса Оборина.

Просим утвердить арест и предание суду перечисленных лиц.

3) Нами арестованы – начальник связи фронта Григорьев, начальник топографического отдела фронта Дорофеев, начальник отделения отдела укомплектования фронта Кирсанов, инспектор боевой подготовки штаба ВВС Юров и начвоенторга Шейнкин.

4) Предаются суду помначотделения АБТУ Беркович, командир 8-го дисциплинарного батальона Дыкман и его заместитель Крол, начальник Минского окружногоансклада Белявский, начальник окружной военветлаборатории Овчинников, командир дивизиона артполка Сбиранник.

Тимошенко, Мехлис, Пономаренко».

В тот же день последовал ответ:

«Тимошенко, Мехлису, Пономаренко.

Государственный Комитет Обороны одобряет ваши мероприятия по аресту Климовских, Оборина, Тодорского и других и приветствует эти мероприятия, как один из верных способов оздоровления фронта. И. Сталин».

В 1942 году по его указанию, правда, негласному, был арестован начальник оперативного отдела штаба Сталинградского фронта генерал И.Н. Рухле, заподозренный Верховным Главнокомандующим в передаче информации противнику.

В конце 1943 года и в 1944 году, когда война приближалась к своему победному завершению, на основании решений Сталина, закрепленных соответствующими указами, были выселены из родных мест сотни тысяч чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, крымских татар, калмыков, турок-месхетинцев. Общее число выселенных мусульман составляло около 3 млн. человек, из них почти миллион детей, женщин, стариков и больных умерли в ходе переселения.

Видеть во всех неудачах руку врага превратилось у Сталина в идею фикс. С необычной легкостью он мог манипулировать судьбами людей, в том числе и военными руководителями. Так называемая «рокировка» командующих войсками и армий была особенно типична для первого года войны. Десять фронтов сменил генерал А.И. Еременко, шесть – маршал И.С. Конев. Постоянно перемещался с одной должности на другую генерал И.Е. Петров. Маршал С.К. Тимошенко возглавлял войска Западного направления, затем Юго-Западного направления, войска Западного, Северо-Западного, Сталинградского фронтов.

Не менее показательным в этом отношении является служебный путь генерала М.С. Хозина. 27 октября 1941 года он был назначен командующим войсками Ленинградского фронта, а 9 июня 1942 года отстранен от этой должности. Вскоре Сталин назначил его командующим 33-й армией, затем заместителем командующего войсками Западного фронта, командующим 20-й армией. В начале марта 1943 года Хозину было присвоено звание генерал-полковника, он получил назначение командующим Особой группой войск, но затем вновь стал заместителем командующего войсками Западного фронта. С этой должности генерал М.С. Хозин был снят 8 декабря 1943 года и направлен в распоряжение начальника Главного управления кадров НКО.

Всего за годы войны на Западном фронте сменилось десять, в 47-й и 51-й армиях – четырнадцать, в 9-й – тринадцать, в 20-й – двенадцать, в 18-й и 21-й – одиннадцать командующих.

Создавалось впечатление, что Верховный Главнокомандующий видел в подобной практике позитивное явление, способствующее улучшению руководства войсками. «Отношение к людям у него было как к шахматным фигуркам и преимущественно пешкам, – отмечал Н.Г. Кузнецов. – Он мог убрать любую фигуру с шахматной доски и поставить ее вновь, если игра требовала этого. В таких случаях он не был даже злопамятен… Сталин превратился в деспота… Подчас его грубое обращение с высокими военачальниками во время войны оправдывалось обстановкой и прикрывалось успехами, достигнутыми в конце войны. Уверенный в своей правоте, он расправлялся даже со своими вчерашними соратниками».

Настойчивость Верховного Главнокомандующего нередко выливалась в упрямство. Примеров этого немало, особенно в вопросах о сроках начала наступления. «Сталин часто принимал решения не по разумению, а по настроению», – отмечал Н.Н. Воронов, рассказывая об эпизоде снятия с должности начальника Главного артиллерийского управления Н.Д. Яковлева. «У него была сильная воля, которая под влиянием окружающей среды (а возможно, и болезни) иногда переходила в упрямство, – констатирует Н.Г. Кузнецов. – Именно это, по-моему, сыграло отрицательную роль в вопросе, нападет ли на нас Германия и когда».

Заслуживает в этой связи внимания характеристика И.В. Сталина, сделанная Шарлем

де Голлем в третьем томе (в СССР он не издавался) «Военных мемуаров». «Он обладал огромной волей. Утомленный жизнью заговорщика маскировать свои мысли и свою душу, не считаться с иллюзиями, жалостью, искренностью, видеть в каждом человеке препятствие или опасность, все у него выражалось ухищрением, недоверием и упрямством». [7] Это небезынтересная зарисовка человека, о котором мемуарист судит по первому впечатлению.

Описывает де Голль и торжественный прием в Георгиевском зале Кремля для французской делегации: «Сталин провозглашал здравицы в честь партийных и государственных деятелей, генералов и должностных лиц… с пафосом перечислял их заслуги и обязанности, совмещая похвалу с угрозой. Обращаясь к начальнику артиллерии, произнес: «Воронов, за твое здоровье! У тебя задача развернуть на полях сражений всю систему наших калибров. Благодаря ей противник подавляется по фронту и в глубину. Дави смелее своими орудиями!» В адрес Новикова, начальника ВВС, сказал: «Наши самолеты – это ты, который их применяешь. Если ты плохо управляешься, то должен знать, что тебя ждет!» Называя начальника тыла, грозно предупредил: «Его обязанность доставлять на фронт грузы и людей. Ему нужно делать все, как надо, иначе он будет повешен, как это практикуется в нашей стране!»

Де Голль сгустил краски, но атмосфера приема передана достаточно правдиво.

Его определенную оторванность от реальной действительности подчеркивали многие из окружающих в частности, Г.К. Жуков, А.М. Василевский, Н.Н. Воронов, И. В. Тюленев. Весьма часто Сталин, загоревшись какой-либо идеей, требовал ее немедленной реализации, не представляя тех временных затрат, которые необходимы на организацию тех или иных действий войск, освоение новых образцов техники или вооружения. Верховный Главнокомандующий, к примеру, был поначалу просто обезоружен докладом Б.М. Шапошникова о необходимости большой работы, как он выразился, «долгой и рутинной», по разработке плана операции и подготовке войск к его выполнению. Объяснялось это скорей всего тем, что у Сталина не было четкого представления о практической стороне деятельности войск, а также манией величия вождя.

Нелишне будет подчеркнуть, что в ряде случаев его представления об организации и ведении боевых действий базировались на воспоминаниях о Гражданской войне. Свидетельство этому его повышенный интерес к кавалерии осенью 1941 года и весной 1942 года, его склонность к созданию комиссий для выявления положения дел на фронте (осенью 1941 года, зимой 1943/44 года), излишняя вера, особенно в начале войны, в силу организаторской, волевой деятельности в ущерб творческой, организующей стороне дела, иногда увлечение решением мелких тактических задач.

Думается, что проявление тех или иных негативных черт характера Верховного Главнокомандующего во многом зависело от поведения окружавших его людей. Хорошо известны случаи, когда жесткая линия, занимаемая, к примеру, Г.К. Жуковым, приводила к изменению обстановки, в которой шло обсуждение тех или иных вопросов, принимались решения. Довольно часто твердую, корректную позицию в поведении занимали А.М. Василевский, С.К. Тимошенко, Б.М. Шапошников, другие военачальники, что способствовало созданию атмосферы деловитости и рассудительности. Со стороны же многих военных и политических деятелей проявлялись черты угодничества, лести, замасливания, поощрения деспотизма, раздражительности, грубости в поведении Сталина.

«Я встречал в годы войны немало больших начальников, которые боялись Сталина, – писал Алексей Сергеевич Желтов, занимавший тогда должность члена Военного совета Карельского, Донского, Юго-Западного, 3-го Украинского фронтов. – На одном из совещаний в Ставке, когда там обсуждался вопрос об улучшении заботы политорганов о личном составе частей и подразделений на фронте, меня поразило поведение Л.З. Мехлиса. Он докладывал Сталину, Молотову, Микояну, Щербакову об обнаруженных недостатках в

---

[7] Charles de Gaulle. Memoires de guerre. Le salut 1944–1946. Plon, 1965. P. 60–61.

этом плане. От волнения уронил пенсне, одно стекло разбилось, руки у него дрожали. Я тогда не понимал, почему он так напуган, как можно перед Сталиным так позориться, терять самообладание: чего бояться коммунисту, если он открыто признает ошибки и разъясняет, как будет их устранять. За Мехлиса мне было стыдно. Только через годы я понял, что тогда мы были молоды, дрожи в коленках не испытывали, а Мехлис знал вождя лучше нас, помнил аресты, расстрелы, в которых и сам участвовал».

Таким образом, Иосиф Виссарионович как бы жил сам в себе, никому до конца не доверяя тайн своей души и своих мыслей. Одиночество было его наиболее привычным состоянием.

Он много читал – в довоенные годы успевал просмотреть в день пять-шесть книг до 400–500 страниц. «Античный мир и мифологию знал исключительно хорошо, – отмечал В.М. Молотов. – Над собой много работал. Все писал сам». Любил также смотреть документальные и художественные фильмы.

«И.В. Сталин, – вспоминал С.М. Штеменко, – кроме праздничных концертов и спектаклей, которые обычно устраивались после торжественных собраний, нигде не бывал. Домашним его «театром» были музыкальные радиопередачи и прослушивание грамзаписи. Большую часть новых пластинок, которые ему доставляли, он предварительно проигрывал сам и тут же давал им оценку. На каждой пластинке появлялись собственноручные надписи: «хор.», «снос.», «плох.», «дрянь». В тумбочке автоматического проигрывателя, подаренного И.В. Сталину американцами, оставлялись только пластинки с первыми двумя надписями. Остальное убиралось. Кроме проигрывателя имелся патефон отечественного производства с ручным заводом. Хозяин сам переносил его куда надо.

Нам, кроме того, была известна его любовь к городкам. Для игры в городки разбивались на партии по 4–5 человек в каждой, конечно, из числа желающих. Остальные шумно «болели». Играли, как правило, 10 фигур. Начинали с «пушки». Над неудачниками подтрунивали, иной раз в озорных выражениях, чего не пропускал и Сталин. Сам он играл неважно, но с азартом. После каждого попадания был очень доволен и непременно говорил: «Вот так мы им!» А когда промахивался, начинал искать по карманам спички и разжигать трубку или усиленно сосать ее.

На даче не было ни парка, ни сада, ни «культурных» подстриженных кустов или деревьев. И.В. Сталин любил природу естественную, не тронутую рукой человека. Вокруг дома буйно рос хвойный и лиственный лес – везде густой, не знающий топора.

Невдалеке от дома стояло несколько пустотелых стволов без ветвей, в которых были устроены гнезда для птиц и белок. Это было настоящее птичье царство. Перед дупляным городком – столики для подкормки. Сталин почти ежедневно приходил сюда и кормил пернатых питомцев».

Тот же Штеменко отмечает и другие привычки Сталина.

«На кухне дачи, – писал он, – кроме обычной плиты, где готовились простые, здоровые блюда, имелась специальная печь. И – самое примечательное – за деревянной перегородкой была большая русская печь, в которой пекли хлеб. Кроме того, по рассказам работавших здесь людей, когда уж очень донимал его радикулит, Сталин приходил сюда, раздевался, клал на горячие кирпичи широкую доску и, кряхтя, залезал на нее «лечиться».

…Сталин имел обыкновение отдыхать в зимние дни на веранде. Он лежал там в валенках, меховой шапке-ушанке, плотно завернувшись в широкий овчинный тулуп…

…Конец августа 1944 года был на редкость погожим. И.В. Сталин, уставший от невероятного напряжения военных будней, предпочитал работать на даче. Там мы представляли доклады по обстановке и документы на подпись. Там нередко собирались и члены правительства.

Хозяин дачи в короткие минуты отдыха был очень приветлив и любил показывать присутствующим дачный участок. Однажды И.В. Сталин, показывая на небольшой пригорок, свободный от деревьев, сказал, что здесь после войны будут расти арбузы. Мы с Антоновым переглянулись: дескать, Кунцево – не Кубань… Но вскоре после войны нам

напомнили об арбузах. После авиационного парада в Тушино, который после неоднократных переносов из-за непогоды наконец состоялся, И.В. Сталин пригласил членов Политбюро и руководство Военного министерства (тогда оно именовалось так) к себе на обед. Столы были накрыты на Ближней даче в березовой аллее. Погода была превосходная, настроение у всех отличное. После обеда И. В. Сталин повел нас к небольшой горке, на которой действительно росло несколько десятков арбузов! Сталин неторопливо выбрал довольно крупный арбуз, понес его на стол и одним движением длинного ножа ловко рассек пополам. Арбуз оказался на диво красным и довольно сладким. Оставалось только удивляться, как в открытом грунте в условиях Подмосковья могли вызреть такие арбузы…

Сталин любил устраивать товарищеские ужины, на которых в непринужденной обстановке шло обсуждение различных вопросов. О них писали многие из их участников, в том числе Г.К. Жуков, А.М. Василевский, И.С. Конев, А.С. Яковлев, И.Х. Баграмян. Атмосферу одного из них – встречи Нового, 1945 года передает С.М. Штеменко:

«На даче у Сталина мы (я и генерал Антонов) застали еще нескольких военных – А.А. Новикова, Н.Н. Воронова, Я.Н. Федоренко, А.В. Хрулева. Потом подъехал С.М. Буденный… за несколько минут до двенадцати все вместе прибыли члены Политбюро и с ними некоторые наркомы. Я запомнил только Б.Л. Ванникова и В.А. Малышева. А всего собралось человек двадцать пять мужчин и одна-единственная женщина – жена присутствовавшего здесь же Генерального секретаря Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти.

Сталин занял свое обычное место в торце стола. С правой руки, как всегда, стоял графин с чистой водой. Никаких официантов не было, и каждый брал себе на тарелку то, что ему хотелось. С ударом часов Верховный Главнокомандующий произнес краткое слово в честь советского народа, сделавшего все возможное для разгрома гитлеровской армии и приблизившего час нашей победы. Он провозгласил здравицу в честь Советских Вооруженных Сил и поздравил нас всех:

– С Новым годом, товарищи!

Мы взаимно поздравляли друг друга и выпили за победоносное окончание войны в наступающем 1945 году. Некоторая скованность, чувствовавшаяся вначале, вскоре исчезла. Разговор стал общим. Хозяин не соблюдал строгого ритуала: после нескольких тостов поднялся из-за стола, закурил трубку и вступил в беседу с кем-то из гостей. Остальные не преминули воспользоваться свободой, разбились на группы, послышался смех, голоса стали громкими.

С.М. Буденный внес из прихожей баян, привезенный с собой, сел на жесткий стул и растянул меха. Играл он мастерски. Преимущественно русские народные песни, вальсы и польки. Как всякий истый баянист, склонялся ухом к инструменту. Заметно было, что это любимое его развлечение.

К Семену Михайловичу подсел К.Е. Ворошилов. Потом подошли и многие другие.

Когда Буденный устал играть, Сталин завел патефон. Пластинки выбирал сам. Гости пытались танцевать, но дама была одна, и с танцами ничего не получилось. Тогда хозяин дома извлек из стопки пластинок «Барыню». С.М. Буденный не усидел – пустился в пляс. Плясал он лихо, вприсядку, с прихлопыванием ладонями по коленам и голенищам сапог. Все от души аплодировали ему…»

Какова же общая оценка деятельности И.В. Сталина на посту Верховного Главнокомандующего в годы Отечественной войны?

«Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим», – делает вывод Г.К. Жуков. «Полагаю, – отмечал А.М. Василевский, – что Сталина несомненно можно отнести к разряду выдающихся полководцев». «Бесспорно одно, – подчеркивал Н.Г. Кузнецов, – нельзя отрицать великих свершений, которых добилась страна под его руководством, принижать выдающуюся роль И.В. Сталина в годы Великой Отечественной войны. Его сложную натуру нельзя изображать однобоко. Неправильно утверждать, что он был неуч и управлял войсками по глобусу, но нельзя не сказать и о его ошибках в военном

деле». «В период Великой Отечественной войны военный авторитет Сталина в глазах командующих фронтами и армиями был высоким, – констатировал И.С. Конев. – В победе большая заслуга и роль принадлежала и ему как Верховному Главнокомандующему».

Заслуживает внимания и та оценка личности И.В. Сталина, которую дает Д.А. Волкогонов. «Сталин никогда не обладал выдающимися прогностическими способностями, – пишет он. – Да это и невозможно при догматическом складе ума… В Сталине с годами кое-что менялось, но диктаторская, цезаристская сущность лишь укреплялась и совершенствовалась… Думаю, в полном смысле слова Сталин не полководец. Это был политический руководитель: жесткий, волевой, целеустремленный, властолюбивый, который в силу исторических обстоятельств вынужден был заниматься военными делами. Сильная сторона Сталина как Верховного Главнокомандующего была предопределена его абсолютной властью… У Сталина было, если так можно сказать, более универсальное мышление, органически связанное с широким кругом невоенных знаний. Это преимущество определялось положением Сталина как государственного, политического, партийного деятеля».

Конечно же, в деятельности И.В. Сталина на посту Верховного Главнокомандующего было немало негативного. Он допустил ряд просчетов в оценке военно-политической обстановки, замыслов противника и возможного характера его действий. Они стали, наряду с другими факторами, результатом крупных неудач советских войск в начальный период Великой Отечественной войны, постигших их катастроф осенью 1941 года и весной 1942 года. Существенные ошибки были допущены в планировании весенне-летней кампании 1942 года. Были просчеты в оценке обстановки на отдельных стратегических направлениях в феврале 1943 года и зимой 1943/44 года.

Вместе с тем Сталин сумел мобилизовать ресурсы страны на отпор врагу. В итоге под его руководством усилиями советского народа был достигнут коренной перелом в войне. Затем пришла долгожданная победа в борьбе с сильным и опытным врагом. Она стала результатом героических действий войск на поле боя, самоотверженного труда в тылу страны, широко развернувшегося партизанского и подпольного движения, успеха советской дипломатии. Символом же этой победы стало имя Сталина как политического, государственного и военного руководителя. Нет сомнений, что И.В. Сталин не был богом, наделенным сверхчеловеческими качествами. Но был человеком, обладавшим в годы Великой Отечественной войны неограниченной властью, стремящимся максимально использовать возможности, заложенные в людях нашего Отечества.

Военно-политическая деятельность фюрера

Вмире найдется немало авторитетных людей, которые утверждают, что и И. В. Сталин и А. Гитлер обладали полководческими способностями. И. В. Сталин возложил на себя обязанности Верховного Главнокомандующего 8 августа 1941 года. Сталину было присвоено звание Маршала Советского Союза, а затем – Генералиссимуса Советского Союза, он был награжден двумя орденами «Победа» так же, как Г. К. Жуков и А.М. Василевский.

А. Гитлер вступил в командование сухопутными войсками Германии после отставки генерал-фельдмаршала В. фон Браухича в декабре 1941 года, после того, как «захлебнулось» наступление немецких войск под Москвой. О больших военно-стратегических способностях А. Гитлера говорили министр его правительства Бломберг, генерал-фельдмаршалы Йодль, В. Кейтель и Г. фон Клюге, гросс-адмирал К. Дениц и другие.

Но нужно понимать, что полководец – это военачальник, который принимает решения по использованию больших масс войск в операции и проводит их в жизнь. В этом плане, конечно, ни И. В. Сталина, ни А. Гитлера считать полководцем нельзя. Их деятельность протекала на другом, более высоком уровне, а война стала только частью этой деятельности. Для ведения войны по их приказу полководцы осуществляли управление войсками, проводя в жизнь политические замыслы руководителей государства, а генеральные штабы

разрабатывали планы конкретных операций.

В то же время нельзя не признать, что роль главы воюющего государства в принятии стратегических решений огромна. Он утверждает общий замысел войны и планы каждой из кампаний и крупных операций, а затем внимательно отслеживает их выполнение. Он вносит поправки не только в планы, но и в ход операций, что требует серьезного знания военного дела. При его участии военачальники назначаются на ключевые посты и происходит их смена. Это огромный объем военной работы самого высокого уровня, которой способен заниматься только стратег в полном смысле этого слова.

Следовательно, отрицая наличие у И. В. Сталина и А. Гитлера полководческого искусства в классическом его понимании, мы не можем не согласиться с тем, что проводимая ими работа существенно влияла на стратегию и оперативное искусство, что является главным критерием при оценке деятельности каждого полководца. Оба они работали как политики высокого уровня, но работа их нередко носила очень конкретный характер и непосредственно влияла на действия командующих, штабов и войск. И это значит только одно – нужно говорить не о полководческой деятельности И. В. Сталина и А. Гитлера, а об их военной деятельности и стиле их стратегического управления вооруженными силами в годы Великой Отечественной войны.

В советской литературе прочно укоренился образ «бесноватого фюрера», который из-за своих пороков проиграл войну. Это совершенно не соответствует действительности. А. Гитлер был умным человеком и грамотным руководителем, который мог просчитывать ситуацию на много шагов вперед и подчинять ее достижению своих целей.

Важной составной частью военно-политической деятельности любого руководителя государства является работа по подбору союзников и установлению соответствующих отношений с ними. А. Гитлер этой работой занимался постоянно.

Вначале процесс создания военного союза государств во главе с Германией проходил успешно. К заключенному 27 сентября 1940 года между Германией, Италией и Японией военному союзу (Пакт трех держав) до середины июня 1941 года присоединились Венгрия, Румыния и Болгария, а также марионеточные государственные образования – Словакия и Хорватия. Активно велись переговоры с Испанией и Финляндией.

Отношение А. Гитлера к союзникам было не однозначное. Гитлер и его генералы настолько были уверены в своих силах, что первоначально намеревались уничтожить СССР, не прибегая к помощи своих главных союзников – Италии и Японии. По плану войны против СССР под кодовым названием «Барбаросса» к соучастию в войне на востоке допускались лишь Румыния и Финляндия, остальные же «союзники» в этот план не посвящались. Да и отношение к Румынии и Финляндии было не очень положительное. Гитлер считал, что румынские войска не могут вести наступательные действия, а финские – хотя и храбрые, но слишком малочисленные и еще не оправившиеся после поражения в советско-финляндской войне.

После того как 22 июня 1941 года немецкие войска начали успешное продвижение в глубь советской территории, союзники Германии поспешили также направить свои войска на Восточный фронт, чтобы урвать пожирнее кусок от будущей победы. Летом 1941 года Финляндия и Румыния выставили против СССР по две армии, Италия, Венгрия и Словакия – по одному армейскому корпусу. Болгария под давлением общественности 25 августа 1941 года решила не направлять свои войска на Восточный фронт, ограничившись действиями на других направлениях и экономической помощью Германии. Но вскоре стало понятно, что планы многих союзников Германии себя не оправдывают.

Италия стала основным союзником Германии во Второй мировой войне. На войну работала ее промышленность. Наиболее высоких показателей в выпуске оружия и боевой техники итальянская военная промышленность достигла в 1941 году. Тогда было произведено 5,7 тысячи артиллерийских орудий, 4,2 тысячи минометов, 780 танков, почти 2,5 тысячи боевых самолетов, 24 боевых корабля основного класса. Но уже в следующем году в военном производстве Италии начался спад. В 1942 году по сравнению с 1941 годом

было произведено меньше артиллерийских орудий на 506 единиц, минометов – на 200, танков – на 113, боевых самолетов – на 118, боевых кораблей – на 6 единиц.

С июля 1942 года наметилось ухудшение германо-итальянских отношений. 5 ноября Б. Муссолини впервые заявил германскому послу в Риме, что, по его мнению, нужно заключить мир с СССР. А в начале контрнаступления советских войск под Сталинградом было нанесено поражение 8-й итальянской, 3-й и 4-й румынским армиям.

В июле 1943 года, после победы советских войск под Курском, англо-американские войска произвели успешную высадку на остров Сицилия, откуда была начата высадка в Южную Италию. Под угрозой разгрома Италии союзниками 25 июля 1943 года Муссолини был отстранен от власти, а 3 сентября новое итальянское правительство П. Бадольо подписало «Краткие условия перемирия» с США и Великобританией.

События в Италии А. Гитлер расценил как предательство. 28 сентября немецкие войска начали оккупацию Италии и дошли до Неаполя. В занятой ими северной части страны была создана так называемая республика Сало во главе с Муссолини, но реально власть принадлежала немецкой администрации.

Одним из первых, кто почувствовал непредсказуемость результатов «восточного похода» вермахта, был венгерский диктатор М. Хорти. 7 сентября 1942 года он прибыл в ставку А. Гитлера под Винницей и потребовал вывода с фронта венгерского корпуса, понесшего большие потери. В начале ноября немецкое командование было вынуждено удовлетворить эти требования.

В последующем правительство Венгрии начало искать возможность выйти из войны при помощи США. А. Гитлер, узнав об этом, приказал 19 марта 1944 года ввести войска в Венгрию и установить там оккупационный режим. Венгры испугались и вскоре выставили на Восточный фронт целую армию (12 дивизий и 2 бригады), а в августе – сентябре еще две армии (19 дивизий и 2 бригады).

23 сентября 1944 года советские войска развернули наступление в глубь Венгрии. На освобожденной ими территории к концу года было образовано Временное национальное правительство Венгрии, которое 28 декабря объявило войну Германии, а 20 января 1945 года подписало соглашение о перемирии с СССР, США и Великобританией. Но впереди были еще тяжелые бои в районе озера Балатон и штурм Будапешта.

Румыния достаточно долго находилась в составе стран гитлеровского блока. Но разгром румынских войск в районе Ясс и Кишинева поставил режим Антонеску на порог краха. 23 августа 1944 года в Бухаресте вспыхнуло восстание, к власти пришло новое правительство, которое уже 24 августа объявило войну Германии. 12 сентября румыны подписали соглашение о перемирии с СССР, США и Великобританией.

Летом 1944 года резко активизировалось антифашистское движение в Болгарии. На следующий день после того, как советские войска пересекли румыно-болгарскую границу и разгром Болгарии стал очевидным, всю страну охватило антиправительственное восстание. К власти пришло новое правительство, которое тут же объявило войну Германии, а 28 октября подписало соглашение о перемирии с СССР, США и Великобританией.

Не выдержала союзнического договора с Германией и Финляндия. 3 февраля 1943 года на совещании маршала Г. Маннергейма с президентом К. Рюти и некоторыми другими членами финляндского правительства было решено добиваться выхода Финляндии из войны с СССР. При этом ставка делалась на США, с которыми Финляндия поддерживала дипломатические отношения. А. Гитлер, узнав об этом, потребовал, чтобы руководители Финляндии дали обязательство, что не будут искать возможности заключить мир с СССР, но те от этого уклонились. Тем не менее в мае 1944 года Финляндия держала на фронте против СССР 19 дивизий.

10 июля 1944 года советские войска развернули мощное наступление против обороны финнов на Карельском перешейке, которое завершилось освобождением почти всей Карелии. Перед лицом неизбежного поражения финское правительство вступило в переговоры с СССР. 12 сентября 1944 года было подписано соглашение о перемирии

Финляндии с СССР, США и Великобританией.

Перед началом агрессии против СССР А. Гитлер рассчитывал на военный союз с Испанией, но Франко не поддался на уговоры. Правда, 22 июня 1941 года министр иностранных дел Испании заявил своему берлинскому коллеге, что его страна «выражает величайшее удовлетворение в связи с началом борьбы с большевистской Россией». Но дальше этого на официальном уровне дело не пошло. На советско-германский фронт была направлена большая группа испанских добровольцев, из которых была сформирована так называемая «голубая» дивизия. 14 октября 1941 года эта дивизия появилась в районе Новгорода, а 16 октября участвовала в боях на Волховско-Тихвинском направлении. Но обещанного решения о вступлении Испании в войну против СССР или Англии так и не последовало.

«Голубая» дивизия, преобразованная в 250-ю пехотную дивизию рейхсвера, постоянно несла большие потери. В боях под Красным Бором 10 февраля 1943 года советскими войсками было уничтожено около половины этой дивизии. К тому времени серьезно подпортились и дипломатические отношения между Испанией и Германией. 10 октября 1943 года Франко официально заявил о решении Испании соблюдать нейтралитет во Второй мировой войне, а через два дня был подписан приказ об отзыве «голубой» дивизии с советско-германского фронта. Правда, на советской территории и после этого оставался испанский легион численностью в 2,5 тысячи человек.

Огромную ставку в решении задач Второй мировой войны А. Гитлер делал на военный союз с Японией. Переговоры о военном союзе Германии и Японии активно велись в 1940 и 1941 годах. При этом вопрос о вступлении Японии в войну с СССР, казалось бы, должен решиться положительно в ближайшее время. 28 июня 1941 года Риббентроп телеграфировал немецкому послу в Токио генералу О. Отту: «Поскольку Россия находится в состоянии, близком к развалу… просто недопустимо, чтобы Япония не попыталась решить проблему Владивостока и района Сибири, как только будут завершены военные приготовления. Я прошу вас использовать все имеющиеся средства, чтобы настоять на вступлении Японии в войну против России в самые ближайшие сроки… Чем скорее она вступит в войну, тем лучше. Наше естественное желание – встретиться с представителями Японии на Транссибирской магистрали еще до начала зимы».

Но Гитлер просчитался в своей политической игре с Японией, от правительства которой, кстати, даже скрыл работы по плану «Барбаросса». Японская дипломатия оказалась более осторожной и гибкой, чем рассчитывал фюрер. Еще 13 апреля 1941 года министр иностранных дел Японии по пути из Германии остановился в Москве, где подписал пакт о нейтралитете. Этот пакт Япония соблюдала неукоснительно, несмотря на все усилия германской стороны добиться его нарушения.

Правда, 7 декабря 1941 года японские бомбардировщики внезапно атаковали американскую военно-морскую базу в Пёрл-Харбор. Это нападение стало большой неожиданностью не только для Вашингтона, но и для Берлина. В то же время это было частью гитлеровского плана, направленного на ослабление США – союзника Англии. Но для Советского Союза, когда немецкие танки стояли под самой Москвой, военный конфликт между Японией и США был выгоден, так как снижалась угроза открытия второго фронта на Дальнем Востоке.

Таким образом, работа А. Гитлера и его дипломатии по выбору союзников и созданию военного блока государств, направленного против СССР, США и Великобритании, в итоге потерпела крах. Все те, кто поспешил примкнуть к Берлину во время побед гитлеровской армии, постепенно отошли от этого блока с началом их поражений. Откровенным предательством стала капитуляция Румынии и Болгарии, которые тут же объявили войну Германии и усилили своими войсками войска 3-го и 4-го Украинских фронтов. Дольше других держалась Венгрия, но ее вооруженные силы уже не могли спасти положение.

При выборе времени начала агрессии против СССР А. Гитлер проявил определенную проницательность. Были учтены различные факторы, в том числе экономический и

человеческий.

Экономический фактор заключался в том, что удар был намечен на конец июня – время, когда были завершены весенние сельскохозяйственные работы, но урожай еще не созрел и не готов для уборки. Зреющий урожай войскам трудно уничтожать при отступлении, а крестьянам – тяжело с ним расстаться по любой причине. Следовательно, в случае военных неудач при решении судьбы урожая должен был возникнуть конфликт между советскими войсками и крестьянским населением театра военных действий. И такие конфликты имели место. В то же время фюрер нисколько не сомневался, что в случае успеха наступления весь урожай на захваченной территории Советского Союза достанется немецким войскам.

– Я требую только одного – чтобы немецкий солдат всегда был сыт, а его семья каждый месяц чувствовала прибавку в своем бюджете от поступлений с востока, – говорил он. – И меня мало волнует, как это будет сделано и что останется после этого у русского крестьянина. К зиме 1941 года мы должны получить столько всего, что перестанем надолго думать о необходимом. Как русские переживут эту зиму – это их проблемы. Неполноценные нации привыкли к голоду и холоду, и мы не обязаны заниматься их перевоспитанием.

Из дневника начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Ф. Гальдера мы видим, что во время ежедневных докладов фюреру о положении на фронтах Гитлер постоянно интересовался количеством и качеством трофеев. Он искренне радовался, когда узнавал о захвате новых складов с боеприпасами, топливом, военным имуществом, продовольствием. Однажды он признался в приватной беседе:

– До войны мы сознательно пошли с русскими на заключение долгосрочного договора на поставку в Германию нефтепродуктов. Я знал, что неуклюжие русские, боясь сорвать поставки, начнут создавать огромные запасы в западных районах страны, которые даже превысят объемы нашей договоренности. Но мы методично намекали, что готовы в ближайшее время заключить новые, более объемные договора. Русские продолжали накапливать запасы, которые теперь нами захвачены и используются для нужд рейха. И такая картина не только в отношении горючего…

После войны в архивах рейха, захваченных советскими войсками, были обнаружены документы (карты, расчеты, графики), в которых немецкие специалисты по специальному заданию Гитлера рассчитывали вероятный перечень и объем трофеев, которые немецкие войска смогут захватить на советской территории в первые недели войны. Эти документы могли бы потрясти сознание любого здравомыслящего человека. На основе агентурных источников в западных областях, включенных в состав СССР после сентября 1939 года, было просчитано все, вплоть до примерного количества домашней птицы, которую крестьяне разводили на своих дворах. На основании этого были сделаны выводы о том, что после начала наступления потребности войск в топливе и продуктах можно сократить на 40 %, в транспортных средствах – на 20 %, в медикаментах – на 15 %.

При расчете темпов наступления германских войск по советской территории и количества трофеев гитлеровское руководство всегда старалось учитывать человеческий фактор.

Германская разведка в 30-е годы постоянно отслеживала состояние Красной Армии, особенно ее руководящего состава. Так, по имеющимся сведениям, в 1932 году германская разведка считала, что сила Красной Армии к тому времени «поднялась до такой степени, что она в состоянии вести оборонительную войну против любого противника… При своем численном превосходстве Красная Армия в состоянии вести победоносную наступательную войну против своих непосредственных соседей на Западе (Польша, Румыния)…». Но при этом также отмечалось, что Красная Армия «…до сих пор страдает тем, что, начиная от командира взвода и кончая командиром полка, командир не является еще полноценным. В своей массе они способны лишь решать задачи унтер-офицера. Несмотря на все мероприятия, проблема Красной Армии еще не разрешена».

Репрессии 1937–1939 годов нанесли большой ущерб международному престижу СССР

в глазах его союзников. Так, чехословацкая сторона, от которой поступили документы по обвинению Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского, уже во второй половине 1937 года высказала большую озабоченность по поводу ослабления Красной Армии. По этому поводу произошло крупное столкновение на конференции представителей чехословацкой и советской военных разведок, проходившей в Праге в декабре 1937 года. Вскоре после этого чехословацкий генеральный штаб настолько охладел к союзу с СССР, что отказался создавать комиссию по согласованию планов обороны обоих государств, опасаясь, что эти планы, при наличии в СССР такого количества шпионов среди высших военачальников, тут же станут известны противнику.

Дело Тухачевского внесло во французскую политику глубокое беспокойство, привело к тяжелому кризису в отношениях между Францией и СССР.

Отрицательных взглядов по отношению к репрессиям в СССР придерживался официальный Лондон. В начале мая 1938 года английский министр иностранных дел Галифакс пытался убедить чехословацкого посланника в Лондоне Яна Масарика в том, что чистки снизили боеспособность Красной Армии настолько, что существенный вклад Москвы в будущую войну с Германией становится очень проблематичным. Такого же мнения придерживались и в Вашингтоне.

Информация о раскрытии военного заговора и репрессии против представителей высшего командного состава РККА сильно обеспокоили правительство Франции и привели к замораживанию франко-советских отношений. Уже через два дня после казни Тухачевского и его товарищей французский посол Кулондор посетил наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова с тем, чтобы разъяснить ему «плачевное впечатление», которое возникло в странах, дружественно настроенных к СССР, вследствие произошедшего процесса и жестокой расправы. Конечно, судьба Тухачевского и других француза волновала меньше всего. Его волновал другой вопрос: как следует расценивать выдвинутые против генералов обвинения в шпионаже? Максим Максимович не смог ответить ничего конкретного, кроме заключения, что ликвидация германофильской группы в руководстве Красной Армии должна пойти на пользу франко-советским отношениям.

Французский дипломат не унимался. Через две недели он задает вопрос первому заместителю наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкину: «В какой степени казненные офицеры замешаны в заговоре с Германией?» Потемкин только ответил, что Тухачевский и его сообщники хотели организовать государственный переворот и пойти на союз с Германией. Французское правительство под впечатлением от событий, произошедших в СССР, решило максимально осторожно вести контакты с Советским Союзом по военной линии. Уже на осенние маневры французских войск, проводившиеся в 1937 году, советская делегация приглашена не была.

Реакция западных стран по отношению к СССР сразу же стала известна Германии. Германский посол в Москве граф Шуленбург неоднократно отмечал это в своих письмах. Германский посол в Париже Бройер 14 апреля 1938 года писал в Берлин министру иностранных дел Германии: «В течение последнего года… (появились. – *Авт.*) большие сомнения в прочности советского режима, в мощи Красной Армии и в доброй воле советского правительства. Расстрел генералов, которые во французском генеральном штабе считались высококвалифицированными офицерами… показал сомнительность режима, видные деятели которого, по его собственным утверждениям, в течение многих лет занимались саботажем и предательством».

Репрессии нанесли огромный вред системе управления РККА в лице военачальников и командиров высшего звена. Так, на заседании Главного Военного совета, проходившем с 21 по 27 ноября 1937 года, командующий Закавказским военным округом комкор Н.В. Куйбышев (брат В. В. Куйбышева) говорил: «На сегодня у нас тремя дивизиями командуют капитаны. Но дело не в звании, а дело в том, что, скажем, Армянской дивизией командует капитан, который до этого не командовал не только полком, но и батальоном, он командовал только батареей. У нас в Азербайджанской дивизии – майор. Он до этого времени не

командовал ни полком, ни батальоном и в течение последних лет являлся преподавателем училища. Откуда может быть хорошим командир Грузинской дивизии Джабахидзе, который до этого в течение двух лет командовал ротой и больше никакого командного стажа не имеет».

В 1937–1939 годах на смену репрессированным пришли молодые военачальники, не имевшие надлежащего опыта управления крупными войсковыми формированиями. Эта стало очевидным в годы военных конфликтов конца 30-х годов и в годы Великой Отечественной войны. Таким образом, в канун Великой Отечественной войны начал формироваться новый кадровый корпус высшего командования РККА. Главным моментом этого процесса было постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 января 1941 года «О начальнике Генштаба и командующих военными округами». В соответствии с этим постановлением начальником Генерального штаба и заместителем наркома обороны назначался генерал армии Г.К. Жуков, командующим войсками Киевского Особого военного округа – генерал-лейтенант М.П. Кирпонос, командующим войсками Ленинградского военного округа – генерал-лейтенант М. Попов, командующим войсками 1-й армии – генерал-лейтенант А.И. Еременко. Произошли и другие назначения.

Характеризуя командный состав Советских Вооруженных Сил к весне 1941 года, следует, пожалуй, отметить, что процент укомплектованности ими армии составлял 86 %, флота – 100 %. Среди высшего начальствующего состава 57,6 % имели возраст до 45 лет, 91 % – стаж службы – до 20 лет. Негативным моментом было то, что не менее 75 % военачальников и командиров находились на занимаемых должностях менее одного года. Это дало основание начальнику генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдеру в мае 1941 года сделать вывод, что «русский высший офицерский корпус сейчас весьма плох, он производит худшее впечатление, чем в 1933 году».

Это понимали и некоторые советские военачальники. Так, Н. Н. Воронов на Главном Военном совете, посвященном вопросам кадровой политики 1937–1938 гг., говорил: «В армии создалась обстановка (после 1937 г. – *Авт* .), что командиры как-то не чувствуют себя уверенными в своих действиях, любой подчиненный может в любой момент поднять шум по любому его мероприятию по партийной линии, по линии особых органов, пойти пожаловаться политруку или комиссару, и командир никогда не может гарантировать, что немедленно не начнется разбор его дела. Много «ловкачей» умело пользуются этими обходными путями, много говорят и выступают, состоят в активе, а на самом деле ноль».

В период 1937–1940 годов сменились все командующие военными округами, на 90 % были заменены их заместители (начальники штабов), помощники начальников штабов, начальники родов войск и служб, на 80 % – руководящий состав корпусных и дивизионных управлений, на 90 % командиры и начальники штаба полков. На смену репрессированным пришли новые люди: только за 1938 год на вышестоящие должности было выдвинуто 39 тысяч человек.

Вплоть до начала Великой Отечественной войны имела место частая сменяемость командиров, в основном руководящего звена управления. Так, только в течение двух дней 7 и 8 марта 1941 года произошло выдвижение на новые должности четырех командующих армиями, 42 командиров корпусов, 117 командиров дивизий.

Из-за отсутствия кадрового резерва на основные руководящие должности нередко назначались лица, не обладавшие необходимыми подготовкой и опытом работы. Так, командующим ВВС Белорусского Особого военного округа был назначен командир эскадрильи майор К. М. Гусев, командиром механизированного корпуса стал командир учебного батальона майор М.П. Петров, командиром одной из стрелковых дивизий – бывший командир батальона капитан Ф.Н. Мыткин.

Таким образом, по качеству человеческого фактора на уровне командного звена Вооруженных Сил в профессиональном отношении Советский Союз серьезно проигрывал Германии. Особенно это начало ощущаться накануне Великой Отечественной войны, когда потребность в кадрах сильно возрастала в связи с техническим переоснащением,

организационным совершенствованием и стратегическим развертыванием армии и флота. Только в 1940 году в СССР было сформировано семь новых военных округов и армий, шесть стрелковых корпусов, 22 стрелковые дивизии, 120 бригад и полков. Для комплектования командных и штабных кадров этих объединений и соединений требовались тысячи генералов и офицеров, имеющих необходимые знания и стаж командования войсками. Но подготовить за короткое время необходимое количество специалистов столь высокого уровня не представлялось возможным, и А. Гитлер это хорошо знал, намечая начало агрессии на июнь 1941 года.

Важной составной частью военной деятельности А. Гитлера стала оккупационная политика Германии. С конца июня 1941 года по декабрь 1942 года Германия при содействии своих союзников захватила 1,9 млн кв. км советской территории, где до войны проживали 88 млн человек, из которых около 75 млн остались в оккупации. Известно, что А. Гитлер, начиная войну против СССР, планировал уничтожение значительной части советского народа и полное порабощение другой, а также вывоз ценностей из СССР в Германию. Были разрушены сотни городов, сожжены тысячи деревень, расстреляны миллионы мирных жителей. Был организован насильственный вывоз советских людей, в основном молодежи, на работу в Германию. Всего за годы войны было вывезено 5,27 миллиона советских граждан, из которых домой после войны вернулась только половина.

Зверства фашистов вызвали сопротивление советского народа, которое Москва очень скоро взяла под свой контроль, превратив в партизанское движение. Уже 29 июня и 18 июля 1941 года вышли в свет документы ЦК ВКП(б) об организации борьбы в тылу врага. Были созданы сотни партизанских отрядов, тысячи подпольных групп. В тылу врага фактически был развернут еще один фронт борьбы, который использовал нестандартные партизанские методы противодействия врагу: нападения на коммуникации и тыловые объекты, диверсии, террористические акты. Также важным было то, что власть германской администрации в партизанских районах практически не признавалась, и требовалось постоянно срывать с фронта войска для борьбы с партизанами.

Деятельность советских партизан в тылу германских войск была очень результативной. Так, командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок считал, что благодаря им было сорвано наступление немцев на Москву осенью 1941 года. В своем дневнике, в частности, он писал: «Русские, разрушив почти все сооружения на главных магистралях и дорогах, сумели так умело увеличить наши транспортные трудности, что фронту не хватало самого необходимого для существования и боев. Боеприпасы, горючее, продовольствие и зимнее обмундирование не поступают из-за катастрофического состояния железнодорожного транспорта и растянутости коммуникаций (до 1500 км), автотранспорт поставлен перед невыполнимыми требованиями. Его эффективность падает. Получается так, что сегодня у нас нет никакой возможности для значительного маневра». (Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 430.)

С образованием Центрального и фронтовых штабов партизанского движения диверсионная деятельность партизан непрерывно наращивалась, и прежде всего на тех направлениях, которые в данный момент особенно интересовали советское командование. 27 июля 1942 года Центральный штаб партизанского движения утвердил «Оперативный план массированного удара по коммуникациям врага и узлам связи противника», который впервые диверсионную деятельность партизан тесно увязал с действиями фронтов. В последующем такое взаимодействие стало обычным явлением.

Для борьбы с советскими партизанами немецкие войска были вынуждены проводить карательные операции. 18 августа 1942 года А. Гитлер подписал директиву «Основные указания по усилению борьбы с партизанским движением на Востоке». Для подавления партизанского движения с лета 1942 года немецкое командование постоянно держало в своем тылу 15–16 дивизий. Кроме того, 7–8 дивизий, разведывательная и бомбардировочная авиация привлекались дополнительно для проведения конкретных операций против партизан.

Частично борьбу с советскими партизанами А. Гитлер предлагал возложить на части, сформированные их бывших советских военнопленных, и отряды местной полиции. Первые «добровольческие» формирования появились уже в июле – августе 1941 года на оккупированной территории прибалтийских республик. С весны 1942 года, когда гитлеровцы почувствовали нехватку войск, они приступили к созданию восточных частей на всей оккупированной советской территории. Формирование этих частей проходило достаточно успешно. В декабре 1942 года в группе армий «Центр» имелось более 90 частей и подразделений «добровольцев», в которых насчитывалось 30,4 тысячи человек. Кроме того, с начала 1943 года немецкое командование приступило к созданию Русской добровольческой армии (РОА) во главе с бывшим советским генералом А.А. Власовым.

Но и эта работа не увенчалась успехом. Со второй половины 1943 года начался массовый переход солдат «добровольческих» формирований на сторону партизан. Всего, по данным Центрального штаба партизанского движения, за период с 15 июля 1942 года по 15 февраля 1944 года на сторону партизан перешло 8887 человек.

Таким образом, развертывание советского партизанского движения принесло врагу огромный материальный и моральный вред, а борьба с ним не увенчалась успехом. По имеющимся данным, партизаны пустили под откос более 20 тысяч воинских эшелонов, взорвали 2 тысячи железнодорожных и свыше 9,5 тысячи шоссейных мостов, уничтожили более 65 тысяч автомашин, 4,5 тысячи танков, 1100 самолетов, 2900 складов противника.

Особой страницей войны Германии против СССР стала управленческая деятельность А. Гитлера. Современники отмечают, что практически с самого начала фюрер начал активно вмешиваться в разработку военных планов, контролировал деятельность генерального штаба сухопутных войск Германии и главных штабов других видов вооруженных сил. От генералов он требовал постоянных подробных докладов о положении на фронтах и принятых решениях, но нередко принимал собственные решения. Позже многие писали о том, что в основе этих решений зачастую были эмоции, а не глубокие знания стратегии.

На самом же деле это было не так. Перед тем, как озвучить каждое свое решение, Гитлер подолгу советовался со специалистами, терпеливо выслушивал различные мнения, доводы, сомнения. Благодаря исключительной памяти он запоминал цифры, сравнивал их, делал простые расчеты. Его интересовали материальная сторона каждой операции, возможность выполнить ее имеющимися средствами, возможность других министерств и ведомств предоставить дополнительные силы. И только убедившись в правильности расчетов, он приступал к оперативной стороне дела и объявлял громко свое решение, которое на самом деле было плодом работы многочисленного коллектива.

После покушения на Гитлера 20 июля 1944 года в вермахте прошли кадровые перемены. Генерал Гудериан на следующий день после взрыва был назначен начальником генерального штаба сухопутных войск Германии. После этого он занялся публикацией приказов, в которых заверял фюрера в преданности ему офицерского корпуса.

С заявлением, осуждавшим путч, выступил в печати генерал-фельдмаршал фон Браухич. В Растенбург с заверением преданности фюреру устремились другие высокие чины рейха. Приказом по армии от 24 июля 1944 года вместо традиционного армейского отдания чести в армии было введено нацистское приветствие «как свидетельство непоколебимой верности фюреру и теснейшего единства армии и партии». После июля 1944 года вермахт и генеральный штаб сухопутных войск Германии превратились в безмолвное, затравленное страхом орудие в руках фюрера, который неумолимо вел страну и армию к поражению.

Гудериан позднее писал о Гитлере после 20 июля:

«Что касается его твердости, она превратилась в жестокость, а склонность к блефу сменилась откровенной нечестностью. Он часто лгал без малейшего колебания, полагая, что и другие лгут ему. Гитлер никому больше не доверял, и с ним стало довольно трудно иметь дело. С каждым месяцем это все больше превращалось в пытку. Он часто терял самообладание, становился все более несдержан в выражениях. В его непосредственном окружении не было никого, кто мог бы повлиять на него сдерживающим образом».

Несмотря на столь нелестные оценки, нужно признать, что после 20 июля 1944 года А. Гитлер смог в столь трудное время наладить управление отступавшими войсками, мобилизовать нацию и продлить агонию рейха почти на год. Большая часть немецкого народа и армии по-прежнему верила фюреру и готова была по его слову на подвиг. Как безмолвный скот, с трогательной верой и даже с энтузиазмом, который возвышал немецкую нацию над другими, немцы храбро устремились за своим фюрером в пропасть, которая разверзлась перед ними, грозя бедами и гибелью.

Тяжелым было положение немецких войск на Западном фронте, где вермахт потерял почти 500 тысяч человек, половина из которых была взята в плен, а также почти все танки, артиллерию и грузовики. Широко разрекламированная Гитлером линия Зигфрида фактически не была укомплектована личным составом и не имела артиллерии. Большинство немецких генералов, командовавших войсками на Западном фронте, уже не верили в победу Германии и считали, что пришел конец. «Для меня война закончилась в сентябре 1944 года», – признался после войны на следствии генерал Рундштедт, восстановленный 4 сентября в должности главнокомандующего всеми немецкими войсками на Западе.

Но А. Гитлер был иного мнения. Собрав генералов в ставке в последние дни августа, он заявил с полной уверенностью:

– Не нужно отчаиваться, еще ничего не потеряно. В случае необходимости мы будем сражаться на Рейне. Не имеет значения где. Как сказал Фридрих Великий, при любых обстоятельствах мы будем сражаться до тех пор, пока последний из наших ненавистных врагов не выдохнется и не откажется от дальнейшей борьбы. Мы будем сражаться, пока не добьемся мира, который обеспечит существование германской нации еще на пятьдесят или на сто лет и который прежде всего не запятнает нашу честь во второй раз, как это произошло в 1918 году… Я живу лишь для продолжения этой борьбы, так как знаю, что, если за ней не будет стоять железная воля, она обречена…

Верьте, наступит время, когда разлад между союзниками станет настолько серьезным, что произойдет разрыв. Все коалиции в истории рано или поздно разваливались. Главное – это ждать подходящего момента, не считаясь ни с какими трудностями.

А. Гитлер возложил на Геббельса задачу проведения «тотальной мобилизации», а Гиммлеру, как новому командующему армией резерва, поручил сформировать 25 новых дивизий из ополчения для обороны западных границ. Но Геббельс не смог выполнить поставленную задачу, так как Гитлер категорически запретил вместо мужчин на предприятия направлять женщин.

– Принести в жертву самые дорогие для нас идеалы – слишком дорогая цена, – заявил он. – Немецкая женщина должна заниматься домом и воспитывать детей. Пусть русские и англичане ставят женщину к станку, превращая их в мужчин. Мы этого делать не станем.

Тем не менее Геббельс занялся «тотальной мобилизацией». В армию были призваны все подростки мужского пола в возрасте от 15 до 18 лет и мужчины от 50 до 60 лет. Был сокращен управленческий аппарат министерств, ведомств и предприятий, мобилизована дополнительная часть студентов. В результате этого в сентябре – октябре 1944 года удалось поставить под ружье дополнительно еще около 500 тысяч немцев.

Со времен наполеоновских войн немецким солдатам не приходилось вести боевые действия на собственной земле. Во всех последующих войнах Пруссией или Германией захватывались и опустошались земли других народов. Теперь огонь войны перекинулся на их родину, грозя уничтожить дома, имущество, семьи. Некоторые не выдержали, началось массовое дезертирство, сдача в плен. Гиммлер принял решительные меры, пообещав расстрелять семью каждого предателя или дезертира. Безусловно, таких мер он не мог предпринять, не посоветовавшись предварительно с Гитлером.

В конце 1944 года у Гитлера появилась смелая идея остановить дальнейшее наступление англо-американских войск мощным ударом на Антверпен, являвшийся крупной тыловой базой союзного командования. Для осуществления этого удара были сосредоточены лучшие силы и средства, имевшиеся в распоряжении командующего Западным фронтом. Но

особую надежду фюрер возлагал на отряд О. Скорцени, личный состав которого решили переодеть в американскую форму и посадить на трофейную американскую боевую технику.

Генералы отговаривали фюрера от реализации данного плана, ссылаясь на недостаток сил и средств. Но А. Гитлер не желал их слушать.

– Вам нет нужды пытаться поучать меня, – злился фюрер. – Я командовал германской армией в ходе войны в течение пяти лет и за это время приобрел больше практического опыта, чем любой господин из генерального штаба мог надеяться когда-либо получить. Я изучил Клаузевица и Мольтке, прочел все труды Шлиффена. Я лучше разбираюсь в обстановке, чем вы.

План Гитлера отчасти удался. 16 декабря немецкая танковая группа начала наступление и на следующий день подошла к Ставело, что в восьми милях от Спа. В Спа размещался штаб 1-й американской армии, который пришлось срочно эвакуировать. Более того, всего в миле от немцев находился крупнейший склад горючего, на котором было сосредоточено три миллиона галлонов бензина. Без этого бензина могла стать практически вся техника союзников.

Дальше всех продвинулась так называемая 150-я танковая бригада О. Скорцени, личный состав которой был переодет в американскую форму и посажен на захваченные ранее американские танки, грузовики и джипы. Через незанятые участки фронта ей удалось проскочить на 40 джипах с солдатами до реки Маас. Солдаты Скорцени в форме американской военной полиции начали устанавливать посты на перекрестках дорог и направлять союзные колонны по ложным маршрутам. Часть наиболее подготовленных бойцов Скорцени направилась в Париж с целью уничтожить там генерала Эйзенхауэра.

Но на этом данная акция закончилась. Позже стало известно, что 16 декабря союзниками был захвачен в плен немецкий офицер, имевший при себе план наступления. Военная полиция была приведена в повышенную боевую готовность, на дорогах начались тотальные проверки. Немцев, задержанных в американской форме, расстреливали на месте.

Сам легендарный О. Скорцени также был взят в плен. Его судил американский трибунал в Дахау в 1947 году и… оправдал. После этого он уехал в Испанию, а затем в Южную Америку, где организовал процветающую компанию по производству цемента и написал мемуары.

Наступил роковой для Германии и А. Гитлера 1945 год. Превосходящие силы вражеских войск теснили войска рейха со всех сторон. Красная Армия вышла к границам Восточной Пруссии. Была повержена Румыния, вышла из войны Болгария, капитулировала Финляндия, на западе была освобождена Франция, немецкие войска отступали в Бельгии.

9 января 1945 года начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Г. Гудериан отправился на очередной прием к Гитлеру, прихватив с собой начальника разведки на востоке генерала Гелена. Они, используя карты и схемы, пытались объяснить фюреру всю опасность положения войск в этом районе.

«Гитлер окончательно потерял самообладание, – вспоминал Гудериан. – Он заявил, что наши карты и схемы «абсолютно идиотские», и приказал посадить в сумасшедший дом человека, который их готовил. Я вспылил и заявил: «Если вы собираетесь заключить в сумасшедший дом генерала Гелена, тогда уж отправляйте и меня заодно с ним».

– Наш Восточный фронт сильный, как никогда, – заявил Гитлер.

– Наш Восточный фронт подобен карточному домику, – заметил Гудериан. – Если его прорвут в одном месте, сразу же рухнет вся конструкция».

Гудериан оказался прав. 12 января войска 1-го Украинского фронта осуществили прорыв на Верхней Висле, южнее Варшавы, и устремились в Силезию. Войска 1-го Белорусского фронта форсировали Вислу к северу и югу от Варшавы, которая была взята 17 января. Еще севернее советские войска овладели половиной Восточной Пруссии и двинулись к Данцигскому заливу. 27 января войска 1-го Белорусского фронта форсировали Одер.

Гитлер с удивительным упорством продолжал верить в то, что западные союзники под угрозой оккупации Германии большевиками сами предложат ему мир.

– Вы думаете, англичане в восторге от событий на русском фронте? Еще немного времени, и они сами начнут искать встречи со мной, чтобы договориться о мире.

Но союзники не искали этой встречи.

Но больше всего огорчали фюрера успехи советских войск. 13 февраля 1945 года Гудериан решился обстоятельно доложить фюреру об обстановке на советско-германском фронте. Позже об этом он писал: «Предо мной стоял человек с поднятыми кулаками и багровыми от гнева щеками, дрожавший всем телом и потерявший всякий контроль над собой. После каждого взрыва негодования Гитлер ходил длинными шагами вдоль края ковра, затем внезапно останавливался передо мной и бросал мне в лицо новую порцию негодующих обвинений. Он почти визжал, казалось, его глаза вот-вот вылезут из орбит, а вздувшиеся на висках вены лопнут».

При всех негативных характеристиках А. Гитлер, видимо, хорошо понимал положение. 19 марта он подписал директиву, требующую уничтожать военные, промышленные, транспортные объекты и объекты связи на всей территории Германии. Министр вооружения А. Шпеер начал возражать против ввода в силу этой директивы. «Мы должны предпринять все, чтобы сохранить, пусть даже самым примитивным образом, основу для существования нации, – писал он в докладной записке на имя фюрера 18 марта. – На этом этапе войны мы не имеем права производить разрушения, которые могут отразиться на жизни народа. Если враги хотят уничтожить нашу нацию, которая сражалась с непостижимой храбростью, тогда пусть этот исторический позор полностью ляжет на них. Наш долг – сохранить для нации любую возможность возрождения в отдаленном будущем…»

Но Гитлер продолжал связывать свою судьбу с судьбой нации и результатами войны.

– Если война будет проиграна, нация тоже погибнет, – безапелляционно заявил он. – Это ее неизбежный удел. Нет необходимости заниматься основой, которая потребуется народу, чтобы продолжить самое примитивное существование. Напротив, будет гораздо лучше уничтожить все эти вещи нашими же руками… Кроме того, после битвы уцелеют только неполноценные люди, ибо все полноценные будут перебиты.

31 марта Геббельс, который встречался в тот день с Гитлером, записал в своем дневнике: «Мне просто больно видеть, какое плохое физическое состояние у фюрера. Он говорит, что уже почти не спит, что беспрерывно загружен работой и что его совершенно изматывает необходимость постоянно взбадривать и приводить в чувство своих слабонервных и бесхарактерных сотрудников. Могу себе представить, насколько все это утомительно и хлопотно. Фюрера мне просто жаль, особенно когда я вижу его в таком состоянии».

13 апреля пала Вена, и в этот день умер президент США Ф. Рузвельт.

– Сама история стала на нашу сторону, – заявил фюрер, узнав об этом. – Уже завтра американцы заговорят по-другому.

15 апреля к Гитлеру в Берлин приехала Ева Браун. Ждали больших перемен, но не дождались. 16 апреля англо-американские войска вошли в Нюрнберг. 21 апреля войска 1-го Белорусского фронта вышли к пригородам Берлина. В 16.40 25 апреля передовые части 69-й американской пехотной дивизии и 58-й советской гвардейской дивизии встретились на Эльбе в Торгау, примерно в 80 километрах к югу от Берлина.

Гитлер медлил, оставаясь в Берлине, хотя еще 20 апреля, в день своего рождения, приказал начать эвакуацию части чиновников, личной прислуги и документов в Оберзальцберг – горную твердыню Фридриха Барбароссы, откуда намеревался руководить войсками. Генералы уговаривали его немедленно покинуть Берлин, но фюрер, словно загипнотизированный, повторял:

– Русские в столице рейха потерпят одно из самых жестоких поражений. Все пойдет совсем по другому пути. Нужно проявить терпение и выждать день или два.

В качестве уступки генералам он согласился сформировать два командования на тот случай, если германские войска будут разъединены в результате встречи союзников на Эльбе. Северное командование поручалось адмиралу Дёницу, южное – Кессельрингу.

Гитлер не сдавался. 21 апреля он приказал генералу войск СС Ф. Штейнеру нанести контрудар по советским войскам южнее пригорода Берлина. 22 апреля фюрер целый день упорно интересовался, как развивается этот контрудар, но никто ничего не знал. Вместо этого генералы доложили о начале отвода войск с позиций севернее Берлина.

– Это конец! – пронзительно выкрикнул фюрер. – Все меня покинули. Кругом измена, ложь, предательство, трусость. Все кончено. Прекрасно. Я остаюсь в Берлине и лично на себя возьму руководство обороной Третьего рейха. Остальные могут убираться, куда хотят…

Генералы постарались уговорить Гитлера выехать в Чехословакию, где находились войска группы армий генерал-фельдмаршала Ф. Шернера и значительные силы Кессельринга. Но Гитлер уже никого не слушал. Он заперся в своем бункере и приказал пригласить туда Геббельса с женой и шестью детьми. Затем он приказал сжечь часть своего архива.

Вечером он вызвал к себе Кейтеля и Йодля и приказал им выехать на юг с тем, чтобы взять на себя командование расположенными там войсками.

– Вы не сможете руководить отсюда, если рядом с вами не будет штаба, – заметил Йодль.

– Тогда на юг поедет Геринг и примет командование войсками, – решил фюрер.

– Я думаю это неправильно, – сказал один из генералов. – Ни один из солдат не станет до последнего сражаться за рейхсмаршала.

– У него не останется другого выхода, – отрубил фюрер.

В столь сложной обстановке некоторые генералы решились предложить Герингу взять на себя переговоры с союзниками. Ночью 23 апреля в Мюнхен с этой целью вылетел Коллер, который оттуда сразу же направился в Оберзальцберг, где находился Геринг. Геринг давно уже ждал этого предложения, но опасался, что на его пути станет его смертельный враг М. Борман. К тому времени у Геринга был документ, по которому ему разрешалось взять на себя власть в Германии в случае гибели или недееспособности Гитлера. Казалось, такой час настал. Но Геринг струсил и обратился с телеграммой к фюреру:

«Мой фюрер! Ввиду вашего решения остаться в крепости Берлин, согласны ли вы, чтобы я немедленно принял на себя общее руководство рейхом при полной свободе действий в стране и за ее пределами в качестве вашего заместителя в соответствии с вашим декретом от 29 июня 1941 года? Если до 10 часов вечера сегодня не последует ответа, я буду считать само собой разумеющимся, что вы утратили свободу действий и что возникли условия вступления в силу вашего декрета».

В этот же вечер Г. Гиммлер в другом месте, в шведском консульстве в Любеке, встретился с графом Бернадоттом и сказал: «Великая жизнь фюрера близится к концу. Через день или два Гитлер умрет. Я прошу сообщить генералу Эйзенхауэру о готовности германских войск капитулировать на западе, при том что они продолжат сражаться на востоке до тех пор, пока западные державы сами не откроют фронт против русских».

Бернадотт предложил Гиммлеру письменно изложить план сдачи, что и было сделано. Но и Геринг и Гиммлер поторопились. Гитлер не помышлял о сдаче и о спасении германской нации любой ценой.

23 апреля русские войска завершили окружение германской столицы. В этот день в рейхсканцелярию пришла телеграмма Геринга. М. Борман сделал все, чтобы представить ее как ультиматум. Гитлер взбесился:

– Я ничего другого не ожидал от человека, который давно уже распустился, погряз в разврате, стал наркоманом, – сказал фюрер. Но затем, немного подумав, вдруг произнес: – Хорошо. Пусть Геринг вступает в переговоры о капитуляции. В конце концов не имеет значения, кто этим займется.

Но уже через несколько минут фюрер передумал. Он продиктовал телеграмму, в которой обвинял Геринга в измене и осуждал его на смерть. «Услужливый» Борман тут же направил в штаб СС в Берхтесгадене радиограмму, приказав немедленно арестовать Геринга за государственную измену. Этот приказ был выполнен на следующий день.

24 апреля вблизи рейхсканцелярии посадила свой легкий самолет отважная летчица Ханна Рейч, которая решила вывезти Гитлера из осажденного Берлина. Она ожидала решения Гитлера в течение трех дней, наблюдая агонию фашизма в казематах рейхсканцелярии. 26 апреля, когда снаряды советских войск уже начали падать на это последнее убежище фашистского главаря, Гитлер вызвал к себе Ханну и вручил ей капсулу с ядом.

– Ханна, – сказал он. – Ты из тех, кто умрет со мной. Я не хочу, чтобы хоть один из нас попал живым в руки к русским, я не хочу, чтобы они нашли наши тела. Тело Евы и мое тело сожгут. А ты выбирай свой путь.

28 апреля Гитлер неожиданно начал говорить о том, что вскоре придет армия Венка и спасет положение. Но из войск не поступало никаких известий. В 8 часов вечера Борман по приказу фюрера направил телеграмму Дёницу: «Вместо того чтобы побуждать войска двигаться вперед во имя нашего спасения, ответственные лица хранят молчание. Судя по всему, на смену верности пришла измена».

В ночь с 29 на 30 апреля перед рассветом Гитлер вступил в брак с Евой Браун. Чиновника для осуществления этого акта в бункер привели по приказу Геббельса. Он удостоверил своей подписью, что Ева Браун, спутница фюрера с 1933 года, имеет арийское происхождение и не страдает никакими наследственными заболеваниями. Геббельс и Борман подписались под актом женитьбы Гитлера.

Хорошо отрежиссированный Геббельсом и Борманом акт бракосочетания фюрера в чисто арийском духе должен был настроить Гитлера на торжественный лад. Его морально готовили к другой церемонии – уходу из жизни в духе Вагнера и древнегерманских саг. Великий и мужественный вождь не покоряется врагу и сознательно принимает смерть, за ним следует его верная подруга. Застывший в почтении народ наблюдает кончину вождя, а затем слагает о нем песни, которые передаются из поколения в поколение…

По окончании брачной церемонии состоялся завтрак в тесном кругу, после которого Гитлер для истории продиктовал свое политическое, а затем и личное завещание. В первом он снимал со всех постов Геринга и Гиммлера, отрекался от них и проклинал как предателей. Преемником фюрера назначался адмирал Дёниц. В личном завещании Гитлер объявил Бормана своим душеприказчиком, который должен был проследить за выполнением первого завещания.

В конце дня 29 апреля пришла весть о казни Муссолини и его любовницы Клары Петаччи, которых итальянские партизаны повесили в Милане на фонарях. Услышав это, Гитлер выразительно посмотрел на Еву и ничего не сказал, она же сильно побледнела и закусила губу.

В понедельник, 30 апреля 1945 года, в 15 часов 30 минут Гитлер и Ева ушли из жизни. Бренный земной путь фашиста № 1 был закончен прежде, чем советскими солдатами было водружено Знамя Победы над рейхстагом.

Мог ли Гитлер победить Советский Союз?

Более сорока лет вопрос о том, мог ли А. Гитлер победить в Великой Отечественной войне (1941–1945), не вставал на повестку дня как совершенно безнравственный и не допускающий другого ответа, чем тот, который дала история в мае 1945 года. Но позже за рубежом, а затем и в самой России появились люди, которые всерьез начали задавать этот вопрос, а Великую Отечественную войну советского народа против фашистской Германии начали по ряду каких-то придуманных ими признаков называть гражданской войной внутри советского общества.

Победа одних государств над другими – это очень многоплановое явление, которое измеряется не только заключенными договорами и достигается не только в результате войны. Это результат вечной борьбы, которая ведется также и в мирное время, но цели которой практически те же, что и военные. Человечество продолжает жить в любых

условиях, как в состоянии мира, так и в состоянии войны, решая свою главную задачу – создание условий для продолжения жизни. Правда, параллельно с чисто физиологическими потребностями у человека развилась тяга к власти и накопительству, которую с незапамятных времен начали решать войной.

Война – это социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму решения различных задач средствами вооруженного насилия. Основу средств вооруженного насилия составляют оружие, войска и резервы, кадры и господствующие военные теории. Это объективные факторы будущей победы, которые проявляются в ходе конкретных сражений и операций.

Рассмотрим сначала только объективные факторы, важнейшим из которых являются средства вооруженной борьбы, то есть оружие и военная техника. Сегодня уже хорошо известно, что к началу войны Красная Армия располагала средствами вооруженной борьбы, которые количественно превосходили противника.

Соотношение сил сторон к началу Великой Отечественной войны на советско-германском фронте

Средства (тысяч единиц)	Германия и ее союзники	У западных границ СССР	Соотношение
Танки	4,3	14,2	1 : 3,3
Орудия и минометы	47,2	48,9	1 : 1
Боевые самолеты	5,9	9,2	1 : 1,6

Кроме того, во внутренних военных округах и в резерве главного командования Советский Союз на 22 июня 1941 года имел еще 8,4 тысячи танков, 63,9 тысячи орудий и минометов, 10,8 тысячи боевых самолетов, большую часть из которых он имел возможность уже в первые месяцы войны бросить против противника. В тылу немецких войск, которые были вынуждены воевать на два фронта, таких резервов, естественно, не было. Источники свидетельствуют, что на 22 июня 1941 года на всех других фронтах и в резерве они имели 2,4 тысячи танков, 43,1 тысячи орудий и минометов, 7,8 тысячи самолетов, но на советско-германский фронт могло быть направлено менее 30 % этих средств. Поэтому можно смело говорить о том, что к началу Великой Отечественной войны Советский Союз превосходил противника по артиллерии – в 2 раза, по боевым самолетам – в 4 раза, по танкам – в 5 раз.

Начавшаяся война потребовала развернуть новые мощности по производству средств вооруженной борьбы и предъявила новые, более высокие требования к качеству вооружения и боевой техники воюющих сторон. Появилась настоятельная необходимость увеличивать огневую мощь и броневую защиту танков, развивать средства борьбы с танками противника. Необходимо было повышать огневые и мобильные возможности артиллерии. Потребовалось улучшить качество боевых самолетов, особенно истребителей, предназначенных для решения главной задачи – завоевания господства в воздухе.

Немцы сами признавали, что советские танки КВ и Т-34 были лучше их танков Pz-III и Pz-IV. Так, реакция немецких войск на Т-34 в 1941 году граничила с паникой – даже было принято решение не вступать с ними в единоборство. Но затем было предложено разработать новые немецкие модели танков: Pz-V «Пантера» весом 35 тонн и Pz-VI «Тигр» весом до 60 тонн, а также самоходного орудия «Фердинанд», которые успешно могли вести борьбу с советскими танками Т-34.

Советский Союз также был занят созданием новых танков и самоходных установок. В годы войны было налажено производство танков КВ и Т-34 с орудием калибра 85 мм, а также новых ИС-2, самоходных установок Су-76, Су-85, Су-100, Су-122, Су-152. Всего в период 1942–1945 гг. в СССР было создано 72 опытных образца новых танков и САУ, из

которых 29 образцов были освоены в серийном производстве. Новые танки и практически все самоходные артиллерийские установки ничем не уступали новым немецким танкам, а некоторые из них даже превосходили боевые машины противника по мощности орудия, толщине брони и маневренным показателям.

Также Советский Союз победил противника в количестве и качестве разработки новых артиллерийских систем. Так, кроме массовых довоенных орудий образца 1935–1937 годов, в 1942 и 1943 годах были приняты на вооружение новые 45-мм противотанковые пушки, 76-мм полковые и дивизионные пушки, 152-мм гаубицы, 82-мм, 120-мм и 160-мм минометы. Для борьбы с танками противника началось производство новых 45-мм, 57-мм и 100-мм противотанковых пушек. Новые орудия обладали большей дальностью стрельбы, маневренностью и точностью ведения огня. Кроме того, был налажен массовый выпуск реактивных систем залпового огня калибра 82-мм (БМ-8), 132-мм (БМ-13), 300-мм (БМ-30).

Особенно впечатляющей была победа Советского Союза в вопросе создания в годы войны новых боевых самолетов. Так, кроме имевшихся самолетов старых конструкций, ВВС начали получать новые самолеты Як-3, Як-7, Як-9, Ла-5, Ла-7, Ил-10, Ту-2. За все годы войны в СССР было освоено и запущено в серийное производство 25 новых типов самолетов (включая модификации) и 23 типа авиационных моторов. Возросли вооруженность, бомбовая нагрузка, бронезащита, потолок, дальность полета и скорость новых самолетов. В результате этого если в 1941 году ВВС Германии практически по всем образцам превосходили советские самолеты, то уже в 1943 году этот недостаток был ликвидирован.

Кроме того, в годы Великой Отечественной войны в СССР велись напряженные работы в области создания реактивной авиации. Летом 1943 года были возобновлены исследования в области расщепления урана, для чего была создана специальная лаборатория во главе с академиком И. В. Курчатовым. В 1944 году С. П. Королев с группой конструкторов приступил к созданию баллистических ракет. Широким фронтом велись исследования в области радиолокации, полупроводников и полимеров, маскировочных средств, боеприпасов, горюче-смазочных материалов.

Объемы производства основных видов вооружения и техники в Советском Союзе постоянно были высокими, а в ответственные периоды войны значительно возрастали.

Объемы производства основных видов вооружения и техники в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны

Наименование	1941	1942	1943	1944	1-4.1945	Всего
Стрелковое вооружение всех типов (млн ед.)*	1,76	5,91	5,92	4,86	1,38	19,83
Танки и САУ всех типов (тыс. шт.)	4,7	24,5	24,1	29,0	16,0	98,3
Орудия и минометы всех типов (тыс. шт.)	53,6	287,0	126,0	47,3	11,3	525,2
Самолеты всех типов (тыс. шт.)	11,5	25,4	34,9	40,2	10,1	122,1
Боевые корабли основных классов (ед.)	35	15	14	4	2	70

* без револьверов и пистолетов.

Из таблицы видно, что советская промышленность с начала войны в высоком темпе наращивала выпуск средних и тяжелых танков, самоходно-артиллерийских установок, противотанковых пушек, истребителей и штурмовой авиации. Это позволяло, несмотря на большие потери, на достаточно высоком уровне обеспечивать потребность действующей армии в тяжелом вооружении и боевой технике, быстро восстанавливать боеспособность войск, восполнять их потери в ходе операции.

Количество основной боевой техники, состоявшей на вооружении Красной Армии в различные периоды войны (в тыс. шт.)

По состоянию на:	Танки и САУ	Орудия и минометы	Боевые самолеты
1.01.1942 г.	7,7 (2,2)	48,6 (30,0)	12,0 (5,4)
1.01.1943 г.	20,6 (8,1)	161,6 (91,4)	21,9 (12,3)
1.01.1944 г.	24,4 (5,8)	244,4 (101,4)	32,5 (13,4)
1.01.1945 г.	35,4 (8,3)	244,4 (114,6)	43,3 (21,5)

Примечание: в скобках – в том числе в действующей армии.

Возможности военно-промышленного комплекса Германии были не слишком высокими: в мае 1940 года доля оборонной продукции была всего 15 %. Но затем эта цифра начала постоянно расти. Так, в 1941 году она выросла до 19 %, в 1942 году – до 26 %, в 1943 году – до 38 %, в 1944 году – до 50 %. Таким образом, доля оборонной продукции в общем производстве Германии за годы войны увеличилась более чем в 3 раза.

Тем не менее в количестве произведенных средств ведения вооруженной борьбы Германия сильно проигрывала Советскому Союзу. Одной из причин этого было то, что промышленники Германии (частные владельцы заводов) с некоторой опаской вкладывали средства в расширение своего производства, и тем более в его техническую реконструкцию. Производство организовывали представители родов вооруженных сил, при этом часть предприятий находилась в ведении военного министерства, а часть – гражданского министерства экономики, отсутствовала единая система военно-экономического планирования.

А. Гитлер осознавал недостатки германской экономики и постоянно требовал увеличения производства нового оружия и военной техники. После сталинградской катастрофы, завершившейся в начале 1943 года, он понял, что шансов на победу практически нет, и начал бороться за «ничью». С этой целью начался более организованный выпуск вооружения и военной техники, прежде всего новых конструкций. Но уже с 1944 года в Германии начало происходить значительное сокращение военного производства. Возможности страны оказались ограниченными. Государственный долг Германии с конца 1939 года до весны 1945 года увеличился почти в 10 раз и достиг астрономической на то время цифры в 387 млрд марок.

Со второй половины 1943 года Германия начала терять оккупированные территории в Советском Союзе (доступ к источникам сырья). Массированные бомбардировки Германии союзниками стали наносить ущерб ее военному производству, замедляя его рост и производя большие разрушения. Параллельно постоянно росли потери в вооружении и боевой технике, возмещать которые уже не было сил.

Таким образом, в ходе войны Германия проиграла СССР по количеству и качеству производства всех основных средств вооруженной борьбы. Надежды гитлеровского руководства на «чудо-оружие» – ядерное оружие, ракеты Фау-1 и Фау-2, реактивные

истребители Ме-262 и новейшие подводные лодки, способные по нескольку недель оставаться под водой, себя не оправдали.

Другой существенной составляющей победы в любой войне являются войска и резервы противоборствующих сторон. Как известно, комплектование РККА накануне и в годы Великой Отечественной войны происходило за счет населения СССР. На 1 января численность населения Советского Союза оценивалась в 167,6 млн человек. В составе армии и флота на 22 июня насчитывалось 4,8 млн человек личного состава. Кроме того, в военизированных формированиях других ведомств, состоявших на довольствии НКО, находилось еще почти 75 тыс. человек, а на учебных сборах – 805,3 тыс. человек. Всего же к началу войны в СССР под ружьем находилось почти 5,7 млн человек.

К началу нападения на СССР в Германии проживало 64,5 млн человек, а под ружьем стояло 8,5 млн человек, из которых в восточной группировке – 5,5 млн человек. Население союзных Германии стран (Венгрия, Румыния, Италия, Финляндия) в общей сложности достигало 80 миллионов человек, однако под ружье они поставили всего 0,9 млн человек. Восполнять эти потери для Германии с ее ограниченными человеческими ресурсами с каждым годом становилось все труднее. Постоянно объявлялся призыв дополнительных возрастов, под ружье ставились подростки, практически дети.

Людские потери вермахта в период его побед составили в общей сложности около 1,8 млн человек: в 1941 году – 753,3 тыс. человек, в 1942 году – 1018,3 тыс. человек. В последующем численность потерь вермахта постоянно возрастала. Так, уже в первой половине 1943 года вермахт потерял свыше 800 тысяч человек, во второй – более 1,3 миллиона.

Советские войска также несли огромные потери. В период с 22 июня 1941 по 18 ноября 1942 года (с начала войны до завершения обороны под Сталинградом) советские войска (безвозвратные и санитарные) потеряли 11 162 тыс. человек. Со временем потери снижались. Так, во втором периоде войны (с ноября 1942 по конец 1943 года) они потеряли 8538 тыс. человек, в 1944 году – 6870 тыс. человек. Несмотря на эти огромные цифры потерь, мобилизационные ресурсы страны были такими большими, что понесенные потери не только восполнялись, но и происходило наращивание численности Вооруженных Сил СССР. Если на конец 1941 года списочная численность действующей армии немногим превышала 3 миллиона человек, то по состоянию на конец 1942 года в ней насчитывалось 5,3 миллиона человек, на конец 1943 года – 6,4 миллиона человек, на конец 1944 года – 6,55 миллиона человек.

Наличие вооружения, боевой техники и человеческих ресурсов заставляло как Германию, так и Советский Союз постоянно изменять организационно-штатную структуру своих соединений, частей и подразделений.

Организационно-штатная структура немецких войск в годы войны изменялась по линии создания новых формирований при ослаблении боевой возможности.

Танковые войска вермахта состояли из танковых дивизий, в составе которых на июнь 1941 года по штату насчитывалось 209 танков. Для ведения операций на решающих направлениях все танковые дивизии были сведены в четыре танковые группы по 5 танковых дивизий каждая. В среднем танковая группа насчитывала до одной тысячи танков.

В приграничных боях в июне – первой половине июля 1941 года немецкие танковые дивизии понесли существенные потери, в результате чего численность танков в них уменьшилась почти вдвое.

А. Гитлер, вместо того чтобы усиливать соединения за счет резервов, приказал создавать новые дивизии. Эта недальновидная политика распространилась и на панцерваффе. Танки, выбывшие из строя в ходе боев, не успевали восстанавливать. В результате этого танковые дивизии «усыхали» до размеров полка и даже батальона. Так, известно, что на 19 ноября 1942 года, когда советские войска начали контрнаступление под Сталинградом, в 14-й танковой дивизии оставалось всего 5 боевых машин, в 16-й – 28, в 24-й – 55.

Осенью 1942 года было сформировано 11 новых танковых батальонов, которые получили на вооружение танки «Тигр». Но часть этих батальонов пришлось отправить в Северную Африку. В сражении под Курском немцы потеряли почти 1500 танков, что окончательно подорвало их ударную мощь.

В 1944 году был введен новый штат танковых дивизий вермахта. Каждая танковая дивизия имела менее 100 танков. По штату 1945 года танковая дивизия состояла из одного танкового и одного моторизованного полка. Танки были только в танковом полку, который, в свою очередь, состоял из одного танкового и одного моторизованного батальонов. В танковом батальоне было всего 40 танков, в моторизованном – 6 боевых машин.

Советские войска также совершенствовали свою организационно-штатную структуру, которая развивалась в направлении повышения боевых возможностей частей, соединений и объединений за счет штатных и приданных средств. Прежде всего это выражалось в повышении огневых возможностей войск.

Потеря большого количества артиллерии в начале войны и развертывание новых воинских формирований привели к ее недостатку. Поэтому было принято решение всю имевшуюся артиллерию собирать в масштабе дивизии и делить на две группы: группы поддержки пехоты и группы дальнего действия. В первые входила относительно слабая артиллерия (калибра 76 мм), которая предназначалась для поражения противника на переднем крае. Вторая (калибра 122 и 152 мм) – для контрбатарейной борьбы. Плотности артиллерии были небольшими. Так, в период контрнаступления советских войск под Москвой общие плотности составляли около 10 орудий и минометов (калибра 76 мм и выше) на 1 километр фронта, а на участке прорыва – до 40.

В последующем картина начала меняться. Количество артиллерии в полках и дивизиях увеличилось, появилась корпусная артиллерия. В армии, кроме артиллерийских частей РГК, начали поступать части реактивной артиллерии. Ставкой были развернуты вначале артиллерийские дивизии, а затем артиллерийские корпуса прорыва. Благодаря этому отпала необходимость создавать артиллерийские группы по целевому назначению, их начали создавать по штатному принципу: в полку, в дивизии, в корпусе, в армии. Каждая группа могла решать огневые задачи в полном объеме. Плотности артиллерии постоянно возрастали. Так, в период контрнаступления под Сталинградом они уже достигали 90 орудий и минометов на 1 километр участка прорыва, в Белорусской операции 1944 года – 180–220 орудий и минометов на 1 километр участка прорыва, в Берлинской операции – 286 орудий и минометов на 1 километр участка прорыва.

Благодаря повышению плотности артиллерии советские войска от ведения огня по выборочным целям в ходе войны перешли к плановому поражению противника по трем периодам: огневая подготовка атаки, огневая поддержка атаки и артиллерийское сопровождение наступления войск в глубине. Огневую поддержку атаки начали планировать и проводить методом одинарного, а затем двойного огневого вала. Для введения противника в заблуждение в отношении начала атаки начали практиковать перекрывающий огневой налет. Все огневое поражение в комплексе получило название артиллерийского наступления.

В годы войны в стрелковых полках, дивизиях и корпусах не было своих танков. Разгром механизированных корпусов в начале войны привел к тому, что все уцелевшие танки по приказу Ставки от 15 июля 1941 года попытались собрать в отдельные танковые дивизии в составе двух танковых полков, но на практике это не удалось сделать. Поэтому по приказу от 1 января 1942 года было решено сформировать 120 отдельных танковых бригад по 91 танку (7 танков КВ, 20 танков Т-34 или Т-50 и 64 танка Т-60). В последующем численность танков в бригаде была сокращена до 46 единиц, а затем – до 27 единиц. Параллельно для усиления стрелковых дивизий, действующих на главном направлении, было решено начать формирование отдельных танковых батальонов по 36 боевых машин. Всего к концу 1941 года в Красной Армии имелось 7 танковых дивизий (4 из них – на Дальнем Востоке), 76 отдельных танковых бригад и 100 отдельных танковых батальонов. (50 лет Вооруженных Сил СССР. С. 270).

Все это в комплексе, при катастрофической недостаче танков, привело к их распылению по фронтам, армиям и дивизиям. Так, плотность танков в наступательных операциях советских войск под Москвой была очень низкой и даже на направлениях главных ударов не превышала 1–2 боевых машин на 1 километр фронта.

Опыт боевых действий, полученный зимой 1941/42 года, показал, что отсутствие в составе фронтов и армий крупных танковых соединений не позволяет в ходе наступления обеспечить развитие тактического успеха в оперативный. И уже в марте 1942 года за счет поступления новых танков начинается формирование первых четырех танковых корпусов по 100 танков в каждом.

По приказу наркома обороны от 29 мая 1942 года численность танков в корпусе была доведена до 183 единиц. Одновременно началось формирование танковых армий, которые должны были иметь по штату 431 боевую машину. Так, 5-я танковая армия, участвовавшая в контрнаступлении под Сталинградом в составе Юго-Западного фронта, смогла обеспечить общую плотность танков до 14 единиц на 1 километр фронта, а на направлении главного удара – до 40 единиц.

К концу Великой Отечественной войны в составе Красной Армии действовало шесть танковых армий и около десятка отдельных танковых и отдельных механизированных корпусов. В составе танковой армии могло находиться до двух танковых и механизированных корпусов. В составе отдельного танкового корпуса – 257–270 танков и САУ, в составе механизированного корпуса – до 246 танков и САУ.

В состав подвижных войск были включены части самоходных орудий (СУ), которые наступали в едином боевом порядке с танками. В результате этого плотности танков и СУ на 1 километр фронта наступления в завершающих операциях Великой Отечественной войны выросли до 70 единиц.

Большое значение имело инженерное обеспечение боевых действий войск. Во время войны инженерные войска получили на вооружение различные машины военно-инженерной техники, позволявшие механизировать часть работ по укреплению местности, прокладке дорог, сооружению мостов, устройству заграждений.

В организационном плане со второго периода начали формироваться саперные, инженерно-саперные, инженерно-штурмовые, понтонно-мостовые бригады. Для возведения тыловых оборонительных рубежей даже создавались саперные армии. К началу 1942 года имелось 10 саперных армий. В составе каждой армии было до пяти саперных бригад, отряд механизации и автотракторный батальон. Осенью 1942 года саперные армии были упразднены, а саперные бригады подчинены армиям и фронтам как бригады резерва ВГК.

Великая Отечественная война выдвинула особые требования к противовоздушной обороне. Накануне войны в войсках ПВО имелось такое оперативное объединение, как зона ПВО. Всего территория СССР была разбита на 13 таких зон, но возможности их по защите от ударов авиации противника были ограниченны. В 1942 году началось формирование армий ПВО, и к концу войны было создано шесть таких армий. В состав армии ПВО обычно входили 2–3 истребительные авиационные дивизии, 2–3 зенитные артиллерийские дивизии, 5–8 отдельных зенитных артиллерийских полков, 2–3 прожекторных полка, до 3 полков аэростатов заграждения.

Воздушные армии в Военно-воздушных силах РККА начали создаваться в мае-июне 1942 года. Каждый фронт стал располагать, как правило, одной воздушной армией, в состав которой входили истребительные, штурмовые и бомбардировочные дивизии, а также отдельные специальные авиационные части. Состав воздушной армии фронтовой авиации постоянно увеличивался, и если в 1942 и 1943 годах в ней насчитывалось порядка 400–600 боевых самолетов, то к 1944 году их численность выросла до 1000–1500 единиц. Всего в годы войны было сформировано 17 воздушных армий.

Но хорошо известно, что наличие только средств вооруженной борьбы еще само по себе не гарантирует победу. Нужно уметь владеть имеющимся оружием, а в масштабах вооруженных сил нужно уметь готовить и проводить крупномасштабные стратегические

операции, фронтам и армиям – проводить операции на своих направлениях (районах), корпусам и дивизиям – вести бои. То есть все упирается в военное искусство сторон, умение войск качественно наступать или обороняться.

В предвоенные годы, в связи с массовым появлением танков и авиации, в области военного искусства произошли большие перемены. Появилась теория глубокой наступательной операции, сущность которой сводится к одновременному поражению обороны противника на всю оперативную глубину за счет нанесения сильного первоначального удара артиллерией и пехотой и стремительного его развития в глубину крупными формированиями танковых войск в сочетании с массированными ударами авиации и высадкой воздушных десантов.

Эту операцию первыми на практике освоило немецкое командование, и их наступательные операции 1941 и первой половины 1942 года отличались большими размахом, глубиной, темпами наступления войск. В них умело сочетались действия пехотных и танковых соединений, производилась высадка тактических воздушных десантов, осуществлялся смелый маневр на новые направления, применялись такие эффективные способы ведения наступления, как параллельное преследование, выход во фланги и тыл противника, окружение.

Нужно признать, что советские войска в начале войны словно совершенно не владели искусством обороны. На многих направлениях они вели отступление, порой напоминавшее бегство. Практически без боя были оставлены выгодные природные рубежи по рекам, линиям укрепленных районов по старой границе СССР. Казалось, напрочь забыт опыт позиционной обороны времен Первой мировой войны и положения боевых уставов и наставлений межвоенного времени.

В качестве критериев военного искусства можно назвать размах (ширина и глубина), время проведения операции, а также количество потерь сторон. Причем надо понимать, что по логике военного искусства обороняющаяся сторона, которая широко использует местность и различные инженерные заграждения, должна нести меньше потери, чем наступающая.

В Военном дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера указано, что на 13 июля 1941 года общие потери сухопутных войск вермахта на Восточном фронте составили 92,1 тысячи человек.

В ходе стратегической оборонительной операции в Прибалтике за 18 суток советские войска отошли на 400–450 км, потеряв при этом 88,5 тысячи человек. В ходе оборонительной операции в Белоруссии они за 18 суток отошли на 450–600 км, потеряв 417,8 тысячи человек. В ходе оборонительной операции на Западной Украине они за 15 суток отошли 300–350 км, потеряв 241,6 тысячи человек. Таким образом, только за первые 18 суток войны потери советских войск (не считая Заполярья) достигли почти 748 тысяч человек.

Таким образом, в течение первых 18 суток войны советские войска потеряли значительную часть территории европейской части страны и в 8 раз больше личного состава, чем противник. Огромными потери были в боевой технике. Затем последовали неудачные операции на юге Украины, под Смоленском, в районе Киева, в Донбассе. По имеющимся данным, потери советских войск по состоянию на 31 декабря 1941 года составили: по личному составу – 2993,8 тысячи человек, по артиллерии разных калибров – 101 тысяча штук, по танкам – 20,5 тысячи штук, по самолетам – более 10 тысяч штук, по кораблям и подводным лодкам – 325 штук.

«Опомнилось» высшее советское командование только под Москвой. В ходе тяжелых оборонительных сражений, длившихся 67 дней, Красная Армия в процессе отхода на 700-1110 километров обескровила ударные группировки противника и, выиграв время, обеспечила сосредоточение крупных резервов на Московском направлении. Вражеская группировка оказалась растянутой на фронте более 1000 километров, а ее тылы отстали от войск на 700–800 километров. В Московской стратегической оборонительной операции (30 сентября – 5 декабря 1941 г.) советские войска безвозвратно потеряли 514, 3 тысячи человек,

ранеными и обмороженными – 144 тысячи человек, а всего – 658,3 тысячи человек.

Точной цифры потерь фашистских войск под Москвой германское командование не дает. Но, опираясь на Военный дневник Ф. Гальдера, мы видим, что общие потери сухопутных войск вермахта с 30 сентября по 12 декабря 1941 года немногим превысили 200 тысяч человек. Если даже предположить, что самые активные бои в это время проходили на Московском направлении, а на других – частные, то потери немцев в период оборонительной операции под Москвой можно оценить примерно в 150 тысяч человек.

Известно, что первое серьезное поражение противнику было нанесено в контрнаступлении под Москвой, которое продолжалось с 5 декабря 1941 г. по 7 января 1942 г. Оно продолжалось – 34 суток. Общая ширина фронта боевых действий составила 1000 километров, а глубина продвижения советских войск – 100–250 км. Среднесуточные темпы наступления стрелковых соединений равнялись 3–6 км.

В ходе этой операции был сорван план противника по овладению Москвой, нанесено поражение войскам группы армий «Центр». Был развеян миф о непобедимости германских войск. Цифру потерь в период наступления советских войск под Москвой командование Германии не публикует. Но, ссылаясь на Военный дневник Ф. Гальдера, можно подсчитать, что с 10 декабря 1941 года по 10 февраля 1942 года сухопутные войска Германии потеряли на Восточном фронте 191 тысячу человек. Значительная часть этих сил находилась под Москвой. В ходе операции советские войска безвозвратно потеряли 139,6 тыс. человек, ранеными и обмороженными – 231,4 тыс. человек.

Таким образом, с конца 1941 года уже нужно говорить о советском военном искусстве, хотя и очень осторожно. Генеральный штаб РККА во главе с Маршалом Советского Союза Б. М. Шапошниковым начал планировать операции групп фронтов и добивался их проведения.

После битвы под Москвой активизировалась и советская военная наука. Начиная с зимы 1942 года в войска в массовом количестве начали поступать различного рода памятки и брошюры серии «Из боевого опыта фронтовика». Широкое распространение в войсках получила «Памятка танкистам по борьбе наших танков с танками врага», изданная летом 1942 года, брошюра Героя Советского Союза генерал-майора А.И. Лизюкова «Что надо знать воину Красной Армии о боевых приемах немцев» (январь 1942 года), сборник «Артиллерийское наступление» (апрель 1942 года). Для систематического и целенаправленного изучения и обобщения боевого опыта и распространения его в войсках в мае 1942 года в Генеральном штабе РККА был создан специальный отдел по исследованию опыта Великой Отечественной войны, который вместе с военно-историческим отделом значительно расширил сферу научного исследования боевого опыта действующих войск.

Однако ошибки советского командования, допущенные весной 1942 года, нельзя расценивать иначе, как крупные недостатки советского военного искусства. В результате Воронежско-Ворошиловградской оборонительной операции (28 июня – 24 июля 1942 года), которая велась на фронте до 900 километров в течение 27 суток, советские войска отошли на 150–400 километров, советские войска оставили Донбасс и отошли к Ростову-на-Дону. При этом их людские потери составили 568,3 тысячи человек. Потери немецких сухопутных войск, если верить Ф. Гальдеру, за два месяца наступления по состоянию на 20 июля 1942 года составили 26,3 тысячи человек.

Неудачи Красной Армии летом 1942 года также были тщательно изучены и проанализированы Генеральным штабом РККА. В результате появились приказ НКО № 306 от 8 октября 1942 года, который вводил новые боевые порядки для стрелковых войск в наступлении, и приказ НКО № 325 от 16 октября 1942 года, который обязывал использовать танковые и механизированные корпуса массированно в качестве эшелона развития успеха на направлении главного удара. Был разработан новый Боевой устав пехоты до дивизии включительно (БУП-42).

Сталинградская оборонительная операция (17 июля – 18 ноября 1942 года) стала переломной в ходе Великой Отечественной войны. В это время были разработаны и изданы

новые боевые документы по организации обороны, применению родов войск в этом виде боевых действий, вышел в свет известный приказ, получивший название «Ни шагу назад». Советские войска грудью стали на защиту города, носившего имя Сталина.

Операция велась на фронте 250–520 километров в течение 125 суток. За это время советские войска были вынуждены отойти на 150 километров, потеряв 643,8 тысячи человек. Но враг не смог достичь поставленной цели. 24 сентября 1942 года начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер был отправлен в отставку, в связи с чем прекратил учет потерь своих войск. Но он указывает, что с 20 июля по 10 сентября на советско-германском фронте они потеряли более 246 тысяч человек. Но впереди была еще основная фаза борьбы за Сталинград.

Известно, что переломным моментом Великой Отечественной войны стало контрнаступление советских войск под Сталинградом (19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г.). К тому времени советские войска окрепли физически, в их составе даже было создано две танковые армии смешанного состава (несколько стрелковых и два танковых корпуса). И хотя такая армия насчитывала менее 400 танков (механизированный корпус 1941 года – 1031 танк), но она была способной развивать тактический успех в оперативный. Показатели операции: продолжительность – 76 суток. Ширина фронта боевых действий – 850 км. Глубина продвижения советских войск – 150–200 км. Среднесуточные темпы наступления стрелковых соединений – 1,5–2,5 км, танковых и механизированных – 4–4,5 км. В результате проведения операции было положено начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны. Окружение и уничтожение главных сил 4-й танковой и 6-й полевой армий противника, разгром 3-й и 4-й румынских армий, нанесен большой урон 8-й итальянской армии. Общие потери противника составили свыше 800 тыс. чел. В ходе операции советские войска безвозвратно потеряли 154,9 тыс. человек, ранеными и больными – 330,9 тыс. человек.

По итогам этой операции был разработан проект нового Полевого устава (ПУ-43) и переработаны уставы видов вооруженных сил и родов войск. Уставы разрабатывались с привлечением широкого круга специалистов и опытных командиров из войск. После чего они рассматривались на заседании Ставки, куда приглашались с фронтов командующие и командиры разных степеней.

Крупнейшей стратегической операцией решающего 1943 года стала Курская битва (5 июля – 23 августа 1943 г.). Ее главный итог – срыв планов противника переломить ход войны в свою пользу и нанесение поражения войскам группы армий «Центр». Операция продолжалась 50 суток и состояла из оборонительной фазы, встречного боя и двух наступательных операций. Ширина фронта боевых действий – 550 км. Глубина отхода советских войск – 12–35 км, последующего продвижения советских войск – 140–150 км. Среднесуточные темпы наступления стрелковых соединений – 4–7 км, танковых и механизированных – 7-15 км. Точной цифры потерь своих войск германское командование не публикует. В ходе операции советские войска безвозвратно потеряли 254,4 тыс. человек, ранеными – 677,3 тыс. человек.

Итак, впервые в ходе операции советские войска понесли меньшие потери, чем противник. Центральный фронт (командующий К. К. Рокоссовский) не только принял удар на хорошо подготовленную оборону, но и сам провел артиллерийскую контрподготовку по изготовившемуся к наступлению врагу. Воронежский фронт заставил противника изменить наступление своего главного удара и ввязаться во встречное сражение в невыгодных для него условиях. Превосходство советского военного искусства налицо. Только степень этого превосходства несколько снижается из-за того, что советские войска в районе Курска численно превосходили противника, имели достаточно времени для организации своей обороны и частично знали планы врага. Но заставить неприятеля наступать в таких условиях – тоже победа.

Летом 1944 года советским командованием была подготовлена и успешно проведена Белорусская стратегическая наступательная операция (23 июня – 29 августа 1944 г.). В ходе

этой операции был осуществлен разгром войск стратегической группировки противника – группы армий «Центр», освобождены от оккупантов Белоруссия, часть Литовской и Латвийской ССР. Красная Армия вступила на территорию Польши. Она продолжалась 68 суток. Ширина фронта боевых действий – 1100 км. Глубина продвижения советских войск – 550–600 км. Среднесуточные темпы наступления на первом этапе операции – 20–25 км, на втором – 13–14 км. Точную цифру потерь в период наступления советских войск в Белорусской операции германское командование не публикует. В ходе операции советские войска безвозвратно потеряли 178,5 тыс. человек, ранеными и больными – 587,3 тыс. человек.

Белорусская операция характерна рядом моментов, которые без преувеличения можно отнести к области военного искусства. Это прежде всего окружение трех крупных группировок противника на различной глубине в районе Витебска, Бобруйска и Минска. Стремительно растут оперативные плотности сил и средств на участках прорыва. В отличие от Сталинграда создается подвижный внешний фронт окружения за счет танковых армий однородного состава, которые после выполнения ближайшей задачи без оперативной паузы начинали наступление в глубину. Задачу глубокого поражения противника, отсечения его резервов успешно выполняют партизаны.

Еще не успевает завершиться Белорусская операция, как на юге 20 августа начинается Ясско-Кишиневская стратегическая наступательная операция. Обе операции завершаются в один день – 29 августа 1944 года.

Ясско-Кишиневская операция несколько меньше по размаху. Ее продолжительность – 10 суток. Ширина фронта боевых действий – 500 км. Глубина продвижения советских войск – 300–320 км. Среднесуточные темпы наступления стрелковых соединений – 20–25 км, танковых и механизированных – 30–32. Но итоги ее впечатляющие – разгром в короткие сроки главных сил группы армий «Южная Украина», уничтожение 22 немецких и почти всех румынских дивизий. Освобождена Молдавия, Румыния вышла из фашистского блока. В ходе операции советские войска безвозвратно потеряли 13,2 тыс. человек, ранеными – 53,9 тыс. человек.

Новый, 1945 год был ознаменован блицкригом Красной Армии, которая в срок с 12 января по 3 февраля 1945 г. провела Висло-Одерскую стратегическую наступательную операцию. Она продолжалась 23 суток и велась на фронте шириной около 500 км. За это время советские войска продвинулись на глубину до 500 км со среднесуточными темпами наступления стрелковых соединений – 20–22 км, танковых и механизированных – 30–35 км. Итогом операции стало уничтожение 35 немецких дивизий (еще 25 дивизий понесли тяжелые потери), освобождение большей части Польши. Советские войска вступили на территорию Германии. В ходе операции советские и польские войска безвозвратно потеряли 43,5 тыс. человек, ранеными – 150,9 тыс. человек.

Эта операция по многим показателям повторила самые успешные операции немецких войск лета 1941 года. Правда, противник, отступая, смог избежать крупных окружений своих войск, но не сумел спасти положение и организовать прочную оборону ни на одном из промежуточных рубежей.

Своеобразным венцом военного искусства Великой Отечественной войны стала Берлинская стратегическая наступательная операция (16 марта – 8 мая 1945 г.). Она продолжалась 23 суток. Боевые действия велись на фронте до 300 км. Глубина продвижения советских войск составила 220 км, среднесуточные темпы наступления – 5-10 км. В итоге операции был достигнут разгром берлинской группировки противника и овладение Берлином. Цифра потерь немецких войск в период Берлинской операции не опубликована. В ходе операции советские и польские войска безвозвратно потеряли 81 тыс. человек, ранеными и больными – 280 тыс. человек.

Таким образом, советское военное искусство, которое было проявлено в годы Великой Отечественной войны, развивалось весьма динамично, с учетом передового боевого опыта и с опорой на военную науку. Оно наряду с другими факторами обеспечило победу Советского

Союза над гитлеровской Германией.

Большую роль в обеспечении победы над врагом сыграло и партизанское движение, широко развернутое Москвой на оккупированной врагом территории. Подготовка этого движения была начата уже в 30-е годы и являлась составной частью подготовки командиров и штабов. Его организацией занималось IV управление Штаба РККА и специально созданные IV отделы штабов военных округов. По линии ОГПУ были созданы специальные школы, где готовили диверсантов и радистов. В предвоенные годы в ряде приграничных западных военных округов были проведены учения, в которых участвовали специальные партизанские подразделения. Поэтому было бы неправильно утверждать, что с началом Великой Отечественной войны партизанское движение в тылу врага возникло стихийно.

Все это дало себя знать в начале Великой Отечественной войны. Уже на седьмой день фашистской агрессии – 29 июня 1941 года – была принята директива СНК и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, в которой содержались указания о развертывании подполья и партизанского движения.

В сентябре 1941 года Главным управлением формирования и комплектования войск Красной Армии (начальник – армейский комиссар 1-го ранга Е. А. Щаденко) было создано Управление по формированию и руководству партизанскими отрядами во главе с генерал-лейтенантом В. И. Репиным.

Проведенная организационная работа дала о себе знать очень быстро. Уже 16 сентября 1941 года начальник штаба верховного главнокомандования вермахта В. Кейтель в приказе по войскам отмечал, что на оккупированной Германией территории повсеместно вспыхнуло коммунистическое партизанское движение, «которое во все возрастающей степени представляет угрозу немецкому руководству войной». Так, к концу 1941 года на оккупированной территории Ленинградской области действовало 287 партизанских отрядов и 125 подпольных организаций и групп, насчитывавших в общей сложности 18 тысяч человек. В период наступления немцев на Москву в их тылу действовало 273 партизанских отряда и 468 партизанских групп, в составе которых насчитывалось более 26 тысяч человек. Командующий группой армий «Центр» сообщал, что из-за разрушений на железных дорогах, совершаемых партизанами, группа армий «Центр» вместо 70 эшелонов, составлявших суточную потребность, получала только 23.

В конце декабря 1941 года И. В. Сталин вызвал к себе первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П.К. Пономаренко и предложил немедленно приступить к организации Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования и лично возглавить этот штаб. Пономаренко с большим энтузиазмом включился в эту работу, а в январе 1942 года было открыто несколько школ по подготовке партизанских кадров. Все это позволило развернуть в тылу врага новые партизанские отряды, более качественно руководить их деятельностью, используя ее в интересах фронтов и армий.

По данным германского командования, с ноября 1942 по март 1943 года советские партизаны совершили более 2,5 тысячи диверсий на железных дорогах, выведя из строя около 750 паровозов, до 4 тысяч вагонов, более 100 километров железнодорожных путей. В период развернувшегося сражения на Курской дуге партизаны подорвали 1200 вражеских эшелонов и повредили 1145 паровозов. Во время Белорусской операции партизаны в тылу врага развернули настоящую рельсовую войну, которая фактически сковала тылы противника и предотвратила маневр силами и средствами за линией фронта.

Всего советские партизаны и подпольщики в годы Великой Отечественной войны пустили под откос более 20 тысяч воинских эшелонов, взорвали около 2 тысяч железнодорожных и свыше 9,5 тысячи шоссейных мостов, уничтожили около 65 тысяч автомашин, 4,5 тысячи танков, 1100 самолетов, 2900 складов и баз противника, вывели из строя в тылу противника 3369 км линий телефонно-телеграфной связи. Партизаны и подпольщики постоянно вели глубокую разведку противника, совершали диверсионные и террористические акты. Все это оказало очень существенную помощь действующим войскам

Красной Армии, которые вели боевые действия на фронтах.

Таким образом, на поверку Великой Отечественной войной Советский Союз оказался достаточно монолитной, сплоченной и хорошо организованной силой, чтобы даже после тяжелых поражений 1941 и начала 1942 года взять реванш над противником. Его внутренние ресурсы были намного большими, чем ресурсы Германии и ее сателлитов, а управление силами и средствами более централизованным и гибким. Поэтому вопрос о победе СССР над Германией был только вопросом времени.

В то же время нужно признать, что существенный вклад в общую победу над фашизмом внесли и силы сопротивления, которые действовали на территории оккупированных фашистами стран.

Во Франции с августа 1941 года началась серия покушений на представителей оккупационных властей, диверсии на железных дорогах. Создаются первые отряды «Франтирееров и партизан». Результатом этого было создание Национального совета Сопротивления, ставшего руководящим органом освободительной борьбы. В начале 1944 г. отряды разных политических направлений объединились во Французские внутренние силы. Их крупнейшим военно-политическим успехом стало вооруженное восстание и освобождение Корсики. Широкий размах приобрели в это время и диверсии на железных дорогах.

Значительно активизировалась борьба патриотов после высадки англо-американских войск на северо-западе Франции в июне 1944 года. Своими силами они освободили десятки департаментов, оказывали помощь наступавшим союзным войскам. Участились саботажи и забастовки на предприятиях. Кульминационным пунктом французского Сопротивления стало победоносное вооруженное восстание в Париже в августе 1944 года.

Определенным своеобразием характеризовалось движение Сопротивления в Италии. Дело в том, что эта страна до лета 1943 года была основным европейским союзником Германии и сама принимала участие в оккупации Франции, Югославии, Греции, Албании, Эфиопии, Ливии, а также в военных действиях против СССР. После свержения фашистской диктатуры Муссолини северные и центральные районы Италии были оккупированы германскими войсками. Именно здесь и развернулось антифашистское освободительное движение Сопротивления. Был сформирован действенный орган политического руководства борьбой патриотов – Комитет национального освобождения Северной Италии. Постепенно создавалась партизанская армия.

В начале июня 1944 года все боевые формирования были сведены в Корпус добровольцев свободы с единым командованием. В ряде районов Северной Италии партизаны создали свободные зоны, наиболее крупные из которых именовались «партизанскими республиками». С июня 1944 по март 1945 года партизанские силы провели около 6500 вооруженных акций, около 5600 актов саботажа, уничтожили не менее 16 тыс. оккупантов, захватили большие трофеи. В конце февраля 1945 года партизанские отряды стали спускаться с гор и действовать в густонаселенных районах. В апреле в Северной Италии вспыхнуло вооруженное восстание, внесшее существенный вклад в освобождение страны от оккупации.

В Бельгии до лета 1944 года основным видом антифашистской освободительной борьбы была подпольная деятельность патриотов, совершавших диверсии, саботаж, убийства представителей оккупационных властей, вооруженные нападения на небольшие группы полицейских.

Осенью 1940 года создается Бельгийская армия партизан, ядро которой составили бойцы интернациональных бригад, сражавшихся ранее в Испании. Второй боевой организацией партизанских сил стала Бельгийская армия, созданная бывшими офицерами в 1942 году. Движение Сопротивления значительно оживилось летом 1944 года в связи с высадкой союзников во Франции и под влиянием побед, одержанных советскими войсками. К этому времени Бельгийская армия партизан насчитывала до 50 тыс. человек, составляя серьезную военную силу. Был создан Фронт независимости, местные комитеты которого во

многих районах, находившихся под контролем движения Сопротивления, стали фактическими органами власти.

В Дании движение Сопротивления состояло из двух основных течений. Одно из них ориентировалось на сотрудничество с Англией. Его представляли буржуазные круги, непосредственно связанные с английской разведкой. Второе течение, демократическое, имело свои корни в рабочем классе.

В сентябре 1943 года в стране создается руководящий центр национального Сопротивления – Совет свободы, который берет на себя функции координации действий боевых групп, насчитывавших более 42 тыс. человек, а также организации разведывательной деятельности в интересах союзных войск. Активизировалась боевая деятельность. Проводятся акты саботажа, массовые забастовки. 5 мая 1945 года в континентальную Данию вступили английские войска. 11 мая советские воины освободили датский остров Борнхольм. Отряды движения Сопротивления приняли участие в разоружении оккупантов.

В Норвегии движение Сопротивления первоначально носило характер организации забастовок и саботажа. В сентябре 1941 года создается объединенная боевая организация – Милорг. Зимой 1941/42 года в горах Центральной Норвегии организуется первый партизанский отряд. Появились коммунистические лозунги о повсе-местном переходе к вооруженной борьбе. Она приняла широкий размах в первые месяцы 1945 года. В начале мая отряды Милорга захватили ключевые пункты страны. В этот период подпольная армия Норвегии, насчитывавшая в своих рядах около 40 тыс. бойцов, блокировала германские гарнизоны. 9 мая фашистские войска капитулировали. Вскоре было сформировано новое национальное правительство, в состав которого вошли и участники движения Сопротивления.

Разнообразные формы приобрело движение Сопротивления в оккупированных странах Центральной Европы, оказавшихся первыми жертвами германской агрессии.

В Польше основным направлением его деятельности стало создание партизанских отрядов и подготовка народного вооруженного восстания. По инициативе Сопротивления создается военная организация – Гвардия Людова, первый отряд которой в мае 1943 года провел боевую акцию на железной дороге, положив начало «рельсовой войне». В следующем году Гвардия Людова провела 1208 боевых акций, ее отряды участвовали в 169 крупных схватках с оккупантами. В результате было убито 1545 и ранено 292 гитлеровца. Гораздо меньшую активность проявляла Армия Крайова, в которую вошли отряды, подчиненные эмигрантскому правительству. Правда, она, как и Гвардия Людова, оказала поддержку вспыхнувшему в апреле 1943 года восстанию в варшавском гетто.

1 января 1944 года демократические силы страны образовали Крайову Раду Народову и провозгласили создание Армии Людовой, насчитывавшей более 50 тыс. бойцов. Летом Польский комитет национального освобождения издал декрет о слиянии двух армий, боровшихся против фашизма, – сформированной в СССР 1-й Польской армии (100 тыс. человек) и Армии Людовой (60 тыс. человек) – в единое Войско Польское.

1 августа 1944 года командование Армии Крайовой с согласия эмигрантского правительства подняло Варшавское восстание (командующий генерал Т. Бур-Коморовский). Восстание было жестоко подавлено оккупантами. Лишь 17 января 1945 года советские войска совместно с 1-й армией Войска Польского принесли Варшаве освобождение.

Польское движение Сопротивления было одним из самых массовых в Европе. В его подпольных организациях боролись с захватчиками 500 тыс. патриотов. Непосредственно в боевых отрядах с оружием в руках сражалось около 100 тыс. человек. Движение принесло гитлеровцам немалый ущерб – они потеряли свыше 150 тыс. убитыми и многие тысячи ранеными. В разные периоды оккупации движение Сопротивления сковывало от 400 тыс. до миллиона вражеских солдат и офицеров, а также полицейских сил. Боевые организации провели около 10 тыс. акций. Ими было уничтожено 700 паровозов, 20 тыс. вагонов, взорвано около 100 мостов и виадуков.

В своеобразных условиях развивалось освободительное движение в Чехословакии.

Объяснялось это тем, что страна была разделена захватчиками на две части: Чехия официально была оккупирована и превращена в «протекторат Богемии и Моравии», на территории другой части страны было создано марионеточное «Словацкое государство».

Активизировалась деятельность патриотов среди словацких солдат, направленных на Восточный фронт, и антифашистов в чешских землях с весны 1942 года. Именно тогда подпольщиками был убит палач чешского народа Р. Гейдрих. В лесных районах Чехии возникли партизанские отряды. В Словакии антифашистские силы образовали Словацкий национальный совет. На ряде предприятий прошли забастовки. По мере приближения Красной Армии словацкие борцы Сопротивления готовились к вооруженному восстанию. 29 августа 1944 года по просьбе фашистского правительства Тисо в Словакию были введены немецкие войска. В ответ на это народ поднял восстание. В освобожденных районах власть перешла в руки революционных национальных комитетов. Для подавления восстания гитлеровцы сосредоточили крупные силы – около 30 тыс. человек. Был нанесен ряд массированных авиационных ударов. Два месяца продолжались ожесточенные бои, завершившиеся не в пользу восставших.

Несмотря на поражение, патриоты не сложили оружие. Они ушли в горы и до прихода советских войск вели мужественную борьбу с оккупантами. В это же время активизировалось партизанское движение и в чешских землях. В начале мая 1945 года в Праге и других городах Чехии при поддержке советских войск произошли победоносные вооруженные восстания. В стране утверждалась революционно-демократическая власть народа.

Наиболее массовая освободительная борьба развернулась в Югославии, где одиночные акции против захватчиков имели место уже в первых числах мая 1941 года, то есть через несколько недель после начала оккупации. Массовая же организованная борьба началась в конце июня – начале июля 1941 года. Руководящей силой выступила Коммунистическая партия Югославии. Ее Центральный комитет создал Военный комитет во главе с И. Броз Тито. Вооруженное восстание охватило всю страну. Образовались освобожденные территории, на которых находились 40 городов, многие сотни населенных пунктов. Тогда же создается Народно-освободительная армия Югославии, сражавшаяся совместно с партизанскими отрядами и поддерживающая связь с подпольщиками.

Весной 1944 года Народно-освободительная армия развернула наступательные действия по всей стране, что привело к освобождению еще более крупных территорий, на которых установилась власть Национального комитета освобождения Югославии – первого народного правительства страны. В октябре совместными усилиями советских и югославских войск были освобождены северо-восточные районы Югославии и ее столица Белград. В ходе ожесточенных боев с июля 1941 по май 1945 года на территории Югославии было уничтожено около 450 тыс. вражеских солдат и офицеров, захвачено большое количество боевой техники и вооружения. В разное время Народно-освободительная армия сковывала от 30 до 50 дивизий противника. В четырехлетней борьбе за свободу родины народы Югославии понесли немалые потери. Только убитыми они исчислялись в 1700 тыс. человек, что составляло 11,2 % населения страны.

Оккупированная Германией и Италией Греция включилась в движение Сопротивления уже летом 1941 года. Созданный в сентябре Национально-освободительный фронт (ЭАМ) развернул массовую борьбу против оккупантов. Организации Сопротивления, руководимые ЦК ЭАМ, стали функционировать на многих предприятиях, в городских кварталах, деревнях и отдаленных горных селениях. Вскоре была сформирована Народно-освободительная армия (ЭЛАС), которая впоследствии стала основной вооруженной силой греческого народа в его борьбе с захватчиками.

К осени 1943 года отряды ЭЛАС освободили одну треть территории страны. На ней закладывались основы народно-демократической власти, создавались народные советы, органы милиции, выборные суды. В апреле 1944 года состоялись выборы в Национальный совет – высший законодательный орган. К этому времени численность ЭЛАС превысила

130 тыс. человек, а в октябре ее бойцы освободили от фашистов всю материковую часть Греции.

Освободительная борьба велась и в Албании, оккупированной итальянскими войсками еще в апреле 1939 года и включенной в состав Италии. Весной 1942 года в горах появились первые партизанские отряды, которые вели успешные бои с итальянскими фашистами. В результате в некоторых населенных пунктах стали функционировать национально-освободительные советы. После вступления в Албанию германских войск летом 1943 года в стране создается регулярная Национально-освободительная армия (НОАА). Решающим фактором, способствовавшим успеху патриотических сил, стали победы Красной Армии на Балканском направлении. Используя эту обстановку, в сентябре 1944 года войска НОАА освободили ряд крупных городов Албании, а 29 ноября завершилось освобождение всей страны.

Таким образом, практически на территории всех европейских стран, оккупированных фашистами, было развернуто движение Сопротивления, которое отвлекало на себя значительные силы и наносило вред оккупантам. Уже к началу 1944 года стало ясно, что Германия и ее союзники обречены на поражение, и тогда настало время для Англии и США бросить в бой свои главные силы и открыть второй фронт в Европе, чтобы лишний раз показать всему миру свою роль во Второй мировой войне и достичь других крайне важных целей.

За кулисами войны

Вторая мировая война и часть ее – Великая Отечественная война представляли собой только видимую часть огромного айсберга сложных политических отношений, которые существовали в мире в конце 30-х – первой половине 40-х годов XX столетия. Под водой оставалось очень многое, что по своей значимости могло существенно повлиять на весь ход истории того периода и что мало зависело непосредственно от А. Гитлера и И. В. Сталина. В сложном сплетении политических интриг столь высокого уровня разобраться практически невозможно, но можно краешком глаза заглянуть за кулисы войны и, возможно, увидеть там нечто интересное.

Выходит, что существуют и другие факторы, которые в вопросе победы или поражения страны или группы стран порой играют даже более значимую роль, чем средства вооруженной борьбы. Эти факторы носят политико-экономический характер и напрямую затрагивают интересы не только воюющих, но и главным образом третьих стран. Не зря при расследовании любого уголовного дела следователи прежде всего задают вопрос: кому это было выгодно?

Почему же не применить это при изучении причин войны? Возможно, ответ на него и станет ответом на главный вопрос: почему Германия, имевшая горький опыт Первой мировой войны на два фронта, в 1941 году снова решилась на такой же шаг и, не покончив с противниками на западе, вступила в войну с Советским Союзом?

В этом деле ясно только то, что над обычными логикой и математическими расчетами господствовало нечто высшее – экономика и политика.

Любой человек, проснувшись утром, прежде всего думает о пище насущной. Только удовлетворив голод и жажду, он может заниматься другими делами, в том числе и политического характера. В основе политики лежит борьба за власть. Власть – это прежде всего право распределения материальных ценностей: территорий, рынков, источников сырья, средств производства… куска хлеба насущного и глотка воды. Перемена власти – перераспределение материальных ценностей.

В начале XX века, когда развились международные экономические связи и появился международный банковский капитал, борьба за власть вышла далеко за пределы одного отдельно взятого государства. Ненасытность капитала обострила борьбу за источники сырья и рынки сбыта готовой продукции, которые к тому времени уже были в основном

распределены. Их нехватка приводила к острым экономическим кризисам и, как результат, – уменьшению прибылей и разорению. Этому были подвержены все капиталистические государства. Только Советский Союз вследствие своей политической изоляции, несмотря на существовавшие международные экономические связи, в определенной степени сохранял свою независимость.

Из государств Западной Европы от недостатка источников сырья и рынков сбыта готовой продукции особенно страдала Великобритания, уровень развития производства в которой был очень высок. Ставка на рынки экономически отсталых колоний себя не оправдывала. Нужны были новые мощные потребители, способные заплатить за готовый товар большие деньги.

Во второй четверти XX века из всех европейских стран самой высокой динамикой развития экономики обладали две страны – Германия и СССР. Но планы лидеров этих стран превышали их экономические возможности, а личные амбиции не позволяли признать это. В результате в Германии утвердилась диктатура А. Гитлера, в СССР – диктатура И. В. Сталина. При этом каждый из диктаторов, выполняя свою программу развития страны, очень мало считался с мнением международного сообщества, которое, рассуждая о человеческих ценностях, никак не отказывалось от хлеба насущного.

Издавна практикуется такой способ удовлетворения своих потребностей, как применение силы. Сначала это были обычные драки, позже столкновения выросли до масштабов войны. Войны между двумя государствами на тысячи лет стали обычным явлением. В XX веке между собой начали сражаться группы государств и войны обрели мировой характер. Но цель этих войн оставалась прежней – борьба за источники сырья и рынки сбыта, а среди коалиции государств всегда какое-то является главным. Ему достается самая богатая доля захваченных богатств, за ним остается право распределения остальной добычи среди соратников. И в Первой и во Второй мировых войнах этим государством была Великобритания.

Но еще более высокой степенью международных отношений является та, которая позволяет одной из стран в начале схватки двух коалиций государств, оставаясь в стороне, превратиться в самого крупного международного поставщика товаров и заемщика капитала. Такая позиция всегда сулит безопасность, стремительное развитие собственных производственных сил и сверхприбыли. С начала Второй мировой войны по отношению ко всему, происходившему в Европе, такую позицию заняли Соединенные Штаты Америки. Вступление США в европейскую войну в августе 1944 года, когда в победе союзников уже никто не сомневался, стало очередным продуманным ходом на пути к экономическому мировому господству. После завершения Второй мировой войны Соединенные Штаты стали самым богатым государством мира, на многие десятилетия получили доступ к лучшим источникам сырья и рынкам сбыта произведенной продукции.

Теперь постараемся ответить на главный вопрос: почему А. Гитлер, несмотря на горький опыт Первой мировой войны и незавершенности вооруженного столкновения с Великобританией, в 1941 году решился начать войну с СССР и воевать на два фронта? Неужели он был настолько глупый, что не учел опыт Первой мировой войны, завершившейся поражением Германии?

Ответ напрашивается один: это кому-то было выгодно, и прежде всего Великобритании и стоявшим за ее спиной Соединенным Штатам Америки, а еще точнее – международному капиталу, который находится в постоянных поисках новых источников сырья и рынков сбыта своей продукции. В этом плане вывод из строя двух самых динамично развивающихся государств, очередной передел мира, расчистка европейского пространства под свои задачи – итог крупнейшей политической борьбы за власть, о котором только можно мечтать. А в США и Великобритании было достаточное количество таких мечтателей.

Доказательством этого может служить письмо, которое днем 21 июня 1941 года А. Гитлер из своей новой подземной ставки Вольфшанце, расположенной в мрачном лесу возле Растенбурга в Восточной Пруссии, и продиктовал Б. Муссолини.

Известно, что А. Гитлер понимал всю опасность войны на два фронта и искал союза с Западом. О дипломатических играх того периода написано достаточно много, но еще больше скрыто в секретных архивах и едва ли в скором времени станет достоянием общественности. Тайны дипломатических интриг правительств, как правило, не имеют сроков давности. Но исторические факты налицо. Одним из них является факт окружения немцами английских экспедиционных войск и французских армий в районе Дюнкерка в мае 1940 года. Тогда А. Гитлер, искавший союз с Англией, фактически помиловал ее войска, остановил приказом свои танковые армады и позволил противнику эвакуироваться морем.

Но У. Черчилль не принял этого предложения. Англии и США, международному капиталу нужна была большая война в Европе. Поэтому 4 июня 1940 года, когда фактически все англичане были благополучно эвакуированы с континента, премьер прибыл в палату общин и произнес свою знаменитую речь:

«Даже если огромные части Европы и многие старые и знаменитые государства падут или попадут в лапы гестапо и всего одиозного аппарата нацистского правления, мы не расслабимся и не дрогнем. Мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и океанах, мы будем сражаться с все нарастающей уверенностью и усиливающейся мощью в воздухе, мы будем защищать наш остров, чего бы это нам ни стоило; мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться в местах десантирования, мы будем сражаться в полях и на улицах; мы будем сражаться в горах; мы никогда не сдадимся… наша империя за морями, вооруженная и охраняемая британским флотом, будет сражаться до тех пор, пока по воле божьей Новый Свет (США. – *Авт.*) со всей мощью и могуществом не выступит на спасение и освобождение Старого Света (Англии. – *Авт.*)».

Комментарии по поводу политического союза Великобритании и США излишни.

В то же время на Западе хорошо знали о восточных планах А. Гитлера. Еще в своей книге «Майн кампф» он писал: «Итак, ныне мы, национал-социалисты, возвращаемся к тому, что было шесть столетий назад. Мы прекращаем бесконечное германское движение на юг и запад Европы и обращаем наши взоры в сторону земель на востоке… Когда мы говорим сегодня о приобретении новых земель и нового пространства в Европе, то в первую очередь думаем о России и о подчиненных ей окраинных государствах. Кажется, будто сама судьба указывает нам дорогу туда… Эта колоссальная империя на востоке созрела для ее ликвидации, и конец еврейского господства в России станет концом России как государства».

Оставалось только дождаться начала этой войны, позволить Германии и СССР обескровить себя в кровопролитных сражениях и пожать таким образом политические и экономические плоды при минимальной затрате сил и средств.

Это еще раз подтверждает, что война между СССР и Германией 1941–1945 годов была подготовлена и спровоцирована третьими силами, во главе которых стоял международный капитализм, корни которого произрастали из США и Великобритании, а ветви находились в различных других странах мира. Война велась с целью передела мира, доступа к источникам сырья и рынкам сбыта.

Но Западу нужна была не скоротечная война в Европе, а длительная война на изнурение. Сокрушительные летние поражения Красной Армии 1941 года не на шутку испугали политиков в Лондоне и Вашингтоне. Возникло опасение, что либо Германия достигнет целей войны, либо советское правительство пойдет на переговоры с Берлином. Это грозило появлением на карте Европы новой сверхмогучей империи, которая сможет диктовать свои условия всему миру. Такое развитие событий международным капиталом не планировалось и не допускалось. Поэтому сразу же появилась идея материальной помощи Советскому Союзу, которая выразилась в форме ленд-лиза и обещания открыть второй фронт в Европе.

Безусловно, материальная помощь в то время была важна для Советского Союза, который был вынужден перестраивать свою экономику и временно сократить производство.

Техника и вооружение также поступали в действующую армию по ленд-лизу от

союзников по антигитлеровской коалиции – США, Великобритании и Канады. Всего за время войны, начиная с ноября 1941 г., от них было получено 151,7 тыс. единиц стрелкового оружия, 9,4 тыс. орудий и минометов, 11,9 тыс. штук танков и САУ, 5 тыс. штук бронетранспортеров, 18,3 тыс. штук самолетов, 520 штук кораблей. Доля ленд-лиза в общем количестве техники и вооружения составляла: стрелкового оружия – 0,8 %, орудий и минометов – 1,8 %, танков и САУ – около 12,1 %, самолетов – около 15 %, автомобилей – 32,8 %. Для СССР это была существенная помощь.

Но надо понимать истинные цели этих поставок и помнить, что основная помощь СССР начала поступать только в 1943 и 1944 годах, когда Красная Армия уже продемонстрировала свою способность сопротивляться противнику. За полученные от союзников средства Советский Союз должен был расплачиваться золотом далеко не по самым низким ценам, поставки в СССР большого количества техники, вооружения и продовольствия позволяли западным странам избавиться от устаревших образцов и просроченных запасов, а главное – развить собственное производство на основе новейших технологий.

Вспомним историю открытия союзниками второго фронта в Европе. Открытия этого фронта истекавший кровью Советский Союз добивался с 1941 года. Но Великобритания, а затем и США под любым предлогом откладывали высадку своих войск во Франции. Зато они активно включились в переговоры о поставках в СССР военного имущества, естественно, не задаром.

Так в переговорах прошел 1942, 1943 год. Советские войска нанесли сокрушительное поражение гитлеровцам под Сталинградом и Курском… Но второй фронт все еще открыт не был.

– В Великобритании населения всего 50 миллионов человек, – однажды заявил советскому послу Черчилль. – Открытие второго фронта потребует много человеческих жертв. Мы не можем так легко разбрасываться своими людьми.

В то же время английский премьер почему-то «забыл» не только о многомиллионных колониях Великобритании, но и обещании США участвовать в этой операции своими вооруженными силами.

И только 6 июня 1944 года высадкой 39 дивизий, 12 отдельных бригад при поддержке почти 11 тысяч боевых самолетов началась операция «Оверлорд» – высадка союзных войск в Нормандии, долгожданное открытие второго фронта в Европе. И тогда оказалось, что фашисты в Нормандии имели намного меньше сил, чем предполагали союзники, а их мощная оборона побережья по многим показателям была лишь результатом бурных пропагандистских фантазий Геббельса. Но союзники словно этого и не знали. Началась решающая схватка за сферы влияния в послевоенном мире.

Союзники предпочитали спешить медленно – еще не был окончательно исчерпан разрушительный потенциал Германии на ее Восточном фронте. В сентябре 1944 года произошло очередное «чудо» – успешное наступление союзников почему-то остановилось. Немецкие генералы не могли объяснить произошедшее. Союзные генералы, включая Эйзенхауэра, после войны долго спорили, почему это произошло, но так и не дали вразумительного ответа. Говорили, будто Монтгомери предлагал, собрав силы в кулак, нанести мощный удар, прорваться к Руру, лишив немцев их главного арсенала, открыть путь на Берлин. Эйзенхауэр отклонил это предложение и решил наступать на широком фронте. Но материально обеспечить такое наступление он не мог, так как его армии далеко оторвались от своих тылов, а американцы наступать без тушенки, виски и шоколада не могли. Задержка наступления союзников позволила немцам подтянуть свежие резервы и усилить свою оборону.

Наконец наступление союзных войск началось 17 сентября высадкой двух американских и одной английской воздушно-десантных дивизий в тылу войск противника. Но эффективность десанта оказалась низкой. Парашютисты «по ошибке» приземлились в расположение двух танковых дивизий СС, о наличии которых они не знали. Операция

потерпела неудачу. После десятидневных ожесточенных боев их войска отошли от Арнема. От английской 1-й воздушно-десантной дивизии, сброшенной близ города, в результате боев из 9 тысяч человек осталось всего 2163. Эта неудача дала возможность Эйзенхауэру доказать правильность своего решения, а английской и американской авиации продолжить разрушение важнейших экономических объектов Германии. Гитлеровцы же получили новую возможность усилить свое сопротивление на Восточном фронте и продлить сопротивление Красной Армии.

Но все это только рассуждения автора, которые имеют косвенные подтверждения, но не доказаны и уже, видимо, никогда не будут доказаны учеными-историками. Зато хорошо известно другое – фашизм повержен странами антигитлеровской коалиции, ведущее место в которой занимали Советский Союз, Великобритания и США. И хотя о вкладе каждой из этих стран в достижение Победы все еще ведутся споры, но их совместная роль в этом великом деле неоспорима.

В свете сложной политической игры в мире и в самой Германии в последние годы своей жизни А. Гитлер практически постоянно находился под угрозой физического уничтожения в результате различных заговоров, которые плелись в его окружении. О военных заговорщиках начала Второй мировой войны я уже писал выше. Но и в последующие годы угроза насильственной смерти от руки заговорщиков постоянно витала над фюрером, негативно отражаясь на его здоровье и психическом состоянии.

Постоянные террористические акты выводили из строя ближайших соратников А. Гитлера.

Утром 29 мая 1942 года был убит заместитель Гиммлера 38-летний шеф СД Гейдрих. Когда он утром, сидя за рулем открытого «Мерседеса», направлялся из своей загородной виллы в пражский дворец, в него была брошена бомба английского производства. Она разнесла вдребезги автомашину и раздробила Гейдриху позвоночник. Покушение было делом рук двух чехов – солдат Свободной чехословацкой армии, сформированной в Англии, которые были сброшены на территорию Чехословакии незадолго до покушения из английского самолета.

Гейдрих умер от ран 4 июня. После этого немцы организовали зверскую расправу над мирными чехами. По данным одного из докладов гестапо, был немедленно расстрелян 1331 человек, в том числе 201 женщина. Затем и сами террористы, которые вместе со 120 бойцами чешского Сопротивления скрывались в церкви Карла Баррамуса, были схвачены в ходе осады и убиты эсэсовцами. Еще три тысячи евреев были выселены из «привилегированного» гетто в Тирезиенштадте и направлены на восток для уничтожения. В день покушения на Гейдриха Геббельс распорядился арестовать 500 евреев из немногих, оставшихся в Берлине, а в день смерти Гейдриха 152 из них были подвергнуты экзекуции.

Но самое ужасное злодеяние по случаю покушения на Гейдриха было организовано немцами в небольшой чешской деревушке Лидице 2 июня 1942 года. Эсэсовцы окружили эту деревушку и заперли все ее население в амбаре. На следующий день они выводили людей группами по 10 человек из амбара и расстреливали. Всего в этот день было расстреляно 172 мужчин и подростков старше 16 лет. 195 женщин были отправлены в концлагерь в Равенсбрюк, где более 50 из них погибли. 90 детей отправили в концлагерь Гнезенау, где многим поменяли фамилии и направили в Германию, остальные исчезли бесследно.

Сама Лидице была сожжена и фактически исчезла с лица земли. Такова была цена убийства Гейдриха.

В ноябре 1942 года на тайной встрече в лесу под Смоленском Гёрдлер, политический лидер немецкого сопротивления, обратился к фельдмаршалу Клюге, командующему группой армий «Центр», с просьбой сыграть активную роль в ликвидации А. Гитлера. Клюге поначалу согласился, но затем струсил и написал письмо генералу Беку в Берлин, чтобы на него не рассчитывали в этом деле.

Несколько недель спустя заговорщики обратились к генералу Паулюсу, армия которого была окружена под Сталинградом, с просьбой возглавить сопротивление А. Гитлеру.

Письмо, написанное генералом Беком, было доставлено в Сталинград самолетом. Но Паулюс направил из Сталинграда фюреру поток телеграмм с выражением верности, за что был удостоен звания генерал-фельдмаршала. Он опомнился только после того, как был доставлен в Москву в качестве военнопленного, но момент был упущен.

Затем заговорщики возложили свои надежды на Клюге и Манштейна, которые после разгрома 6-й армии под Сталинградом вылетели в Растенбург, чтобы потребовать от фюрера передать им командование всеми армиями на советско-германском фронте. В случае успеха этот демарш должен был послужить сигналом к военному перевороту в Берлине. Но заговорщики вновь просчитались. Два фельдмаршала, прибыв в ставку Гитлера, не придумали ничего лучшего, как заверить фюрера в своей безграничной преданности.

– Нас предали. Мы остались в одиночестве! – с горечью заявил генерал Бек, а его друзьям стало очевидно, что ожидать помощи от генералов не стоит. В отчаянии они обратились к последнему носителю военной власти в Германии – командующему армией резерва генералу Фромму. Эти войска лишь с большой натяжкой можно было считать военной силой. В них входили рекруты, проходившие военное обучение, и подразделения пожилых солдат, охранявшие объекты тыла. Тем не менее, по замыслу заговорщиков, этих сил было достаточно, чтобы внезапно оккупировать Берлин и другие крупные города Германии после убийства Гитлера. Но единого плана действий у заговорщиков не было. Преимущественным было мнение о необходимости переговоров о мире с Англией и США. Заговорщики даже смогли выйти на руководство союзников через А. Даллеса, орудовавшего в Швейцарии. Но А. Даллес, видимо по рекомендации Лондона и Вашингтона, от дальнейших контактов с представителями немецкого сопротивления уклонился.

В феврале 1943 года Гёрдлер сообщил Якобу Валленбергу в Стокгольме, что они подготовили план переворота, намеченного на март этого года. Операция получила кодовое название «Вспышка». План этой операции разработали начальник общего управления сухопутных войск Германии генерал Ф. Ольбрихт, начальник штаба группы армий «Центр» фон Тресков. Сам Фромм, как и Клюге, к тому времени полностью разочаровался в А. Гитлере, но не считался достаточно надежным человеком для того, чтобы посвятить его в план заговора.

В начале марта заговорщики собрались на последнее совещание в Смоленске, в штабе группы армий «Центр». Туда прибыл под видом проведения совещания с офицерами разведки вермахта шеф абвера адмирал Канарис. Генерал Э. Лахузен, бывший офицер разведки австрийской армии, привез с собой несколько бомб замедленного действия немецкого производства, предназначенных для диверсии против фюрера.

Бомбы прошли испытание, в результате которого был сделан вывод, что данные образцы не соответствуют выдвигаемым требованиям. Все они перед взрывом производили низкий шипящий звук, который мог насторожить охрану и присутствующих. Было решено использовать бомбы английского производства, несколько экземпляров которых имелось в распоряжении абвера. Заговорщики планировали каким-то образом заманить А. Гитлера на совещание в штаб группы армий «Центр» и там покончить с ним. Убийство Гитлера должно было стать сигналом для действий заговорщиков, находившихся в Берлине.

Уговорить Гитлера на поездку в Смоленск оказалось непросто. К тому времени он уже основательно не доверял некоторым своим генералам и неохотно покидал территорию Германии. Тем не менее удалось получить его согласие на приезд в штаб группы армий «Центр» 13 марта 1943 года.

Тем временем Тресков принялся энергично убеждать фон Клюге взять в свои руки руководство операцией по устранению фюрера. Более того, он уговорил начальника войск охраны штаба группы армий «Центр» подполковника барона фон Безелагера использовать для покушения на Гитлера подчиненные ему войска. (Позже он был казнен нацистами.) Но в марте 1943 года фон Клюге все сомневался.

Тресков и Шлабрендорф решили сами возглавить заговор. Они решили заложить бомбу в самолет Гитлера перед обратным вылетом и все списать на несчастный случай.

Гитлер прибыл в Смоленск 13 марта, как и было предусмотрено. Дважды за этот день офицеры-заговорщики обращались к Трескову с предложением немедленно взорвать бомбу. Но тот колебался, опасаясь, что при взрыве погибнут и генералы, участвовавшие в заговоре, которые должны были обеспечить захват власти на местах после смерти фюрера.

Оставалась нерешенной проблема – как пронести взрывчатку в самолет фюрера. Она была упакована в пакеты из-под коньяка, и Тресков попросил одного из сопровождавших Гитлера передать этот «коньяк» своему другу в Берлин. Офицер согласился. (Позже он был казнен нацистами.) На аэродроме Шлабрендорф запустил механизм подрыва и передал сверток в самолет. После этого он позвонил в Берлин и предупредил, что «Вспышка» началась.

Самолет Гитлера взлетел и взял курс на Берлин. По плану заговорщиков через 15 минут должен был последовать взрыв. Но известий не поступало. Через два часа поступило сообщение, что самолет фюрера благополучно приземлился в Растенбурге.

Заговорщики оказались на грани провала. Они понимали, что, если будет обнаружена бомба, все сразу же укажет на их причастность к заговору. Поэтому Шлабрендорф, собрав все свое мужество, немедленно позвонил в Берлин офицеру, через которого передавал «коньяк», и спросил, доставил ли тот посылку адресату. Офицер ответил, что еще не успел. Тогда Шлабрендорф сообщил, что намерен завтра сам прибыть в Берлин и встретиться со своим товарищем. Он так и поступил, обменяв бомбу на обычный коньяк. Уже на обратном пути в поезде Шлабрендорф понял причину неудачи – боек пробил капсюль бомбы, но детонатор не сработал.

Но заговорщики не отказались от плана убийства фюрера. Случай подвернулся очень скоро. 21 марта Гитлер в сопровождении Геринга, Гиммлера и Кейтеля должен был присутствовать на церемонии поминовения павших героев в Берлине. Появилась возможность одним махом разделаться не только с фюрером, но и с его ближним окружением. Акцию поручили провести начальнику разведки при штабе Клюге полковнику барону фон Герсдорфу, который согласился пожертвовать собой ради высокой цели. Акцию было решено провести во время осмотра фюрером и его спутниками выставки трофейной советской техники, специально развернутой для этой цели.

Взрыв бомбы должен был последовать через 15–20 минут после запуска механизма. Все складывалось удачно, и Герсдорф уже был готов запустить «адскую машину». Но в это время адъютант сообщил, что осмотр трофейной техники решением фюрера будет сокращен до 10 минут. Намеченный взрыв пришлось отменить.

Заговорщикам явно не везло. Осенью 1942 года был арестован мюнхенский бизнесмен Шмидтхубер, который по заданию абвера контрабандой провозил валюту в Швейцарию для находившихся там еврейских беженцев. За дело взялось гестапо, давно уже соперничавшее с абвером. Канарис оказался бессилен помочь своему агенту, который в отместку начал давать показания. Последовал ряд арестов и отставок, а затем и ликвидация самого абвера 18 февраля 1944 года. В лице адмирала Канариса заговорщики лишились очень активного «штыка», а власть Гиммлера в Германии и вермахте только усилилась.

Попытки убийства Гитлера продолжались. В ноябре 1943 года была предпринята очередная попытка взорвать фюрера во время осмотра новых образцов формы одежды. Капитан А. фон дем Бусше, который играл роль манекена, должен был привести в действие взрывное устройство, спрятанное под его одеждой, в момент подхода фюрера. Но накануне показа бомба союзников, сброшенная во время воздушного налета, уничтожила все образцы одежды, и показ не состоялся.

Новая демонстрация моделей была назначена на 11 февраля 1944 года. На этот раз на роль смертника согласился Г. фон Клейст, сын известного военачальника и видного участника заговора Э. фон Клейста. Но из-за воздушного налета Гитлер на демонстрацию не прибыл, и взрыв в очередной раз был отменен.

После всех имевших место неудач заговорщики пришли к убеждению, что рассчитывать на случай нельзя, а нужно ориентироваться на одно из двух плановых

совещаний, которые А. Гитлер ежедневно проводил в Растенбурге с высшими чинами вермахта. 26 декабря 1943 года на одно из таких совещаний был приглашен полковник граф К. фон Штауфенберг, который состоял в заговоре и поехал в резиденцию фюрера с бомбой в портфеле. Но именно в тот день А. Гитлер отменил совещание и уехал отмечать Рождество в Оберзальцберг к Еве Браун.

Но Штауфенберг не отказался от своей высокой миссии. Это был истинный аристократ, военный и человек чести, который свои убеждения и данное слово ценил выше собственной жизни. В 19 лет он начал службу в армии, затем окончил военную академию в Берлине, работал в генеральном штабе. При этом Штауфенберг всегда был противником нацистского режима и войны, в которую Гитлер втянул страну в 1939 году. В то же время, направленный на фронт, Штауфенберг в качестве штабного офицера 6-й танковой дивизии генерала Гёпнера участвовал в польской и французской кампаниях. В июне 1940 года его перевели в штаб главного командования сухопутных войск (ОКХ). С начала войны с Советским Союзом Штауфенберг преимущественно находился на советской территории, где помогал формировать «добровольческие» части из военнопленных. Именно в это время, не будучи сторонником советского строя, Штауфенберг окончательно понял античеловеческую сущность фашизма и сошелся с некоторыми заговорщиками.

После катастрофы под Сталинградом Штауфенберг попросил направить его на фронт и был назначен начальником штаба 10-й танковой дивизии, находившейся в Тунисе. 7 апреля 1943 года автомобиль Штауфенберга наскочил на мину, он потерял левый глаз, правую руку, два пальца левой руки и получил ранения в голову и в колено. Любой другой человек на его месте подал бы в отставку, но Штауфенберг решил остаться в строю с тем, чтобы завершить священную миссию. К концу сентября 1943 года он получил звание подполковника и вернулся в Берлин на должность начальника штаба одного из управлений сухопутных войск вермахта. Одновременно он приступил к тщательной подготовке покушения на Гитлера.

Вскоре вокруг деятельного аристократа фон Штауфенберга образовалась большая группа заговорщиков. В ее состав вошли генерал Бек, его начальник генерал Ольбрихт, начальник организационного управления сухопутных войск генерал Штифф, первый генерал-квартирмейстер штаба сухопутных войск генерал Эдуард Вагнер, начальник службы связи при верховном главном командовании генерал Эрих Фельгибель, начальник артиллерийско-технического управления генерал Фриц Линдерман, начальник берлинской комендатуры генерал Пауль фон Хазе, начальник отдела иностранных армий полковник барон фон Рённе, начальник штаба отдела иностранных армий капитан граф фон Матюшка и другие.

Заговорщики хотели иметь в своих рядах кого-либо из действующих генерал-фельдмаршалов, но это оказалось непростым делом. Генерал-фельдмаршал фон Вицлебен, который одним из первых примкнул к заговору и намечался на должность главнокомандующего вооруженными силами, находился в резерве и не имел в своем подчинении войск. Командующий войсками на западе генерал-фельдмаршал фон Рундштедт не пожелал нарушать присягу, данную фюреру. Так же ответил и генерал-фельдмаршал фон Манштейн. Совсем неожиданно согласился примкнуть к заговору генерал-фельдмаршал Роммель, но он не пользовался доверием у многих заговорщиков. Поэтому ему сообщили, что оппозиционеры только намерены арестовать фюрера и потребовать от него публичного отречения от власти. Роммель одобрил эту идею, но он категорично возражал против убийства Гитлера.

Основной идеей заговора было, после устранения Гитлера, заключение перемирия с западными союзниками. Часть заговорщиков считала, что после этого армии союзников присоединятся к войскам вермахта, ведущим военные действия на востоке, с тем чтобы не допустить распространения большевистской заразы в Европе. Но другая часть, в том числе и сам Штауфенберг, больше ориентировалась на то, что после убийства Гитлера удастся договориться с Советским Союзом, так как И. В. Сталин много раз повторял, что его страна ведет войну не с германским народом, а с фашистами. При этом они ссылались на

декларацию, принятую после встречи Черчилля и Рузвельта в Касабланке 24 января 1943 года, заявившую о ведении войны до безоговорочной капитуляции Германии. Советский Союз присоединился к этой декларации только в октябре 1943 года, что вселяло в заговорщиков надежды в возможность договориться с Москвой в обход Лондона и Вашингтона.

План заговора носил кодовое название «Валькирия» (по скандинавско-германской мифологии, дева, витающая над полем сражения в выборе тех, кому суждено погибнуть). После покушения на Гитлера в Растенбурге войска, преданные заговорщикам, должны были занять ключевые точки Берлина, рейхсканцелярию, министерства, штабы СС и гестапо. Генералов, не поддержавших заговорщиков, было решено арестовать.

Но время шло и развертывались события, которые играли не в пользу заговорщиков. К июню 1944 года гестапо, постоянно производя аресты, подобралось к ядру заговора. Еще весной Гиммлер предупредил опального Канариса, что ему известно о заговоре и что его люди наблюдают за многими подозрительными генералами и офицерами вермахта. 4 июля Рим был занят союзниками. 6 июля началась высадка армий союзников на севере Франции, и наконец был открыт второй фронт в Европе.

А. Гитлер в свойственной ему манере потребовал немедленно ликвидировать плацдарм, захваченный союзными войсками. Но Рундштедт и Роммель были вынуждены признаться, что не в силах это сделать. Гитлер был потрясен свалившимся на него известием. Роммель предложил отвести войска, и прежде всего танки, за пределы огня корабельной артиллерии союзников с тем, чтобы организовать оборону в глубине и там попытаться остановить наступление противника. Но Гитлер не хотел ничего слушать. Вместо этого он разразился пространной речью о стойкости немецкого солдата и силе Фау-1, которые заставят англичан прекратить наступление во Франции.

Роммель, выслушав путаную речь фюрера, решился заговорить о необходимости переговоров с противником. Но Гитлер ответил, что переговоры вне компетенции фельдмаршала, основная задача которого – сражаться. Дальнейшие разговоры на эту тему становились бессмысленными.

В то время А. Гитлер находился в бункере в Маржевале. Немецкие войска вели обстрел территории Англии ракетами Фау-1. Одна из таких ракет, сбившись с курса, неожиданно 17 июня упала на бункер фюрера. И хотя жертв не было, но Гитлер поспешил оставить опасное место и переехал в свою резиденцию в Берхтесгаден.

23 июня началась Белорусская стратегическая наступательная операция на советско-германском фронте. Оборонявшиеся там немецкие войска группы армий «Центр» оказались на грани разгрома. 29 июня Рундштедт и Роммель вновь предложили фюреру реально оценить положение и попытаться положить конец войне. Но и на этот раз Гитлер остался глухим к словам своих фельдмаршалов. Два дня спустя Рундштедт был отстранен от командования Западным фронтом и заменен генерал-фельдмаршалом фон Клюге.

Имеются сведения, что причиной отставки Рундштедта стал его телефонный разговор с Кейтелем, который пытался узнать: что ему делать после того, как удар четырех танковых дивизий СС по войскам англичан не достиг намеченной цели?

– Нужно немедленно заключать мир! – в сердцах выпалил Рундштедт.

Об этом разговоре сразу же стало известно Гитлеру, который как раз беседовал с Клюге, вернувшимся после болезни из отпуска. Он был тут же назначен вместо «не оправдавшего надежд» Рундштедта.

15 июля Роммель направил Гитлеру телеграмму по телетайпу, в которой сообщал: «Войска повсюду сражаются героически. Но неравная борьба подходит к концу. Я прошу вас сделать необходимые выводы незамедлительно. Как командующий группой армий, считаю своим долгом заявить об этом со всей ясностью».

17 июля Роммель, возвращавшийся в свой штаб из Нормандии на автомобиле, был тяжело ранен в результате обстрела из самолета союзников. Так заговорщики лишились еще одного активного «штыка» – генерал-фельдмаршала, способного на решительные действия.

Высадка союзников в Нормандии также была большой неприятностью и для Штауфенберга, который считал, что в 1944 году она не произойдет или что во время высадки англо-американские войска понесут такие большие потери, что не смогут развивать наступление в глубину. Но его надежды не оправдались. После этого заговорщики Бек и Гёрдлер усомнились в целесообразности заговора, решив, что убийство Гитлера только ускорит крах Германии. Но они были уверены, что под угрозой распространения большевизма на запад союзники все же пойдут на переговоры с новым правительством Германии и что, даже при оккупации страны, удастся избежать ее разрушения и огромных жертв среди немецкого народа. Но молодые заговорщики во главе с Штауфенбергом были другого мнения. На основании докладов генерала Трескова, который стал начальником штаба 2-й армии на советско-германском фронте, они понимали неизбежность развала этого фронта и настаивали на ликвидации Гитлера прежде, чем советские войска выйдут на западные границы СССР.

– Мы должны показать всему миру и будущим поколениям, что борцы немецкого сопротивления осмелились предпринять решающий шаг, рискуя собственной жизнью, – заявил генерал. – Важно само действие. Все остальное по сравнению с этой целью ничего не стоит.

Заговорщики решили действовать немедля. Они спешили также и потому, что в Германии и оккупированных ею странах в это время все выше поднимало голову коммунистическое подполье, руководимое из Москвы. И чем больше сил набирало это подполье, тем меньше шансов оставалось у заговорщиков договориться с Москвой.

Но заговорщики в своих действиях пошли дальше. В июне вопреки совету Гёрдлера и других старых генералов они решили установить контакт с коммунистами. Сам Штауфенберг решился на этот шаг только для того, чтобы знать больше о планах других противников фашистского строя и при возможности использовать их силы для расширения базы восстания после свержения Гитлера. Он даже решился на встречу с руководителями коммунистического подполья, которая состоялась 22 июня в Берлине. Оказалось, что коммунистам многое известно о заговоре против Гитлера, но они хотели бы узнать больше и встретиться с крупными военачальниками. Сам Штауфенберг на встречу не пошел, поручив представлять его Рейхвену. Но гестапо стало известно об этой встрече, и все ее участники были арестованы, а позже казнены.

В конце июня 1944 года Штауфенберг был произведен в полковники и назначен начальником штаба командующего армией резерва, что позволяло ему отдавать приказы от имени командующего и открыло доступ в резиденцию Гитлера. Но к этому времени заговорщики поняли, что одновременно с фюрером им предстоит уничтожить также Геринга и Гиммлера, которые располагали реальной военной силой и могли помешать захвату власти. Все это собирался сделать Штауфенберг во время очередного совещания у фюрера.

11 июля его вызвали в Оберзальцберг для доклада фюреру. Он прихватил с собой бомбу. Но Гитлер в этот день на совещании отсутствовал. Террористический акт было решено не производить.

В следующий раз для доклада фюреру Штауфенберг был вызван 15 июля. На этот раз заговорщики настолько были уверены в успехе акции, что решили передать сигнал «Валькирия» за два часа до начала совещания. По этому сигналу танки из танкового училища, расположенного в Крампнице, должны были начать марш в сторону Берлина. В 11 часов (время начала совещания) сигнал «Валькирия» был передан некоторым частям берлинского гарнизона.

Штауфенберг с портфелем в руке, в котором лежала бомба, прибыл в конференц-зал фюрера в 13 часов, сделал доклад, а затем ненадолго вышел, чтобы сообщить по телефону сообщникам, что все готово к теракту. Но когда он вернулся в зал, то Гитлера там уже не обнаружил. Он тут же позвонил Ольбрихту, и генерал приказал войскам незаметно вернуться в места своей постоянной дислокации.

Следовавшие одна за другой неудачные попытки покушения внесли колебания в ряды

заговорщиков. Одни опасались упрямства союзников, другие – раскрытия заговора сторонниками Гитлера. Тем не менее большинство настаивали на завершении задуманного, видя в этом последнюю возможность спасения Германии.

20 июля Штауфенберг снова был вызван в Вольфшанце для доклада Гитлеру. Выезжая туда, он созвонился с другими руководителями заговора и попросил всех быть наготове. Все участники были оповещены, что 20 июля – день операции «Валькирия». Штауфенберг ехал на совещание, имея в портфеле английскую бомбу замедленного действия. Сам он был полон решимости довести задуманное до конца.

Сама картина покушения на Гитлера 20 июля 1944 года хорошо описана многими авторами, поэтому я не стану тратить время на перепись уже известного. Важно другое – Штауфенберг подорвал бомбу, но убить фюрера не удалось. Штауфенбергу удалось благополучно покинуть Вольфшанце и вылететь в Берлин. Через три часа он узнал, что «Валькирия» все еще не начала действовать. Другие участники заговора чего-то упорно выжидали.

А. Гитлер не был убит. Бессознательное перемещение портфеля к дальнему краю прочного дубового стола спасло ему жизнь. Гитлер был сильно контужен, но легко ранен. У него были опалены волосы, на ногах появились ожоги, правая рука в синяках и временно парализована, упавшая балка оставила ссадину на спине. Многие присутствовавшие на совещании были убиты или получили тяжелые ранения.

Примерно через два часа после взрыва картина начала проясняться. Вспомнили о Штауфенберге, что дало основание заподозрить его в организации взрыва. Гиммлер немедленно отдал приказ арестовать полковника после приземления его самолета в Берлине, но этот сигнал задержался по воле радиста.

А. Гитлер в тот день вел себя на удивление спокойно. В 16 часов он встретил Муссолини, который прилетел в Вольфшанце, и даже показал ему развалины конференц-зала, где произошел взрыв. Зато Муссолини был в ужасе, не понимая, как такое могло произойти в ставке фюрера.

– Это говорит только о том, что мое предназначение – идти избранным путем до конца и достичь поставленной цели, – заявил фюрер. – Избежав смерти, я более, чем когда-либо, убедился, что великому делу, которому я служу, не страшны никакие опасности.

Заговор Штауфенберга провалился. Берлинские генералы-заговорщики, наученные прежним опытом, на этот раз не спешили начинать действовать по плану «Валькирия». Когда в 15.45 Штауфенберг вышел из самолета в Рангсдорфе, ничего не было предпринято. Оставались незахваченными радиостанции, телефон, телеграф. Оба главных военных руководителя заговора – генералы Бек и Вицлебен – так и не появились. Штауфенберг на свой страх и риск решил дать сигнал к началу действий. Сигнал «Валькирия» начали передавать в войска. Текстом сообщалось, что Гитлер убит и что власть в Германии перешла в руки других людей.

Тем временем генерал Фромм попытался связаться с Кейтелем по линии правительственной связи и узнал, что Гитлер жив. После этого Фромм сразу же отошел от заговора. Ольбрихт, не говоря ни слова, выскользнул из здания. Но прибывший Штауфенберг настаивал на немедленном начале операции. Он позвонил своему родственнику во Францию и добился того, что тот начал аресты офицеров и генералов войск СС и СД.

Когда Штауфенберг вернулся в свое управление, там его поджидали эсэсовцы, чтобы арестовать. Штауфенберг приказал их арестовать. Затем позвонили командиру отборного батальона охраны «Гросдойчланд» и приказали немедленно прибыть в комендатуру. Командир этого батальона майор Отто Ремер был воякой до мозга костей, который не интересовался политикой. Его храбрость не вызывала сомнений – от Гитлера совсем недавно он принял Рыцарский крест с дубовыми листьями. Получив приказ, Ремер поднял батальон по тревоге и направился выполнять поставленную ему боевую задачу.

Но в это время Гитлер впервые позвонил в Берлин Геббельсу, сообщил о покушении и

попросил проследить за порядком в столице. Геббельс немедленно пригласил к себе Ремера, который как раз собирался по приказу заговорщиков арестовать министра пропаганды. Геббельс оказался весьма находчивым. Он сообщил майору, что Гитлер жив и что против фюрера поднят мятеж генералов. Ремер не поверил Геббельсу, но тот по телефону соединил его с фюрером. Фюрер произвел майора в полковники и приказал ему, выполняя команды Геббельса, подавить восстание в Берлине. Ретивый новоиспеченный полковник безотлагательно приступил к выполнению новой команды.

Вскоре стало известно, что фюрер сменил коменданта Берлина, а части СС готовятся штурмовать Бендлерштассе. Начался массовый переход заговорщиков на сторону фюрера. Группа офицеров ворвалась в здание на Бендлерштассе. Штауфенберг был ранен в ногу, генералы Бек, Гёпнер, Ольбрихт и другие были арестованы по приказу Фромма. Четыре заговорщика, в том числе Ольбрихт и Штауфенберг, тут же по приказу Фромма были расстреляны. Генерал Бек пытался застрелиться, но у него это не получилось, и его выстрелом в шею прикончил сержант. Генерал Гёпнер отказался последовать примеру Бека и был отправлен в Моабитскую тюрьму.

В одиннадцать часов ночи на Бендлерштрассе прибыл с группой эсэсовцев О. Скорцени и прекратил дальнейшие экзекуции. Он распорядился на остальных заговорщиков надеть наручники и отправить в тюрьму гестапо на Принц-Альбрехтштрассе и занялся выемкой документов, которые те не успели уничтожить.

Остается непонятным: почему заговорщики немедленно не арестовали Геббельса? Почему не привлекли другие войска к захвату ключевых объектов Берлина? Почему не прервали связь Берлина со ставкой Гитлера? Почему не выступили с заявлением к народу и войскам?

В 18.30 с заявлением по мощной радиостанции «Германия» выступил Геббельс. Прозвучало сообщение о неудавшемся покушении на Гитлера.

Когда около 20 часов вечера в штаб заговорщиков, играя жезлом, прибыл в полной военной форме генерал-фельдмаршал фон Вицлебен, чтобы приступить к исполнению обязанностей нового главнокомандующего вермахта, стало ясно, что заговор провалился. Фельдмаршал немного потолкался и вскоре покинул здание на Бендлерштрассе, не считая себя более участником заговора.

В 9 часов вечера с обращением к немецкому народу выступил сам А. Гитлер. Он сказал: «Мои немецкие товарищи! Я выступаю перед вами сегодня, во-первых, чтобы вы могли услышать мой голос и убедиться, что я жив и здоров, и, во-вторых, чтобы вы могли узнать о преступлении, беспрецедентном в истории Германии.

Совсем небольшая группа честолюбивых, безответственных и в то же время жестоких и глупых офицеров состряпала заговор, чтобы уничтожить меня и вместе со мной штаб верховного главнокомандования вермахта.

Бомба, подложенная полковником графом фон Штауфенбергом, взорвалась в двух метрах справа от меня. Взрывом были ранены мои верные и преданные сподвижники, один из которых погиб. Сам я остался совершенно невредим, если не считать нескольких незначительных царапин, ожогов и ссадин. Я рассматриваю это как подтверждение миссии, возложенной на меня провидением…»

После покушения 20 июля в тылу и на фронтах прокатилась волна арестов. Арестованных подвергали страшным пыткам, а затем судили военно-полевыми судами. Большинство были приговорены к смерти. Приговоры приводились в исполнение по большей части путем медленного удушения жертв рояльными струнами, перекинутыми через крюки для подвески мясных туш. Родственников и друзей обвиняемых тысячами направляли в концлагеря.

Первый публичный процесс над заговорщиками состоялся в Народном суде в Берлине 7 и 8 августа 1944 года. На нем предстали генерал-фельдмаршал фон Вицлебен, генералы Гёпнер, Штрифф и фон Хазе, а также ряд младших офицеров. Геббельс приказал заснять на кинопленку весь процесс до последней минуты. Все обвиняемые прошли через подвалы

гестапо и были морально сломлены, выглядели ужасно. У фельдмаршала Вицлебена отобрали даже искусственную челюсть, остальных лишили галстуков, воротничков, ремней и подтяжек. Одежда была мятой и грязной, сами подсудимые небритыми.

Несмотря на все эти ухищрения гестаповцев, подсудимые, которые уже не сомневались в своей дальнейшей участи, вели себя достаточно мужественно. Некоторые даже нашли в себе силы обвинить нацистов в их преступлениях против германского народа. Защиты, разумеется, никакой не было. Судьи знали, что накануне процесса Гитлер сказал: «Всех повесить, как скот».

Этот приказ был выполнен. В тюрьме Плётцензе восьмерых осужденных загнали в небольшое помещение, где с потолка свисало восемь крюков. На кинокамеры снимали, как несчастных раздели до пояса, а затем вздернули вверх, накинув на шею петлю из рояльной струны, перекинутую через крюк. Осужденные поначалу свободно свисали в петле, а затем по мере того, как петля затягивалась, начинали судорожно хватать ртом воздух. С них сползали и падали на пол брюки, они бились в предсмертной агонии и, наконец, затихали. Срочно проявленный фильм в тот же день направили фюреру, чтобы он мог насладиться мученической смертью своих врагов. Позже фильм с изображением процесса суда демонстрировали на Нюрнбергском процессе, но фильма казни заговорщиков найти не удалось.

Заседания Народного суда по делу покушения на фюрера шли всю осень и зиму наступившего 1945 года. Но, казалось, сама судьба решила прекратить это дело. 3 февраля американская бомба упала на здание Народного суда, убила главного судью Фрейслера и уничтожила многие обвинительные документы. Это позволило некоторым заговорщикам избежать лютой смерти.

Гёрдлер, которого заговорщики прочили на пост канцлера, к смертной казни был приговорен 8 сентября 1944 года, но приговор привели в исполнение только 2 февраля 1945 года. По-видимому, Гиммлер хотел использовать его связи с союзниками в своих целях. Граф Фридрих фон Шуленбург, бывший посол в Москве, был казнен 10 ноября 1944 года. Не удалось избежать казни и генералу Фромму, который пытался выгородить себя, арестовав и казнив 20 июля главных зачинщиков путча. Его арестовали в ночь на 20 июля, а расстреляли 19 марта 1945 года. Всего, по некоторым данным, гестапо было арестовано около 7 тысяч человек, из которых 4980 казнено.

После покушения на Гитлера был арестован и адмирал Канарис. Однако Кейтель добился того, что дело Канариса не было передано в Народный суд. Гитлер, узнав об этом, приказал судить адмирала специальным судом СС. Но этот процесс не раз откладывался. И только 9 апреля 1945 года, всего за месяц до капитуляции Германии, Канарис, его бывший помощник полковник Остер и еще четверо заключенных предстали перед судом в концлагере Флоссенбург. Все они были приговорены к смерти. Однако данных о казни Канариса не было. Только десять лет спустя свидетели показали, что адмирал был повешен в день вынесения приговора.

Генерал Х. фон Тресков утром 21 июля зашел проститься к своему другу и помощнику Шлабрендорфу. «Теперь все набросятся на нас и будут поливать грязью, – сказал он. – Но мои убеждения незыблемы: мы поступили правильно. Гитлер не только заклятый враг Германии, он – заклятый враг всего человечества. Через несколько часов я предстану перед Богом, держа ответ за свои действия и упущения. Думаю, что смогу с чистой совестью оправдать все, что сделал в борьбе против Гитлера…»

В то утро Тресков выехал на передний край, прополз в нейтральную полосу и выдернул предохранительную чеку из ручной гранаты. Взрывом ему оторвало голову.

Спустя пять дней свел счеты с жизнью генерал-квартирмейстер сухопутных войск генерал Вагнер. 17 августа отравился генерал-фельдмаршал фон Клюге. 14 октября 1944 года при загадочных обстоятельствах погиб генерал-фельдмаршал Роммель. В официальном некрологе говорилось, что он умер от кровоизлияния в мозг. Роммель был очень популярен в войсках, и иначе Гитлер поступить не мог: ему были организованы государственные

похороны.

Покушение 20 июля 1944 года стало потрясением не только для А. Гитлера, но и для всей Германии, и прежде всего для вермахта. Немецкий офицерский корпус, который так гордился своими традициями, оказался причастным к тяжкой государственной измене. Погибли три прославленных фельдмаршала: одного из них повесили, двое других были вынуждены пойти на самоубийство. Десятки высших генералов были брошены в гестаповские застенки и умерщвлены самым позорным образом.

Теперь о материальной стороне Второй мировой войны. Безусловно, война против Советского Союза (Великая Отечественная война 1941–1945 гг.) стала главным событием Второй мировой войны, в огне которой советский народ потерял 26,6 миллиона человек. Было разрушено 1710 городов и поселков, более 70 тысяч сел и деревень, 32 тысячи промышленных предприятий, 4100 железнодорожных станций, 1870 железнодорожных мостов, 63 тысячи километров железнодорожных путей. 25 миллионов человек остались без крова. Таких потерь и материального ущерба не понесла ни одна страна мира за всю историю ее существования. В деле повышения своего благосостояния советский народ был отброшен на многие десятилетия назад.

Сильно пострадала Восточная Европа. Разрушительный смерч войны пронесся по территории Польши, Венгрии, затронул своим крылом Румынию, Болгарию, Чехословакию, Югославию.

Безусловно, другие страны также в определенной степени пострадали в результате Второй мировой войны. Потери стран антигитлеровской коалиции составили: Франции – 600 тысяч, США – 405 тысяч, Великобритании – 375 тысяч, Канады – 37 тысяч человек. Но при этом нужно помнить, что на территории США не было разрушено ни одного населенного пункта или предприятия, а национальный доход страны удвоился. Великобритания за период с 1939 по 1945 год, по подсчетам британских специалистов, понесла потери на 4,2 млрд фунтов стерлингов. Но при этом в период войны в британском хозяйстве наметились позитивные сдвиги: усилились масштабы стандартизации производства и его оснащения современным оборудованием; быстрое развитие получили авиастроение, машиностроение, производство стратегических материалов, возникли такие отрасли производства, как электронная и радиотехническая. Сильный стимул был дан к развитию сельского хозяйства.

Сама Германия потеряла 9,4 миллиона человек. Потери ее союзников в боях против советских войск составили: Венгрии – 809 тысяч, Италии – 92 тысячи, Румынии – 475 тысяч, Финляндии – 84 тысячи, Словакии – 67 тысяч человек.

И все же нужно понимать, что Вторая мировая война «перепахала» Восточную Европу несколько раз. Материальные ценности разрушались как наступавшей, так и отступавшей стороной, и чем активнее велись бои, тем значительнее были материальные потери. Война превратила Восточную Европу в огромную развалину, на восстановление которой требовались огромные силы, средства и десятилетия тяжелого труда. Вся эта территория после окончания войны была «великодушно» передана под контроль Советского Союза, который ради ее восстановления снова был вынужден идти к сытому Западу с протянутой рукой, а за излишки его продукции расплачиваться материальными ценностями, отнимая их у собственного народа.

Восстановление Германии происходило высокими темпами. Также довольно быстро с помощью Советского Союза восстанавливались Венгрия и Чехословакия. Несколько медленее этот процесс происходил в Польше, Румынии, Болгарии. Тем не менее к концу 40-х годов все эти страны достигли уровня своего предвоенного развития.

Больше всего «буксовал» Советский Союз, несмотря на то что к концу 40-х годов он уже имел собственную атомную бомбу, а во второй половине 50-х годов начал освоение космоса. На советский народ-победитель в конце 40-х обрушился очередной голод, и кусок хлеба стал счастьем, только к концу 50-х годов были электрифицированы все крупные села на Украине и в Белоруссии, в 60-е годы к ним начали прокладывать дороги с твердым покрытием. В 1965 году в СССР впервые отметили День Победы 9 мая 1945 года как

национальный праздник. Тогда медали «XX лет победы над Германией» были щедрой рукой розданы народу, который видел колбасу на своем столе только по большим праздникам. Ветераны-фронтовики традиционно подняли рюмку «горькой» за Победу и спели фронтовые песни, а утром следующего дня фабричные гудки и призывы бригадиров их снова позвали на предприятия и колхозные поля для того, чтобы наполнять ненасытную копилку Великой Родины и помогать ее многочисленным друзьям в Восточной и Центральной Европе.

Итак, напрашивается вывод, что война между СССР и Германией 1941–1945 годов была подготовлена и спровоцирована третьими силами, во главе которых стоял международный капитализм, корни которого произрастали из США и Великобритании, а ветви находились в различных других странах мира. Война велась с целью передела мира, доступа к источникам сырья и рынкам сбыта. Основной ареной борьбы была выбрана Восточная Европа, но пламя войны также охватило и другие территории, к которым мировой капитал испытывал определенный интерес. Все другие причины войны, особенно идеологические, были названы для того, чтобы объяснить мотивы антагонизма и схватки между конкретными лидерами, в частности, между Адольфом Гитлером и Иосифом Сталиным, между Советским Союзом и фашистской Германией.

Кровью умылась прежде всего Европа. Разрушения, причиненные Великобритании, были весьма незначительные. На территорию Соединенных Штатов не упала ни одна бомба. Уровень послевоенного производства в этих странах вырос в разы. Лидерство США во всем мире на многие десятилетия стало неоспоримым фактом. Это не было прямым итогом вооруженной борьбы на фронтах Второй мировой войны, а стало результатом сложной закулисной возни, которую принято называть БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКОЙ. Именно в этой области И. В. Сталин, победивший А. Гитлера, проиграл третьим силам, которые вершат судьбу мира и до сих пор.

Вместо эпилога

История не терпит сослагательных наклонений, поэтому нужно признавать, что в истории человечества XX века были и А. Гитлер и И. В. Сталин. Неизгладимый след эти личности оставили в истории Германии и Советского Союза. Причем Германия, которую И.В. Сталин победил в 1945 году, пережила Советский Союз, который развалился в 1991 году. Получается, что мечта А. Гитлера сокрушить СССР сбылась и территория некогда гордой и независимой страны стала полем для охоты международного капитала, не питающего никакого уважения ни к ее народу, ни к ее культуре.

Сегодня в мире, да и в самой России, находятся люди, которые ради своих политических или популистских целей личности А. Гитлера и И. В. Сталина ставят на одну планку и предлагают рассматривать их исключительно в негативном свете. Причем о зверствах фашистов на советской земле в последнее время говорят намного меньше, чем о зверствах НКВД и ужасах ГУЛАГа. Выходит, что И. В. Сталин был более опасным врагом для советского народа, чем А. Гитлер?

Как меняются времена! Как меняются нравы! В молчаливом недоумении уходит из жизни поколение россиян, которые на себе испытали все «прелести» гитлеровского «нового порядка», тяготы Великой Отечественной войны и радость Великой Победы. Полузаброшенные братские могилы с упреком смотрят вслед быстро отдаляющимся от них потомкам тех, кто сложил свою голову за Родину и за Сталина.

Да, и за Сталина! Идущему на смерть русскому человеку всегда нужна была икона, на которую можно было бросить последний земной взгляд, и имя, которое можно было прокричать в смертельной атаке. Фронтовики помнят, что в атаки шли с криками «За Родину!», «За Сталина!». Чьи имена будут выкрикивать сегодня, если придется подниматься на последний бой? Хорошо, что еще остается такое понятие, как Родина.

Родина – Российская Федерация – часть бывшего Советского Союза неумолимо скатывается на позиции стран третьего мира. Останавливаются промышленные предприятия,

в зданиях которых открываются торговые центры, банки, рестораны, склады. Чахнут бывшие колхозы, умирает деревня, и увидеть стадо из полсотни коров практически уже невозможно, хотя еще в 70-е годы многие хозяйства имели многотысячные стада крупного рогатого скота. Российский рынок заполнили промышленные и продовольственные товары иностранного происхождения. Официально объявлено, что за последние 20 лет с карты страны исчезло 20 тысяч сел и деревень. Русский народ деградирует и ежегодно вымирает сотнями тысяч. А из самой России по тысячам различных артерий уходит за рубеж сырье: сырая нефть, природный газ, древесина… Победа, о которой и не мог в начале 40-х мечтать Гитлер!!!

Но факт, что Гитлер, проиграв войну Советскому Союзу, нашел свой бесславный конец во дворе имперской канцелярии. Всякие попытки тех, кто пытается развивать эту тему, мне кажутся просто жалкими. Фюрер сыграл свою роль в истории, и ни живой, ни мертвый он ей уже неинтересен. Но интересна сама история Германии второй четверти XX века, ее взлеты и падения, которая могла бы многому научить человечество, если бы оно пожелало ее изучить. Но человечество состоит из поколений, а младшие поколения нередко не хотят понимать старших, желая идти своим путем. И снова говорят о превосходстве одной нации над другой, о праве избранных распоряжаться мировыми богатствами, о праве силы и бесправии слабости… и гремят выстрелы, и льется человеческая кровь.

Я не идеализирую и не оправдываю И. В. Сталина. Его жесткая политика погубила миллионы людей. Ради достижения мифических идей он жертвовал благом собственного народа. Никто не вымарает из книги истории репрессии 30-х годов. Народ страны-победительницы жил бедно, крестьяне, как крепостные, были прикованы к своим колхозам.

В то же время нельзя не признать, что он вытащил разоренную Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войнами страну в ряд ведущих держав мира. Он создал армию, которая сломала хребет фашистской армии, до того поставившей на колени практически всю Европу. При И.В. Сталине СССР стал второй ядерной державой мира и вплотную приблизился к освоению космоса. Десятилетия мы, простые граждане СССР, искренне гордились своей страной, и для ее истории это стоит многого.

Сложной была и личность самого И. В. Сталина. Семьи как таковой у него не существовало, хотя он и был привязан к детям. Но после пленения старшего сына Якова он словно вычеркнул его из своей жизни, и даже известие о его гибели словно не тронуло сердце «стального» отца.

Второй сын Сталина Василий стал военным летчиком в годы войны и быстро сделал служебную карьеру. Победный 1945 год он встретил уже полковником и командиром авиационной дивизии. После войны был командующим авиацией Московского военного округа, дослужился до генерал-лейтенанта. Но реально Василий Иосифович, носивший фамилию Сталин, службой занимался очень мало. По натуре он был игрок и гуляка. Увлекался спортом, но не самой борьбой на спортивной площадке, а тем, что создавал спортивные команды и «болел» за их успехи. С отцом у Василия были сложные отношения. Известно, что Иосиф Виссарионович в гостях у сына был всего один раз, в марте 1951 года, в день его 30-летия. Сын также не часто встречался с отцом. За время Великой Отечественной войны он переступал порог его кремлевского кабинета всего семь раз.

У Василия Сталина сложились напряженные отношения с Л. П. Берией. Позже некоторые исследователи объясняли это исключительно происками коварного Лаврентия Павловича. Но существует и другое мнение. О. С. Смыслов в книге «Василий Сталин. Заложник имени» пишет: «Берия (с 1938 г. – нарком внутренних дел СССР) пресекал вседозволенность Василия. Он докладывал И. В. Сталину о забавах и приключениях его сына. Во-вторых, в отличие от большинства людей, окружавших И. В. Сталина, Л. П. Берия был единственным, кто не считался с близким родством Василия, не пресмыкался перед ним, как многие другие. Очень часто Лаврентий Павлович ставил сына вождя на место. Отсюда и противостояние».

Василий был арестован в апреле 1953 года. Во время следствия физических мер

воздействия к нему не применяли, но он, протрезвев, так испугался, что сам обо всем говорил без умолку.

Женат Василий Сталин был несколько раз. Его первая жена Галина Александровна Бурдонская умерла в начале 90-х, вторая – Екатерина Семеновна, дочь Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, ушла из жизни осенью 1988 года в полном одиночестве в своей огромной четырехкомнатной квартире в Москве на улице Горького. Была и третья – Капитолина Васильева. С женами сына И. В. Сталин в тесный контакт не вступал, но известно, что Капитолине для поддержания бюджета семьи не раз передавал деньги, минуя мужа.

Единственная дочь Светлана, по признанию многих, была любимицей И. В. Сталина. После его смерти и ареста Василия Сталина ее никто не трогал. Тем не менее она написала письмо председателю Совета Министров СССР Г. М. Маленкову, в котором решила отказаться «от некоторых предоставленных моей семье прав, как от излишних, пользоваться которыми я не считаю возможным». В числе отказов были дача «Волынское» с обслуживанием и денежное содержание в размере 4 тысяч рублей в месяц. Затем она выехала за рубеж. Занималась публицистикой, жила на гонорары от писательской деятельности и на пожертвования от частных граждан и организаций.

Теплых родственных отношений между Светланой Аллилуевой и Василием Сталиным, как между сестрой и братом, никогда не было. Василий вел разгульный образ жизни, больше всего интересовался вопросами, отвлеченными от семейных. Светлану же один из знавших ее людей назвал «сущим демоном в монашеской сутане».

Официально у И. В. Сталина было восемь внуков: двое по линии Якова Джугашвили, четверо – по линии Василия Сталина, двое – по линии Светланы Аллилуевой. Позже Светлана вспоминала: «Странно, мой отец из своих восьми внуков знал и видел только троих – моих детей и дочь Яши. Гуля вызывала у него неподдельную нежность. (Дочь Якова Джугашвили и Юлии Мельцер до осени 1943 года воспитывалась в доме И.В. Сталина. – *Авт.*). И еще странней – мой сын, наполовину еврей, сын моего первого мужа (с которым мой отец даже так и не пожелал познакомиться) – вызывал его нежную любовь. Я помню, как я страшилась первой встречи отца с моим Оськой… Отец видел Оську еще раза два – последний раз за четыре месяца до смерти…»

Внуки И. В. Сталина особых родственных отношений между собой не поддерживают. Более того, в последние годы в свете усиления интереса к личности деда отношения между ними стали более холодными. В 1953 году Совет Министров СССР принял постановление об установлении всем внукам И. В. Сталина, в том числе и детям Василия, персональной пенсии до окончания учебных заведений – по 1 тысяче рублей.

От двух первых браков у Василия Сталина было четверо детей. В первом браке с Галиной Александровной Бурдонской родились в 1941 году сын Александр, а в 1943 году – дочь Надежда. От второго брака с Екатериной Семеновной Тимошенко – в 1949 году сын Василий, а в 1950 году – дочь Светлана. Александр Васильевич Бурдонский закончил режиссерский факультет ГИТИСа, десятилетия работал в Театре Советской (Российской) Армии. Надежда Васильевна училась в театральном, но не окончила его. Жила в Грузии, где снова училась, но после третьего курса оставила институт и вернулась в Москву. Она вышла замуж за сына писателя А. А. Фадеева. Умерла в 1999 году. Василий Васильевич учился в институте в Тбилиси. Пристрастился к наркотикам, от чего и умер в 1972 году. Светлана Васильевна болела, долгое время лечилась в психоневрологических лечебницах.

Позже стало известно еще об одном внуке по линии старшего сына Якова Джугашвили – Евгении Яковлевиче. Он не был признан И. В. Сталиным, был совершенно лишен общения с дедом и не признан остальными «легальными» потомками вождя.

Сегодня имя Сталина у разных людей вызывает различные чувства. Одни к нему питают ненависть, другие признают его государственные заслуги, третьи поклоняются, как идолу. У каждого свои аргументы, и за каждым стоит правда. Но проходит время, и одни аргументы перевешивают другие, одна правда заглушает другую.

В 2009 году Центральное телевидение решило провести всероссийский опрос под девизом «Имя твое, Россия». На соискание были выдвинуты сотни имен выдающихся политических деятелей, военачальников, ученых, деятелей культуры. По каждому имени шло публичное обсуждение, в ходе которого прослеживалась четкая демократическая направленность. На второе место по числу голосов вышел И. В. Сталин, незначительно уступив Александру Невскому. В 2010 году, в дни празднования 65-летия Великой Победы, на улицах многих городов, в том числе и Москвы, были установлены портреты И. В. Сталина. Это говорит о многом.

В то же время нужно понимать, что ушедшие из жизни лидеры уже никогда не смогут повести страну и народ к заветной цели, а люди желают жить в сильной и процветающей державе, которая бы любила и заботилась о своих гражданах. Тогда и граждане будут любить и уважать своих вождей. Ведь настоящая любовь должна быть взаимной. Для этого любой человек должен внимательно прислушиваться и присматриваться к власти, а власть в своих заботах о людях должна брать все лучшее из того, чем обладали различные вожди, признанные историей.